РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **доктор исторических наук Н.Н. Аблажей**
Ответственный секретарь **кандидат исторических наук Н.А. Потапова**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2024. № 1 (33)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–8

From the Editor 9–10

Выборы и избирательные системы

М.С. Саламатова. Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов 11–24

Л.В. Кромер. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири 1920-х годов 25–35

В.А. Ильиных. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах 36–48

Т.И. Морозова. «Предоставление… прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских советов в Сибири (октябрь 1924 – март 1925 года) 49–63

Н.Н. Аблажей, А.С. Жанбосинова. «Ситуация стабильная»: выборы в советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года 64–91

Е.А. Игнатьева. Перевыборы Советов в 1928/1929 годах в оценке партийными органами Сибири 92–118

С.А. Папков. Своеобразие и парадоксы избирательной кампании 1937 года 119–129

А.А. Фокин. «Это не требование закона, а сложившаяся традиция», или почему в советском бюллетене был всего один кандидат 130–138

Электорат и не-электорат

Д.Н. Москаленская. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии 139–154

А.А. Кожаева. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы) 155–165

П.Е. Добрачев. Опальные вельможи: протест ссыльных большевиков-оппозиционеров во время перевыборной кампании 1928–1929 годов в Сибири 166–175

М.Ю. Шматов. Электоральное поведение в Западной Сибири (1937–1938 годы): антропологическое измерение 176–186

А.Т. Казбекова. Реакция ссыльных чеченцев на выборы в Верховный Совет СССР 187–200

О.В. Филиппенко. Спецпоселенцы на выборах 1946/1947 годов 201–213

Ведомственные выборы

Н.А. Куперштох. Первые выборы членов Академии наук СССР по Сибирскому отделению 1958 года в документальном отражении 214–226

В.А. Выборнова. Электоральные практики в деятельности Ученого совета Новосибирского государственного университета (1959–1963 годы) 227–237

Д.И. Муренко. Комсомол новосибирского Академгородка и социально-политические аспекты электоральных процессов в устноисторических источниках (1958–1965 годы) 238–250

Красильников С.А. Персональный состав членов АН СССР – РАН по Сибирскому отделению: избрание как признание (1958–2007 годы) 251–264

CONTENTS

From the Editor *(in Rus.)* 7–8

From the Editor 9–10

■ **Elections and Electoral Systems**

M.S. Salamatova. Electoral Corps of Soviet Cities: Problems of Social Identification and Reflection in Electoral Statistics of the 1920s 11–24

L.V. Kromer. Participation of the Komsomol in Elections to Village Councils in Siberia in the 1920s 25–35

V.A. Il'inykh. Elections to the Soviets in the RSFSR under the Conditions of the NEP: Features and Results of Election Campaigns in 1922–1929 36–48

T.I. Morozova. "Granting... the Rights of Broad Democracy" or "a Certain Maneuver of the Communists"? Re-elections of Rural Councils in Siberia (October 1924 – March 1925) 49–63

N.N. Ablazhey, A.S. Zhanbosinova. "The Situation is Stable": Elections to Soviets in the Akmola Province of 1926/1927 64–91

E.A. Ignat'eva. The Campaign 1928/1929 Soviet Union Legislative Re-Election in Evaluation by Party Organization Siberia 92–118

S.A. Papkov. Peculiarities and Paradoxes of the 1937 Election Campaign 119–129

A.A. Fokin. "This is Not a Legal Requirement, but an Established Tradition", or Why There was Only One Candidate on the Soviet Ballot Paper 130–138

■ **Electorate and Non-Electorate**

D.N. Moskalenskaya. Disenfranchised in Post-Soviet Russian Historiography 139–154

A.A. Kozhaeva. Social and Legal Discrimination in the Perception of Persons Deprived of Voting Rights in Novosibirsk (1925–1936) 155–165

P.E. Dobrachev. Disgraced Nobles: Protest of Exiled Bolshevik Oppositionists during the Re-Election Campaign of 1928–1929 in Siberia 166–175

M.Yu. Shmatov. Electoral Behavior in Western Siberia (1937–1938): An Anthropological Dimension 176–186

A.T. Kazbekova. The Reaction of Exiled Chechens to the Elections to the Supreme Soviet of the USSR 187–200

O.V. Filippenko. Special Settlers in the Elections of 1946/1947 201–213

■ **Departmental Elections**

N.A. Kupershtokh. The First Elections of Members of the USSR Academy of Sciences for the Siberian Branch in 1958 in Documentary Reflection 214–226

V.A. Vybornova. Formation of Electoral Practice in the Academic Council of Novosibirsk State University (1959–1963) 227–237

D.I. Murenko. Komsomol of Novosibirsk Akademgorodok and Socio-Political Aspects of Electoral Processes in Oral Historical Sources (1958–1965) 238–250

S.A. Krasilnikov. Personal Composition of Members of the USSR Academy of Sciences – RAS in the Siberian Branch: Election as Recognition (1958–2007) 251–264

2024 · № 1 (33)

Тема номера:

СОВЕТСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: ИНСТИТУТЫ, МЕХАНИЗМЫ, ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ (1917–1991 ГОДЫ)

ОТ РЕДАКТОРА

Тематика данного выпуска посвящена весьма непростой предметной области в отечественной исторической науке, связанной со сферой взаимоотношения институтов власти и общества в советскую эпоху. Несмотря на кажущуюся очевидность роли и значения выборности как института, непрерывно обеспечивавшего и подтверждавшего легитимацию советского государства и его незыблемую массовую поддержку населением страны, внутри самого электорального процесса тем не менее возникали трудности, конфликты и противоречия, которые изредка принимали кризисные формы и превентивно «гасились» действиями партийных и государственных органов. Они достаточно отчетливо проявлялись в первый раннесоветский период, до конца 1920-х гг., однако затем электоральное пространство оказалось предельно зачищенным под покровом «нерушимости блока коммунистов и беспартийных», превратившись в ритуальное действие как со стороны организаторов выборов, так и самого электората. Этот ритуализм бесперебойно действовал вплоть до выборов в Верховный Совет СССР 1989 г., которые впервые после выборов 1917 г. в Учредительное собрание носили пусть и непоследовательный, но альтернативный и конкурентный характер.

Советская избирательная система, процедурно фактически заработавшая в 1920-е гг. после окончания Гражданской войны, безусловно претерпела ряд трансформаций, оставаясь в главной своей цели неизменной – удерживание партийным государством командных высот в управлении и контроле над населением страны. В то же время в 1920-е гг. вплоть до середины 1930-х гг. избирательная система выборов в Советы сохраняла причудливое сочетание черт непропорционального представительства от различных электоральных групп взрослого населения с достаточно архаичным принципом прямого и открытого голосования в ходе проведения выборных собраний. Введение в последующем после принятой в 1936 г. новой Конституции бюллетеней для прямого и тайного голосования по выборам в Советы различных уровней не сопровождалось их альтернативностью (феномен предварительного согласования кандидатур, т.е. «выборов до выборов»). Кроме того, после 1936 г. сохранялись вместо лишения избирательных прав процедуры поражения осужденных судами в их избирательных правах. Контингенты, находившиеся в спецпоселениях, не лишались избирательных прав и участвовали в электоральных процессах, однако реально на их репрессивный статус это влияния не оказывало. В послесталинский период рутинизация электоральных действий находила свое преломление в привычном поведенческом образе действий как норма конформистского сосуществования общества с институтами власти.

Публикации данного выпуска разделены по трем тематическим рубрикам. Первую и своего рода ключевую рубрику «Выборы в Советы и избирательные процедуры» составили статьи и документальные публикации, в которых проанализированы электоральные цели, механизмы и ресурсы их достижения, а также итоги выборов в Советы различных уровней. Приоритет здесь отдан избирательным кампаниям раннесоветской эпохи, когда органы власти методом проб и ошибок определяли пути решения главной задачи – определить надежный электорат и отделить его от «чуждых», «бывших» и других опасных с точки зрения власти контингентов; организовать устойчивость и массовость участия трудящихся в электоральных процессах; обеспечивать прохождение в депутаты необходимых кандидатов; повышать в депутатском корпусе удельный вес коммунистов, комсомольцев и женщин за счет снижения доли беспартийных депутатов и т.д. Однако, как показывают авторы статей, в 1920-е гг. партийно-государственные организаторы кампаний реально сталкивались с проблемой, когда расширение электорального корпуса влекло за собой непредви-

денные последствия на низовом уровне (многочисленные провалы списков кандидатов от власти, протестное голосование против номенклатурных работников и т.д.). Перелом в электоральном поведении основной массы избирателей наступил после 1936 г., когда партийное государство решило проблемы и массовости участия и лояльного поведения электората, что нашло отражение в статьях о предвоенных и послевоенных выборах в советские органы.

Вторая тематическая рубрика «Электорат и не-электорат» посвящена историческим исследованиям – как поведению так называемого правового населения, так и тех слоев постреволюционного социума, которые стигматизировались конституционными установлениями, лишаясь избирательных прав (различные категории «лишенцев»), а также тех специфических советских электоральных групп, которые имели режимный статус спецпоселенцев, однако обладали номинальными избирательными возможностями (участвовать в голосовательных процедурах), что, впрочем, принципиально не меняло их репрессированного положения и невозможности покинуть комендатуры. Группа публикаций, посвященных различным аспектам жизнедеятельности «лишенцев» в раннесоветском обществе, направлена на анализ их поведенческих траекторий – от индивидуальных прошений к власти в стремлении изменить свой дискриминационный статус на правовой до активных публичных протестов сосланных в Сибирь в конце 1920-х гг. сторонников Троцкого. Применительно к характеристикам электорального поведения спецпоселенцев послевоенного времени в публикациях четко и доказательно установлено наличие того определенного баланса интересов обеих сторон – охранительной и подневольной – в согласовании правил режимного поведения, которое в своей основе зиждилось на защитительной платформе конформизма со стороны этнических групп спецконтингента. Хотя сказанное не исключало и некоторых немассовых проявлений протестного поведения в этой среде.

Третья тематическая рубрика «Ведомственные выборы» включила в себя группу публикаций, осуществивших анализ выборных процедур в тех или иных корпоративных средах (научно-образовательные группы), а также выборности в общественных организациях (комсомол). Каждая из проанализированных групп, вне зависимости от ее ведомственной принадлежности, оказывалась включенной в ту или иную номенклатурную категорию, проходя при этом через процедуры выдвижения и избрания, т.е. включения в нее. Поскольку выборность протекала в контексте определенной, хотя и непоследовательной демократизации социально-политической жизни периода «оттепели», то это коснулось до некоторой степени и избирательных процедур. В частности это коснулось корпоративной научной и преподавательской среды, где вертикально сложившиеся иерархические отношения хотя и воспроизводились с достаточной устойчивостью, однако появлялись новые каналы и возможности профессионального карьерного роста (выборы по квотам для Сибирского отделения Академии наук) и конкурентного отбора на новые вакансии. Ростки низовой демократизации в противовес номенклатурным технологиям показаны на случаях протеста против принципа назначенчества в комсомольской среде новосибирского Аакадемгородка периода его становления.

Публикации номера содержат новый и важный эмпирический материал и его осмысление в области электоральных процессов советской эпохи.

Выпускающий редактор:
доктор исторических наук
Наталья Николаевна Аблажей

Выпускающий редактор **доктор исторических наук Н.Н. Аблажей**
Ответственный секретарь **кандидат исторических наук Н.А. Потапова**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

2024 · No. 1 (33)

The Theme of the Issue:

SOVIET ELECTORAL SYSTEM: INSTITUTIONS, MECHANISMS, ELECTORAL BEHAVIOR OF THE POPULATION (1917–1991)

FROM THE EDITOR

The topic of this issue is devoted to a very difficult subject area in Russian historical science, related to the sphere of relationship between the institutions of power and society in the Soviet era. Despite the apparent obviousness of the role and significance of electivity as an institution that continuously ensured and confirmed the legitimation of the Soviet state and its unshakable mass support by the population of the country, difficulties, conflicts and contradictions nevertheless arose within the electoral process itself, which occasionally took crisis forms and were preventively "extinguished" actions of party and government bodies. They manifested themselves quite clearly in the first early Soviet period, until the end of the 1920s, but then the electoral space turned out to be extremely cleared under the cover of the "inviolability of the bloc of communists and non-party members," turning into a ritual action on the part of both the election organizers and the electorate itself. This ritualism operated uninterruptedly until the elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1989, which for the first time since the 1917 elections to the Constituent Assembly were, albeit inconsistent, but alternative and competitive in nature.

The Soviet electoral system, which actually started working procedurally in the 1920s. after the end of the Civil War, it certainly underwent a number of transformations, remaining unchanged in its main goal - the retention by the party state of commanding heights in management and control over the population of the country. At the same time in the 1920s. until the mid-1930s. The electoral system for elections to the Soviets retained a bizarre combination of features of disproportionate representation from various electoral groups of the adult population with the rather archaic principle of direct and open voting during election meetings. Subsequently, after the new Constitution adopted in 1936, the introduction of ballots for direct and secret voting for elections to Councils of various levels was not accompanied by their alternativeness (the phenomenon of preliminary approval of candidates, i.e. "elections before elections"). In addition, after 1936, instead of depriving people of voting rights, procedures for denying those convicted by courts their voting rights were maintained. The contingents located in special settlements were not deprived of voting rights and participated in the electoral processes, but in reality this did not have an impact on their repressive status. In the post-Stalin period, the routinization of electoral actions found its refraction in the usual behavioral mode of action as the norm of conformist coexistence of society with the institutions of power.

The publications in this issue are divided into three thematic sections. The first and kind of key section, "Elections to Councils and Electoral Procedures," consisted of articles and documentary publications that analyzed electoral goals, mechanisms and resources for achieving them, as well as the results of elections to Councils at various levels. Priority here is given to the election campaigns of the early Soviet era, when the authorities, through trial and error, determined ways to solve the main task - to identify a reliable electorate and separate it from "alien", "former" and other contingents dangerous from the point of view of the authorities; organize the sustainability and mass participation of workers in the electoral processes; ensure the passage of the necessary candidates to deputies; increase the proportion of communists, Komsomol members and women in the deputy corps by reducing the proportion of non-party deputies, etc. However, as the authors of the articles show, in the 1920s, party-state organizers of campaigns

actually faced a problem when the expansion of the electoral corps entailed unforeseen consequences at the grassroots level (numerous failures of lists of government candidates, protest voting against nomenklatura workers, etc.). The turning point in the electoral behavior of the bulk of voters came after 1936, when the party state solved the problems of mass participation and loyal behavior of the electorate, which was reflected in articles about pre- and post-war elections to Soviet bodies.

The second thematic section “Electorate and non-electorate” is devoted to historical research as the behavior of the so-called. legal population, and those layers of post-revolutionary society that were stigmatized by constitutional provisions, deprived of voting rights (various categories of “disenfranchised”), as well as those specific Soviet electoral groups that had the regime status of special settlers, but had nominal electoral opportunities (participate in voting procedures), which, however, did not fundamentally change their repressed position and inability to leave the commandant’s office. A group of publications devoted to various aspects of the life of “disenfranchised” in early Soviet society is aimed at analyzing their behavioral trajectories - from individual petitions to the authorities in an effort to change their discriminatory status to a legal one to active public protests of those exiled to Siberia in the late 1920s. supporters of Trotsky. In relation to the characteristics of the electoral behavior of special settlers of the post-war period, the publications clearly and conclusively established the presence of a certain balance of interests of both sides - the protective and the captive - in agreeing on the rules of regime behavior, which was basically based on a protective platform of conformity on the part of the ethnic groups of the special contingent. Although the above did not exclude some non-mass manifestations of protest behavior in this environment.

The third thematic section “Departmental Elections” included a group of publications that analyzed election procedures in certain corporate environments (scientific and educational groups), as well as elections in public organizations (Komsomol). Each of the analyzed groups, regardless of its departmental affiliation, found itself included in one or another nomenclature category, passing through the procedures of nomination and election, that is, inclusion in it. Since the election took place in the context of a certain, albeit inconsistent democratization of social and political life during the “thaw” period, this also affected the electoral procedures to some extent. In particular, this affected the corporate scientific and teaching environment, where the vertically established hierarchical relationships, although they were reproduced with sufficient stability, new channels and opportunities for professional career growth appeared (elections based on quotas for the Siberian Branch of the Academy of Sciences) and competitive selection for new vacancies. The sprouts of grassroots democratization as opposed to nomenklatura technologies are shown in cases of protest against the principle of appointment in the Komsomol environment of the Novosibirsk academic town during its formation.

The publications in the issue contain new and important empirical material and its understanding in the field of electoral processes of the Soviet era.

Executive editor:
Doctor of Historical Sciences
Natalia Nikolaevna Ablazhey

Executive editor **Doctor of Historical Sciences N.N. Ablazhey**
Executive secretary **Candidate of Historical Sciences N.A. Potapova**
Corrector **T.V. Soboleva**
Layout designer **V.V. Vvedenskiy**
Web designer **K.A. Vasil’ev**

М.С. Саламатова*

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ КОРПУС СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ОТРАЖЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ 1920-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-1
УДК. 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Саламатова М.С. Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 11–24. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-01.pdf

M.S. Salamatova*

ELECTORAL CORPS OF SOVIET CITIES: PROBLEMS OF SOCIAL IDENTIFICATION AND REFLECTION IN ELECTORAL STATISTICS OF THE 1920S

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-1

How to cite:
Salamatova M.S. Electoral Corps of Soviet Cities: Problems of Social Identification and Reflection in Electoral Statistics of the 1920s // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 11–24. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-01.pdf]

Abstract. Soviet electoral statistics of the 1920s. in addition to information about the progress and results of elections, it contained indicators that reflected socio-economic and political processes, and its quality largely determines ideas about society and Soviet bodies. The article analyzes the size and structure of the urban electoral corps of the 1920s. in relation to census data of 1923 and 1926. Analysis of census data and election statistics revealed significant discrepancies (overstatement of the number of workers by 14 %, understatement of the number of employees by 26 %, and small town owners by 45 %). The reasons for the distortion of electoral statistics were the artificial construction of the electoral corps, which did not reflect the real social structure of society, continuous changes in the criteria for recording various groups of voters and pressure on election organizers to achieve high rates of participation of the proletarian strata. Soviet electoral statistics reflected the general problems characteristic of statistical accounting in the country in the 1920s and 1930s, providing distorted data for decision-making based on ideologically formed indicators and a schematic vision of social processes by the country's leadership, which led to erroneous decisions in various fields.

Keywords: electoral corps, election statistics, voters, urban population, social structure, Soviet electoral system, Soviet elections.

The article has been received by the editor on 12.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Советская электоральная статистика 1920-х гг., помимо сведений о ходе и итогах выборов, содержала показатели, отражавшие социально-экономические и политические процессы, и ее качество в значительной мере определяет представления об обществе и советских органах. В статье проанализирована численность и структура городского электорального корпуса 1920-х гг. в соотношении с данными переписей 1923 и 1926 гг. Анализ данных переписей и избирательной статистики выявил значи-

* **Марина Сергеевна Саламатова,** кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: salamatova.m@mail.ru
Marina Sergeevna Salamatova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: salamatova.m@mail.ru

тельные расхождения (завышение численности рабочих на 14 %, занижение численности служащих на 26 % и мелких хозяев города на 45 %). Причины искажения электоральной статистики: искусственное конструирование электорального корпуса, не отражавшее реальной социальной структуры общества, непрерывные изменения в критериях учета различных групп избирателей и давление на организаторов выборов для достижения высоких показателей участия пролетарских слоев. Советская электоральная статистика отражала общие проблемы, характерные для статистического учета в стране в 1920-е и 1930-е гг., давая искаженные данные для принятия решений, основанных на идеологически сформированных показателях и схематичном видении общественных процессов руководством страны, приводивших к принятию ошибочных решений в различных сферах.

Ключевые слова: электоральный корпус, избирательная статистика, избиратели, городское население, социальная структура, советская избирательная система, советские выборы.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.

Отправной точкой изучения электоральных процессов в обществе, особенностях электорального поведения является представление об избирательном корпусе – его численности и структуре. Тем более значимым это представляется для раннесоветского общества, поскольку советская электоральная статистика 1920-х гг., в отличие от современной, помимо собственно сведений о ходе и итогах выборов, содержала показатели, отражавшие социально-экономические и политические процессы, соответственно ее качество в значительной мере определяет наши представления о советских органах и обществе 1920-х гг. Хотя проблемы качества советской статистики неоднократно становились предметом изучения в отечественной и зарубежной литературе[1], качество электоральной статистики в значительно меньшей степени исследовано и осознано как проблемное поле. Как в советской, так и современной историографии она затрагивается как одна из технических проблем организации выборов и учета избирателей[2]. Поскольку представления о советских выборах и органах управления основываются именно на избирательной статистике, важно определить, насколько они были достоверными, какие реальные процессы отражали и какие пытались скрыть. В настоящей публикации предпринимается попытка проанализировать численность и структуру городского корпуса избирателей 1920-х гг., определить соотношение с социальной структурой общества, отраженной в статистике.

Структура городского населения и проблемы его социальной идентификации в 1920-е гг. Несмотря на немногочисленность городского населения в РСФСР (по переписи 1926 г. – 17,4 млн чел., около 18 %)[3], исход выборов в городские Советы был чрезвычайно важным для большевиков, позиционировавших себя как партию «авангарда пролетариата». Проблема определения социальной структуры городского населения стала неотъемлемой частью внутрипартийных дискуссий, аргументом для проведения политических реформ и «чисток» государственного аппарата на протяжении 1920-х гг. Отнесение того или иного слоя населения к «пролетариату», «полупролетариату» или «буржуазии» было принци-

[1] *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006; *Тольц М.С.* Статистика как инструмент политики Советского Союза // Социологический журнал. 2003. № 4; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1: 1900–1939; *Blum A.* Statistique, démographique et politique: Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939). Paris, 1998.

[2] *Андреев В.П.* Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990. С. 137–139; *Корчагин Д.М.* Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С. 87; *Ящук Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск, 2007. С. 224.

[3] Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки: в 10 т. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927–1929. Т. 9. С. 2–13.

пиально для власти при формировании Советов и определении маркеров «социально близких» и «социально чуждых», границы которых были чрезвычайно подвижными на протяжении 1920-х гг.

Как выглядела структура самодеятельного населения городов в 1920-е гг.? Переписи городского населения 1923 и 1926 гг. позволяют определить социальную структуру городского населения следующим образом: в 1923 г. число рабочих в РСФСР составляло 1 693 874 чел. (26 %), в 1926 г. – 2 330 950 чел. (29,5 %); служащих – 1 711 704 чел. (26,2 %), в 1926 г. – 2 168 473 чел. (27,5 %). Хозяев всех категорий с помогающими членами семей (с наемными рабочими, не нанимающих работников и работающих индивидуально) в 1923 г. было 1 272 244 чел. (19,5 %), в 1926 г. – 1 706 232 чел. (21,5 %). Довольно значительные группы горожан были учтены как безработные (в 1923 г. – 688 331 чел. (10,6 %) и в 1926 г. – 656 521 чел. (8,3 %) и иждивенцы государственных и общественных учреждений (в 1923 г. – 589 473 чел. (9 %), в 1926 г. – 816 152 чел. (10,3 %)). Также весьма значительной была группа, не пожелавшая указать источники своего существования (в 1923 г. – 408 262 чел. (6,3 %), в 1926 г. – 47 526 чел. (0,6 %))[4].

Таким образом, в 1920-е гг. правящая партия могла отнести к пролетарским «социально близким» слоям не более трети горожан. Но и применительно к рабочим велись внутрипартийные дискуссии об идентификации «настоящего пролетариата» – авангарда социалистического переустройства, обладавшего «революционным» сознанием, на который партия могла опереться[5]. Не вдаваясь в подробности дискуссии о соотношении различных групп в структуре пролетариата после революции[6], отметим актуальность этих оценок применительно к 1920-м гг. Большевики, постоянно проводившие переписи и обследования рабочего класса в 1920-е гг., хотели понимать, какие слои являлись безусловной опорой режима и могли выступить основой построения социалистического общества. Советские статистики относили к «ядру» пролетариата около трети рабочих[7]. Оценки советских статистиков по большей части совпадают с оценками современных исследователей. Так, А.Н. Федоров, выделяя в качестве основного критерия отнесения к рабочему классу «устойчивость сферы применения профессиональных навыков и, в частности, постоянную занятость на промышленных предприятиях»[8] и не учитывая другие признаки, такие как «квалификацию труда, потомственность происхождения, степень ассимиляции в городскую культуру, уровень сознательности»[9], относит к ядру пролетариата Центрального Промышленного района около 35 % рабочих, остальные сохранили тесные связи с деревней (являлись отходниками либо покидали город и выполняли часть сельскохозяйственных работ)[10]. В.Б. Жиромская, не используя понятия «ядра» пролетариата, исходя из результатов переписей 1923 и 1926 гг. выделяет категорию «квалифицированных рабочих» на крупных предприятиях и относит к ней около 35–40 % рабочих[11].

Еще более непростая ситуация с идентификацией категории «служащих» – чрезвычайно разнородной группой, определяемой в советской статистике как «лица умственного труда, наемные работники, занимавшиеся физическим трудом, работа которых не была

[4] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Труды ЦСУ СССР. 1924. Т. 20. Ч. 2. С. 46–47; Вып. 3. С. 18–35; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 26. С. 120–160, 162.

[5] *Федоров А.Н.* Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920-х гг. (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 77–79.

[6] *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Изменения социальной структуры советского общества (Окт. 1917–1920 гг.). М., 1976; *Поляков Ю.А.* Население советской страны после окончания гражданской войны и иностранной военной интервенции. М., 1987; *Rosenberg W.G.* Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921. Bloomington, 1997. P. 633–644.

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 88.

[8] *Федоров А.Н.* Реальная опора советской власти… С. 78.

[9] *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России… С. 29.

[10] *Федоров А.Н.* Реальная опора советской власти… С. 79.

[11] *Жиромская В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 108–110.

связана с производством или транспортированием материальных ценностей»[12]. В переписи категория «служащих» включала старший, средний и младший персонал: под старшим персоналом понимались «служащие, занятые высококвалифицированным умственным трудом во всех отраслях хозяйства – на производстве, в здравоохранении, просвещении, управлении», которых можно отнести собственно к интеллигенции[13]. Статистика учитывала две группы интеллигенции: служащих в составе госаппарата и лиц свободных профессий, совокупно они не превышали 6 % городского населения РСФСР[14]. Помимо интеллигенции, Л.К. Каримова в группе «служащих» выделяет «лиц, выполняющих административно-хозяйственные и управленческие функции (торговые и конторские работники), госслужащих – занимавших за вознаграждение должность в государственных органах, учреждениях и организациях»[15]. В.Б. Жиромская отмечает, что основная масса служащих работала в государственных учреждениях, фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности, торговле, на железнодорожном транспорте, местном транспорте и строительстве, при этом среди «служащих» преобладали сотрудники госучреждений, составляя в 1923 г. 48,2 %, в 1926 г. их удельный вес сократился до 42 %[16].

Помимо рабочих и служащих, в составе городского населения переписи выделяли многочисленные группы, которые исследователи идентифицируют как «непролетарское население» городов. Наиболее значимой по численности была группа хозяев, она включала: 1) хозяев с наемными рабочими (эта группа насчитывала в РСФСР в 1923 г. 27 563 чел., в 1926 г. – 56 128 чел.); 2) хозяев, работавших только с членами семьи (в 1923 г. – 263 984 чел., в 1926 г. – 407 403 чел.); 3) хозяев-одиночек (в 1923 г. – 555 919 чел., в 1926 г. – 620 471 чел.)[17]. Первая группа включала владельцев различных торговых, промышленных предприятий, ремесленных заведений с наемной рабочей силой, подрядчиков строительных работ и т.п. Эту группу власть идентифицировала как нэпманов и она была крайне немногочисленной, составляя около половины процента в самодеятельном населении советских городов. К предпринимательским слоям также можно отнести часть хозяев, работающих только с членами семьи, занятых в торговле: они владели лавками, трактирами, чайными и т.д. Наиболее многочисленную группу горожан, «живших на нетрудовые доходы», составляли рантье (в переписи обозначавшиеся как «рантьеры») – они жили за счет сдачи в наем домовладений, составляя 1,3 % населения городов. В целом В.Б. Жиромская определяет численность предпринимательских групп в 2 % городского населения (всего около 130 тыс. чел. в 1923 г. и 170 тыс. в 1926 г.)[18].

Традиционные слои городского населения – ремесленники, кустари, извозчики, полукрестьянское население, проживавшее в черте города или пригороде, и занимавшиеся сельскохозяйственным трудом (садоводством, огородничеством) – составляли вместе с членами своих семей наиболее значительную часть непролетарского населения городов. Данные переписей позволяют определить их численность в 1923 г. в 1 млн 225 тыс. чел. (18,8 % городского населения)[19], в 1926 г. – 1 млн 650 тыс. чел. (20,8 %)[20].

В целом, как многократно констатировали исследователи, теоретические марксистские схемы о социалистическом обществе не соответствовали реалиям послереволюционного

[12] Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки… Т. 9. С. 7.
[13] *Жиромская В.Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М., 2019. С. 130.
[14] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. … Т. 20. Вып. 1. Ч. 2. С. 46–47; Вып. 3. Ч. 2. С. 26–31; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 328–330.
[15] *Каримова Л.К.* Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е г. (социально-демографический анализ): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 16.
[16] *Жиромская В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг. … С. 141.
[17] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. … Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. С. 18–35; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года… Т. 26. С. 120–160, 162.
[18] *Жиромская В.Б.* После революционных бурь… С. 127–135.
[19] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. … Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. С. 18–35; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441.
[20] Всесоюзная перепись населения 1926 года… Т. 26. С. 120–160, 162.

общества[21]. Переписи городского населения 1920-х гг. показывают, что социальный состав советских городов был далек от схематических представлений и включал большое количество трудно идентифицируемых социальных групп с точки зрения марксистской теории – промежуточных между пролетариатом и мелкобуржуазными слоями.

Как соотносилась сложная структура городского населения послереволюционного периода с электоральным корпусом в РСФСР в рассматриваемый период?

Структура городского электорального корпуса 1920-х гг. Проведение выборов в городах по производственному и территориальному принципу предопределило деление избирателей на «организованных» и «не организованных» в трудовые коллективы. К числу «организованных» в коллективы относились рабочие и служащие, состоявшие в профсоюзах, и красноармейцы. Для них собрания проводились по месту работы или службы. В статистических сборниках группы именовались «организованные в профсоюзы» и «не организованные в профсоюзы».

Попытка оценить численность различных групп избирателей в первой половине 1920-х гг. серьезно осложняется низким качеством избирательной статистики и особенностями учета избирателей. Можно выделить три основные проблемы, связанные с дефектностью статистики: 1) отсутствие сведений о выборах в значительной части городов; 2) недоучет различных категорий избирателей; 3) постоянные изменения показателей электоральной статистики.

Одной из основных проблем электоральной статистики первой половины 1920-х гг. стало отсутствие сведений о выборах в значительной части городов, обусловленное низкой дисциплиной губернских отделов управления – территориальных подразделений НКВД, занимавшихся организацией выборов на местах. Многие города игнорировали указания центральных и высших советских органов и не предоставляли сведения об итогах выборов[22]. Данные по выборам в городские советы в 1920 г. представили в НКВД 122 города и поселка городского типа, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 94, в 1923 г. – 212, в 1924 г. – 305[23]. Ситуация принципиально изменилась только в середине 1920-х гг., когда качеству учета данных на выборах стало уделяться больше внимания, руководство выборами было передано Центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК, сведения стали представляться по большинству существовавших в то время городов, в кампанию 1925/1926 гг. данные учтены по 365 городам, в 1926/1927 гг. – 584, 1928/1929 гг. – 709, 1930/1931 гг. – 659 городам[24].

Электоральная статистика 1920-х гг. показывает существенные колебания различных групп избирателей. По данным наркомата внутренних дел, «неорганизованное население» в городах в 1920 г. составляло 3,9 %, в 1921 г. – 16,3 %, в 1922 г. – 10,9 %, в 1923 г. – 42,5 %, в 1924 г. – 44,2 %[25]. В последующие избирательные кампании второй половины 1920-х гг. показатели численности неорганизованного населения стабилизируются на уровне 42–44 %, в кампанию 1925/1926 гг. число «неорганизованных» избирателей составило 44,4 %, в 1926/1927 гг. – 41,5 %, в 1928/1929 гг. – 44,2 %[26]. Аналогичные процессы наблюдались и в динамике «организованных в профсоюзы» избирателей и красноармейцев. В 1920 г. членов профсоюза среди избирателей насчитывалось 59 %, в 1921 г. – 70,1 %, в 1922 г. –

[21] *Воробьев С.В.* Власть и социальное конструирование советского общества в 1920-е – 1930-е годы: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 506–515; *Соколов А.К.* Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 54–60; *Федоров А.Н.* Реальная опора советской власти… С. 69–86; *Жиромская В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг. … С. 29–30, 34.

[22] Подробнее см.: *Саламатова М.С.* Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. № 2 (28). С. 103–104.

[23] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. (городские советы, сельские советы, волсъезды, волисполкомы) / под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова. Статистический сборник. М., 1926. С. 1.

[24] Там же. С. 2.

[25] Там же. С. 41.

[26] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. Выборы в городские советы. Статистический сборник. М., 1930. С. 44.

72,3 %, в 1923 г. – 51,9 %, в 1924 г. – 51,9 %, в 1926 г. – 50,8 %. Численность красноармейцев в городском электоральном корпусе снизилась с 37,1 % в 1920 г. до 3,9 % в 1929 г. Во второй половине 1920-х гг. численность основных групп избирателей стабилизируется, что отражало и относительную стабилизацию электоральных показателей и подходов к организации избирательных кампаний. Данные общероссийской статистики подтверждаются и анализом первоначальных данных выборов в городские советы, поступавших в НКВД в первой половине 1920-х гг.

В 1930 г. произошла смена показателей, в группу «организованных» по профсоюзам избирателей стали учитываться учащиеся (ранее учитывались в группу «неорганизованных») и красноармейцы (ранее выделялись в отдельную группу), включение этих групп позволило власти показать рост «организованных» избирателей в структуре городского населения до 61,8 % и сокращение непролетарских слоев. В кампанию 1934/1935 гг. в статистических сборниках отсутствуют сведения об электоральном корпусе, только о составе Советов и съездов различных уровней[27].

Таблица 1

Состав городских избирателей 1920–1931 гг., %*

Избирательные кампании, год	Категории избирателей		
	Члены профсоюзов	Неорганизованное население	Красноармейцы
1920	59,0	3,9	37,1
1921	70,1	16,3	13,6
1922	72,3	10,9	16,8
1923	51,9	42,5	5,6
1924/1925	51,3	44,2	4,5
1925/1926	50,8	44,4	4,8
1926/1927	53,4	42,5	4,1
1928/1929	51	45,1	3,9
1930/1931**	61,8	38,2	Нет сведений

* *Таблица составлена с использованием данных*: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 13–19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … С. 41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 44–45; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 гг. Статистический сборник. М., 1931. С. 86–87.

** В 1930/1931 гг. произошла смена учета показателей, в группу «организованных по профсоюзам» избирателей учитывались учащиеся (ранее учитывались в группу «неорганизованных») и красноармейцы (ранее выделялись в отдельную группу).

Несмотря на все изъяны электоральной статистики, просматриваются две основные тенденции, характерные для городского электорального корпуса 1920-х гг.: кратное уменьшение группы «красноармейцев» в первой половине 1920-х гг. и рост численности группы «неорганизованных» в профсоюзы избирателей во второй половине 1920-х гг. Снижение доли красноармейцев в электоральном корпусе стало закономерным следствием прошедшей демобилизацией после окончания Гражданской войны, увеличение «неорганизованных» избирателей обусловлено двумя основными причинами: организационными – до 1925 г. собрания не проводились, эти слои во многих городах автоматически исключались из состава избирательного корпуса, повсеместное проведение избирательных собраний для «неорганизованных» избирателей произошло только после массовой отмены выборов 1924 г., и техническими – плохо налаженным учетом избирателей[28]. В 1930-е гг. можно отметить тенденцию роста «организованных» в коллективы избирателей за счет включения

[27] Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М., 1935.
[28] ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 23–25.

учащихся и красноармейцев, ранее учитывавшихся в других категориях, а также реального увеличения рабочих на новых предприятиях.

Как соотносились группы «организованных» и «не организованных» в профсоюзы избирателей в различных городах? Электоральная статистика фиксирует зависимость соотношения различных групп избирателей от типа города: чем крупнее город, тем больше группа «организованных» по профсоюзам избирателей и красноармейцев. В 1925/1926 гг. в небольших провинциальных городах до 5 тыс. жителей, членов профсоюзов насчитывалось только 40,8 %, красноармейцев – 2,7 %, а «не организованных» по профсоюзам избирателей – 56,5 %; в городах с численностью более 50 тыс. жителей ситуация была прямо противоположная: членов профсоюзов – 51,6 %, красноармейцев – 6,0 % и «не организованных» в профсоюзы – 42,4 %[29].

При этом в РСФСР преобладали небольшие по численности города до 20 тыс. жителей: до 5 тыс. жителей – 136 городов (25,3 %), от 5 до 10 тыс. жителей – 156 городов (29,0 %), от 10 до 20 тыс. жителей – 135 городов (25,1 %), от 20 до 50 тыс. жителей – 60 городов (11,1 %), от 50 до 100 тыс. жителей – 38 городов (7,1 %), свыше 100 тыс. жителей – 13 городов (2,4 %)[30]. Такая структура городов заведомо создавала проблемы большевикам для избрания лояльных власти Советов с преобладанием рабочих в небольших городах.

Таблица 2

Состав избирателей по группам различных по численности городов в избирательную кампанию 1925/1926 гг., %*

Группы городов	Группы избирателей			
	члены профсоюзов	не организованные по профсоюзам избиратели	красноармейцы	всего
До 5 тыс. жителей	40,8	56,5	2,7	100
От 5 до 10 тыс. жителей	46,4	50,0	3,6	100
От 10 до 20 тыс. жителей	52,1	44,7	3,2	100
От 20 до 50 тыс. жителей	51,9	43,6	4,5	100
Свыше 50 тыс. жителей	51,6	42,4	6,0	100
По всем городам	50,8	44,4	4,8	100

* *Таблица составлена с использованием данных:* Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … С. 42–46.

Как выглядела численность и структура «организованных» по коллективам избирателей? После стабилизации структуры электорального корпуса в 1924 г. доли «организованных» и «неорганизованных» избирателей оставались практически неизменными. Во второй половине 1920-х гг. «организованные по трудовым коллективам» избиратели составляли в городском электоральном корпусе немногим более половины (от 51 до 53 % – члены профсоюзов и от 3,9 до 4,5 % – красноармейцы), в абсолютных показателях численность этой группы составляла: в 1925/1926 гг. – 2 048 662 чел., в 1926/1927 гг. – 4 634 463 чел., в 1928/1929 гг. – 5 060 726 чел. Изменение численности избирателей преимущественно не было связано с реальными изменениями, а обусловлено улучшением качества статистики: в 1925/1926 гг. данные учитывались по 330 городам, в 1926/1927 гг. – по 584 городам, в 1928/1929 гг. – по 709 городам.

Развернутое представление о структуре «организованных» избирателей дает электоральная статистика второй половины 1920-х гг. Так, в кампанию 1925/1926 гг. доля красноармейцев составляла 7,8 %, членов профсоюзов – 92,2 %; в 1926/1927 гг. красноармейцев – 6,9 %, членов профсоюзов – 93,1 %; в 1928/1929 гг. красноармейцев – 7,1 %, членов проф-

[29] Подробно состав избирателей по различным типам городов разрабатывался только в статистике кампании 1925/1926 гг., в последующие кампании учитывалось участие избирателей в различных типах городов.
[30] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. … С. 39.

союзов – 92,9 %. Доли избирателей в профсоюзах также оставались стабильными во второй половине 1920-х гг.: наиболее крупными были текстильщики (12,3 %), металлисты (12 %), совторгслужащие (10,4 %), железнодорожники (9,3 %), строители (5,6 %), работники просвещения (4,1 %), Всемедикосантруд[31] (4,7 %)[32].

Выборная статистика второй половины 1920-х гг. также содержит сведения о соотношении рабочих и служащих в электоральном корпусе[33]: в кампанию 1926/1927 гг. рабочих насчитывалось 2 701 346 чел. (62,7 %), служащих – 1 610 385 чел. (37,3 %); в 1928/1929 гг. рабочих – 3 070 910 чел. (65,3 %), служащих – 1 631 637 чел. (34,7 %)[34]. Наибольшее число служащих было среди членов профсоюзов совторгслужащих (92 %), работников просвещения (91,7 %), работников искусства (82,3 %) и Всемедикосантруд (79,2 %), в остальных профсоюзах число служащих колебалось от 5,7 до 22 %, наименьшее число служащих было в профсоюзах: текстильщиков – 5,7 %, швейников – 9,6 %, кожевников – 10,5 %, деревообделочников – 14,3 %, химиков – 14,4 %, горнорабочих – 14,6 % и металлистов – 15 %[35].

Таблица 3

Структура «организованных» в профсоюзы избирателей и красноармейцев (1926–1929 гг.) в городах РСФСР*

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %	численность,чел.	доля среди «организованных» избирателей, %
Профсоюзы				
Металлисты	518 285	11,3	609 234	12
Горнорабочие	80 876	1,7	103 512	2
Деревообделочники	74 415	1,6	83 299	1,7
Строители	240 096	5,2	282 571	5,6
Химики	104 699	2,3	132 812	2,6
Кожевники	74 446	1,6	91 276	1,8
Текстильщики	551 534	11,9	622 282	12,3
Швейники	41 116	0,9	64 627	1,3
Печатники	75 025	1,6	83 233	1,6
Бумажники	16 540	0,36	18 582	0,4
Пищевики и сахарники	213 201	4,6	199 166	4
Местный транспорт	83 572	1,8	76 681	1,5
Железнодорожники	505 949	10,9	472 412	9,3
Водники	64 795	1,4	62 417	1,2
Нарсвязь	62 263	1,3	54 627	1,1
Совторгслужащие	572 706	12,4	525 087	10,4
Работники просвещения	234 318	5,1	203 789	4,1
Работники искусств	49 357	1,1	50 770	1

[31] Всероссийский союз рабочих и служащих лечебно-санитарных учреждений.
[32] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 44–53.
[33] Статистические сборники до 1926 г. содержат сведения только о соотношении рабочих и служащих в составах городских Советов.
[34] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 47–49.
[35] Данные рассчитывались по кампании 1928/1929 гг. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 47–49.

Окончание табл. 3

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %
Всемедикосантруд	235 726	5,1	237 726	4,7
Рабземлес	112 935	2,4	129 902	2,6
Нарпит	143 594	3,1	155 363	3
Комхоз	163 634	3,5	155 503	3
Не распределено по профсоюзам	92 649	2	287 676	5,7
Итого членов профсоюзов (включая нераспределенных по профсоюзам)	4 311 731	93,1	4 702 547	92,9
Красноармейцы	322 732	6,9	358 179	7,1
Итого	4 634 463	100	5 060 726	100

[*] Данные рассчитывались по кампаниям 1926/1927 гг. и 1928/1929 гг., в кампанию 1925/1926 представлены ограниченные данные по 8 профсоюзам. См.: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 44–53.

Возвращаясь к вопросу о соотношении электорального корпуса и структуры городского населения, отметим наличие существенных несоответствий. При сравнении данных переписи 1926 г. с данными статистического сборника избирательной кампании 1926/1927 гг. обнаруживаем заметные расхождения: число рабочих в электоральном корпусе составляло 2 701 346 чел., а по переписи только 2 330 950 чел., завышение численности рабочих составило 371 тыс. чел. (14 %). Прямо противоположная ситуация наблюдалась со служащими: в избирательной статистике фиксировалось 1 610 385 чел. (по переписи 2 168 473 чел.), занижение численности составило 558 тыс. чел. (около 26 %).

Было ли искажение электоральной статистики сознательным со стороны организаторов выборов на местах? Анализ архивных материалов не дает однозначного ответа. С одной стороны, высшие и центральные советские органы (ВЦИК и Центризбирком) не давали подобных указаний, напротив, начиная с кампании 1925 г. на проводимых совещаниях, рассмотрении отчетов акцент делался на представлении достоверной отчетности[36]. С другой стороны, партийные органы в предвыборных директивах формулировали категорические императивы о Советах как об органах пролетарской диктатуры, о повышении активности участия рабочих, об избрании в Советы именно рабочих. Отношение же к служащим, напротив, было крайне настороженным, которых терпели, но не относили к социально близким слоям. Поэтому выскажем гипотезу: организаторы на местах, пытаясь воплотить в жизнь указания о пролетарском характере власти – продемонстрировать высокий уровень участия рабочих на выборах, в ситуации учета разных категорий на единых собраниях на предприятиях часть служащих учитывали как рабочих. Также возможен учет части кустарей, состоявших в профсоюзах или кооперативах, как рабочих[37]. Давление на организаторов выборов на местах было скорее общеполитическим, и, стремясь выполнить показатели по числу участников рабочих и избранных рабочих, в электоральной статистике указывались недостоверные сведения.

[36] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 138–148; Совещание по вопросам советского строительства (январь 1925 г.). М., 1925. С. 37–84; Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925. С. 87; Итоги работ Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 3; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 73–112; Всесоюзное совещание по перевыборам Советов в 1929 г. Извлечения из стенографического отчета (9–11 октября 1928 г.). М., 1928. С. 33–36.

[37] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 102–105.

Вторая группа избирателей в советской статистике – «не организованные по профсоюзам» избиратели. Ключевым для большевиков стало определение круга избирателей именно среди непролетарских слоев горожан. Установление границ расширения нэпа, допустимых пределов сотрудничества с различными социальными группами, определение социально близких и чуждых слоев новой власти стали центральными темами внутрипартийных дискуссий середины 1920-х гг. Сложная социальная идентификация непролетарских слоев населения в контексте марксистской парадигмы позволяла в разных политических ситуациях причислять их то к полупролетарским, то к мелкобуржуазным слоям. Если в 1925 г. возобладала позиция об ограниченной экономической либерализации, границы сотрудничества были расширены и избирательные права получили крестьяне, кустари, использовавшие в ограниченном объеме наемный труд, а также мелкие торговцы, выбиравшие патент первого разряда[38]. В 1926 г. эти границы вновь стали предметом оживленной внутрипартийной дискуссии, и руководство страны приняло решения, направленные на вытеснение мелких собственников города и деревни[39]. К социально чуждым, буржуазным слоям были отнесены крестьяне, кустари и ремесленники, применявшие в любом объеме наемный труд, а также мелкие торговцы[40].

Внутрипартийные дискуссии не влияли на общеидеологическую оценку непролетарских слоев, большевики считали «неорганизованных» избирателей пережитком дореволюционного времени, презрительно называя их «мещанским населением» городов[41]. По сути, это были традиционные слои городского населения, многие из них работали в собственных небольших мастерских, трудились в артелях или, будучи выходцами из крестьян, занимались огородничеством и садоводством и владели собственным жильем в городе (жилье могло сдаваться внаем и выступать дополнительным источником дохода). Начиная с кампании 1926–1927 гг. в советской избирательной статистике была детализирована информация о составе неорганизованных избирателей[42]. Ниже представлена структура не организованных в профсоюзы избирателей в кампаниях 1926–1927 и 1928–1929 гг.

Таблица 4

Структура «не организованных» в профсоюзы избирателей в 1926–1929 гг. в городах РСФСР*

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность, чел.	доля среди «неорганизованных» избирателей, %	численность, чел.	доля среди «неорганизованных» избирателей, %
Домашние хозяйки	1 714 314	52,7	1 932 590	46,7
Кустари и ремесленники	269 058	8,3	388 139	9,4
Учащиеся	279 681	8,6	320 658	7,7
Крестьяне	191 403	5,9	216 048	5,3
Чернорабочие и батраки	13 974	0,4	5 863	0,1
Инвалиды и пенсионеры	112 977	3,5	240 179	5,8
Безработные	144 465	4,5	344 694	8,3

[38] Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.
[39] *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1998. С. 40–43.
[40] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83–84.
[41] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 42–44.
[42] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 52.

Окончание табл. 4

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность (чел.)	доля среди «организованных» избирателей (%)	численность (чел.)	доля среди «организованных» избирателей (%)
Прочие	265 693	8,2	170 155	4,1
Не распределено по группам	258 189	7,9	523 114	12,6
Итого по всем группам	3 249 753	100	4 141 350	100

* *Таблица составлена с использованием данных:* Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 8–17.

Самую массовую группу «неорганизованных» избирателей составляли домохозяйки (около 50 %), остальные группы были чрезвычайно разнородными и ни одна из них не превышала 10 %. Наиболее значительными среди них были группы кустарей, ремесленников и учащихся. Причины, по которым для студентов средних и высших учебных заведений не проводились отдельные избирательные собрания по месту обучения по аналогии с рабочими или служащими на предприятиях или учреждениях, неочевидны. В 1920-е гг. они учитывались как категория «неорганизованных» избирателей и они участвовали в собраниях совместно с другими горожанами, с кампании 1930 г. для них стали проводить отдельные собрания, соответственно они учитывались как «организованные» избиратели.

Как отмечалось выше, перепись населения 1926 г. фиксировала наличие в городах 13 % хозяев-одиночек и хозяев, работавших с членами семей или в товариществах (в абсолютных цифрах – 1 027 874 чел.[43]), большая часть из них – это кустари и ремесленники, но также и «хозяева, проживающие в черте города или пригорода, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом или огородничеством, а также извозным промыслом»[44]. В электоральной статистике к мелким хозяевам города можно отнести кустарей с ремесленниками и крестьян, составлявших в 1926/1927 гг. 460 461 чел., в 1928/1929 гг. – 604 187 чел., что существенно разнится с данными переписи, занижение численности мелких хозяев городов составило 567 тыс. чел. (на 45 %). Причинами столь значительной разницы стали упоминаемые проблемы с идентификацией и учетом всех категорий горожан и проблемы с учетом разнородных категорий непролетарского населения.

Центризбирком отмечал разные принципы учета кустарей местными властями и проведения для них избирательных собраний. В части городов кустари, объединенные в кооперативы, артели, общие мастерские, принимали участие в собраниях с «организованными» избирателями, в других городах кустари и ремесленники независимо от формы организации труда принимали участие в общих собраниях «неорганизованных» избирателей[45]. Отчасти эти сложности объяснялись и процессами развития кустарной промышленности и промыслов в 1920-е гг. – постепенное сокращение удельного веса простейших кооперативных организаций в общем количестве кооперированных кустарей и ремесленников и рост кустарей, объединенных в общие мастерские, из последних «более 1/3 членов общих мастерских сосредоточивалось на крупных цензовых предприятиях, практически не отличающихся по уровню технической оснащенности и организации труда от государственных фабрик и заводов»[46]. Можно предположить, что последнюю категорию кустарей преимущественно учитывали как «организованных» избирателей.

Аналогичная ситуация складывалась и с группой безработных: перепись 1926 г. показывала наличие 650 тыс. безработных в РСФСР, а электоральная статистика – только

[43] Без учета хозяев, использовавших наемный труд.
[44] *Жиромская В.Б.* После революционных бурь… С. 128.
[45] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 64; Оп. 106. Д. 239. Л. 104.
[46] *Егоров В.Г.* Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. С. 46–47.

144 тыс.[47] Остальные безработные учитывались по профсоюзам, в которых состояли и, соответственно, принимали участие в собраниях для «организованных» избирателей или значились в категориях «прочих» и «не распределенных по группам».

Большая численность групп «прочих» и «не распределенных по группам», составлявших в 1927 г. 523 тыс., в 1929 г. – 693 тыс., связана с очевидными затруднениями местных властей при классификации и идентификации различных групп и определении социального положения горожан.

Искусственное конструирование электорального корпуса, выделение групп «организованных» и «неорганизованных» избирателей, постоянные изменения в критериях учета различных групп избирателей, слабое соотнесение с реальной социальной структурой горожан, наконец, давление на организаторов выборов с целью достижения высоких показателей участия пролетарских слоев приводили к искажению электоральной статистики. Анализ данных переписей и избирательной статистики показывает значительные расхождения: организаторы выборов показывали большее число «организованных» в структуре избирателей, а среди последних – «рабочих», стремясь выполнить директивные указания партийных органов.

Несовершенство учета избирателей свидетельствовало не только об организационных и технических недочетах (легко объяснимых общими проблемами молодого советского аппарата), но и формальном подходе властей к выборам, доминировании идеологических стереотипов в отношении населения, отсутствии заинтересованности в привлечении населения на выборы, повышении его активности и достоверности результатов. Какие последствия имело искажение избирательной статистики? Поскольку электоральная статистика 1920-х гг. содержала данные по широчайшему кругу вопросов о социальном и экономическом положении избирателей, лиц, лишенных прав, депутатах, составах советов и съездов всех уровней, соответственно ее низкое качество неизбежно приводило к искажению представлений о советской системе управления, советских органах, социальных и политических процессах 1920-х гг. Невысокая достоверность избирательной статистики 1920–1930-х гг. является существенным ограничением при изучении советской избирательной системы и государственных органов, разнородные данные, постоянная смена показателей делают их зачастую несопоставимыми.

Электоральная статистика являлась неотъемлемой частью статистического учета в стране, и потому все закономерности и проблемы, характерные для системы в целом, были характерны и для одного элемента. Если рассматривать статистику не только как «источник информации и средство принятия решения, но и как орудие власти, подтверждавшее точность государственной политики»[48], то советская электоральная статистика давала искаженные данные для принятия решений, основанных на искусственно сконструированных показателях, отражавших схематичное, идеологически заданное видение общественных процессов руководством страны и приводивших к принятию ошибочных решений в различных сферах.

Литература

Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 227 с.

Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. 323 с.

Воробьев С.В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920-е – 1930-е годы: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 506–515.

Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М.: Наука, 1970. 578 с.

[47] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. … С. 12.

[48] *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия… С. 7.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.

Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 59 с.

Изменения социальной структуры советского общества (Окт. 1917–1920 гг.) / под ред. В.М. Селунской. М.: Мысль, 1976. 343 с.

Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 166 с.

Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М.: Директ-Медиа, 2019. 199 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

Каримова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е г. (социально-демографический анализ): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. 23 с.

Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 18 с.

Население России в XX веке / отв. ред Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900–1939. 459 с.

Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.

Саламатова М.С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. № 2 (28). С. 97–108.

Соколов А.К. Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С. 54–60.

Тольц М. С. Статистика как инструмент политики Советского Союза // Социологический журнал. 2003. № 4. С.108–125.

Федоров А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917 – 1920-х гг. (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 69–86.

Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР.1921–1929 гг. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 590 с.

Blum A. Statistique, démographique et politique: Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939). Paris: INED, 1998.

Rosenberg W. G. Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 633–644.

References

Andreev, V.P. (1990). *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partiey gorodskimi sovetami RSFSR (1926–1937)* [Leadership of the Communist Party in City Councils of the RSFSR (1926–1937)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 227 p.

Blum, A. (1998). *Statistique, démographique et politique: Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939)*. Paris, INED.

Blyum, A., Mespule, M. (2006). *Byurokraticheskaya anarkhiya: Statistika i vlast' pri Staline* [Bureaucratic Anarchy: Statistics and Power under Stalin]. Moscow, ROSSPEN. 323 p.

Egorov, V.G. (2005). Otechestvennaya kooperatsiya v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovlenie, ehtapy razvitiya, ogosudarstvlenie (pervaya tret' XX veka) [Domestic Cooperation in Small Industrial Production: Formation, Stages of Development, Nationalization (First Third of the 20th Century)], Dr. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 59 p.

Fedorov, A.N. (2010). Real'naya opora sovetskoy vlasti: sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki gorodskogo naseleniya Rossii v 1917–1920-kh gg. (na materialakh Tsentral'nogo Promyshlennogo rayona) [The Real Support of Soviet Power: Socio-Demographic Characteristics of the

Urban Population of Russia in the 1917–1920s (Based on Materials from the Central Industrial District)]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki.* Vol. 8, No. 1, pp. 69–86.

Gaponenko, L.S. (1970). *Rabochiy klass Rossii v 1917 g.* [The Russian Working Class in 1917]. Moscow, Nauka. 578 p.

Goland, Yu. (1991). *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises That Destroyed the NEP]. Moscow, MNIIPU. 94 p.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: ist.-demogr. ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the Twentieth Century]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 242 p.

Karimova, L.K. (2008). Sluzhashchie v strukture gorodskogo naseleniya TASSR v 1920-e g. (sotsial'no-demograficheskiy analiz) [Employees in the Structure of the Urban Population of the TASSR in the 1920s (Socio-Demographic Analysis], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kazan. 23 p.

Korchagin, D.M. (2003). Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-kh gg. (na materialakh Kubano-Chernomor'ya) [Soviet Election Campaigns of the 1920s (Based on Materials from the Kuban-Black Sea Region)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 18 p.

Polyakov, Yu.A. (1986). *Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoy voyny: territoriya i naselenie* [Soviet Country after the End of the Civil War: Territory and Population]. Moscow, Nauka. 270 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke* [The Population of Russia in the 20th Century]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1: 1900–1939. 459 p.

Rosenberg, W.G. (1997). Problems of Social Welfare and Everyday Life. *In Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921.* Bloomington, Indiana University Press, pp. 633–644.

Salamatova, M.S. (2016). Ehlektoral'naya statistika v RSFSR v 1920-e gg. [Electoral Statistics in the RSFSR in the 1920s]. In *Idei i idealy*. No. 2 (28), pp. 97–108.

Selunskaya, V.M. (Ed.). (1976). *Izmeneniya sotsial'noy struktury sovetskogo obshchestva (Okt. 1917–1920 gg.)* [Changes in the Social Structure of Soviet Society (Oct. 1917–1920)]. Moscow. 343 p.

Sokolov, A.K. (1994). *Politicheskaya sistema i nep* [Political System and NEP]. In *NEP: priobreteniya i poteri.* Moscow, Nauka, pp. 54–60.

Tol'ts, M.S. (2003). Statistika kak instrument politiki Sovetskogo Soyuza [Statistics as a Policy Tool of the Soviet Union]. In *Sotsiologicheskiy zhurnal*. No. 4, pp. 108–125.

Vorob'ev, S.V. (2017). Vlast' i sotsial'noe konstruirovanie sovetskogo obshchestva v 1920-e – 1930-e gody: praktika protiv teorii [Power and Social Construction of Soviet Society in the 1920s–1930s: Practice Versus Theory]. In *Ehpokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy. Sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg, pp. 506–515.

Yashchuk, T.F. (2007). *Organizatsiya mestnoy vlasti v RSFSR. 1921–1929 gg.* [Organization of Local Government in the RSFSR. 1921–1929]. Omsk, Izd-vo OMGU. 590 p.

Zhiromskaya, V.B. (1988). *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: problemy sotsial'noy struktury* [Soviet City in 1921–1925: Problems of Social Structure]. Moscow, Nauka. 166 p.

Zhiromskaya, V.B. (2019). *Posle revolyutsionnykh bur': naselenie Rossii v pervoy polovine 1920-kh gg.* [After the Revolutionary Storms: The Population of Russia in the First Half of the 1920s]. Moscow, Direkt-Media. 199 p.

Л.В. Кромер*

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛА В ВЫБОРАХ В СЕЛЬСОВЕТЫ СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-2
УДК 94(47)+57

Выходные данные для цитирования:
Кромер Л.В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 25–35.
URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-02.pdf

L.V. Kromer*

PARTICIPATION OF THE KOMSOMOL IN ELECTIONS TO VILLAGE COUNCILS IN SIBERIA IN THE 1920S

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-2

How to cite:
Kromer L.V. Participation of the Komsomol in Elections to Village Councils in Siberia in the 1920s // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 25–35.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-02.pdf]

Abstract. The article examines the participation of the Komsomol in elections to rural councils of Siberia in the 1920s. The task of participating in the elections of councils was set before the Komsomol party during the Civil War. And although in words this task was given high political significance, in the early 1920s. it was not actually implemented – the presence of Komsomol members in village councils, apparently, was insignificant. Even without elections, Komsomol cells are “accustomed” to feeling like the authorities in thd ge villages. In the election campaign of 1924, in which the Komsomol for the first time took part en masse as an organization, this circumstance played a cruel joke on it. Komsomol cells, as a rule, did not know how to interact with the population: nominate authoritative candidates, justify the need for their election to the peasants, instead preferring to put pressure on the voter. The peasants protested against turning the elections into a farce. The party leadership discovered that the recently announced policy of “revitalizing the soviets” was not being implemented, and took the unprecedented step of recognizing the need to hold new elections and condemning the Komsomol cells for attempting to impose their will on the citizens. The election campaign of 1925 showed that Komsomol cells were not as authoritative in the eyes of the population as they would like to think. The Komsomol had to learn to participate in elections, carry out preliminary work both within the cell related to the selection of worthy candidates, and mobilize the electorate for their support. Judging by the increase in the proportion of Komsomol members in village councils after the campaigns of 1926 and 1927, the cells had some success in this matter. In the election campaign of 1929, the Komsomol again increased its representation in village councils, not only actively campaigning for its candidates, but also putting pressure on them (as in 1924). Increasing the proportion of Komsomol members among those elected to the village council served as the only measure of success and an end in itself for the leadership of the youth union. As a rule, the elected Komsomol members did not receive any leadership from their cells and did not cope effectively with their responsibilities. Thus, they lost the chance to be re-elected by the population after completing their term of office.

Keywords: village soviets, peasants, elections, electoral process, Komsomol, Communist party, Siberia.

The article has been received by the editor on 25.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Лев Викторович Кромер,** Специализированный учебно-научный центр Новосибирского государственного университета (СУНЦ НГУ), Новосибирск, Россия, e-mail: levkromer@mail.ru
Lev Viktorovich Kromer, Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University (SESC NSU), Novosibirsk, Russia, e-mail: levkromer@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается участие комсомола в выборах в сельские советы Сибири в 1920-е гг. Задача участвовать в выборах советов была поставлена перед комсомолом партией еще в годы гражданской войны. И хотя на словах этой задаче придавалась высокая политическая значимость, в начале 1920-х гг. она фактически не выполнялась – присутствие комсомольцев в сельских советах, судя по всему, имело незначительный характер. Комсомольские ячейки и без выборов «привыкли» ощущать себя властью в деревне. В избирательной кампании 1924 г., в которой комсомол впервые массово принял участие как организация, это обстоятельство сыграло с ним злую шутку. Комсомольские ячейки, как правило, не умели взаимодействовать с населением: выдвигать авторитетных кандидатов, обосновывать необходимость их избрания перед крестьянами, вместо этого предпочитая оказывать давление на избирателя. Крестьяне протестовали против превращения выборов в фарс. Партийное руководство обнаружило, что недавно заявленный курс на «оживление советов» не выполняется, и пошло на беспрецедентный шаг, признав необходимость провести повторные выборы и осудив комсомольские ячейки за попытку навязать свою волю гражданам. Избирательная кампания 1925 г. показала, что комсомольские ячейки не так авторитетны в глазах населения, как им хотелось бы думать. Комсомолу пришлось учиться участвовать в выборах, проводить предварительную работу как внутри ячейки, связанную с подбором достойных кандидатов, так и мобилизовать электорат на их поддержку. Судя по увеличению удельного веса комсомольцев в сельсоветах после кампаний 1926 и 1927 гг., ячейки имели в этом деле определенный успех. В избирательной кампании 1929 г. комсомол вновь увеличил свое представительство в сельсоветах, не только активно агитируя избирателей за своих кандидатов, но и оказывая давление на них (как в 1924 г.). Увеличение удельного веса комсомольцев среди избранных в сельсовет служило для руководства Союза молодежи единственным мерилом успеха и самоцелью. Как правило, избранные комсомольцы не получали от своих ячеек никакого руководства и не справлялись эффективно со своими обязанностями. Тем самым они лишались шанса быть переизбранными населением после завершения срока своих полномочий.

Ключевые слова: сельсоветы, крестьяне, выборы, избирательный процесс, комсомол, коммунистическая партия, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023 г.

Выборы в советы были одним из важнейших политических событий советского государства, наглядно «демонстрировавших» поддержку коммунистического режима со стороны населения, его «демократический» характер. Декларативно именно советским органам принадлежала государственная власть – во всяком случае именно так заявляли Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг.[1]

Комсомол как одна из наиболее массовых общественных организаций и «помощник партии» должен был принимать в подготовке и проведении выборов самое деятельное участие. Тем более что, помимо партии, он был единственной политической силой, имевшей право выдвигать своих кандидатов. Разумеется, такая «привилегия» не подразумевала права конкурировать с РКП(б)–ВКП(б); комсомол лишь «замещал» коммунистов в тех населенных пунктах, где у партии не хватало собственных возможностей проводить «коммунистическое влияние», а также служил «школой» для молодежи, которая благодаря своему членству в организации могла приобрести опыт работы в советах.

[1] Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Первая советская конституция (конституция РСФСР в 1918 году). Сб. документов под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 423; Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1925. С. 5–6.

Выборы в советские органы получили подробное освещение в историографии СССР, однако комсомолу при этом, как участнику советского строительства, почти не уделялось внимания[2]. По-видимому, единственной специальной публикацией, посвященной комсомольцам в советах 1920-х гг., стала статья В.В. Долгова, посвященная «практикантству» – приему комсомольцев на работу в советские органы на невыборных началах[3].

В постсоветский период статьи, посвященные участию комсомола в выборах (на материалах Центрального Черноземья и Псковской губернии), были подготовлены А.А. Слезиным и О.Г. Вишневой. Выводы, к которым пришли исследователи в своих оценках советского избирательного процесса, были весьма различны. Так, по мнению А.А. Слезина, присутствие комсомола на выборах в качестве отдельного участника служило имитацией демократии, маскировкой властного монополизма партии, а сами выборы были нужны не столько как средство народного волеизъявления, сколько как пропагандистская кампания и способ выявления неугодных властям[4]. О.Г. Вишнева, напротив, считала, что в выборах отсутствовала предопределенность результатов (комсомол наращивал представительство в городских советах, но терял в сельских советах, уездных и волостных исполкомах)[5].

Автором данной статьи подготовлена публикация, посвященная участию комсомола в избирательной кампании в сельсоветы РСФСР в 1924–1925 гг.[6] Других специальных публикаций, посвященных участию комсомола в советских выборах 1920-х гг., нет.

Очевидно, данная тема нуждается в дальнейшем продолжении исследований. Ранее историками не предпринималось попыток подробно рассмотреть опыт участия комсомола в советских выборах 1920-х гг. на территории Сибири. Попытаемся частично заполнить этот историографический пробел на материалах выборов в сельсоветы.

* * *

Обязанность участвовать в советских выборах была возложена на комсомол еще в 1919 г. совместным указанием ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «О взаимоотношениях Российского коммунистического союза молодежи и Российской коммунистической партии (большевиков)»[7], а затем решением Первой всероссийской конференции РКСМ, состоявшейся 1–6 июня 1921 г.[8]

В действительности эти постановления в начале 1920-х гг. редко проводились в жизнь, а участие в советских выборах рассматривалось комсомольскими ячейками как маловажное дело. Население же не воспринимало советы как органы власти. По словам И.Е. Любимова, в середине и второй половине 1920-х гг. занимавшего должности заместителя председателя исполкома Моссовета и члена Президиума ВСНХ СССР, кандидата в члены и члена ЦК ВКП(б): «<…> работали их [советов] органы – исполкомы. Массы же членов советов в непосредственную работу втянуты не были. Вследствие этого и массы избирателей недостаточно интересовались работой советов и еще менее работой избранных ими депутатов. Как на доказательство сошлемся хотя бы на тот факт, что мы почти не встречали случаев досрочного отзыва депутатов своими избирателями за неудовлетворительную их работу».

---

[2] См., например: *Аскеров А.А.* Очерки советского строительства. М., 1953; *Лепешкин А.И.* Местные органы власти Советского государства (1921–1936 гг.). М., 1959; *Лепешкин А.И.* Советы – власть трудящихся, 1917–1936. М., 1966; Советы за 50 лет. М., 1967; *Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968; *Олейник Н.Н.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советов (1921–1925 гг.). Харьков, 1989; и др.

[3] *Долгов В.В.* «…признать принцип практикантства желательным» // Позывные истории. М., 1982. Вып. 7. С. 198–212.

[4] *Слезин А.А.* Роль комсомола в избирательном процессе и функционировании местных советов (1921–1929 гг.) // Клио. 2003. № 4. С. 160–168.

[5] *Вишнева О.Г.* Участие Псковской губернской комсомольской организации в кампаниях по перевыборам советов в 1920-е гг. // Псков. науч.-практ., ист.-краевед. журн. 2014. № 40. С. 112–116.

[6] *Кромер Л.В.* Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924–1925 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 37–43.

[7] Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М., 1987. С. 10.

[8] Товарищ комсомол. М., 1969. Т. 1: 1918–1941. С. 50.

Фактическими органами власти в деревне, по словам И.Е. Любимова, выступали партийная и комсомольская ячейки, а также комитеты бедноты, советы же как органы власти себя не проявляли[9].

В источниках не удалось найти информацию об участии комсомольских ячеек в подготовке выборов, а при подсчете численности партийных и беспартийных депутатов сельсоветов избранные комсомольцы как отдельная категория не учитывались. Сведения о степени их присутствия в советских органах носят обрывочный и «местный» характер: так, в отчете секретаря Мариинского укома РКСМ С.В. Заборского, составленного в июле 1921 г., сообщалось, что членами волостных исполнительных комитетов стали пять комсомольцев, сельсоветов – 23[10]. Несколько позднее, по сведениям на 1 декабря 1923 г., в Алтайской губернии в сельсоветах работали 110 комсомольцев[11], в Енисейской губернии по сведениям за ноябрь-декабрь того же года их насчитывалось лишь 63[12]. Как признавал сам Енисейский губком РКСМ несколькими месяцами ранее, в отчете за июнь-август 1923 г., участие в общественно-политической жизни являлось «слабым местом» в работе губернской организации. Учет систематической работы сельских организаций по участию в общей жизни не велся, а указания им со стороны губкома не поступали[13].

Более подробная информация об участии комсомольцев в выборах сельсоветов появляется с избирательной кампании осени 1924 г. Едва ли комсомольскими ячейками массово проводилась предварительная работа по технической подготовке к выборам, агитации избирателей, обсуждению выдвигаемых кандидатур. Ведь даже сами государственные органы воспринимали избирательную кампанию как формальность, для которой тщательная техническая подготовка, агитация избирателей, обсуждение кандидатур кандидатов были бы явно неуместны. По выражению Р.И. Эйхе, занимавшего в это время должность заместителя председателя Сибревкома: «Назначили “избирком” – и дело сделано»[14].

Тем не менее результаты выборов, казалось бы, свидетельствовали о высокой электоральной поддержке комсомольцев. По Алтайской губернии после проведения предварительных подсчетов результатов выборов рапортовали: доля беспартийных по сравнению с выборами 1923 г. заметно уменьшилась с 83,3 до 73,8 %, доля коммунистов и комсомольцев составила 22,5 и 3,7 % соответственно[15]. Из Енисейской и Томской сообщали: «Почти каждая ячейка провела комсомольцев в Совет»[16]. В целом же по территории Сибири доля комсомольцев в сельсоветах по итогам кампании составила 3,4 % (2475 чел.)[17].

В действительности проведенные выборы вряд ли можно было бы назвать «народным волеизъявлением». Как правило, избиратели просто не приходили на голосование. Если явка на выборы 1924 г. по РСФСР составила лишь 32,4 %[18], то по Сибири явка была еще ниже среднего уровня, по краю в целом составляя 31,4 % и по отдельным уездам опускаясь даже до 19 %[19]. Местные коммунисты не видели в этом проблемы: обследование, проведенное «Советской Сибирью» среди председателей районных исполнительных комитетов в начале

[9] *Любимов И.Е.* Комсомол в советском строительстве, 1917–1927. М.; Л., 1928. С. 168–170.
[10] Нас водила молодость… Сборник документов и материалов комсомольской организации Кузбасса. Кемерово, 1968. С. 45.
[11] *Рыбаков Р.В.* Молодежь и органы власти – опыт взаимодействия в начале 20-х гг. XX в. // Омский научный вестник. 2012. № 5. С. 27.
[12] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.
[13] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-9. Оп. 3. Д. 6. Л. 15.
[14] *Эйхе Р.И.* Перевыборы деревенских Советов // Известия Сибирского краевого комитета Российской коммунистической партии (большевиков). 1925. № 2. С. 8.
[15] *Белобородов А.* Некоторые итоги выборов в деревне // Власть Советов. 1925. № 1. С. 9.
[16] *Рязанов А.* Некоторые итоги перевыборной кампании в сельсоветы // Путь молодежи. 1924. 7 дек.
[17] Государственный архив Новосибирский области (ГАНО). Ф. П-188. Оп. 1. Д. 83. Л. 10.
[18] *Саламатова М.С.* Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 13.
[19] *Эйхе Р.И.* Перевыборы деревенских Советов… С. 8–9.

1925 г., в рамках которого им задавались и вопросы о прошедших выборах, показало, что ход и результаты кампании оценивались ими положительно[20].

О том, какими методами обеспечивалось «проведение» комсомольцев в сельсовет, красноречиво свидетельствует следующий факт. Из Енисейской губернии сообщали: «В одном селе комсомольцы провели семь своих членов в сельсовет. <…> Дело было так, рассказывает один комсомолец: “первоначально, говорит, мы обсудили этот вопрос у себя на ячейке, потом пришли на сход, уселись на передних лавках и когда начали голосовать список нового состава сельсовета, мы подсунули свой список и так как у нас было на собрании 60 человек, то прошел наш список, в общем, взяли с нахрапом”»[21].

Неудивительно, что при таких обстоятельствах выборы не пользовались авторитетом в глазах населения. Крестьяне протестовали против превращения избирательного процесса в имитацию: «выборы сельсовета прошли против нашего желания»; «соввласть на словах выборная, а фактически назначенческая»[22].

Избирательная кампания 1924 г. проходила на фоне объявленного октябрьским пленумом ЦК РКП(б) курса на «оживление советов». Курс предполагал привлечение в советы и исполкомы беспартийных крестьян, пользующихся авторитетом со стороны населения[23]. Стремление партийного руководства показать, что решения пленума не являются пустой декларацией, побудило его ответить на общественный резонанс радикальным образом. 29 декабря 1924 г. и 16 января 1925 г. Президиумом ЦИК СССР были приняты постановления, предусматривавшие проведение новых выборов в советы там, где были замечены нарушения[24].

Циркуляр от 27 января 1925 г. «О частичных перевыборах советов» ЦК РКП(б) категорически запретил комсомольским ячейкам оказывать давление на избирателей, навязывать им своих кандидатов без предварительного обсуждения[25].

Повторная избирательная кампания была проведена по РСФСР с января по апрель 1925 г.[26] (на территории Сибири – в феврале-марте)[27] в условиях сравнительно большей политической свободы, которая сказалась на электоральных результатах коммунистов и комсомольцев самым плачевным образом. На территории Сибири доля коммунистов в сельсоветах уменьшилась с 9,3 до 4,1 %, комсомольцев – с 3,4 до 1,4 %[28]. Большинство ячеек оказались не способны объяснить избирателям, почему именно их кандидаты должны быть проведены в сельсовет.

К следующей избирательной кампании, которая в Сибирском крае проходила с 15 января по 1 марта 1926 г.[29], комсомольское руководство подходило уже более ответственно, чем в 1924 г., стараясь учесть и исправить допущенные ошибки. В циркулярном письме «Об участии РЛКСМ в перевыборах советов» от 13 октября 1925 г. высшее комсомольское руководство предупреждало ячейки: «Предстоящие перевыборы должны стать лучшим экзаменом для организаций союза и проверкой их действительной связи с массами». Предлагались меры по завоеванию симпатий и авторитета у населения. Одной из таких мер было проведение отчетности комсомольцев, занятых в советах о своей работе перед изби-

[20] *Эйхе Р.И.* Перевыборы деревенских Советов… С. 8; Деревня Новониколаевской губернии в оценке низовых работников // Советская Сибирь. 1925. 6 февр.
[21] ГАКК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 191. Л. 42 об.
[22] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 2: 1923–1929. С. 281.
[23] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3: 1922–1925. С. 301–302.
[24] *Саламатова М.С.* Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 16. С. 82, 84.
[25] О частичных перевыборах Советов // Известия Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков). 1925. № 6. С. 2.
[26] *Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.)… С. 121.
[27] Когда будут происходить перевыборы Советов в Сибири // Советская Сибирь. 1925. 27 февр.
[28] Результаты перевыборов // Советская Сибирь. 1925. 15 апр.
[29] Перед выборами Советов // Советская Сибирь. 1925. 9 окт.

рателями: «В ближайшее время необходимо приступить ко организации широких собраний, совместно с беспартийной молодежью, где ставить доклады представителей союза в советах, секциях и т.п., широко втягивать беспартийную молодежь в обсуждение докладов и намечение [так в тексте] практических задач дальнейшей работы союза в новоизбираемых [так в тексте] советах». Предлагалось также изменить подход к подбору кандидатов в советы, «выделяя только тех комсомольцев, которые пользуются действительным авторитетом у рабочих и крестьян», а также выдвигать от комсомола представителей беспартийной молодежи[30].

Перед началом выборов, в декабре 1925 г., Сибкрайком РЛКСМ также опубликовал свое обращение к комсомольцам, в котором указал на необходимость более тесного сотрудничества с партийными ячейками, а также предварительной работы с избирателями. Вновь было указано на недопустимость оказания административного давления на избирателей, необходимость «выдвигать и отстаивать тех комсомольцев, которые пользуются действительным авторитетом и доверием среди населения»[31].

По сравнению с предыдущей избирательной кампанией, в выборах 1926 г. сибирский комсомол сумел более ответственно подготовиться к выборам. Пусть и не повсеместно, но местные организации РЛКСМ заблаговременно начали подготовку к выборам через проведение инструктирования секретарей райкомов, совещаний секретарей ячеек, обсуждение предстоящей избирательной кампании на районных конференциях, присутствие комсомольских представителей на совещаниях секретарей партийных ячеек[32]. Некоторые ячейки взяли на себя техническую работу по подготовке к избирательной кампании, совместив ее с просветительской и агитационно-пропагандистской, как, например, ячейка школы третьего Коминтерна в селе Веселоярском Рубцовского округа. Комсомольцы не только разносили повестки, но и вели с крестьянами беседы о том, кто должен выбирать советы, какое значение имеют выборы и т.д.[33]

Многие ячейки сумели заранее разработать план своих действий, выдвинуть рациональные предложения по улучшению работы сельсоветов, как, например, ячейка коммуны «Карл Маркс» Коченевского района Новониколаевского округа, которая заблаговременно изучила свои задачи в грядущей кампании на районной конференции РЛКСМ, провела разъяснительную кампанию перед населением о значении выборов, о порядке их правильного проведения. Члены ячейки также приняли активное участие в обсуждении работы сельсовета в деревне Поваренка. По сообщению корреспондента газеты «Пути молодежи», официального органа Сибкрайкома РЛКСМ–ВЛКСМ, крестьяне удивились деловой критике комсомольцев и сами выдвинули и единогласно избрали двух из них в состав сельсовета[34].

Благодаря таким ячейкам по итогам выборов 1926 г. доля комсомольцев среди членов сельсоветов на территории Сибирского края, их численность и удельный вес увеличились до 3 % (2087 чел.) соответственно[35]. Результаты избирательной кампании были высоко оценены комсомольским руководством Сибири. Сибкрайкомом был сделан вывод: «В подавляющем большинстве наши комсомольские ячейки в деревне вполне осознали важность и значение этой перевыборной кампании»[36].

Комсомол вновь улучшил свои электоральные результаты по итогам избирательной кампании, проходившей на территории Сибири с 2 января по 1 марта 1927 г.[37] Доля комсомольцев среди членов сельсоветов увеличилась до 3360 (4,4 %) чел.[38] Существовали мест-

[30] ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 67. Л. 189–190.
[31] Всем деревенским ячейкам РЛКСМ Сибири // Путь молодежи. 1925. 13 дек.
[32] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 431. Л. 2.
[33] *Кайгородов.* Разносим повестки и ведем беседы // Путь молодежи. 1926. 9 янв.
[34] *Смирнов.* Двух комсомольцев избрали в совет (Коченевский район Новониколаевского округа) // Путь молодежи. 1926. 27 янв.
[35] Итоги выборной кампании 1927 года по Сибирскому краю (в цифрах). Новосибирск, 1927. С. 23.
[36] *Барнов Г.* Участие комсомола в перевыборах советов // Путь молодежи. 1926. 3 марта.
[37] Итоги выборной кампании 1927 года по Сибирскому краю (в цифрах). Новосибирск, 1927. С. 2.
[38] Там же. С. 23.

ности, где уровень поддержки комсомольцев и коммунистов был заметно выше «среднестатистического» уровня. Так, например, в 11 сельсоветах Рубцовского округа коммунисты и комсомольцы в совокупности получили 18,3 % голосов (47 мест из 257). В 1926 г. их уровень поддержки также составил внушительные 16,2 %[39].

Анализируя итоги выборов, «Советская Сибирь», официальный орган Сибкрайкома ВКП(б) и Сибкрайисполкома Советов, отметила, что комсомол заметно улучшил качество работы по подготовке к выборам: активность молодежи на предвыборных собраниях молодежи значительно повысилась, а комсомольские ячейки проделали большую работу в дере организации таких собраний. Однако качество подбора кандидатов, предлагаемых избирателям, по-прежнему оставляло желать лучшего. Имели место случаи, когда крестьянам предлагали список, состоящий только из молодежи[40] или только из комсомольцев, включая даже несовершеннолетних[41].

Руководитель сибирского комсомола Н. Кудрявцев, выступая на IV пленуме Сибкрайкома ВЛКСМ, также высоко оценил умение комсомольцев проводить подготовительную работу к выборам. Однако, по его словам, навыки ведения прений, отстаивания своего кандидата перед населением, умения говорить четко, по делу, а не «вообще», оставляли желать лучшего. Не всегда комсомольцы умели ставить вопросы, которые бы заинтересовали бедноту – электорат, на который коммунисты делали ставку в деревне[42].

Следующие выборы в сельсоветы РСФСР, как следует из постановления Президиума ЦИК СССР от 23 ноября 1927 г., должны были состояться в январе-апреле 1928 г.[43], однако постановлением того же органа от 5 января 1928 г. сроки по всем союзным республикам были перенесены на осень того же года. Свое решение Президиум обосновывал необходимостью установления общего для всего СССР срока проведения избирательной кампании, в то время как «отдельные союзные республики» ходатайствовали перед ним о частичном переносе выборов на различные сроки 1928 г.[44] На территории Сибири кампания в конечном счете была смещена на 1929 г.: с 1 по 31 января должны были состояться отчеты Советов о своей деятельности перед населением, а в феврале – сами выборы[45].

Избирательной кампании придавалась высокая политическая значимость. Еще до ее начала циркуляром от 17 октября 1928 г. ЦК ВЛКСМ категорически запретил ячейкам проводить какие-либо иные кампании во время выборов в советы[46]. Для организации «помощи» деревне бюро ЦК ВЛКСМ направило из города 10 тыс. комсомольских работников[47]. Сам Сибкрайком отправил по округам 35 своих работников на продолжительные сроки для оказания «местам» практической помощи[48]. Нижестоящие комсомольские комитеты также широко пользовались этим методом склонить общественное мнение в сторону поддержки коммунистического режима. Например, Новосибирский окружком отправил в деревню 20 комсомольцев – рабочих «от станка», чтобы «помочь» бедноте и середнякам в выборах советов[49]. Практически все районные комитеты Новосибирского округа выслали в ячейки для подготовки к выборам от 10 до 25 чел. «околокомитетского актива»[50].

[39] Первые избранные сельсоветы // Советская Сибирь. 1927. 4 февр.
[40] *Бак Б.* Предварительные итоги перевыборов в сибирской деревне // Советская Сибирь. 1927. 2 марта.
[41] *Михновский И.* Комсомол на перевыборах советов // Советская Сибирь. 1927. 2 февр.
[42] Перелом есть, но нужно идти дальше (по докладу тов. Кудрявцева о работе Сибкрайкома ВЛКСМ) // Молодая деревня. 1927. 25 марта.
[43] О перевыборах Советов в 1927–1928 году // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1927. № 67. Ст. 683.
[44] Об установлении срока перевыборов в 1928 г. сельских и городских Советов и созыва волостных (районных), уездных (окружных), губернских и областных (краевых) съездов Советов // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1928. № 3. Ст. 30.
[45] Утверждены твердые сроки перевыборов // Советская Сибирь. 1928. 2 нояб.
[46] *Слезин А.А.* Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества (1921–1929 гг. на материалах Центрального Черноземья): дис. … д-ра ист. наук. Тамбов, 2000. С. 172.
[47] *Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.)… С. 187.
[48] ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 752. Л. 150.
[49] Там же. Д. 630. Л. 113.
[50] Там же. Д. 753. Л. 1 об.

Примерно вот каких результатов ожидали от присылаемых в деревню комсомольцев (на примере экспедиции из 55 чел., отправленной в село Ново-Александровку Рубцовского округа). За один день, 6 января 1929 г., «десант» из города успел провести собрание для женщин, расширенный пленум сельсовета с активом бедняцко-батрацкой и середняцкой молодежи, организовать собрания граждан на предвыборных 13 участках, провести вечер вопросов и ответов, затянувшийся с 18 до 23 часов вечера. Кроме этого, в село была привезена передвижка, организовавшая крестьянам три киносеанса. Работал стол справок. И наконец, после всего проделанного за день было созвано совещание коммунистов и бедняцкого актива, создана ячейка ВЛКСМ из пяти батраков и одного бедняка[51].

Еще одной практикой, не применявшейся ранее широко в избирательных кампаниях, стали театрализованные формы агитации. Вот, например, как проходил «перевыборный» карнавал, устроенный ячейкой села Баево Каменского округа: «По улицам шествовали – кулак, поп и бывший жандарм. Следом за ними лошадь везла будку, оклеенную предвыборными лозунгами. Комсомолец Ковалев в медную трубу выкрикивал: “Слушайте, кого не надо выбирать в советы! Вот они идут впереди. Это паразиты на советском теле. Ни кулаков, ни попов, ни их подпевал в совет не избирайте! Избирайте представителей бедняков, батраков, лучших активных середняков, женщин, молодежь!”». Карнавальное шествие вызвало заметный интерес у населения. По словам наблюдателя, несмотря на сильный мороз, за карнавалом шли более двухсот человек.

Еще более изобретательно к предвыборной агитации подошли комсомольцы Бердского района. Ночью местные ячейки были подняты по тревоге, после чего разбились на группы, изображавшие «комсомольцев» и «кулаков». «Комсомольцы» выставили посты у сельсовета, в то время как «кулаки» пытались в сельсовет проникнуть. После окончания тревоги участники в организованном порядке прошли с песнями по селу и провели митинг, на котором инструктор райкома ВКП(б) разъяснил присутствующим, что батраки, бедняки и середняки должны сплотиться для того, чтобы дать решительный отпор кулаку[52].

На молодежь как на электорат комсомола также возлагались значительные надежды. Согласно сведениям, приводимым советским исследователем И.М. Чвикаловым, в сельских поселениях Сибирского края было проведено 7,5 тыс. предвыборных собраний молодежи, в которых приняли участие 280 тыс. чел.[53] Если считать приведенные данные верными, то комсомольскую агитацию выслушали чуть менее половины от общего числа молодых избирателей – по данным переписи населения 1926 г. численность селян в возрасте от 20 до 24 лет в Сибири составляла 631,9 тыс. чел.[54]

Чтобы усилить влияние комсомола на население, Сибкрайкомом были предложены следующие меры: на «основе добровольчества» наделить каждого комсомольца конкретными обязанностями по подготовке выборов; усилить меры по организации бедняцко-батрацкой молодежи, чтобы повысить ее явку на выборы; «прикрепить» комсомольские ячейки к тем сельсоветам, где организации ВКП(б) и ВЛКСМ отсутствуют, обязав их вести работу и там; поставить перед каждым комсомольцем задачу привести на выборы не менее пяти избирателей.

Проведение каких-либо мероприятий непосредственно в день выборов было запрещено. Кроме того, Сибкрайком ВЛКСМ обязал низовые комсомольские организации добиться, чтобы день выборов был объявлен в деревнях выходным и батраки имели возможность посетить избирательные собрания[55].

По итогам выборов комсомол вновь увеличил свое представительство в сельсоветах. На территории Сибирского края в сельсоветах его удельный вес составил 5,8 %, или

[51] Поход Рубцовской комсомольской бригады в село Ново-Александровку // Молодой рабочий. 1929. 16 янв.
[52] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3497. Л. 61–62.
[53] *Чвикалов И.М.* Советская деревня: партийная организация, советы, комсомол. Воронеж, 1985. С. 135.
[54] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М., 1928. Вып. 7. Возраст и грамотность населения СССР. С. 27.
[55] Участие комсомола в перевыборах Советов все еще недостаточно // Молодой рабочий. 1929. 26 янв.

4 600 чел.[56] Полученный результат можно было бы счесть успешным, о чем Сибкрайком ВЛКСМ и заявил: «В перевыборную кампанию комсомол на деле показал себя активным помощником партии и советской власти в проведении классовой пролетарской линии. Перевыборы советов повысили общественно-политическую роль комсомола, возрос авторитет в среде батрацко-бедняцких масс, возросла активность масс комсомола и батрацкой молодежи»[57].

Сибкрайком «забыл» при этом упомянуть, что полученные результаты были достигнуты не только благодаря повышению качества предвыборной работы комсомола, но и при помощи прямого давления на избирателей. Комсомольцев в сельсоветы целенаправленно «проталкивали». Так, орган Ачинского окружкома ВКП(б), газета «Ачинский крестьянин» в заметке от 5 февраля 1929 г. сообщала: «По десяти сельсоветам [Назаровского района] выдвинуто в состав сельсоветов женщин 20 %, батраков четыре процента, партийцев четыре процента и комсомольцев шесть процентов. Это говорит за чрезвычайно невнимательное отношение к работе некоторых уполномоченных и партячеек. <…> Итоговое совещание при РИКе решило пересмотреть списки выдвинутых в составы сельских советов, проработать их вторично на собраниях женщин, бедноты и молодежи <…>»[58]. Ачинский окризбирком, также отметив «недостаточное вовлечение» в советы женщин и комсомольцев, потребовал от подчиненных таких ошибок по другим сельсоветам не допускать[59].

Сибкрайком ВЛКСМ тоже ожидал от подотчетных ему организаций, что те будут активно навязывать избирателям своих кандидатов. Отсутствие «твердой установки, сколько нужно провести в сельсовет комсомольцев», рассматривалось им как упущение в работе[60].

Красноречивым является тот факт, что, добиваясь увеличения своего представительства в советах, комсомол мало интересовался тем, с какой эффективностью комсомольцы смогут в них работать.

Еще в апреле 1927 г. Томский окружком признал, что комсомольцы нередко являются «мертвыми душами» в сельсовете, не ведущими там никакой деятельности[61]. Ячейки же, как правило, своих представителей никак не контролировали и не консультировали. Вполне типичным является заявление участников совещания молодежных депутатов, состоявшегося в селе Ирбейское Канского округа в феврале 1929 г., которые утверждали, что никакой помощи со стороны ячеек и райкома ВЛКСМ они не получали, товарищи их работой в сельсовете не интересовались и отчеты о работе проводились только в связи с выборами[62].

Хотя райкомам и рекомендовалось подбирать комсомольцев, «способных впоследствии работать в исполкомах», на практике это требование не исполнялось. Случаи, когда комсомолец продвигался по служебной лестнице в советских органах, были достаточно редки, что признавал сам Сибкрайком ВЛКСМ. В отчете об итогах выборов 1929 г. им сообщалось, что попытки повторно избраться в сельсоветы у бездействовавших комсомольцев обречены на провал, из чего делался вывод: «Это положение не выращивает советский актив из комсомольцев более крупного масштаба»[63].

С первых лет существования комсомола на него была возложена обязанность активно участвовать в советских выборах. Однако на практике в начале 1920-х гг. данное направление работы не рассматривалось Союзом молодежи как важное. Отсутствие комсомола в статистике как отдельного участника избирательного процесса и «местный» характер сведений, характеризующих присутствие комсомольцев в сельсоветах, заставляют предпо-

[56] Сибирский край: статистический справочник. Новосибирск, 1930. С. 61.
[57] ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 752. Л. 153.
[58] В Назаровском р-не на 10 сельсоветов выдвинуто только четыре процента батраков. Ряд сельсоветов забыли о середняках // Ачинский крестьянин. 1929. 5 февр.
[59] В ряде сельсоветов мало избрано батраков, бедняков и середняков // Ачинский крестьянин. 1929. 9 февр.
[60] ГААК. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 173. Л. 18.
[61] Цит. по: *Любимов И.Е.* Комсомол в советском строительстве, 1917–1927… С. 175.
[62] *Н.Х.* Без руководства, без связи с комсомолом работали молодые депутаты старых советов // Молодая деревня. 1929. 22 февр.
[63] ГААК. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 173. Л. 18.

ложить, что таковое присутствие носило крайне незначительный характер. Фактически первая избирательная кампания, в которой сибирский комсомол принял массовое участие, состоялась только в 1924 г.

Формализация выборов, оказание давление на избирателя расходились с объявленным недавно партийным руководством курсом на «оживление советов», что привело к частичной отмене результатов выборов и повторной избирательной кампании в начале 1925 г. Как показали ее результаты, комсомольские ячейки отнюдь не всегда «умели» подбирать кандидатов, пользующихся авторитетом у населения, и обосновывать необходимость их присутствия в сельсовете, и в последующих кампаниях им пришлось этому «учиться».

На протяжении кампаний 1926, 1927 и 1929 гг. комсомол постепенно увеличивал свое представительство в сибирских сельсоветах, чему способствовал как рост навыков комсомольских руководителей на местах, так и возвращение практики давления на избирателей в 1929 г. Однако качество работы комсомольских представителей в сельсовете, в отличие от результатов выборов, не интересовало комсомольское руководство. Будучи предоставлены сами себе, не имея руководства и поддержки со стороны ячеек, неопытные комсомольские представители не могли эффективно работать в интересах своих односельчан, что сводило на нет их шансы переизбраться в следующей избирательной кампании.

Литература

Аскеров А.А. Очерки советского строительства. М.: Изд-во Московского ун-та, 1953. 367 с.

Вишнева О.Г. Участие Псковской губернской комсомольской организации в кампаниях по перевыборам советов в 1920-е гг. // Псков. науч.-практ., ист.-краевед. журн. 2014. № 40. С. 112–116.

Долгов В.В. «…признать принцип практикантства желательным» // Позывные истории. М.: Молодая гвардия, 1982. Вып. 7. С. 198–212.

Кромер Л.В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924–1925 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 37–43.

Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 291 с.

Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1921–1936 гг.). М.: Госюриздат, 1959. 411 с.

Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся, 1917–1936. М.: Юридическая литература, 1966. 575 с.

Олейник Н.Н. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советов (1921–1925 гг.). Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1989. 166 с.

Рыбаков Р.В. Молодежь и органы власти – опыт взаимодействия в начале 20-х гг. XX в. // Омский научный вестник. 2012. № 5. С. 25–28.

Саламатова М.С. Избирательная кампания 1924 года в контексте становления советской избирательной системы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, № 8. С. 82–86.

Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.

Саламатова М.С. Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 16. С. 79–97.

Слезин А.А. Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества (1921 – 1929 гг. на материалах Центрального Черноземья): дис. … д-ра ист. наук. Тамбов, 2000. 538 с.

Слезин А.А. Роль комсомола в избирательном процессе и функционировании местных советов (1921–1929 гг.) // Клио. 2003. № 4. С. 160–168.

Советы за 50 лет / гл. ред. проф. С.Ф. Найда. М.: Мысль, 1967. 494 с.

Чвикалов И.М. Советская деревня: партийная организация, советы, комсомол. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 173 с.

References

Askerov, A.A (1953). *Ocherki sovetskogo stroitel'stva* [Essays of Soviets Construction]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta. 367 p.

Vishneva, O.G. (2014). Uchastie Pskovskoy gubernskoy komsomol'skoy organizatsii v kampaniyakh po perevyboram sovetov v 1920-e gg. [Participation of Pskov Provincial Komsomol Organization in Campaigns for Soviet's Elections in 1920s]. In *Pskov. nauch.-prakt., ist.-kraeved. zhurn.* No. 40, pp. 112–116.

Dolgov, V.V. (1982). "…Priznat' printsip praktikantstva zhelatel'nym" ["…Recognize the Princip of Internship as Desirable"]. In *Pozyvnye istorii.* Moscow, Molodaya gvardiya. Vol. 7, pp. 198–212.

Kromer, L.V. (2019). Uchastie komsomola v vyborakh v sel'sovety RSFSR (1924–1925 gg.) [Participation of Komsomol in Elections of Village Soviets in RSFSR (1924–1925)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 26, No. 4, pp. 37–43.

Kukushkin, Yu.S. (1968). *Sel'skie Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.)* [Village Soviets and Class Struggle in Countryside 1921–1932]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 291 p.

Lepeshkin, A.I. (1959). *Mestnye organy vlasti Sovetskogo gosudarstva (1921–1936 gg.)* [Local Authorities of Soviet State 1921–1936]. Moscow, Gosyurizdat. 411 p.

Lepeshkin, A.I. (1966). *Sovety – vlast' trudyashchikhsya, 1917–1936* [Soviets – Authorities of Labor's People]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 575 p.

Chvikalov, I.M. (1985). *Sovetskaya derevnya: partiynaya organizatsiya, sovety, komsomol* [Soviet Village: Party Organization, Soviets, Komsomol]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 173 p.

Nayda, S.F. (Ed.). (1967) *Sovety za 50 let* [Soviets During 50 Years]. Moscow, Mysl'. 494 p.

Oleynik, N.N. (1989). *Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii po ukrepleniyu Sovetov (1921–1925 gg.)* [Communist Party's Efforts for Soviet's Strengthening, 1921–1925]. Khar'kov, Izdatel'stvo Khar'kovskogo universitetata. 166 p.

Rybakov, R.V. (2012). Molodezh' i organy vlasti – opyt vzaimodeystviya v nachale 20-kh gg. XX v. [Youth and Authorities – Experience of Interaction in Early 1920s]. In *Omskiy nauchnyy vestnik*. No. 5, pp. 25–28.

Salamatova, M.S. (2012). Izbiratel'naya kampaniya 1924 goda v kontekste stanovleniya sovetskoy izbiratel'noy sistemy [Election Campaign 1924 in Context of Soviets Elective System's Establishment]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Seriya: Istoriya, filologiya.* Vol. 11, No. 8, pp. 82–86.

Salamatova, M.S. (2013). Elektoral'noe povedenie krest'yanstva v 1920-e gg. [Electoral Behavior of Peasantry in 1920s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* No. 4, pp. 12–17.

Salamatova, M.S. (2016) Institut otmeny vyborov v Sovetskoy Rossii: osobennosti pravovogo regulirovaniya i praktiki realizatsii (1918–1936 gg.) [Institution of Elections Cancellation in Soviet Russia: Features of Legal Regulation and Practical Implementation]. In *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs.* No. 16, pp. 79–97.

Slezin, A.A. (2000). Rol' komsomola v formirovanii politicheskoy kul'tury sovetskogo obshhestva (1921–1929 gg. na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya). [Komsomol Role in Establishment of Soviet's Society Political Culture (1921–1929 on the Sources of Central Chernozem'e)], Dr. hist. sci. diss. Tambov. 538 p.

Slezin, A.A. (2003). Rol' komsomola v izbiratel'nom protsesse i funktsionirovanii mestnykh sovetov (1921–1929 gg.) [Komsomol Role in Electoral Process and Functioning of Local Soviets (1921–1929)]. In *Klio.* No. 4, pp. 160–168.

В.А. Ильиных*

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ В РСФСР В УСЛОВИЯХ НЭПА: ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В 1922–1929 ГОДАХ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-3
УДК 94:324(47+57)"1921/1929"

Выходные данные для цитирования:
Ильиных В.А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 36–48. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-03.pdf

V.A. Il'inykh*

ELECTIONS TO THE SOVIETS IN THE RSFSR UNDER THE CONDITIONS OF THE NEP: FEATURES AND RESULTS OF ELECTION CAMPAIGNS IN 1922–1929**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-3

How to cite:
Il'inykh V.A. Elections to the Soviets in the RSFSR under the Conditions of the NEP: Features and Results of Election Campaigns in 1922–1929 // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 36–48. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-03.pdf]

Abstract. The article considers the functioning of the Soviet electoral system under the conditions of the NEP. For this purpose, a detailed analysis of the conduct of election campaigns to city and rural soviets in the RSFSR in 1922–1929 was carried out. The author identified the changes in the election law and electoral practices, the peculiarities of the behavior of various social groups during elections, the quantitative results of campaigns. Three main stages of the development of the electoral system in the study period were revealed. In the early 1920s anti-democratic election practices prevailed. The resulting decline in the authority of the soviets caused massive evasion from participating in elections among urban and rural residents. In the middle of the decade attempts were made to liberalize the electoral system. Rural and city soviets began to turn into real local self-government bodies. However, the decrease in the party's influence on the low-level authorities predetermined changes in electoral practices. At the end of the 1920s the methods of political and administrative pressure on voters prevailed again. It is concluded that the changes in the composition of the soviets that took place by 1930 were an indicator of the curtailment of the NEP that began on the initiative "from above". Rural soviets and district executive committees, from which persons undesirable to the authorities were eliminated, turned into reliable conductors of the agrarian policy of the Bolshevik Party and actively involved in forced collectivization and dekulakization. Deputies of city soviets and members of higher executive committees were also ready for "the great break".

Keywords: NEP, rural soviets, city soviets, organization of elections, electoral behavior, RSFSR.

The article has been received by the editor on 01.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Андреевич Ильиных,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Vladimir Andreevich Il'inykh, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academi of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: agro_iwa@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв. стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
The article was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Socio-economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

Аннотация. В статье рассматривается функционирование советской электоральной системы в условиях нэпа. С этой целью осуществлен детальный анализ проведения отдельных избирательных кампаний в городские и сельские советы в РСФСР в 1922–1929 гг. Определялись изменения избирательного права и электоральных практик, особенности поведения различных социальных групп общества во время выборов, количественные итоги кампаний. Выявлено три основных этапа развития избирательной системы в исследуемый период. В начале 1920-х гг. преобладали антидемократические практики проведения выборов. Связанное с этим падение авторитета советов вызвало массовый абсентеизм городских и сельских жителей. В середине десятилетия были осуществлены попытки либерализации избирательной системы. Сельские и городские советы стали превращаться в органы реального местного самоуправления. Однако снижение партийного влияния на низовые советы предопределило изменения избирательных практик. В конце 1920-х гг. вновь возобладали методы политического и административного давления на избирателей. Сделан вывод, что произошедшие к 1930 г. изменения в составе советов являлись показателем начавшегося по инициативе «сверху» свертывания нэпа. Сельсоветы и райисполкомы, из состава которых устранили неугодных власти лиц, превратились в надежных проводников аграрной политики большевистской партии, активно включившись в форсированную коллективизацию и раскулачивание. Готовыми к «великому перелому» оказались и депутаты горсоветов, члены вышестоящих исполкомов.

Ключевые слова: нэп, сельские советы, горсоветы, организация выборов, электоральное поведение, РСФСР.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023 г.

Важное значение для понимания функционирования советской политической системы имеет изучение организации выборов в органы власти. Специфическим этапом становления и трансформации электорального процесса в Советской России являлся период нэпа, в рамках которого сочетались тенденции к относительной либерализации избирательного права и наращивания антидемократических практик. Советская избирательная система в 1920-е гг. имеет обширную историографию. Ее детальный анализ осуществила М.С. Саламатова[1]. В настоящее время недостаточно исследованными остаются особенности отдельных избирательных кампаний в условиях нэпа.

Согласно конституционным нормам, вся власть на территории РСФСР (СССР) принадлежала советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Властью на местах являлись городские и сельские советы. Официальным механизмом формирования советов являлись выборы, осуществлявшиеся открытым голосованием на собраниях избирателей. В деревнях собрания избирателей являлись расширенным аналогом сельского схода, на который приглашались не только главы дворохозяйств, но и все избиратели. В городах и фабрично-заводских поселках избирательные собрания устраивались по так называемым «производственным или профессиональным единицам» (предприятия, учреждения, профессиональные союзы).

Собрания, организуемые по территориальному признаку (для не организованных в профсоюзы горожан), в большинстве городов не проводились[2]. В годы Гражданской войны и «военного коммунизма» подавляющее большинство горожан состояло на службе, а следовательно, входило в какую-нибудь профсоюзную организацию или находилось в армии. Отмена всеобщей трудовой повинности и демобилизация армии привели к росту численности так называемого неорганизованного населения. В 1920 г. доля данной категории

[1] *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск, 2016. С. 4–14.
[2] Там же. С. 206–207.

в общем числе избирателей составляла 7 %, в 1922 г. – 14 %, а в середине 1920-х гг. достигла половины[3]. На нормативном уровне необходимость организации избирательных собраний не только по производственным, но и по территориальным единицам была закреплена лишь в 1925 г. (см. ниже).

Избирательных прав по классовому признаку лишались граждане, «прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», «живущие на нетрудовые доходы», служители религиозного культа, бывшие полицейские и жандармы и т.п. Список категорий «лишенцев» мог расширяться и уточняться.

Органами власти в волостях (районах) являлись съезды советов, делегаты которых избирались депутатами местных советов. Состав уездных, окружных, областных, краевых и республиканских, а также Всероссийского и Всесоюзного съездов советов формировался из представителей городских советов и делегатов съездов нижестоящих советов. При этом норма представительства для городских советов была выше, чем для сельских. Съезды советов всех уровней формировали исполнительные комитеты, которые управляли соответствующим административно-территориальным образованием в межсъездовский период.

Большевики, пришедшие к власти в стране в результате Октябрьской революции, возглавили советы как органы государственной власти, устранили из них представителей иных партий и создали однопартийную систему. Руководство большевистской партии исполкомами советов осуществлялось путем оформляемого процедурой выборов назначения на руководящие должности членов партии.

В соответствии с принятыми в начале 1921 г. нормативными актами перевыборы городских, волостных, сельских и поселковых советов следовало проводить через каждые три месяца, а уездные, губернские и областные съезды советов созывать не реже двух раз в год[4].

Переход от «военного коммунизма» к нэпу предопределил увеличение сроков перевыборов. Данное решение диктовалось необходимостью жесткой экономии, в том числе и на содержание госаппарата. Кроме того, частое проведение перевыборных кампаний негативно сказывалось на эффективности государственного управления, отвлекая значительную часть партийного и советского актива. Состоявшаяся в начале октября 1921 г. четвертая сессия ВЦИК VIII созыва постановила осуществлять выборы в сельские и городские, а также проводить волостные съезды советов только два раза в год[5].

IX Всероссийский съезд советов, который состоялся в конце декабря 1921 г., вновь пересмотрел вопрос о сроках проведения выборов. Впредь перевыборы всех советов и созыв очередных съездов должны были осуществляться один раз в год[6].

В рамках реализации решений съезда ВЦИК в начале января 1922 г. утвердил положения о советах губернских, уездных, заштатных городов и поселков городского типа, об уездных съездах советов и их исполнительных комитетах, о волостных съездах советов и их исполкомах, о сельских советах, инструкцию о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов советов[7]. В соответствии с вышеназванным законодательным актом сельские советы стали образовываться в населенных пунктах, насчитывающих не менее 400 жителей, по норме 1 депутат на 200 чел. Ранее действующее положение о сельсоветах предусматривало их образование в селениях с числом жителей более 300 и по норме 1 депутат от 100 селян[8].

[3] Власть Советов. М., 1925. № 20. С. 4.
[4] Сборник важнейших постановлений и распоряжений Всероссийского центрального исполнительного комитета советов VIII-го созыва (за время января – ноябрь 1921 г.). М., 1921. С. 55–60.
[5] I–IV сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета VIII созыва (31 декабря 1920 г., 19–20 марта 1921 г., 30–31 мая 1921 г., 5–7 октября 1921 г.). Стенограф. отчет. М., 1922. С. XXXIII.
[6] IX Всероссийский съезд Советов. Стенограф. отчет. [М.] № 6. С. 51–52.
[7] СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90–93; № 56. Ст. 7.
[8] СУ РСФСР. 1920. № 11. Ст. 68.

В августе 1922 г. была издана инструкция ВЦИК «О перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов»[9]. Она устанавливала единый для всей республики срок начала и окончания выборов советов. Особое внимание в инструкции обращалось на недопущение к участию в выборах лиц, лишенных избирательных прав.

В конце 1922 г. впервые выборы в советы проводились одновременно по всей территории РСФСР сроком на один год. От участия в выборах было отстранено 1,4 % взрослого населения деревни. Большинство «лишенцев» составляли лица, жившие на «нетрудовые доходы», и служители культа. Так, в Пензенской губернии к данным категориям относилось соответственно 42 и 20 % граждан, лишенных избирательных прав. 19 % «лишенцев» являлись осужденными по суду, 15 % – бывшими агентами полиции и жандармерии, 4 % – умалишенными. Активность избирателей в выборную кампанию 1922 г. была крайне низкой. На собрания по выборам в сельсоветы явилось всего лишь 22,3 % избирателей, имевших право голоса. Официально это объяснялось последствиями массового голода, продолжающимися в ряде регионов антисоветскими вооруженными выступлениями. Участие женщин в выборах сельсоветов было минимальным – 14 % от общего числа участвующих в избирательных собраниях[10].

Всего в 1922 г. в РСФСР было переизбрано около 120 тыс. сельских советов (485 тыс. депутатов). Доля женщин среди них не превышала 1 %. Подавляющее большинство избранных в сельские советы депутатов составляли крестьяне – 94,3 %. Большая их часть, согласно официальным данным, относилась к деревенской бедноте. Так, в сельсоветах Сибири батраки и бедняки занимали 54,7 % депутатских мест, середняки – 44, зажиточные – 1,3 %. Удельный вес рабочих в сельсоветах РСФСР составлял 3,4 %, служащих – 1,3 %. Коммунисты получили в сельсоветах 6,1 % депутатских мест[11].

На волостные съезды было избрано 420 тыс. чел., уездные – 75 тыс., губернские – 14 тыс. Доля крестьян снижалась на каждой последующей ступени иерархии съездов: в волостных – 93,1 %, в уездных – 59,1, в губернских – 34,7 %. Соответственно увеличивалась доля рабочих (3,0, 16,8 и 34,0 %) и служащих (3,9, 24,1 и 33,3 %). Удельный вес женщин среди депутатов различного уровня хотя и увеличивался, но оставался незначительным: 1,2, 2,9, 5,3 %. Коммунистов и комсомольцев среди делегатов волсъездов было 11,7 %, уездных – 54,4, губернских – 78,8 %. Представители от других партий входили только в уездные советы (0,1 % от общего числа делегатов)[12]. Значительное наращивание числа делегатов, отнесенных к категории рабочих, служащих и членов большевистской партии, среди делегатов уездных и губернских съездов определялось более высокой нормой представительства делегатов горсоветов. В горсоветы уездных и губернских городов было избрано 51,0 и 51,7 % рабочих, 41,1 и 40,8 % служащих, 7,9 и 7,5 % красноармейцев, 61,6 и 78,5 % коммунистов и комсомольцев, 0,3 и 0,6 % представителей иных партий. В 1921 г. удельный вес беспартийных в горсоветах был выше и соответственно составлял 48,5 и 33,6 %. Следует также отметить, что в 1922 г. в выборах в городские советы приняло участие лишь 10,9 % так называемых неорганизованных избирателей[13].

В волисполкомы в 1922 г. было избрано 32 тыс. чел., в уездные исполкомы – 7 272 чел., в губисполкомы – 1 872 чел. Снижение крестьянского представительства в исполкомах разного уровня было еще более резким: в волисполкомах их доля составляла 82,2 %, уисполкомах – 24,4, губисполкомах – 10,2 %. При этом служащих в исполкомах указанных категорий было больше, чем рабочих: в волисполкомах – 9,9 и 7,9 %, в уисполкомах – 44,1 и 31,5 %, в губисполкомах – 46,5 и 43,3 %. Удельный вес членов большевистской партии

[9] СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706.

[10] *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968. С. 56–57; Власть Советов. 1923. № 8–9. С. 71.

[11] *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба… С. 57–58; Власть Советов. 1923. № 8–9. С. 71, 74; Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 188, 189.

[12] Власть Советов. 1923. № 3. С. 107; № 8–9. С. 68–70.

[13] Власть советов. 1925. № 20. С. 7; *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России… С. 206.

в волисполкомах превысил 40 %. А в уездных и губернских исполкомах коммунисты составляли абсолютное большинство: 81,2 и 91,0 %[14].

Несмотря на игнорирование выборов в советы со стороны абсолютного большинства избирателей, лидеры правящего режима признали кампанию 1922 г. в целом успешной. Выборы в 1923 г. должны были закрепить достигнутый успех и увеличить влияние компартии на низовые советы. Поставленная цель была достигнута. Местным партийным и комсомольским ячейкам удалось увеличить свое представительство в сельсоветах до 7,9 %. Удельный вес членов партии и комсомола на волостных съездах советов вырос до 17,8 %, волисполкомах – до 48,5 %. По официальным данным, больше в сельсоветах стало и бедняков. Выросла явка избирателей, составив в РСФСР в целом 37,2 %[15]. Увеличение в составе советов удельного веса членов компартии и ее беспартийных сторонников было достигнуто путем усиления политического давления на деревню.

На III съезде советов СССР председатель ЦИК М.И. Калинин говорил, что партячейки проводили своих кандидатов «не идейным завоеванием большинства голосов, а теми или другими механическими манипуляциями, искусственной затяжкой собраний, исключением из списка избирателей неугодных лиц под видом кулаков и т.д.»[16]. Избранные таким образом сельсоветы попадали в жесткое административное подчинение вышестоящих партийных и государственных органов и в первую очередь исполняли их директивы, осуществляя инспирированные сверху общегосударственные или местные хозяйственно-политические кампании.

Во время избирательной кампании конца 1924 г. политическое давление на деревню усилилось. Местные парткомы стремились еще больше нарастить свое влияние на сельские и городские советы. Увеличилось число «лишенцев». В 1923 г. в РСФСР в сельской местности было лишено избирательных прав около 1,3 % от числа избирателей, в городах – 8,2 %, в 1924 г. – 1,6 и 5,1 % соответственно. Общая численность «лишенцев» в 1924 г. составила 843,2 тыс. чел. Среди них преобладали торговцы, предприниматели и лица, живущие на «нетрудовой» доход – 76,9 % в городах и 37,6 % в сельской местности. За ними следовали лишенные прав по политическим мотивам – 11,7 и 30,1 % соответственно. Доля духовенства составляла 5,2 и 20,5 %. На категории осужденных по приговору суда и умалишенных приходилось 4,7 и 9,4 %[17].

Недемократический характер выборов и падение авторитета сельских советов вызвали массовый абсентеизм граждан РСФСР. На выборные собрания в сельской местности осенью 1924 г. в РСФСР явилось лишь 28,9 % избирателей. Только в Вотской автономной области явка избирателей превысила 50%-ный показатель (52,6 %). В 3/4 губерний процент участвовавших в выборах в сельсоветы был меньше 35 %. Явка на выборы горсоветов составила 30,7 %. При этом из так называемых неорганизованных избирателей в голосовании участвовало только 15,7 %. Среди членов профсоюза этот процент достигал 42 %, а красноармейцев – 72 %[18]. В Сибири на перевыборы сельсоветов не явилось 68,6 % избирателей. В ряде мест явка оказалась значительно ниже средней: в Тарском уезде – 16,4 %, Каменском – 18,6, Славгородском – 19,8 %[19].

Снижение числа голосовавших стало одним из факторов увеличения представительства в низовых советах членов компартии и комсомола. Их доля в сельсоветах составила 11,3 %, на волостных съездах – 28,8, в волисполкомах – 70,6 %. Особенностью выборов в низовые советы стал значительный рост удельного веса служащих: в сельсоветах с 2,7 до 5,3 %, в волостных съездах с 7,7 до 12,7 % и в волисполкомах с 14,2 до 20,5 %[20].

---

[14] Власть Советов. 1923. № 8–9. С. 71–74.
[15] Власть Советов. 1925. № 11. С. 10, 13.
[16] *Калинин М.И.* Статьи и речи. 1919–1935 гг. М., 1936. С. 191.
[17] Власть Советов. 1925. № 11. С. 10; *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России… С. 70–71.
[18] Власть Советов. 1925. № 11. С. 10; № 20. С. 5, 6.
[19] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1259. Л. 19, 67.
[20] Власть Советов. 1925. № 11. С. 11.

Массовая неявка крестьян на выборы являлась показателем их недовольства, причинами которого стали, помимо недемократичности выборов, завышенные цены на промтовары при крайне низких на сельхозпродукты, высокий уровень налогообложения. Власти опасались, что крестьяне от «голосования ногами» могут перейти к более активным действиям. В связи с этим РКП(б) скорректировала свою аграрную политику, приняв курс «Лицом к деревне». Помимо снижения налоговой нагрузки и установления более приемлемого для деревни соотношения цен, энергичному осуждению на самом высоком уровне подверглись «военно-коммунистические» методы воздействия на крестьянство. В районах, где в выборах осенью 1924 г. участвовало менее 35 % избирателей, выборы отменялись и в них в начале 1925 г. были проведены повторные выборы. Сельские парторганизации нацеливались на политические методы проведения избирательной кампании.

Были предприняты меры по демократизации избирательной системы, которые нашли отражение в инструкции Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. В ней впервые на нормативном уровне предусматривалось проведение избирательных собраний в городах не только по производственным, но и по территориальным единицам. Инструкция запрещала избирательным комиссиям или их уполномоченным предлагать избирателям списки кандидатов. Участники избирательных собраний получили право самостоятельно определять способ выдвижения кандидатов и голосования за них (по спискам или персонально)[21].

Всего повторные (полные или частичные) перевыборы прошли в 39 губерниях, областях и республиках РСФСР из 44. Одной из особенностей перевыборов явился отказ от списочного обсуждения кандидатов. Подобная система более соответствовала крестьянским традициям. Избирателям разносились повестки. Право голоса получили лица, незаконно лишенные избирательных прав. Удельный вес лишенцев среди сельских избирателей снизился с 1,6 до 1,3 %. Явка на повторные выборы значительно выросла, составив в итоге 44,7 % в сельской местности. В городах в избирательных собраниях приняли участие 38,9 % избирателей, в том числе 69 % красноармейцев, 52 % членов профсоюза и 24 % неорганизованных граждан. Небывалую доселе активность проявили женщины. Их явка на выборах сельсоветов и горсоветов в 1924 г. составляла 9,1 и 30,1 %, а на повторных выборах 1925 г. – 21,5 и 53,9 %[22].

Избирательная кампания характеризовалась пассивностью бедноты, настороженно принявшей «новый курс», и растерянностью многих сельских партячеек. В то же время резко усилилась политическая активность зажиточных крестьян и середняков, которые, как об этом заявлялось на районном партийном собрании Каменской райпарторганизации Новониколаевской губернии, «решают избрать Совет из середняцкого и зажиточного состава, дабы гарантировать защиту собственных интересов». Многих членов партии, имевших «военно-коммунистическое» прошлое, забаллотировали. Удельный вес коммунистов и комсомольцев в сельсоветах РСФСР снизился с 11,3 до 8,9 %. В то же время вырос средний возраст членов низовых советов. Жители многих деревень избирали в советы более возрастных и опытных депутатов и отвергали кандидатуры более прокоммунистически настроенной молодежи. Доля председателей сельсоветов в возрасте до 25 лет по сравнению с 1924 г. снизилась с 17,4 до 14,5 %, а граждан в возрасте от 41 года и старше увеличилась с 13,9 до 18,5 %[23].

Вновь избранные сельсоветы были ближе к крестьянам и значительно больше внимания обращали на нужды села, превращаясь в органы реального местного самоуправления. Однако власти восприняли снижение партийного влияния на деревенские советы как собственное поражение. Оценивая уроки перевыборов, «Правда» 12 июня 1925 г. указала, что в ряде регионов страны кулацкой верхушке удалось отчасти повести за собой среднее крестьянство.

---

[21] *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России… С. 186.

[22] Власть Советов. 1925. № 20. С. 1–6; 1926. № 24–25 С. 7; *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба… С. 121.

[23] Власть Советов. 1925. № 20. С. 1–6; *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба… С. 121.

В городских советах также произошли подвижки, свидетельствующие о демократизации их состава. Удельный вес избранных в них рабочих увеличился (в уездных городах с 31,2 до 42,3 %, в губернских городах с 44,3 до 53,8 %), а служащих снизился (с 54,1 до 41,4 % и с 44,2 до 27,9 %). Рост доли так называемых прочих депутатов, к коим причисляли представителей мелкобуржуазных и буржуазных слоев городского населения (с 7,0 до 10,3 % и с 3,8 до 11,5 %), также свидетельствует об увеличении их политической активности. В то же время доля коммунистов и комсомольцев в горсоветах губернских и уездных городов снизилась соответственно с 71,0 до 67,1 % и с 58,4 до 54,9 %[24].

Важной составной частью курса РКП(б) «Лицом к деревне» являлась политика «оживления» советов. Улучшению деятельности местных советов способствовало расширение их прав. Волостные советы стали иметь свои бюджеты, получили более широкие права в области здравоохранения, народного образования, культурно-просветительской работы, благоустройства. Перед ними была поставлена задача содействия в развитии сельского хозяйства, осуществлении агромероприятий, организации кооперативов.

Сельские советы получили право составлять приходно-расходные сметы, которые затем включались в волостные бюджеты. В их компетенцию вошли вопросы развития школьной сети, организации изб-читален, лечебно-санитарных учреждений. С целью более широкого вовлечения крестьян в работу советов был увеличен количественный состав сельсоветов. Один депутат избирался не от 200 чел., как это предусматривалось положением 1922 г. (см. выше), а от 100 чел. Увеличение числа членов позволило наладить работу комиссий (секций) сельсоветов по различным сферам их компетенции (землеустройства, культурно-просветительной, благоустройства и коммунального хозяйства и др.). В 1925 г. комиссии (от двух до пяти) были созданы почти во всех сельских и волостных (районных) советах. К работе комиссий в обязательном порядке должны были привлекаться представители общественных организаций, сельская интеллигенция[25].

Одним из препятствий на пути «оживления» сельских советов была признана их чрезмерная укрупненность, которая препятствовала участию в повседневной работе низовых органов власти жителей отдаленных селений. В связи с этим была поставлена задача оптимизации размеров наиболее крупных сельсоветов. В Сибири их число в 1924 г. увеличилось с 3 900 до 4 095, в Северо-Двинской губернии – со 165 до 209, в Московской губернии – с 2 351 до 2 376. Укрупнение сельсоветов продолжилось в 1925 и 1926 гг. За два года их число выросло с 50 701 до 54 835[26].

В связи с тем что повторная перевыборная кампания 1925 г. создала для большевистской партии определенные политические риски во взаимоотношениях с крестьянством, октябрьский (1925 г.) пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу активизации работы с беднотой. Надлежало поддержать экономические интересы бедняцких слоев деревни, направив их политическую активность против зажиточного крестьянства. В период избирательной кампании 1925/1926 г. стали проводиться (хотя еще в небольшом количестве) бедняцкие собрания, на которых намечались общие с сельячейками кандидаты в депутаты, разрабатывались проекты наказов, методы борьбы с кулачеством. Создавались первые постоянно действующие группы бедноты – политические структуры, организуемые по типу фракций при сельсоветах.

Но в целом выборы 1925/1926 г. прошли в условиях продолжения осуществления курса РКП(б) «Лицом к деревне». Высшие органы управления предостерегали местные власти от административного давления на избирателей. Инструкция о выборах городских и сельских советов, принятая ВЦИК 13 октября 1925 г., предусматривала некоторую либерализацию

[24] Власть Советов. 1925. № 20. С. 7.

[25] СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 827; *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба… С. 107, 108; История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советского власти. 1917–1927. С. 311–312.

[26] Власть Советов. 1925. № 33–34. С. 7; Административно-территориальное деление Союз ССР (на 1 января 1931 г.). М., 1931. С. XXV.

процедуры лишения избирательных прав[27]. Теперь их не лишались торговцы, выбиравшие патент первого разряда (торговля вразнос), вспомогательный персонал церквей и те, кто бесплатно выполнял определенные обязанности при церквях. Избирательные права, хотя и с оговорками, предоставлялись крестьянам и ремесленникам, нанимавшим не более одного взрослого работника или двух учеников.

В итоге доля «лишенцев» накануне выборов 1926 г. снизилась, составив в сельской местности 1,1 % (410 тыс. чел.), в городе – 4,5 % (более 290 тыс. чел.). Самую многочисленную категорию из них по-прежнему составляли «торговцы и посредники» (32,7 и 56,7 %), доля лиц, живущих на «нетрудовые» доходы, составляла 11,0 и 17,1 %, «прибегающих к наемному труду» – 3,6 и 3,2 %, духовенства – 23,0 и 6,0 %, лишенных по политическим мотивам – 11,7 и 3,0 %, осужденных по суду и умалишенных – 9,5 и 5,2 %[28].

На выборы в сельсоветы в РСФСР явилось 47,4 %, в горсоветы – 52,0 % избирателей. Явка женщин составила 28,7 и 42,9 % соответственно. В перевыборных собраниях в горсоветы приняло участие 60,5 % от имеющих на то право членов профсоюзов, 39,1 % – не организованных в профсоюзы избирателей, 71,3 % – красноармейцев[29].

В рамках кампании 1925/1926 г. в 51,9 тыс. сельских советов избрали 833,9 тыс. чел. Один сельсовет в среднем состоял из 16 депутатов. Удельный вес женщин среди членов сельсоветов составлял 10,1 %, а среди председательского корпуса – 0,7 % (в 1924/1925 г. – 9,0 и 0,4 %). Подавляющее большинство избранных в сельские советы были крестьянами – 90,1 %. Удельный вес рабочих, включая сельскохозяйственных, составлял 2,9 %, кустарей и ремесленников – 0,8, учителей, врачей, агрономов – 2,1, прочих служащих – 4,1 %. Председателей крестьян было 94,5 %, рабочих – 2,2, кустарей и ремесленников – 0,4, учителей, врачей, агрономов – 0,2, прочих служащих – 2,7 %. Доля председателей сельсоветов, впервые избранных на эту должность, составила 44,9 %. Доля членов большевистской партии в составе сельсоветов в 1925/1926 г. увеличилась по сравнению с предыдущей кампанией с 5,5 до 6,2 %, а среди председателей несколько сократилась – с 16,6 до 14,1 %. Комсомольцев в составе сельсоветов и в председательском корпусе стало больше: в 1924/1925 г. – 3,4 и 3,5 %, в 1925/1926 г. – 3,5 и 3,8 %[30].

Беспартийных стало больше и среди членов волисполкомов (райисполкомов) и их председателей: в 1924/1925 г. – 48,4 и 12,9 %, в 1925/1926 г. – 51,3 и 14,7 %. В составе волостных (районных) съездов советов и волисполкомов (райисполкомов) доля крестьян составляла 79,4 и 67,9 %, рабочих – 4,6 и 6,9 %, кустарей и ремесленников – 0,7 и 0,4 %, учителей, врачей, агрономов – 4,2 и 3,5 %, прочих служащих – 11,1 и 20,9 %. Доля женщин в указанных органах власти по сравнению с предыдущей кампанией увеличилась с 7,6 до 8,6 % и с 7,1 до 8,7 %. Крестьянами было 48,5 % председателей ВИКов (РИКов), рабочими – 8,4, учителями, врачами и агрономами – 1,9, прочими служащими – 41,1 %[31].

В городских советах продолжилось увеличение доли представителей неорганизованных избирателей: с 13,3 % в 1924/1925 г. до 17,2 % в 1925/1926 г. Удельный вес избранных в них служащих незначительно увеличился (с 35,7 до 39,2 %), а рабочих и красноармейцев снизился (с 46,0 до 38,8 % и с 5,1 до 4,8 %). Женщин в горсоветах также стало немного больше: 18,6 % в 1924/1925 г. и 20,0 % в 1925/1926 г. Выросла в них и доля беспартийных депутатов (с 43,6 до 50,5 %)[32].

Таким образом, в кампанию 1925/1926 г. продолжились начатые в рамках повторной кампании 1925 г. сдвиги в сторону демократизации функционирования избирательной системы. Но если на нижних ее этажах они имели реальный, то на верхних – показушный

[27] СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.
[28] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004. С. 22, 38; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. Вып. 1: выборы в сельские и волостные органы власти и городские Советы. М., 1927. С. 8, 21.
[29] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. С. 8, 10, 23.
[30] Там же. С. 11–13, 15.
[31] Там же. С. 18, 19.
[32] Там же. С. 26, 28.

характер. Рабочие «от станка» и крестьяне «от сохи» избирались на губернские, областные/краевые в соответствии с заранее принятой разверсткой и после тщательной проверки кандидатов.

Июльский (1926 г.) пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в целом положительно оценил результаты избирательной кампании 1925/1926 г.[33] Наряду с этим были отмечены ее недостатки и риски. Лидеры правящей партии полагали, что по мере строительства социализма возрастает сопротивление капиталистических элементов. Наиболее опасным при этом считалось сопротивление кулачества, которое могло повести за собой среднее крестьянство. В связи с этим перед партийными организациями в ходе подготовки и проведения избирательной кампании 1927 г. была поставлена задача активизировать работы по организации бедноты, на этой основе сплотить бедняцко-середняцкий блок и добиться политической изоляции кулачества. Критериями успеха избирательной кампании для местных властей должно было стать увеличение в составе сельских советов удельного веса бедноты, коммунистов и комсомольцев. Важное значение отводилось привлечению в советы женщин.

Начавшаяся в конце 1926 г. избирательная кампания отличалась возросшим политическим давлением государства и правящей партии на деревню. Возросла антикулацкая направленность агитационно-массовой работы. Выросли масштабы работы с беднотой. В Сибирском крае провели 7,6 тыс. бедняцких собраний, на Урале – 7,3 тыс., в Ленинградской, Новгородской и Псковской губерниях – 5,4 тыс. На данные собрания также приглашались середняки. В Сибирском крае они составляли примерно 23 % их состава. На предвыборных общих собраниях широко практиковались отчеты райисполкомов[34].

В соответствии с утвержденной ВЦИК 26 ноября 1926 г. Инструкцией о выборах городских и сельских советов расширялся контингент лиц, лишенных избирательных прав[35]. Крестьяне и ремесленники не лишались избирательных прав за применение наемного труда только в том случае, если оно было вынужденным в связи с болезнью, мобилизацией, избранием на общественную должность с отрывом от производства. Лишались избирательных прав все частные торговцы независимо от разряда патента, а также священнослужители и вспомогательный персонал церквей независимо от того, получали ли они за исполнение своих обязанностей вознаграждение. К категории «лишенца» отнесли не только бывших белых офицеров и военных чиновников, но и «руководителей контрреволюционных банд». В 1926 г. была фактически введена в действие предусмотренная Инструкцией ВЦИК о выборах от 13 октября 1925 г. норма, предусматривающая лишение избирательных прав членов семей «лишенцев»[36].

В итоге доля лишенных избирательных прав в сельской местности РСФСР увеличилась более чем в 3 раза, составив 3,3 % (1 338,2 тыс. чел.). «Рекордсменами» по удельному весу «лишенцев» были Крымская АССР и Северо-Кавказский район (7,8 и 5,4 %). Самой многочисленной категорией лиц лишенных права избирать и быть избранными стали так называемые иждивенцы (члены семей «лишенцев») – 39,2 %. Доля лишенных прав «торговцев и посредников» составляла 19,1 %, «прибегающих к наемному труду» – 11,8, живущих на «нетрудовые» доходы – 4,7, духовенства – 10,4, лишенных по политическим мотивам – 7,4, осужденных по суду и умалишенных – 7,4 %. В городах РСФСР число «лишенцев» возросло более чем в 2 раза, составив 6,9 % (590 тыс. чел.). Доля «частных торговцев и посредников» среди них составляла 43,5 %, иждивенцев – 28,3 %[37].

В собраниях по перевыборам сельских советов в начале 1927 г. приняло участие 47,4 % избирателей, что было несколько меньше, чем год назад. Явка женщин незначительно увеличилась и составила 29,9 %[38]. В рамках кампании 1926/1927 г. в 54,9 тыс. сельских советов

[33] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 36–38.
[34] *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба… С. 158; *Гущин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 117.
[35] СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.
[36] Там же. 1925. № 79. Ст. 603.
[37] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. … С. 7, 8, 21; *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России… С. 146.
[38] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. … С. 10.

РСФСР избрали 921,7 тыс. чел. Один сельсовет в среднем состоял из 17 депутатов. Удельный вес женщин среди членов сельсоветов составлял 11,8 %, а среди председательского корпуса – 1,2 %. В сельсоветы были избраны 89,1 % крестьян, 4,3 % рабочих, 0,8 % кустарей и ремесленников, 2,3 % учителей, врачей, агрономов, 3,2 % прочих служащих, 0,3 % красноармейцев. Председателей-крестьян было 94,5 %, рабочих – 5,0, кустарей и ремесленников – 0,4, учителей, врачей, агрономов – 0,1, прочих служащих – 2,0 %. Наиболее существенно среди членов сельсоветов и их председателей увеличилась доля рабочих. Больше в сельсоветах стало бедноты. 21,8 % членов сельсоветов были освобождены от уплаты сельхозналога в связи с маломощностью хозяйства, еще 25,3 % уплачивали в счет сельхозналога менее 1 руб. Удельный вес членов компартии и комсомольцев в составе сельсоветов и в председательском корпусе увеличился до 7,8 и 18,7 %. Доля председателей, избранных на эту должность в первый раз, составила 37,6 %[39].

На районные (волостные) съезды избрали 289 тыс. чел. (10,4 % из них были женщинами), в волисполкомы – 37,9 тыс. (10,1 %), председателями РИков (ВИКов) – 3,5 тыс. чел. (0,2 %). В составе съездов и исполкомов указанного уровня крестьяне составляли 77,2 и 67,3 %, рабочие – 6,3 и 9,0 %, кустари и ремесленники – 0,6 и 0,4 %, учителя, врачи, агрономы – 5,1 и 3,7 %, прочие служащие – 10,4 и 19,0 %. Крестьянами было 61,0 % председателей РИКов (ВИКов), рабочими – 10,0, учителями, врачами и агрономами – 2,0, прочими служащими – 26,6 %. Компартию и ВЛКСМ представляли 23,7 и 7,6 % делегатов съездов, 50,1 и 4,6 % членов исполкомов, 89,3 и 0,8 % председателей[40].

Выборы в горсоветы в 1926/1927 г. проходили в условиях введения в действие нового положения о городских советах, которое предусматривало их преобразование из собрания с совещательно-консультативными функциями в орган самоуправления. Горсоветы получали статус юридического лица. Пленум совета, как общее собрание депутатов, получал значительные полномочия. Он составлял, рассматривал и утверждал городской бюджет и отчет об его исполнении, решал вопросы, касающиеся организации городского управления. В структуру горсовета входили избираемые президиум и председатель, депутатские секции по направлениям деятельности. В губернских и уездных городах для непосредственного управления городским хозяйством горсоветы учреждали городские коммунальные отделы. Техническое выполнение всей остальной работы горсовета возлагалось на отделы соответствующих исполкомов[41].

Расширение компетенции городских советов способствовало повышению активности их электората. В собраниях по выборам горсоветов приняло участие 59,5 % избирателей. По сравнению с предыдущей кампанией существенно выросла явка женщин и членов профсоюзов, составившая 50,7 и 70,0 % соответственно. В то же время участие не организованных в профсоюзы групп избирателей увеличилось незначительно (до 43,5 %)[42].

В городские советы 591 города РСФСР избрали 72,5 тыс. чел. Удельный вес женщин в депутатском корпусе составлял 21,2 %. Представителями профсоюзов в горсоветах являлись 66,1 % депутатов, групп неорганизованных граждан – 29,3, красноармейцев – 4,6 %. По роду занятий и социальному положению 37,9 % членов советов были рабочими, 10,5 % – рабочими, «занятыми на других работах» (фактически служащими), 31,9 % – служащими, 6,7 % – домохозяйками, 2,8 % – кустарями и ремесленниками, 1,3 % – учащимися, 4,2 % – крестьянами, 4,1 % – красноармейцами. Доля коммунистов и комсомольцев в составе городских советов увеличилась до 53,4 %[43].

В соответствии с законодательством СССР и РСФСР очередная кампания по перевыборам советов должна была пройти зимой 1927/1928 г. Однако ежегодное проведение выборов признали нецелесообразным. В апреле 1927 г. IV съезд советов СССР внес в Консти-

[39] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. … С. 11, 12, 14, 15; Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 69.
[40] Выборы в советы и состав органов власти в СССР… С. 16, 17, 19.
[41] СУ РСФСР. 1925. № 91. С. 602.
[42] Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. … С. 23.
[43] Там же. С. 26, 28, 30.

туцию Союзного государства изменение, в соответствии с которым очередные съезды советов СССР следовало созывать один раз в два года[44]. Решение Всесоюзного съезда означало изменение электорального цикла и в союзных республиках, включая РСФСР.

Несмотря на отмену выборов, в первой половине 1928 г. произошла существенная ротация в составе председателей сельсоветов. Многие из них были отстранены от своих должностей и привлечены к уголовной ответственности за невыполнение заданий по хлебозаготовкам и сбору налоговых и неналоговых платежей. Иные председатели покидали пост по собственному желанию. Проверка, проведенная в девяти губерниях, краях и областях европейской части России, зафиксировала, что текучесть руководящих работников сельсоветов в межвыборный период достигла в среднем 47 % «с отклонением в отдельных случаях до 100 %». В некоторых сельсоветах председатели менялись по 4–5 раз[45].

Первоначально предполагалось перенести очередные выборы на осень 1928 г. Считалось, что зимой низовой советский аппарат загружен проведением различных хозяйственно-политических кампаний. На страницах советской прессы также говорилось о том, что перенос выборов отвечает интересам беднейших слоев избирателей. Часть бедняков не имеет необходимой зимней одежды, что препятствует их участию в перевыборных собраниях[46].

Осень как время сбора урожая и последующей распутицы являлась еще менее удачным временем для выборов. 11 августа 1928 г. Президиум ЦИК СССР постановил провести очередные перевыборы советов в ранее принятые сроки. 13 августа 1928 г. аналогичное решение принял ВЦИК. Предвыборная кампания начиналась в декабре 1928 г., избирательные собрания в сельсоветы – в январе, в горсоветы – в феврале 1929 г.[47]

Одной из основных задач кампании являлась «полная» политическая изоляция капиталистических элементов[48]. Главные усилия в данной сфере были направлены на сельскую местность. Накануне и в ходе кампании была проведена проверка сельских избирательных комиссий на предмет наличия в них «классово чуждых элементов». В Сибирском крае было «вычищено» около двух тысяч членов сельизбиркомов. Многократно увеличилось количество батрацких, бедняцких, женских и молодежных собраний. Активизировалась деятельность групп бедноты. В организации выборной кампании участвовали направлявшиеся в деревню рабочие бригады. Так, из рабочих Москвы было организовано 67 лыжных бригад, которые провели 32 митинга, 114 бесед, 52 собрания бедноты, 23 художественные постановки[49].

Вновь увеличилось число лиц, лишенных избирательных прав: в сельской местности – до 3,9 % избирателей (1706 тыс. чел.), в городских поселениях – до 7,2 % (711 тыс. чел.). Прирост контингента «лишенцев» в деревне в основном произошел за счет членов их семей: с 39,2 до 49,1 %. Доля лишенных прав «торговцев и посредников» составляла 15,4 %, «прибегающих к наемному труду» – 10,5, живущих на «нетрудовые» доходы – 4,7, духовенства – 8,9, лишенных по политическим мотивам – 6,2, осужденных по суду и умалишенных – 5,2 %. В городах РСФСР в общем числе лишенцев увеличился удельный вес лиц, «прибегающих к наемному труду» (с 3,6 до 4,4 %), живущих «на нетрудовые доходы» (с 7,7 до 10,1 %), духовенства (с 3,8 до 4,0 %), иждивенцев (с 33,4 до 36,2 %)[50].

Явка составила 62,2 %, в том числе в сельской местности – 60,7 %, в городах – 70,1 %. В голосованиях приняли участие 46,9 % селянок и 64,4 % горожанок. При выборах в горсоветы традиционно высокой была активность избирателей, организованных в профсоюзы, − 80,4 %. От «неорганизованного населения» в выборах участвовало 58,2 %[51].

[44] СЗ СССР. 1927. № 21. Ст. 242.
[45] Советское строительство. 1929. № 5. С. 8.
[46] Власть Советов. 1928. № 3. С. 3.
[47] СЗ СССР. 1928. № 52. Ст. 463; СУ РСФСР. 1928. № 107. Ст. 669.
[48] Власть Советов. 1928. № 19–20. С. 6.
[49] Советское строительство. 1929. № 4. С. 98; Выборы в советы и состав… С. 20.
[50] Выборы в советы и состав… С. 39–41.
[51] Там же. С. 36–38.

По итогам перевыборов в РСФСР в сельские советы был избран 1 млн членов, в городские советы – 71,6 тыс. членов, на районные и волостные съезды – 263,0 тыс. членов. Удельный вес впервые избранных депутатов составил более 60 % (в 1926/1927 г. – более 50 %). В сельсоветы было избрано 62,6 % новых депутатов, на окружные и уездные съезды – 62,3 % (в 1926/1927 г. – 53,9 и 50,5 %)[52].

Произошли политически значимые изменения в составе советов. Увеличилось число коммунистов и комсомольцев. Среди депутатов сельсоветов доля членов и кандидатов в члены ВКП(б) составляла 9,3 %, членов и кандидатов в члены ВЛКСМ – 5,8 %, делегатов районных и волостных съездов – 31,3 и 8,2 % соответственно, окружных и уездных съездов – 55,2 и 6,6 %. Доля батраков и сельхозрабочих в сельсоветах выросла почти в три раза: с 2,8 до 7,9 %. В горсоветах доля рабочих увеличилась с 47,9 до 54,9 %. Удельный вес женщин в составе сельсоветов достиг 19,0 %, в горсоветах – 26,7 %[53].

В составе председателей сельсоветов увеличилась доля женщин (с 1,2 до 7,1 %), членов компартии (с 18,7 до 30,7 %), комсомольцев (с 5,1 до 7,3 %), батраков и сельхозрабочих (с 1,7 до 5,5 %), освобожденных от уплаты сельхозналога по маломощности хозяйства (с 15,5 до 31,3 %). Снизился их средний возраст. Доля лиц в возрасте до 23 лет и от 24 до 29 лет выросла соответственно с 9,6 до 11,3 % и с 32,7 до 38,8 %, в возрасте с 30 до 39 лет и старше 40 лет уменьшилась с 39,3 до 36,1 % и с 18,4 до 10,4 %. Резко выросла сменяемость председательского корпуса. Половина председателей была избрана на эту должность в первый раз[54]. Несмотря на существенные сдвиги в составе председателей сельсоветов, их социальный облик в целом остался прежним. Большинство председателей были беспартийными крестьянами-налогоплательщиками.

Однако удельный вес беспартийных крестьян сокращался уже на уровне районных и волостных исполкомов, а для крестьян в целом – на уровне окружных и уездных исполкомов. Доля крестьян в РИКах/ВИКах составляла 58,3 %, в окрисполкомах/уездных исполкомах – 26,6 %, в крайисполкомах – 12,6 %, доля беспартийных членов указанных видов исполкомов – 39,9, 28,8 и 24,5 % соответственно. Рабочие «от станка» в исполкомах советов среднего уровня составляли меньшинство: 14,4 % – в окружных и уездных, 15,1 % – в краевых. Преобладающей группой в них являлись служащие, в том числе те из них, которые официально причислялись к рабочим, но занимали административно-хозяйственные должности: 46,4 и 62,3% соответственно[55].

Завершение электорального цикла 1928/1929 г. не означало приостановки трансформации состава советов. Накануне перехода к массовой коллективизации его ротация на низовом уровне стала еще более интенсивной. Из сельских советов изгонялись руководители, нежелающие или неспособные проводить все более радикализирующуюся аграрную политику большевистского режима. Так, в 15 округах Сибири с 1 апреля по 1 октября 1929 г. сменилось 1135 председателей сельсоветов (23,5 % от общего числа). 824 из них были сняты с работы: 565 – как «растратчики, пьяницы, сросшиеся с кулаком, искажающие классовую линию»; 259 – как «слабые, не справляющиеся с работой». 204 человека покинули должность «по собственному желанию», 107 – по иным причинам. За тот же период в 13 округах края сменилось 77 председателей райисполкомов (40 %). 10 сняли с работы как «растратчиков, пьяниц и искажающих классовую линию», 11 уволили как «слабых, не справляющихся с работой», 12 уволились «по собственному желанию», 18 «передвинули» на другую должность, 26 ушли по иным причинам. Максимальный процент сменяемости председателей РИКов имели Минусинский (75 %), Бийский (85 %), Новосибирский (86 %), Ачинский (99 %) и Киренский округа (200 %)[56].

Произошедшие в 1929 г. изменения в составе советов являлись показателем не улучшения их качественных характеристик, а начавшейся по инициативе «сверху» разбаланси-

[52] Выборы в советы и состав… С. 67, 73, 75, 79, 82, 93.
[53] Там же. С. 43, 66–82.
[54] Там же. С. 68–69.
[55] Там же. С. 76, 80, 83.
[56] Власть Советов. 1929. № 52. С. 9–10.

ровки социально-политической системы нэповской России. Сельсоветы и райисполкомы, из состава которых устранили неугодных власти лиц, превратились в надежных проводников аграрной политики большевистской партии, активно включившись в форсированную коллективизацию и раскулачивание. Готовыми к «великому перелому» оказались и депутаты горсоветов, члены вышестоящих исполкомов.

Литература

Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987. 330 с.

История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. 455 с.

Калинин М.И. Статьи и речи. 1919–1935 гг. М.: Партиздат, 1936. 463 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 4: 1926–1929. 575 с.

Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 294 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.

Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.

References

Egorova, A.G., Bogolyubova, K.M. (Ed.). (1984). *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 9-e izd. T. 4: 1926–1929* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. 9th ed.]. Moscow, Politizdat. 575 p.

Gushhin, N.Ya., Il'inykh, V.A. (1987). *Klassovaya bor'ba v sibirskoy derevne (1920-e – seredina 1930-x gg.)* [Class Struggle in the Siberian Countryside (1920s – mid–1930s)]. Novosibirsk, Nauka. 330 p.

Kalinin, M.I. (1936). *Stat'i i rechi. 1919–1935 gg.* [Articles and Speeches. 1919–1935]. Moscow, Partizdat. 463 p.

Krasil'nikov, S.A (Ed.). (2004). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920s–1930s)]. Novosibirsk, Sibirskiy hronograf. 456 p.

Kukushkin, Yu.S. (1968). *Sel'skie sovety' i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.)* [Village Councils and the Class Struggle in the Countryside (1921–1932)]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 294 p.

Salamatova, M.S. (2016). *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practice (1918–1936)]. Novosibirsk, NGUEU. 340 p.

Sharapov, G.V. (Ed.). (1986). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. T. 1: Krest'yanstvo v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti. 1917–1927* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 1: The Peasantry in the First Decade of Soviet Power. 1917–1927]. Moscow, Nauka. 455 p.

Т.И. Морозова*

«ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ… ПРАВ ШИРОКОЙ ДЕМОКРАТИИ» ИЛИ «ОПРЕДЕЛЕННЫЙ МАНЕВР КОММУНИСТОВ»? ПЕРЕВЫБОРЫ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В СИБИРИ (ОКТЯБРЬ 1924 – МАРТ 1925 ГОДА)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-4
УДК 94(571.1/.5)+342.843'1924/1925'

Выходные данные для цитирования:
Морозова Т.И. «Предоставление… прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских советов в Сибири (октябрь 1924 – март 1925 года) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 49–63. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-04.pdf

T.I. Morozova*

"GRANTING… THE RIGHTS OF BROAD DEMOCRACY" OR "A CERTAIN MANEUVER OF THE COMMUNISTS"? RE-ELECTIONS OF RURAL COUNCILS IN SIBERIA (OCTOBER 1924 – MARCH 1925)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-4

How to cite:
Morozova T.I. "Granting… the Rights of Broad Democracy" or "a Certain Maneuver of the Communists"? Re-elections of Rural Councils in Siberia (October 1924 – March 1925) // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 49–63.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-04.pdf]

Abstract. The article explores the history of rural council elections in Siberia, which took place from October 1924 to March 1925. The election campaign was quite extraordinary, with a combination of different processes such as primary elections, cancellation of results in some areas, and early re-elections. The study is based on detailed analysis of regulations, party and Soviet bodies' meeting transcripts, statistical and information reports, and materials from various periodicals. It finds out that in mid-October 1924, the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee approved several regulations regarding rural councils' competence, organization principles, and financing sources. At the same time, the high-ranking party and Soviet leadership unexpectedly changed their political course to significantly increase the proportion of non-party members in the composition of rural councils. The USSR Central Election Commission failed to get local election commissions to take into account new directives, and this resulted in the councils' executive committees cancelling the results of already-held elections and appointing new ones. In Siberia, almost all larger administrative divisions, except the remote ones, were affected by the cassation. In consequence of the snap elections by the end of March 1925, the total number of rural councils in Siberia increased from 3,485 to 3,677, but their membership decreased from 61,901 to 60,169 people. Compared to the autumn campaign, on average, the share of peasants in rural councils increased from 93.7 to 94.6 %, and non-party members increased from 87.1 to 94.5 %. The article concludes that the election campaign was experimental, and this caused a contradictory and wary attitude towards it among the peasantry. At the same time, snap elections had crucial ideological significance since they contributed to the establishment of ideas about the democratization of the electoral process in the RSFSR in the public mind.

Keywords: Soviet authorities, rural councils, Soviet electoral system, elections, New Economic Policy, Siberia.

* **Татьяна Игоревна Морозова,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: mti137@yandex.ru
Tatiana Igorevna Morozova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: mti137@yandex.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).
The article was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Society and Power in Russia in the 20th – early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors" (FWZM-2024-0008).

The article has been received by the editor on 01.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена выборам в сельские советы, проходившим в Сибири с октября 1924 по март 1925 г. Данная избирательная кампания стала одной из самых неординарных в годы новой экономической политики, поскольку сочетала три разнонаправленных процесса: первичные выборы в сельсоветы, отмену их результатов в отдельных районах РСФСР и проведение там внеочередных перевыборов. Исследование основано на комплексном анализе нормативных актов, стенограмм заседаний партийных и советских органов разных уровней, статистических отчетов и информационных сводок, материалов центральной, областной и губернской периодической печати. Показано, что в середине октября 1924 г., т.е. в самый разгар очередной кампании по выборам в сельские советы, Президиум ВЦИК принял несколько документов, касавшихся их компетенции, принципов организации и источников финансирования. Одновременно высшее партийно-советское руководство неожиданно приняло курс на заметное увеличение в составе сельских советов доли беспартийных крестьян. Не сумев в разгар избирательной кампании добиться от избирательных комиссий учета новых директив, ЦИК СССР разрешил исполкомам советов отменять результаты уже состоявшихся выборов и назначать новые. В Сибири кассация затронула почти все крупные административно-территориальные единицы за исключением наиболее отдаленных: Ойротской автономной области, Туруханского и Киренского уездов. В результате внеочередных перевыборов к концу марта 1925 г. общее количество сельских советов в Сибири увеличилось с 3 485 до 3 677, а их численность, напротив, сократилась с 61 901 до 60 169 чел. По сравнению с осенней кампанией в среднем по Сибири доля крестьян в составе сельсоветов выросла с 93,7 до 94,6 %, беспартийных – с 87,1 до 94,5 %. Сделан вывод, что избирательная кампания носила экспериментальный характер. Это предопределило противоречивое и настороженное отношение к ней в крестьянской среде. Вместе с тем проведение внеочередных выборов имело важное идеологическое значение, поскольку способствовало утверждению в общественном сознании представлений о демократизации избирательного процесса в РСФСР.

Ключевые слова: советская власть, сельские советы, советская избирательная система, выборы, новая экономическая политика, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023 г.

Выборы в различные органы власти и степень участия населения в этом процессе в значительной мере определяют характер политического режима. Насколько всеобщие равные тайные прямые выборы принято считать признаком развитой демократии, настолько же полный отказ от них ассоциируется с авторитаризмом.

Роль и значение выборов в России, на протяжении XX в. пережившей несколько политических систем и режимов, неоднократно и зачастую кардинально менялись. Причем декларируемые властями принципы далеко не всегда совпадали с реальным положением дел. Так, принятая в июле 1918 г. Конституция РСФСР декларировала, что отныне вся власть в России должна принадлежать «целиком и исключительно трудящимся массам» в лице избираемых ими советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[1]. Данное положение давно поставлено под сомнение исследователями, убедительно доказавшими, что реальная

[1] Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 года): сборник документов / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 425.

власть в советской политической системе принадлежала относительно узкому слою партийно-советской номенклатуры.

Тем не менее выборы являлись важным инструментом легитимации советского политического режима, что обусловило пристальный интерес к этой тематике со стороны не только историков, но и правоведов. К настоящему времени существует несколько десятков научных публикаций, прямо или косвенно затрагивающих проблемы формирования и функционирования советской избирательной системы. В том числе исследователи выяснили, какие категории населения имели право избирать и быть избранными, как менялись на протяжении 1918–1936 гг. нормы представительства в советы разных уровней, каким образом осуществлялась процедура выборов и что могло послужить основанием для отмены их результатов. Особое внимание в научной литературе уделено таким явлениям, как лишение избирательных прав и добровольное уклонение граждан от участия в выборах.

Новосибирский историк М.С. Саламатова, специально исследовавшая обозначенную проблематику, пришла к заключению, что советская избирательная система формировалась таким образом, чтобы обеспечивать максимальную лояльность большевикам со стороны советов и съездов всех уровней[2]. Данный вывод представляется в целом убедительным, но плохо соотносится с утверждением автора о якобы произошедших в 1924–1925 гг. демократизации и даже либерализации избирательного процесса[3]. Основания для такого утверждения М.С. Саламатова видела в кассации состоявшихся осенью 1924 г. выборов и проведении в феврале – марте 1925 г. внеочередных перевыборов под лозунгом «оживления советов».

В качестве основных причин отмены результатов выборов 1924 г. сначала советские, а затем и российские исследователи называли низкую явку избирателей, недостаточное количество беспартийных крестьян и крестьянок в составе советов, распространенные случаи нарушений избирательного законодательства (административное давление)[4]. Справедливо утверждая, что высокий абсентеизм населения и недовольство крестьян тем, как была проведена кампания, вряд ли могли послужить самодостаточными причинами кассации, М.С. Саламатова обосновала принятие данного решения «несовпадение[м] ожиданий, на которые рассчитывало политическое руководство страны, и результатов избирательной кампании 1924 г.»[5].

Сама по себе кассация выборов в 1920-е гг. являлась неординарным событием, благодаря чему она упоминается почти во всех исследованиях, так или иначе относящихся к проблемам советского строительства или избирательного процесса 1920-х гг. Однако, как ни парадоксально, внеочередные перевыборы, без которых невозможно в полной мере оценить решение об отмене предыдущих результатов, до сих пор оставались на периферии исследовательских интересов.

Зачем все-таки высшее партийное руководство инициировало внеочередные перевыборы сельских советов? Являлось ли их проведение на самом деле признаком демократи-

[2] *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.): монография. Новосибирск, 2016. С. 316–318.

[3] *Саламатова М.С.* Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224; *Саламатова М.С.* Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17; *Саламатова М.С.* Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. Вып. 16. С. 79–97; *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России… С. 315.

[4] Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 165; *Щуранова Е.Н.* Проблема взаимоотношений сибирских крестьян и деревенских коммунистов в 1924–1925 гг. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 5 (56). С. 142–143; *Корешкова Т.А., Салоников Н.В.* Выборы в Советы Новгородской губернии 1924–1926 гг. (по материалам Государственного архива Новгородской области) // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность: мат-лы VI Междунар. науч. конф. Великий Новгород, 2018. С. 48; *Кромер Л.В.* Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924–1925 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 41; *Упоров И.В.* Законодательство о выборах в местные Советы в советском государстве (1918 – середина 1920-х годов) // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 3–4 (61). С. 254–257; и др.

[5] *Саламатова М.С.* Институт отмены выборов в Советской России… С. 82–83.

зации избирательного процесса? Как перевыборы повлияли на численность и состав сельских советов? Попытка по крайней мере частично ответить на поставленные вопросы представлена в настоящей статье, посвященной выборам в сельские советы одной из самых крестьянских областей РСФСР – Сибири.

* * *

После прихода большевиков к власти в России была сформирована разветвленная сеть городских и сельских советов. В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. срок полномочий этих органов составлял всего три месяца, что на практике оказалось почти нереализуемо. Как правило, в годы гражданской войны сельские советы избирались два раза в год[6]. Состоявшийся в декабре 1921 г. IX Всероссийский съезд советов официально изменил периодичность перевыборов, постановив, что отныне они должны проводиться только один раз в год[7]. Параллельно с избранием сельских советов проходили выборы в волостные исполнительные комитеты советов.

В январе 1922 г. эта периодичность была дополнительно закреплена в утвержденном Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов (ВЦИК) «Положении о сельских советах». В документе также устанавливалось, что сельские советы образуются в населенных пунктах, в которых проживает не менее 400 жителей из расчета «1 депутат на каждые 200 чел. населения, но не более 25 депутатов»[8]. Жителям более мелких поселений предоставлялось право участвовать в выборах в совет соседнего села. Согласно положению, сельсоветам вменялись в обязанности выполнение постановлений вышестоящих советских органов, принятие мер, направленных на охрану порядка, повышение хозяйственного и культурного уровня населения, привлечение к этой работе самих трудящихся, а также подготовка отчетов об их деятельности. Работу председателя сельсовета предписывалось оплачивать губернскому исполнительному комитету советов «из местных средств»[9]. Однако на практике такой порядок, как правило, означал оплату за счет самообложения крестьян, причем в натуральной форме[10].

В 1922 г. в РСФСР по приблизительным оценкам насчитывалось около 120 тыс. сельских советов, в которых состояли примерно 484 тыс. членов. Явка избирателей в среднем по стране составила 22,3 %[11]. Пассивность крестьянства объяснялась его малограмотностью, отсутствием избирательной традиции и присущим деревне представлением о советах как фискальных органах, в обязанности которых входил исключительно сбор налогов[12]. В условиях перехода к новой экономической политике большинство крестьян не желали ни избирать, ни быть избранными. Отмена разверстки и объявление продналога вызвали массовый отказ со стороны сельских советских работников от занимаемых ими должностей в пользу возвращения к традиционным крестьянским занятиям[13].

В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) анонсировал проведение так называемого районирования – «реформы административно-хозяйственного деления СССР в целях упрощения, удешевления и приближения к массам советского аппарата». Основными задачами кампании было объявлено укрупнение волостей и развитие «ближайших к массам органов власти», т.е. сельских и городских советов[14].

Районирование проводилось поэтапно, причем в различных губерниях и областях РСФСР в разное время, растянувшись в итоге почти на семь лет. Одной из первых областей, приступивших к реформированию, оказалась Сибирь. За первую половину 1924 г. на ее

[6] *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 169.
[7] Постановление о советском строительстве // Власть Советов. М., 1922. № 1–2. С. 77.
[8] Положение о сельских советах // Власть Советов. М., 1922. № 1–2. С. 81.
[9] Там же.
[10] *Кириллов К.* Работа сельских советов // Ячейка и советы в деревне: сборник статей и материалов / под ред. Я. Яковлева и М. Хатаевича. М.; Л., 1925. С. 33.
[11] Советы, съезды советов и исполкомы (материалы к изучению советской системы управления). М., 1924. С. 5.
[12] *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу… С. 408.
[13] *Белобородов А.* Сельсоветы и волисполкомы в новых условиях // Власть Советов. М., 1922. № 7–9. С. 16.
[14] О районировании // Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года: стенограмма. М., 1968. С. 698.

территории вместо 838 волостей было создано 245 районов[15]. По данным исследователей, к 1 октября 1924 г. в Сибири действовало 5 874 сельских совета[16].

Очередная избирательная кампания в РСФСР была намечена на октябрь 1924 г. В рамках подготовки к ней в конце августа 1924 г. в периодической печати была опубликована утвержденная президиумом ВЦИК «Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов»[17]. В ней определялись порядок формирования избирательных комиссий и их обязанности, основания для лишения избирательных прав и принципы составления списков лишенцев. В рамках подготовки к выборам центральные и местные периодические издания приступили к публикации статей и заметок, разъяснявших значимость предстоявшей кампании.

Только за первую неделю октября 1924 г. выборы состоялись в 24 уездах РСФСР, в результате чего в сельские советы были избраны 30 637 чел. Из них 2 057, или 7,4 %, по данным НКВД, являлись коммунистами[18].

С 7 по 16 октября 1924 г., т.е. в самый разгар избирательной кампании, в Москве проходила очередная сессия ВЦИК. В центре ее обсуждения оказались два вопроса: о структуре советской власти и о местных бюджетах. Выступивший с докладом по первому из них секретарь ВЦИК А.С. Киселев констатировал, что в связи с укрупнением волостей полномочия сельских советов следует значительно расширить. В том числе речь шла о передаче им части прав и обязанностей, которыми ранее располагали исключительно волостные исполкомы: учет населения, регистрация актов гражданского состояния, засвидетельствование подписей, заключение договоров и т.д.[19] Такое перераспределение компетенции советских органов должно было минимизировать необходимость крестьян преодолевать значительные расстояния для решения самых заурядных вопросов.

По итогам обсуждения доклада А.С. Киселева 16 октября 1924 г. ВЦИК утвердил новое «Положение о сельских советах»[20]. Согласно этому документу, основными задачами сельсоветов объявлялись повышение эффективности ведения крестьянского хозяйства, защита прав и улучшение жизни трудящихся, широкое вовлечение крестьян и крестьянок в управление государством. В отличие от ранее действовавшего положения, в новой редакции значительное внимание уделялось компетенции сельсоветов. В том числе подробно оговаривались «предметы [их] ведения» в следующих областях: 1) управления и охраны революционного порядка; 2) земельного дела, хозяйства, торговли и благоустройства; 3) финансово-налоговой; 4) военной; 5) культурно-просветительной и здравоохранения; 6) социального обеспечения[21].

Еще одним нововведением, зафиксированным в Положении, стало предоставление права избирать сельские советы населенным пунктам, в которых проживало не менее 300 жителей, а не 400, как прежде. То есть, по сути, выполнялась установка XII съезда РКП(б) на приближение низовых советских органов к населению.

Тем самым количество сельских советов и объем работы в них должны были заметно увеличиться. Учитывая, что труд членов сельсоветов не оплачивался, а председатели, на которых приходилась основная нагрузка, получали нерегулярную оплату в натуральной форме, ожидалось, что такие изменения, вероятнее всего, усилят нежелание крестьян избираться в эти органы власти.

---

[15] Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник. Новосибирск, 1966. С. 15.
[16] Крестьянство Сибири в период строительства социализма… С. 164.
[17] Советская Сибирь (Новониколаевск). 1924. 30 авг.
[18] Перевыборы советов // Известия. 1924. 9 окт.
[19] Доклад секретаря ВЦИК тов. А. Киселева о низовом советском аппарате // Известия. 1924. 9 окт.
[20] Положение о сельских советах (утверждено 16 октября 1924 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. 5 дек. 1924 г. № 82. Ст. 827. С. 1173–1179.
[21] Формулировки и последовательность изложения – как в документе.

Чтобы минимизировать данный риск и обеспечить стабильную работу сельсоветов, ВЦИК предпринял еще несколько организационных мер. Во-первых, одновременно с вышеназванным Положением было принято постановление «О волостном бюджете», предусматривавшее, в том числе, расходы на сельские советы[22]. Во-вторых, новое «Положение о сельских советах» разрешало в случае необходимости и с ведома волостного исполкома наряду с председателем иметь в сельсовете секретаря. В-третьих, одновременно с избранием сельсоветов предписывалось отныне избирать также ревизионную комиссию, в задачу которой входила проверка финансово-хозяйственной деятельности совета[23].

Через неделю, 23 октября 1924 г., секретарь ЦК РКП(б) Л.М. Каганович в своем выступлении на совещании секретарей сельских ячеек положительно оценил расширение прав сельских советов и впервые публично поставил вопрос о том, как проходят выборы. В качестве положительной тенденции докладчик назвал повышение активности населения, аргументировав это тем, что с 1922 по 1923 г. явка на выборах повысилась с 22,3 до 35,8 %. Однако достигнутый показатель он назвал недостаточным и призвал добиваться того, «чтобы все трудовое население, имеющее избирательные права, участвовало в выборах». Вместе с тем Л.М. Каганович выразил опасение, что предоставление сельским советам средств из волостного бюджета может вызвать «непосредственную экономическую заинтересованность кулаков в участии в органах власти». Поэтому первоочередными задачами кампании объявлялось привлечение на избирательные собрания бедняков и проведение в сельские советы, а затем и в волисполкомы, «лучшей части беспартийных крестьян, отражающих настроение масс и наиболее авторитетных для населения коммунистов»[24].

Именно на совещании секретарей сельских ячеек комплекс мер, направленных на улучшение работы низового советского аппарата, был назван «оживлением деятельности советов». Несколько дней спустя этот лозунг был включен в резолюцию пленума ЦК РКП(б) «Об очередных задачах работы в деревне»[25].

Пока высшее партийно-советское руководство принимало новые положения, постановления и резолюции, на местах продолжалась избирательная кампания. К середине ноября 1924 г. выборы состоялись в 170 уездах РСФСР, в результате чего членами сельсоветов были избраны 200 590 чел., в том числе 22 211 коммунистов. По предварительной оценке НКВД, за 1923–1924 гг. доля коммунистов в составе сельсоветов выросла с 7,7 до 11,1 %[26].

На большей части территории Сибири перевыборы состоялись в октябре, а в некоторых наиболее отдаленных районах затянулись до середины ноября 1924 г. В целом по Сибири избирательное право имели 3 144 958 сельских жителей, из которых участие в кампании приняли 986 435 чел., т.е. 31,4 %[27]. Явка избирателей по шести губерниям Сибири и Ойротской автономной области колебалась в диапазоне от 27,2 до 34,7 % (табл. 1).

С конца ноября 1924 г. газета «Советская Сибирь» начала публиковать первые сведения о результатах состоявшихся выборов. В публикациях то и дело отмечались успехи проведенной кампании. Так, корреспондент из Енисейской губернии писал о заметном (с 0,02 до 7,7 %) увеличении по сравнению с 1923 г. доли женщин в составе сельских советов[28]. Восторженные отзывы поступали из Омска: находившийся там корреспондент

[22] О волостном бюджете (принято 16 октября 1924 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. 24 дек. 1924 г. № 87. Ст. 878. С. 1265–1267.

[23] Положение о сельских советах (утверждено 16 октября 1924 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. 5 дек. 1924 г. № 82. Ст. 827. С. 1178–1179.

[24] О низовом советском аппарате (сельсоветы и волисполкомы) // Известия. 1924. 26 окт.

[25] Об очередных задачах работы в деревне // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3: 1922–1925. С. 299–304.

[26] Перевыборы советов // Известия. 1924. 18 нояб.

[27] *А.* Советский аппарат в сибирской деревне // Советская Сибирь. 1925. 25 февр.

[28] Итоги перевыборов советов в Енисейской г[уб]. // Советская Сибирь. 1924. 21 нояб.

утверждал, что «кулаки не прошли нигде», и сообщал об избрании в сельсоветы большого количества бедняков, демобилизованных красноармейцев и женщин[29].

Таблица 1

Явка избирателей на выборах в сельские советы в Сибири, 1924–1925 гг., в %*

Административно-территориальная единица	Явка избирателей в октябре – ноябре 1924 г.	Явка избирателей в феврале – марте 1925 г.
Алтайская губерния	30,3	57,2
Енисейская губерния	34,4	44,3
Иркутская губерния	29,3	46,3
Новониколаевская губерния	32,1	46,0/46,3**
Омская губерния	30,5	52,6/57,2**
Томская губерния	27,2/29,3**	45,7
Ойротская автономная область***	34,7	–

* *Составлено по*: ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1671. Л. 7 об., 11, 15 об., 17, 23; *Ж.* Как прошли перевыборы в Новониколаевской губернии // Советская Сибирь. 1924. 29 нояб.; *А[лтайский]*. Выборы в Ойротии // Советская Сибирь. 1924. 19 дек.; Результаты перевыборов благоприятны // Советская Сибирь. 1925. 10 апр.; *Г.* Что дали вторичные перевыборы // Советская Сибирь. 1925. 15 апр.; *Рощин А.* Активность крестьянства возросла (итоги перевыборов советов в Сибири) // Советская Сибирь. 1925. 15 мая; *Женишек*. Вторичные выборы в Омской губ. // Власть Советов. 1925. № 21. С. 24–25; *К. С.* Итоги перевыборов Советов. По Енисейской, Тамбовской, Псковской и Череповецкой губерниям // Власть Советов. 1925. № 23–24. С. 33–35.

** Данные в источниках расходятся.

*** В Ойротской автономной области перевыборы не производились.

По неполным сведениям (без учета Омского, Каинского и Хакасского уездов), за октябрь – ноябрь 1924 г. в Сибири были избраны 3485 сельских советов, насчитывавших 61 901 члена. Из них 93,7 % составляли крестьяне, 2,9 % – рабочие и батраки, 2,8 % – служащие и 0,6 % – «лица интеллигентного труда», под которыми понимались врачи, агрономы и т.п. Около 15 % членов сельсоветов оказались неграмотными[30].

Одним из важнейших показателей, учитываемых партийными и советскими органами, являлось соотношение коммунистов и беспартийных. Причем зачастую статистические сводки оформлялись таким образом, что к коммунистам причисляли не только членов и кандидатов в члены партии, но и комсомольцев. Соответственно под «беспартийными» в рамках избирательной кампании понимали всех, кто на момент учета не состоял ни в РКП(б), ни в РЛКСМ. В разных губерниях доля таких «беспартийных» в составе сельсоветов колебалась в диапазоне от 73,8 до 91,3 % (табл. 2). В среднем по Сибири в результате осенней избирательной кампании 87,1 % членов сельсоветов были «беспартийными», 9,5 % – членами и кандидатами в члены РКП(б) и 3,4 % – членами РЛКСМ[31].

Параллельно с выборами в сельские советы по всей РСФСР проходили выборы в волостные и районные исполнительные комитеты. По данным НКВД на 18 ноября 1924 г., было избрано 6104 члена волисполкома, в том числе 3904 коммуниста (т.е. 64 %)[32]. В Сибири, где к началу выборов в основном завершился первый этап районирования, избирались районные исполкомы советов. Членами этих органов по итогам осенней кампании 1924 г. стали 933 чел., 72,1 % из которых были коммунистами[33].

[29] Сибирская жизнь по телеграфу // Советская Сибирь. 1924. 13 дек.

[30] *Рощин А.* Активность крестьянства возросла (итоги перевыборов советов в Сибири) // Советская Сибирь. 1925. 15 мая.

[31] Там же.

[32] Перевыборы советов // Известия. 1924. 18 нояб.

[33] Рассчитано по: *Рощин А.* Активность крестьянства возросла…

Таблица 2

Результаты выборов в сельские советы в Сибири, октябрь – ноябрь 1924 г.*

Административно-территориальная единица	Избраны членами сельсоветов**, чел.	из них	
		женщины, в %	«беспартийные»****, в %
Алтайская губерния	7 500	6,2	73,8
Енисейская губерния	9 856	7,6/7,7 ***	89,1
Иркутская губерния	6 194	13,1	н/д
Новониколаевская губерния	8 073	8,4	79,1
Омская губерния	н/д	н/д	91,3
Томская губерния	16 296	11,0	88,8
Ойротская автономная область	1 192	16,2	77,6

* *Составлено по*: Перевыборы Советов // Известия. 1924. 9 окт.; Перевыборы советов // Известия. 1924. 24 окт.; Перевыборы советов // Известия. 1924. 12 нояб.; Итоги перевыборов советов в Енисейской г[уб]. // Советская Сибирь. 1924. 21 нояб.; *Ж.* Как прошли перевыборы в Новониколаевской губернии // Советская Сибирь. 1924. 29 нояб.; Сибирская жизнь по телеграфу // Советская Сибирь. 1924. 7 дек.; Итоги перевыборов низовых советов по [Новониколаевской] губернии // Советская Сибирь. 1924. 11 дек.; *М. Г.* Перевыборная компания по Иркутской губернии // Советская Сибирь. 1924. 11 дек.; *А[лтайский]*. Выборы в Ойротии // Советская Сибирь. 1924. 19 дек.; Перевыборы в советы в Алтайской губернии // Советская Сибирь. 1925. 25 марта; *Рощин А.* Активность крестьянства возросла (итоги перевыборов советов в Сибири) // Советская Сибирь. 1925. 15 мая; *Женишек*. Вторичные выборы в Омской губ. // Власть Советов. 1925. № 21. С. 24–25.
** Неполные сведения (данные на основе текущей статистики).
*** Данные в источниках расходятся.
**** Без учета комсомольцев.

В газете «Известия», являвшейся официальным печатным органом ВЦИК и ЦИК СССР, 22 ноября 1924 г. была опубликована передовая статья, в которой столь заметная доля коммунистов в составе сельсоветов, вол- и райисполкомов объяснялась применением на местах «старой тактики, когда все усилия направлялись к повышению этого процента». Автор статьи сообщал, что выборы состоялись пока только в 42 % всех уездов РСФСР, и выражал надежду, что там, где они еще не завершены, все-таки будет принят курс на «большее вовлечение беспартийных в советскую работу»[34].

Однако в течение последующего месяца соотношение коммунистов и «беспартийных» в низовых советских органах РСФСР почти не изменилось. 19 декабря «Известия» оценивали ситуацию в заметно более жесткой риторике: «Мы должны признать, что местные работники совершают крупный политический промах, и что им надлежит как можно скорее выпрямить свою линию, считаясь с указанием центральных органов»[35]. Хотя никаких публичных заявлений о возможной отмене результатов уже состоявшихся выборов в середине декабря сделано не было, именно этот вариант стал активно обсуждаться в центре и на местах.

В Сибири вопрос о целесообразности внеочередных перевыборов стал предметом оживленной дискуссии на заседании состоявшегося 20–23 декабря 1924 г. пленума Сибирского краевого комитета РКП(б). «Почему мы должны непременно брать на себя всю ответственность за управление деревней, почему бы [нам] не поделиться с беспартийными и не заставить их участвовать в этом деле[?]», – вопрошал присутствовавших председатель Сибревкома М.М. Лашевич[36].

Мнения участников заседания разделились. За проведение внеочередных перевыборов с целью более широкого вовлечения в советские органы беспартийных крестьян выступили секретарь Новониколаевского губкома партии Н.А. Филатов и заведующий организационно-

[34] К перевыборам советов // Известия. 1924. 22 нояб.
[35] Еще о результатах советских перевыборах // Известия. 1924. 19 нояб.
[36] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

распределительным отделом Сибкрайкома РКП(б) А.К. Лепа[37]. Тогда как А.В. Гриневич и Т.В. Симонов, являвшиеся ответственными секретарями Иркутского и Омского губкомов РКП(б) соответственно, оценивали результаты выборов в подведомственных им организациях как удовлетворительные и не требовавшие отмены[38]. Руководствуясь аналогичными соображениями, заведующий орготделом Омского губкома И.Г. Конончук предложил предоставить решение вопроса о целесообразности перевыборов местам[39]. Другие члены пленума, выступившие в прениях, ограничились общими фразами о необходимости улучшения работы советов, специально не останавливаясь на проблеме перевыборов.

Практическим результатом дискуссии стало включение в резолюцию пленума Сибкрайкома РКП(б) «О работе в деревне» пункта, в соответствии с которым губкомам предлагалось обсудить возможность проведения внеочередных перевыборов сельсоветов и райисполкомов до очередного Всесоюзного съезда советов. Проводить новую кампанию предписывалось на основе нового «Положения о сельских советах» и с учетом постановления октябрьского пленума ЦК РКП(б)[40].

Точно неизвестно, имело ли партийно-советское руководство Сибири информацию о решениях, готовившихся на самой вершине властной пирамиды, или свою роль сыграло политическое чутье, но принятие Сибкрайкомом решения о проведении перевыборов всего на несколько дней опередило аналогичное решение по стране в целом. Уже 29 декабря 1924 г. ЦИК СССР предписал исполнительным комитетам советов разных уровней отменить результаты выборов в тех районах, в которых «имели место неправильные действия и упущения в работе избирательных комиссий» или «избиратели недостаточно полно участвовали в выборах»[41]. Широта и неточность формулировок предоставляли исполкомам возможность кассировать или не кассировать выборы в любой волости или районе на свое усмотрение.

С 7 по 9 января 1925 г. при Президиуме ЦИК СССР состоялось совещание по советскому строительству. Именно на нем председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, судя по всему, вскрыл истинные мотивы, которыми руководствовалось высшее партийно-советское руководство, призывая избирать в низовые органы власти главным образом беспартийных. Первый заключался в стремлении убедить общество в демократичности советского политического режима: «Надо, чтобы массы видели, что управляют не только коммунисты, надо постепенно исцелить население, в особенности крестьянство, от взгляда, что коммунистическая партия управляет непосредственно, надо чтобы население видело, что управляют и непартийные». Второй мотив, о котором намеренно или случайно проговорился М.И. Калинин, удивительным образом был созвучен с идеей М.М. Лашевича о том, чтобы переложить ответственность за проводимую правящей партией политику на беспартийных. «Когда крестьянская масса, – говорил М.И. Калинин, – будет конкретно видеть, что эти непартийные участвуют в управлении (пусть они и ошибаются), несомненно этим самым часть ответственности будет возлагаться [крестьянами] именно на самих себя»[42].

Аналогичные мысли звучали в докладе Л.М. Кагановича. Он полагал, что избрание в сельские советы беспартийных крестьян поможет скорее убедить их в необходимости уплаты налогов: именно налоговые поступления являлись основным источником формирования волостного бюджета, из которого финансировалась в том числе деятельность сельсоветов[43].

[37] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 109, 114.
[38] Там же. Л. 110, 117.
[39] Там же. Л. 112.
[40] Резолюция по работе в деревне // Советская Сибирь. 1924. 25 дек.
[41] О перевыборах в советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / науч. ред. Ю.А. Веденеев, И.Б. Борисов. М., 2010. С. 83.
[42] Совещание по советскому строительству // Известия. 1925. 7 янв.
[43] Об основных задачах совещания и плане его работ // Известия. 1925. 9 янв.

Особое внимание Л.М. Каганович уделил кассации выборов и процедуре их повторного проведения. В качестве критерия для отмены результатов он предложил установить 35-процентный порог явки избирателей и наличие жалоб со стороны населения. 9 января 1925 г. в «Известиях» была опубликована стенограмма выступления Л.М. Кагановича, в которой он заявил, что задача местных советских органов заключается в том, чтобы «показать крестьянству, что <…> они имеют право обжаловать неправильные выборы»[44].

Оба критерия легли в основу постановления «О перевыборах в Советы», утвержденного Президиумом ЦИК СССР 16 января 1925 г. Отменять результаты выборов разрешалось как на всей территории республики, области или губернии, так и выборочно. Важным нововведением стало внедрение «повесточной системы оповещения избирателей» о месте и времени проведения выборов там, где это было возможно с организационно-технической точки зрения[45].

В тот же день Президиум ЦИК СССР утвердил новую инструкцию о перевыборах в советы. Изучение именно этого документа в первую очередь привело исследователей к выводу о демократизации избирательного процесса. Так, избирательным комиссиям разрешалось только оглашать фамилии кандидатов, но не выдвигать их, а избирательному собранию предоставлялось право самостоятельно решать, проводить голосование за список кандидатов целиком или же за каждого, кто в него включен, персонально. Выдвигать кандидатов отныне можно было не только заранее, но и непосредственно во время собрания. Кроме того, избирательным комиссиям предписывалось обнародовать списки лиц, лишенных избирательных прав, не за 10, как прежде, а за 20 дней до выборов, чтобы предоставить «лишенцам» возможность обжаловать данное решение. Срок подачи жалоб на проведение самих выборов был увеличен с трех до семи дней после их окончания[46].

Выступление Л.М. Кагановича и постановления Президиума ЦИК СССР инспирировали не только поток официальных заявлений о допущенных нарушениях, но их активное обсуждение на местах. Так, согласно сводке материалов информационного отдела ОГПУ, 15 января 1925 г. двое бедняков деревни Руслановки Сосновского района Омского уезда заявили: «Выборы в с[ель]с[овет] прошли против нашего желания». Утверждалось также, что в деревне в принципе сложилось мнение, что советская власть только «на словах выборная, а фактически назначенская»[47]. Аналогичные настроения фиксировались органами ОГПУ также по другим районам Омской, Томской и Новониколаевской губерний[48].

Новость о кассации выборов вызвала небывалое оживление. Еженедельный журнал ВЦИК «Власть Советов» позднее описывал это явление следующим образом: «При первых же известиях о назначении новых выборов деревня всколыхнулась. Пошли толки, пересуды, а в некоторых местах досужие язычки не преминули пустить слушок, вроде того, что коммунисты отдают власть, что власть вообще переменилась и т.д. и т.п.»[49].

Анализ обзоров политического состояния СССР и сводок информационного отдела ОГПУ, составленных в январе – апреле 1925 г., позволяет утверждать, что в деревне были распространены три основные точки зрения. Одна часть крестьян увидела в предстоящих перевыборах «предоставление им прав широкой демократии»[50]. По всей видимости, эта точка зрения основывалась на традиционном для российского народа представлении о том, что высшая власть ничего не знала о злоупотреблениях местных партийно-советских работников, и убежденности в ее искреннем желании устранить внезапно обнаружившиеся недо-

[44] Об основных задачах совещания и плане его работ…
[45] О перевыборах в советы // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / науч. ред. Ю.А. Веденеев, И.Б. Борисов. М., 2010. С. 83–84.
[46] Об инструкции о перевыборах в Советы // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / науч. ред. Ю.А. Веденеев, И.Б. Борисов. М., 2010. С. 85–91.
[47] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 24.
[48] Там же. Л. 180–181.
[49] Вторичные выборы в Омской губ. // Власть Советов. 1925. № 21. С. 24.
[50] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 13; Д. 187. Л. 182.

статки. «Центр узнал, что партийные сами себя избрали, и отменил выборы», – утверждал середняк Барнаульского уезда Томской губернии[51].

Другие крестьяне интерпретировали отмену результатов голосования как проявление слабости коммунистического режима и признак его скорого краха. Новую актуальность среди сторонников этой версии приобрел лозунг «За Советы без коммунистов!», распространенный в сибирской деревне с начала 1920-х гг. «В сельсоветы не выбираются, а назначаются карьеристы-коммунисты, и Соввласть будет только тогда, когда крестьяне выгонят из советов этих людей», – такое высказывание органы ОГПУ приписывали еще одному середняку из Томской губернии[52].

И только немногие разглядели в кассации тактический ход, направленный на укрепление советской власти за счет населения. «Перевыборы – это определенный маневр коммунистов, – утверждал крестьянин Купинского района Омской губернии. – Сначала допустят к власти, а потом за всякую мелочь будут под суд отдавать»[53]. Такого же мнения придерживались некоторые зажиточные крестьяне Омского уезда той же губернии: «Знаем мы, с какой целью делают перевыборы, сами все развалили, а нам хотят отдать все исправлять»; «перевыборы – это только подманка, нас хотят заманить, а потом эти же коммунисты отдадут нас под суд»[54].

По данным НКВД, к 16 февраля 1925 г. повторные (полные или частичные) перевыборы были назначены в 17 губерниях РСФСР, в том числе в Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской и Томской[55]. Таким образом, отмена выборов в той или иной степени коснулась всех шести губерний Сибири. Единственное исключение составила Ойротская автономная область: результаты прошедших там выборов были признаны удовлетворительными, несмотря на то, что в них приняло участие только 34,7 % избирателей, а процент беспартийных в составе сельсоветов оказался одним из наиболее низких по Сибири. Реальной причиной утверждения результатов выборов в Ойротии, по всей видимости, стала географическая удаленность области и плохая инфраструктура, что не позволяло провести повторные перевыборы до Всероссийского съезда советов, намеченного на апрель 1925 г.

В Енисейской губернии (за исключением Туруханского уезда) провести внеочередные перевыборы сельсоветов планировалось с 15 февраля по 1 марта, в Алтайской – с 20 февраля по 5 марта, в Омской – с 20 февраля по 10 марта, в Иркутской (за исключением Киренского уезда) – с 25 февраля по 6 марта, в Томской – с 1 по 15 марта, в Новониколаевской – с 10 по 28 марта[56]. На практике в отдельных районах кампания затянулась до конца марта 1925 г.

Первые итоги кампании 30 марта 1925 г. подвел ответственный секретарь Сибкрайкома РКП(б) С.В. Косиор. На очередном заседании пленума краевого комитета он заявил, что перевыборы были абсолютно необходимыми и имели «колоссальное политическое значение»[57].

Количественные результаты кампании партийно-советское руководство Сибири подвело только к середине мая 1925 г. На основе полученных с мест статистических отчетов выяснилось, что на этот раз право голоса имели 2 736 612 чел., а приняли участие в выборах 1 360 609, т.е. 49,7 %[58].

Благодаря частичным перевыборам, произведенным на основании новых норм и правил, общее количество сельских советов в Сибири увеличилось с 3 485 до 3 677. Однако численность состоявших в них членов не только не выросла, но даже немного сократилась:

[51] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 97.
[52] Там же. Л. 180.
[53] Там же. Д. 188. Л. 29.
[54] Там же. Д. 187. Л. 183.
[55] Перевыборы советов // Известия. 1925. 17 февр.
[56] Когда будут проходить перевыборы советов в Сибири // Советская Сибирь. 1925. 25 февр.; Кассация выборов советов // Власть Советов. М., 1925. № 10. С. 20.
[57] Пленум Сибкрайкома РКП // Советская Сибирь. 1925. 1 апр.
[58] *Рощин А.* Активность крестьянства возросла…

с 61 901 до 60 169 чел. Из них 94,6 % были крестьянами, 2,4 % – служащими, 1,8 % – рабочими и батраками, 0,9 % – представителями сельской интеллигенции. То есть по сравнению с результатами прошлых выборов произошло незначительное увеличение доли крестьян и служащих за счет рабочих и батраков[59].

Установка высшего партийно-советского руководства на более активное привлечение «беспартийных» к участию в советской работе обеспечила рост этой категории населения в составе сельских советов Сибири с 87,1 до 94,5 %. Такая динамика стала возможной благодаря сокращению процента коммунистов (с 9,5 до 5,6 %) и комсомольцев (с 3,4 до 1,2 %)[60]. Примерно за тот же период по 411 уездам РСФСР, в 123 из которых в феврале – марте 1925 г. прошли внеочередные перевыборы, доля членов и кандидатов в члены РКП(б), избранных членами сельсоветов, уменьшилась с 11,7 до 5,1 %[61]. Таким образом, изменение партийного состава низовых советских органов в Сибири хоть и с отставанием, но соответствовало всероссийской тенденции.

Еще более показательны данные по отдельным губерниям. Так, с осени 1924 по весну 1925 г. доля «беспартийных» в составе сельсоветов по Омской губернии увеличилась на 4,2 %, в Енисейской – на 5,9 %, в Томской – на 7,1 %, в Новониколаевской – на 14,7 %, в Алтайской – на 16,6 % (табл. 2, 3). Стремительное достижение избирательными комиссиями поставленных высшим партийно-советским руководством задач и получение почти идентичных результатов в разных губерниях (табл. 3) позволяет предположить, что внеочередные перевыборы являлись управляемой кампанией, нацеленной на получение заранее намеченного результата.

Таблица 3

Результаты внеочередных перевыборов в сельские советы в Сибири, февраль – март 1925 г.*

Административно-территориальная единица	Избраны членами сельсоветов, чел.	из них	
		женщины, в %	«беспартийные»****, в %
Алтайская губерния	н/д	8,2	90,4
Енисейская губерния**	8 723	8,3	95,0
Иркутская губерния***	н/д	6,7	95,0
Новониколаевская губерния	11 941	7,4	93,8
Омская губерния	н/д	10,1	95,5
Томская губерния	1 628	13,1	95,9

* *Составлено по:* ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1671. Л. 7 об., 11, 15 об., 17, 23; Д. 1679. Л. 55 об.; *М.* Рост активности (Томская губерния) // Советская Сибирь. 1925. 10 апр.; *Элли.* Перевыборы в Енисейской губ. // Советская Сибирь. 1925. 15 апр.; Перевыборы волостных советов. Тулуновский уезд // Власть труда. 1925. 20 марта; Перевыборы в советы в Алтайской губернии // Советская Сибирь. 1925. 25 марта; *Рощин А.* Активность крестьянства возросла (итоги перевыборов советов в Сибири) // Советская Сибирь. 1925. 15 мая; *Женишек.* Вторичные выборы в Омской губ. // Власть Советов. 1925. № 21. С. 24–25; *К. С.* Итоги перевыборов Советов. По Енисейской, Тамбовской, Псковской и Череповецкой губерниям // Власть Советов. 1925. № 23–24. С. 33–35.

** Неполные сведения. Данные по Канскому, Красноярскому, Минусинскому и Хакасскому уездам.

*** Неполные сведения. Данные только по Тулуновскому уезду.

**** Без учета комсомольцев.

Подводя предварительные итоги кампании по Новониколаевскому уезду, 10 апреля 1925 г. краевая газета «Советская Сибирь» констатировала, что «главная задача перевыборов – возможно более широкое вовлечение в советы беспартийной крестьянской массы – достигнута»[62]. Аналогичным образом, но уже в центральной печати, оценивались результаты

[59] *Рощин А.* Активность крестьянства возросла…

[60] Там же.

[61] Перевыборы советов в РСФСР (сводка статбюро НКВД по 14 апреля) // Известия ВЦИК. 1925. 16 апр.

[62] См., например: Итоги перевыборов (Новониколаевский уезд) // Советская Сибирь. 1925. 10 апр.

кампании в Омской губернии: «Можно сказать, что правильно проведенные перевыборы вдохнули живую струю в жизнь деревни, которая, благодаря выявленной активности и заинтересованности крестьянства в работе низовых советов, несомненно будет сдвинута в сторону улучшения»[63]. Положительно охарактеризовало проведенную кампанию и высшее партийно-советское руководство. Так, выступая в мае 1925 г. перед активом московской партийной организации, Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин заявил, что «фаза укрепления советской власти и насаждения советской демократии уже началась»[64].

* * *

Выборы в сельские советы 1924–1925 гг. оказались одной из самых неординарных избирательных кампаний периода новой экономической политики. Впервые в масштабах РСФСР параллельно с выборами в советы принимались решения об отмене их результатов в отдельных районах и проводились внеочередные перевыборы. Представляется, что главную причину такого развития событий нужно искать в состоянии «верхов» правившей РКП(б), которая к тому времени не только являлась инициатором и главным организатором всех политических кампаний в стране, но и зачастую заранее предопределяла их результаты.

После смерти основателя и вождя большевистской партии В.И. Ленина наиболее амбициозные члены Политбюро ЦК (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и И.В. Сталин) надолго увязли в «междоусобной» борьбе. Благодаря этому открылось «окно возможностей» для тех членов Политбюро и секретарей ЦК, которые составляли второй эшелон элиты (Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.И. Калинина и др.). Они получили шанс не только сформулировать, но и транслировать собственные взгляды, не опасаясь наказания за такое своеволие. В результате в партийных «верхах» были высказаны разные точки зрения о нэпе и дальнейших путях его развития, о замене революционной законности социалистической, был взят курс на «оживление советов», на «культурного» (хозяйственного, старательного) крестьянина, а позднее озвучены лозунги Н.И. Бухарина и С.И. Сырцова «Обогащайтесь!» и «Накопляйте, в добрый час!».

Выборы и перевыборы в сельсоветы конца 1924 – начала 1925 г. стали одним из таких экспериментов. На первый взгляд он сочетал в себе два будто бы противоположных курса. С одной стороны, сохраняла актуальность старая установка на повышение роли партии в деревне и укрепление авторитета коммунистов среди населения. С другой – в явной форме была поставлена принципиально новая задача избрания в состав сельсоветов беспартийных крестьян из числа сторонников советской власти. Важно, что ни в партийной пропаганде, ни в печати эти установки не противопоставлялись друг другу. Высшее партийно-советское руководство, включая такого последовательного сторонника жесткого курса, как Л.М. Каганович, понимало и, вероятно, рассчитывало, что интеграция беспартийных в сельсоветы может стать первым шагом для их последующего вступления в РКП(б).

Экспериментальный характер кампании 1924–1925 гг. предопределил противоречивое и даже настороженное отношение к ней в крестьянской среде. В том числе поэтому, несмотря на все усилия избирательных комиссий, она не дала рекордных показателей. Тем не менее кассация выборов и досрочное переизбрание сельских советов на значительной части территории РСФСР, без сомнения, выполнили еще одно не менее важное предназначение – послужили основанием для утверждения сначала в общественном сознании, а затем и в научной литературе представлений о демократизации избирательного процесса в РСФСР.

[63] *Женишек.* Вторичные выборы в Омской губ. // Власть Советов. 1925. № 21. С. 24–25.
[64] Доклад тов. Сталина активу Московской организации // Известия. 1925. 13 мая.

Литература

Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник / сост.: И. Ф. Астраханцева, А. А. Дудоладов, М. И. Тимошенко. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1966. 220 с.

Корешкова Т.А., Салоников Н.В. Выборы в Советы Новгородской губернии 1924–1926 гг. (по материалам Государственного архива Новгородской области) // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность: материалы VI Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2018. С. 43–52.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 390 с.

Кромер Л.В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924–1925 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 37–43.

Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.

Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224.

Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.): монография. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.

Саламатова М.С. Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. Вып. 16. С. 79–97.

Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.

Упоров И.В. Законодательство о выборах в местные Советы в советском государстве (1918 – середина 1920-х годов) // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 3–4 (61). С. 254–257.

Щуранова Е.Н. Проблема взаимоотношений сибирских крестьян и деревенских коммунистов в 1924–1925 гг. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 5 (56). С. 142–143.

References

Astrakhantseva, I.F., Dudoladov, A.A., Timoshenko, M.I. (Comp.). (1966). *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s sentyabrya 1937 g.)* [Administrative Division of Siberia (August 1920 – July 1930), Novosibirsk Region (from September 1937)]. Novosibirsk. 220 p.

Guchchin, N.Ya. (Ed.). (1983). *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [The Peasantry of Siberia during the Period of Building Socialism (1917–1937)]. Novosibirsk. 390 p.

Koreshkova, T.A., Salonikov, N.V. (2018). Vybory v Sovety Novgorodskoy gubernii 1924–1926 gg. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Novgorodskoy oblasti) [Elections to the Soviets of the Novgorod Governorate in 1924–1926 (Based on Materials from the State Archives of the Novgorod Region)]. In *Novgorodika – 2018. Povsednevnaya zhizn' novgorodtsev: istoriya i sovremennost'*. Velikiy Novgorod, pp. 43–52.

Kromer, L.V. (2019). Uchastie komsomola v vyborakh v sel'sovety RSFSR (1924–1925 gg.) [Participation of the Komsomol in Elections to Rural Councils of the RSFSR (1924–1925)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 26, No. 4, pp. 37–43.

Polyakov, Yu.A. (1967). *Perekhod k nepu i sovetskoe krest'yanstvo* [The Transition to NEP and the Soviet Peasantry]. Moscow. 511 p.

Salamatova, M.S. (2013). Absenteizm v kontekste sovetskikh izbiratel'nykh kampaniy 1920-kh gg. [Absenteeism in the Context of Soviet Election Campaigns of the 1920s]. In *Vestnik NGUEU*. No. 2, pp. 215–224.

Salamatova, M.S. (2013). Elektoral'noe povedenie krest'yanstva v 1920-e gg. [The Voting Behavior of the Urban Population in Soviet Russia in the 1920s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 12–17.

Salamatova, M.S. (2016). *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practice (1918–1936)]. Novosibirsk. 340 p.

Salamatova, M.S. (2016). Institut otmeny vyborov v Sovetskoy Rossii: osobennosti pravovogo regulirovaniya i praktiki realizatsii (1918–1936 gg.) [Institute Annulment of the Elections in Soviet Russia: The Peculiarities of Legal Regulation and Practice of Implementation (1918–1936)]. In *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. Vol. 16, pp. 79–97.

Shchuranova, E.N. (2006). Problema vzaimootnosheniy sibirskikh krest'yan i derevenskikh kommunistov v 1924–1925 gg. [The Problem of Relationship between Siberian Peasants and Rural Communists in 1924–1925]. In *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 5 (56), pp. 142–143.

Uporov, I.V. (2020). Zakonodatel'stvo o vyborakh v mestnye Sovety v sovetskom gosudarstve (1918 – seredina 1920-kh godov) [Soviet Electoral System in the 1918–1936s: Continuity and Innovation]. In *Evraziyskoe Nauchnoe Ob'edinenie*. No. 3-4 (61), pp. 254–257.

Н.Н. Аблажей
А.С. Жанбосинова*

«СИТУАЦИЯ СТАБИЛЬНАЯ»: ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ В АКМОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1926/1927 ГОДА**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-5
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С. «Ситуация стабильная»: выборы в советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 64–91. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-05.pdf

N.N. Ablazhey
A.S. Zhanbossinova*

"THE SITUATION IS STABLE": ELECTIONS TO SOVIETS IN THE AKMOLA PROVINCE OF 1926/1927**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-5

How to cite:
Ablazhey N.N., Zhanbossinova A.S. "The Situation is Stable": Elections to Soviets in the Akmola Province of 1926/1927 // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 11–91. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-05.pdf]

Abstract. In the first half of the 1920s, the Bolsheviks began losing control over councils (the soviets) as local government bodies. In order to ensure an increase of the population trust to the authorities, from the mid-1920s a policy was declared to "revitalize the activities of the soviets", which was implemented until the end of the 1920s. During the elections of 1925/1926, the authorities managed to reach a consensus with society, and during the following election campaigns – 1926/1927 and 1928/1929, they took control of the electoral process. The 1926/1927 campaign is of interest in terms of studying electoral technologies and analyzing election statistics. Materials from regions and national autonomies allow us to detail the electoral process and its dynamics. The introduction to the documentary publication presents the general dynamics of the elections in the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic and Akmola province. The document presented in this paper is the final report of the Akmola provincial executive committee on the organization, progress and results of the 1926/1927 election campaign to local soviets. The document was deposited in the fund of the Central Executive Committee of Soviets of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic in the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan. The report is an analytical report on the organization and progress of the election campaign, which included several stages, namely, setting the election date, forming election commissions, holding reporting plenums of the previous councils, reporting to the population, pre-election campaigning, voting and determining the results. The document contains a detailed version of reporting with aggregated election statistics.

Keywords: elections, election campaigns, councils (soviets), Sovietization of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic, Akmola province.

The article has been received by the editor on 01.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Наталья Николаевна Аблажей,** доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org
Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru
Albina Sovetovna Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru
** Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Комитета науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан ИРН AP14869309.
The study was carried out within the framework of a grant from the Science Committee of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan IRN AP14869309.

Аннотация. В первой половине 1920-х гг. большевики стали терять контроль над советами как органами местного управления. С целью обеспечить рост доверия населения к власти с середины 1920-х гг. был продекларирован курс на «оживление деятельности советов», который реализовывался до конца 1920-х гг. В ходе выборов 1925/1926 г. власти удалось достигнуть консенсуса с обществом, а в ходе следующих избирательных кампаний 1926/1927 и 1928/1929 гг. – взять под контроль избирательный процесс. Кампания 1926/1927 г. представляет интерес в плане изучения избирательных технологий и анализа выборной статистики. Материалы регионов и национальных автономий позволяют детализировать избирательный процесс и его динамику. Во введении к документальной публикации представлена общая динамика по выборам в Казахской АССР и Акмолинской губернии. Публикуемый документ является итоговым докладом Акмолинского губернского исполкома об организации, ходе и итогах избирательной кампании 1926/1927 г. в местные советы. Документ отложился в фонде ЦИК Советов Казахской АССР в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Доклад представляет собой аналитический отчет об организации и ходе избирательной кампании, включавшей несколько этапов, а именно – назначение даты выборов, формирование избирательных комиссий, проведение отчетных пленумов советов предшествующего созыва, отчетность перед населением, предвыборную агитацию, голосование и определение результатов. Документ содержит развернутый вариант отчетности с агрегированной статистикой по выборам.

Ключевые слова: выборы, избирательные кампании, советы, советизация Казахской АССР, Акмолинская губерния.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023 г.

В первой половине 1920-х гг. большевики стали терять контроль над советами как органами местного управления. С целью обеспечить рост доверия населения к власти с середины 1920-х гг. был продекларирован курс на «оживление деятельности советов», который реализовывался до конца 1920-х. Резко снизившийся уровень электоральной активности населения сочли крайне тревожным сигналом. В целом по РСФСР на выборы пришло в сельской местности меньше 42 %, а в городах – меньше 22 %[1] . Беспрецедентным событием в советской политической истории стала отмена (кассация) выборов. На финальной стадии выборов в январе 1925 г. Президиум ЦИК СССР признал их недействительными на территориях, где явка оказалась ниже 35 %[2]. «Недействительными» или «частично недействительными» были объявлены выборы в 39 губерниях РСФСР. На тот момент Советская Россия состояла из 83 территориальных и национальных образований, поэтому перевыборы затронули больше половины субъектов.

За организацию, проведение и оценку итогов выборов отвечал Наркомат внутренних дел. К выборам 1925 г. статистическим отделом НКВД была детализирована методика учета выборов и предложен анализ статистики результатов[3]. В сентябре 1925 г. была образована Всероссийская Центральная избирательная комиссия при Всероссийском центральном исполнительном комитете, высшем, наряду со съездами Советов, законодательном органе страны. Ситуация с перевыборами в советы была взята на особый контроль ЦК ВКП(б), информационный отдел которого уже сентябре-октябре 1925 г. потребовал от регионов еженедельно отчитываться о ходе предстоящей избирательной кампании с оценкой обще-

[1] Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. Горсоветы, сельсоветы, волсъезды, волисполкомы: статистические материалы. М., 1926. С. 10.

[2] Подробнее см.: *Саламатова М.С.* Отмена выборов 1924 года в Советской России: новые материалы и интерпретации // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 53–66.

[3] Проблема достоверности электоральной статистики подробно рассматривается в статье: *Саламатова М.С.* Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2, № 2 (28). С. 97–108.

ственно-политической обстановки и предварительными результатами[4]. Партийным организациям на местах была дана установка координировать работу территориальных избиркомов и других органов. По ходу выборов проводились даже выборочные обследования. Территориальные избирательные комиссии подавали десятидневные сводки в избирательную комиссию губернии, национальной республики или автономии, а та, в свою очередь, отчитывалась перед Центром. Выборы попали под пристальное внимание и ОГПУ. С этого времени подробные сводки по выборам стали готовить информационные отделы полномочных представительств (ПП) ОГПУ.

Власть, с одной стороны, активно боролась с абсентеизмом (уклонением от выборов) населения, а с другой – расширяла практику ограничения избирательных прав. При этих установках рост активности в значительной степени мог быть обеспечен за счет титульных национальностей и женского электората. Именно с целью вовлечения титульного населения в избирательный процесс Президиум ВЦИК в 1926, а затем и в 1928 г. изменил представительство титульных групп при выборах в советы[5]. В развитие этой линии ЦИКи автономий также изменили нормы представительства при выборах в местные органы власти. Таким образом, лозунг «оживления советов» в национальных автономиях предполагал в первую очередь дальнейшую советизацию титульного населения. Выборы 1926/1927 и 1928/1929 гг. ярко демонстрировали увеличение численности электората, в том числе за счет титульного населения автономий. Что касается избирательной активности женщин, она продолжала оставаться крайне низкой, хотя в некоторых национальных регионах на выборах она была выше, чем в тех, где доминировало русское население. По официальным данным, в целом по РСФСР на выборах 1925/1926 г. проголосовал 41 % сельского населения и 48 % городского, в 1926/1927 г. – 47,6 и 60,7 %, а в 1928/1929 г. – 59 и 70,5 % соответственно. Процент лишенных избирательных прав возрос с 3,3 до 3,9 %[6]. В национальных автономиях РСФСР процент участвовавших в выборах составил соответственно 48,7 и 57,6 %[7].

Ситуация с выборами в Киргизской (с 1925 г. – Казакской) АССР, входившей в состав РСФСР, имела свою специфику. Хотя историография советских избирательных кампаний 1920-х гг. на сегодня весьма обширна и многопланова, комплексных исследований и тематических документальных сборников по выборам и становлению системы органов местного самоуправления Казахской АССР до сих пор нет[8]. Исследовательский интерес смещен больше на национально-государственное строительство, этнизацию (казахизацию) государственного аппарата и формирование советской национальной элиты.

Выборы в местные советы традиционно проходили в республике в осенне-зимний период, хотя сроки выборов ежегодно корректировались, а общей тенденцией стало сокращение продолжительности самого процесса голосования. Несмотря на официально зафиксированное резкое падение активности избирателей, выборы 1924 г. по автономии в целом скорее признавались состоявшимися, а доля проголосовавших граждан была существенно выше, чем в целом по РСФСР. Тем не менее в республике произошла повсеместная отмена выборов в горсоветы, потому что проголосовавших оказалось вполовину меньше, чем в 1923 г. Отмечалось, что избирательная активность казахов в сопоставлении с предшествующими

[4] Об этом, в частности, свидетельствует рассылка Актюбинскому губисполкому (Государственный архив Актюбинской области. Ф. 516п. Оп. 1. Д. 996. Л. 1–2).

[5] Постановления Президиума ВЦИК от 11 января 1926 г. об изменении норм представительства для выборов делегатов на районные съезды советов (Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР (СУ). 1926. № 8. Ст. 54), от 23 января 1928 г. об изменении указанного Постановления Президиума ВЦИК от 11 января 1926 г. (СУ. 1928. № 16. Ст. 121) и от 17 декабря 1928 г. об изменении норм представительства при выборах сельских советов (СУ. 1929. № 3. Ст. 41).

[6] РСФСР. Центральная избирательная комиссия. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 году: статистический сборник. Вып. 1: Выборы в сельские, волостные и районные органы власти. 1930. М., 1930. С. 5.

[7] См.: Выборы в Советы РСФСР… С. 10, 50.

[8] Исключение составляет электронный ресурс по истории Актюбинской области Республики Казахстан, где представлены документальные подборки по выборам в местные советы из коллекции Государственного архива Актюбинской области (См.: Сайт История Актюбинской области: Хроника региона в документах, исследованиях, фотографиях. Ушедшее время во всех подробностях).

выборами понизилась с 52 до 45 %, а русскоязычных – с 57 до 38 %[9]. Были отменены выборы в Оренбургский, Актюбинский, Кокчетавский и Акмолинский горсоветы и в аулсоветы Оренбургской, Акмолинской и Кустанайской губернии, при выборах в которых активность населения была ниже 35 % (в Оренбургской и Акмолинской) и 30 % (в Кустанайской губернии)[10]. Активность сельских избирателей также упала, как в деревне, так и в ауле, хотя цифры были не столь значительными, как в городе. Несмотря на отмену, исполкомы никто не распускал, де-факто они проработали до следующих выборов, которые состоялись спустя год. Формально перевыборы должны были затронуть лишь треть избирателей, на деле же кампания прошла по всей республике.

Динамика численности избирателей в Казакской АССР составила в 1924/1925 г. 2,09 млн чел. (из которых 93 % в сельской местности)[11], в 1926/1927 г. – 2,72 млн чел., в 1928/1929 г. – 2,66 млн чел.[12] Согласно опубликованным данным, доля лиц, лишенных избирательных прав, в республике неуклонно росла, составив в 1923/1924 г. 1,1 %, в 1925/1926 г. – 2,4 %[13], в 1927/1928 г. – 3,3 % и в 1929 г. – 3,7 %[14]. При этом в рабочих материалах ЦИК КАССР статистика лишенцев выглядит несколько по-иному: на выборах 1925/1926 г. суммарно по деревне и аулу процент лишенных избирательных прав составлял 0,9 % от числа избирателей, а в 1927/1928 г. уже 4,6 %[15]. В рамках политики коренизации важным показателем являлся процент основной национальности в избранных и соотношение его с национальным составом населения, но судить о национальном составе избирателей довольно сложно, потому что подобной статистики крайне мало. Данных по национальному составу проголосовавших на выборах 1925/1926 г. по республике нет, но процент казахов в сельсоветах превысил 50 %[16]. Национальный состав избирателей на выборах 1928/1929 г. в КАССР был следующим: численность «великороссов» (согласно официальной терминологии того времени) составила почти 500 тыс., казахи – 1 млн 704 тыс., прочие – 451 тыс. чел.[17] Вплоть до середины 1920-х гг. в национальных автономиях сбор данных о выборах проходил по упрощенной схеме. Но, по мнению властей автономии, даже к выборам 1924/1925 г. республика была подготовлена хорошо[18]. Традиционно отчеты описывали отдельно ход выборов в сельской местности и в городах. Перевыборы 1925/1926 г. должны были проходить в соответствии с развернутыми рекомендациями центра о технологии выборов и отчетности по ним. Данные о выборах включали информацию о сроках и продолжительности, сведения о количестве избирателей, принявших участие в голосовании, и лицах, лишенных избирательных прав, о составе выборных органов. Динамика состава выборных органов демонстрирует как важные изменения в социуме, так и рост влияния партии в органах власти. В июне 1934 г. ЦИКом СССР схема отчетности по избирательным кампаниям в советы была окончательно регламентирована[19].

По мнению специалистов, в ходе выборов 1925/1926 г. власти удалось достигнуть консенсуса с обществом, а в ходе следующих избирательных кампаний – 1926/1927 и 1928/1929 гг. – полностью взять под контроль избирательный процесс[20]. В этой связи избирательная кампания 1926/1927 г. представляет особый интерес в плане изучения эволюции статистики и технологий. Вместе с тем именно региональные материалы позволяют детализировать избирательный процесс и охарактеризовать его динамику.

[9] ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 6. Д. 40а. Л. 5 (нумерация документа).
[10] Там же. Л. 6 (нумерация документа).
[11] Там же. Л. 3 (нумерация документа).
[12] Выборы в Советы РСФСР… С. 93.
[13] ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 6. Д. 40а. Л. 1-2 (нумерация документа).
[14] Выборы в Советы РСФСР… С. 93, 116.
[15] Архив Президента РК (АП РК). Ф. 141. Оп. 18. Д. 102. Л. 6–7.
[16] По данным ЦСУ РСФСР. (См.: Выборы в Советы РСФСР… С. 38.
[17] Выборы в Советы РСФСР… С. 116.
[18] ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 6. Д. 40а. Л. 1 (нумерация документа).
[19] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. № 39. М., 1948. № 309. С. 587–608.
[20] *Саламатова М.С.* Отмена выборов 1924 года в Советской России… С. 63.

Ответ на вопрос о явке на выборы в КАССР в 1926/1927 г. оказался неоднозначным. Согласно предварительному отчету Казахского ЦИК, средняя явка по участию в предвыборных собраниях составила по республике 50 % избирателей, но колебания по явке были очень значительными – от 60 % и больше, а местами не достигая и 10 %. Самая высокая явка была отмечена в Семипалатинской губернии – до 62,9 %, а самая низкая – в 44 % – в Акмолинской губернии (о которой пойдет речь в публикуемом ниже документе. – *Авт.*)[21]. Процент участия беспартийных в выборах по некотором районам Акмолинской губернии составил только 43 %. При этом отмечалось, что в Акмолинской губернии в мелких селениях Кокчетавского уезда явка повышалась до 60 %, а в крупных селах Петропавловского уезда понижалась до 30 %[22].

Уже вышеприведенные данные наглядно говорят, что ситуация с явкой в Акмолинской губернии была сложной. Губерния существовала в 1921–1928 гг., ее административным центром был Петропавловск. По переписи населения 1926 г. в губернии проживало 1211,5 тыс. чел. Доля титульного этноса составляла только 35 %[23]. Русскоязычное население проживало преимущественно в казачьих станицах и крестьянских поселениях Омского и Петропавловского уездов. Уровень электоральной активности населения губернии на выборах 1924/1925 г. составил 37 %, в то время как на предшествующих выборах 1923/1924 г. – 56 %[24]. Как свидетельствует документ, который публикуется ниже, на выборах 1926/1927 г. явка по губернии составила 45 %.

Публикуемый документ представляет собой доклад Акмолинского губернского облисполкома КАССР об итогах избирательной кампании 1926/1927 г. по выборам в сельские и аульские советы, который наглядно иллюстрирует региональные тренды и национальную специфику. Публикуемый документ отложился в материалах ЦИК Советов Казахской АССР (фонд 5) Центрального Государственного архива Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ранее фонд и сам документ имели гриф «секретно». В этом же фонде выявлено еще несколько отчетов о ходе выборов за 1926/1927 г. (три губернских доклада, четыре уездных и один городской). Однако развернутый анализ и статистика выборов имеются только в публикуемом отчете, что придает документу уникальный характер. Доклад Акмолинского губисполкома представляет собой агрегированный аналитический отчет об организации и ходе избирательной кампании, включавшей несколько этапов, а именно – назначение даты выборов, формирование избирательных комиссий, проведение отчетных пленумов советов предшествующего созыва, отчетность перед населением, предвыборную агитацию, голосование и определение результатов. Документ представляет собой развернутый и вполне достоверный вариант информационной отчетности по проведению выборов в советы.

[21] АП РК. Ф. 141. Оп. 18. Д. 102. Л. 11, 13.
[22] Там же. Л. 13, 60.
[23] *Краснобаева Н.Л.* Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным I Всесоюзной переписи 1926 г. // Известия Алтайского государственного университета. История. 2004. № 4 (34). С. 17, 19.
[24] ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 6. Д. 40а. Л. 6 (нумерация документа).

* * *

Доклад Акмолинского губернского облисполкома КАССР об итогах избирательной кампании 1926/27 г. по выборам в сельские и аульские советы

г. Петропавловск [май-июнь] 1927 г.

ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1926/27 ГОДА ПО АКМОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Предстоящие задачи.

Избирательная кампания, теснейшим образом связанная с вопросами оживления советов в текущем году, имела перед собой основные задачи:

В казакских районах – а) советизация аула. Для его осуществления предстояло сплочение в период перевыборной кампании казакской бедноты, батраков и средняков с тем, чтобы этот блок мог противостоять влиянию байства и аткаминеров[1] их незаконным стремлениям.

б) В результате кампании создать советы с достаточным для руководства и влияния на их работу составом аульной бедноты и батрачества, свободные от родового и байского влияния.

в) Принятие всех мер к изжитию родовой борьбы при перевыборах и замена ее классовой борьбой внутри рода.

В русской деревне – дальнейшее оживление деятельности советов. Основными моментами для реализации лозунга «дальнейшее оживление советов» должно явиться: отрыв средняка от кулака и создание бедняцко-средняцкого блока, политическая изоляция кулака (лишение его избирательных прав), изжитие политического и экономического влияния кулачества на беднейшие слои деревни и обеспечение правильного руководства работой советов.

В городе – лозунг оживления работы советов и укрепление руководящей роли городского пролетариата на этой работе. Отсюда задача – политической изоляции мелкобуржуазных и нетрудовых элементов города и руководства работой неорганизованного пролетариата (жен рабочих, б/партийных, не состоящих членами профсоюза).

О том, в какой степени и как эти основные задачи текущей избирательной кампании были преломлены, покажут излагаемые ниже результаты избирательной кампании.

Практические работы проведения избирательной кампании разбиваются на следующие группы:

Техническая подготовка к кампании и условия проведения таковой

Подготовка к избирательной кампании развернулась в начале декабря 1926 года в порядке особого плана, которыми были установлены календарные сроки выборов. В вопросе о сроках необходимо отметить, что самым краткосрочным явился период подготовительных работ. Здесь следует указать на запоздание с установлением общих сроков выборов Центром, в силу чего отчетно-перевыборный период пришлось ограничить одним месяцем (с 15/XII по 15/I), что конечно в условиях нашей губернии с ее общепризнанными объективными причинами (большие расстояния, отсутствие удобных путей сообщения, связи и пр.) является далеко недостаточным.

Одним из основных моментов в части подготовки перевыборной кампании являлась организация избирательной комиссии. Создание аульных и сельских избирательных комиссий было проведено на основании инструкции ВЦИКом – уменьшение состава сельаулизбиркомов с 7 до 3 чел. в случае отсутствия соответствующих организаций, в силу чего по наличию на местах общественных и партийных организаций сельаулизбиркомы, создавались от 7 до 3 человек.

Благодаря такому положению некоторые уезды в создании избиркомов допустили большую пестроту. В частности, эта пестрота сельаулизбиркомов сказалась в Атбасарском

уезде. Из 85 сельаулизбиркомов Атбасарского уезда 25 избиркомов состояли из 7 чел., 3 избиркома из 6 чел., 37 избиркомов из 5 чел. и 22 избиркома из 3 человек. В других уездах сельаулизбиркомы состояли главным образом из 7 и 5 человек.

1. ОТЧЕТНО-ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД

Предвыборный период заключал в себе как основной момент – подготовку руководящих органов к этой кампании и мобилизации широкого мнения трудящихся вокруг перевыборов для обеспечения партийно-классовой линии в кампании.

Обеспечение классовой линии в связи с применением новой инструкции было актуальным вопросом во всем периоде кампании.

ОТЧЕТНО-ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД В СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ

Отчетно-предвыборный период делится на два момента:

1) проведение пленумов ВИКов и сельсоветов и техническая подготовка;

2) проведение предвыборных собраний.

Пленумы ВИКов и сельсоветов.

Расширенные Пленумы волисполкомов и сельаулсоветов, ставившие задачей подготовку к предстоящей кампании и организации таковой, в то же время положили начало отчетному периоду кампании.

Повестки для Пленумов волисполкомов и сельаулсоветов включали в себе два основных вопроса: отчетность ВИКов и сельаулсоветов, значение перевыборов и попутно с этим ознакомление с планом проведения избирательной кампании.

Расширенные Пленумы волисполкомов проведены повсеместно. Присутствие представителей низовых органов на Пленумах колеблется от 80 до 90 %. Присутствие же на Пленумах крестьянства незначительно. Расширенные заседания сельских и аульных советов проведены не везде, что объясняется недостаточностью срока предвыборно-отчетного периода.

Последнее обстоятельство главным образом коснулось Акмолинского и Атбасарского уездов, их наиболее отдаленных районов. Отчетность ревизионных комиссий по сравнению с отчетностью ВИКов была проведена недостаточно.

Подтверждением этому служат следующие цифровые данные по Петропавловскому уезду: на Пленумах сельаулсоветов заслушано отчетов ВИКов – 151, отчетов Ревкомиссий – 18, что составляет всего лишь 11,8 % отчетов ВИКов.

Предвыборные собрания.

После проведения пленумов ВИКов и сельаулсоветов проводилась отчетность советов и ВИКов перед населением на общих собраниях граждан. В основу было положено отчетность провести со стороны советов во всех населенных пунктах, но фактически за краткость сроков отчетно-предвыборного периода отчетность перед населением была проведена главным образом в резиденциях сельских и аульных советов, населенные пункты охвачены были не полностью. В текущую избирательную кампанию впервые выступили с отчетностью перед избирателями отдельные члены сельсоветов о своем участии в работе совета (Петропавловский уезд). Эта отчетность, ввиду слабого участия членов в работе совета, была недостаточна по своему содержанию, тем не менее этим мероприятием было положено начало более тесной связи членов совета с своими избирателями.

Организация предвыборных собраний протекала с учетом национального момента. Отчетность и вся другая работа среди нацменьшинства в большинстве своем проводилась на родном языке путем вовлечения в эту работу членов совета, ВИКов и других местных общественных работников.

Попутно с учетом национального момента в принцип организации предвыборных собраний было положено: количество жителей, расстояние одного населенного пункта от другого (в случае их объединения в одно собрание), наличие работников, могущих обслужить собрание.

Количество проведенных предвыборных собраний, а также участие в них избирателей можно видеть из следующей таблицы:

Уезд	Проведено предвыб. собраний			На предвыборных собраниях принимало участие избирателей	Средний процент участия избирателей на предвыборн. собраниях
	всего	в том числе			
		среди рус. и пр. населения	среди казаков		
Петропавловский	552	308	244	9 315	36,4 %
Атбасарский	260	113	147	св. нет	35–37 %
Акмолинский	45	45	св. нет	св. нет	35–40 %
Кокчетавский	полных сведений нет			–	–

В отдельности по населенным пунктам участие избирателей на предвыборных собраниях колебалось от 10 до 65 %.

Изучение в процессе хода избирательной кампании причин, повлиявших на недостаточное участие избирателей на предвыборных собраниях, показывает, что этому в значительной мере способствовало: 1) совпадение предвыборной кампании с религиозными праздниками; 2) холода и 3) короткий срок подготовки кампании.

Эти моменты так или иначе повлияли на активность избирателей в кампанию.

На предвыборных собраниях присутствовала главным образом беднота, затем средняки и на последнем месте батрачество, такому составу избирателей на предвыборных собраниях содействовала работа партийных и других организаций, которая выражалась в проведении собраний бедноты, батрачества, женщин и пр.

Какова же активность населения на предвыборных собраниях и отношение к отчетности?

Если сравнить с прошлым годом, то активность и интерес к отчетности, нет сомнения, возросли. По данным Кокчетавского УИКа видно, что в прошлом году в прениях по отчетам волисполкомов и советов насчитывалось от 0 до 5 человек, то в этом году 3–10 человек, причем интерес и активность по докладам ВИКов проявлялась в большем объеме, были случаи, когда доклады сельсоветов были бессодержательными, не увязаны в плоскости обслуживания нужд населения, чем вызывалось общее недовольство граждан и нарекания. В прениях в большинстве своем заострялись вопросы вокруг нужд деревни и прежде всего о культурно-социальных потребностях ее, как-то: привести в порядок школу, увеличить штат учителей, больше школ повышенного типа (школ семилеток), дать возможность крестьянским детям продвигаться к учению дальше, лучше и больше обслуживать агропунктом, ветпунктом и больницей и дальше устройство мостов и дорог, ускорить землеустройство, больше кредитов деревне, дороговизна товаров и т.д. Кроме того, говорилось о таких вопросах: нужно снизить сельхозналог, больше льгот по стихийным бедствиям (по отзывам мест, этими вопросами интересовалась преимущественно зажиточная часть населения). Причем в этой кампании отмечается как новое явление – заинтересованность населения о степени выполнения наказа советом, данного избирателям в прошлом году. Население требовало, чтобы эти моменты учитывались в работе будущего совета.

В казакских районах, кроме вопросов общего характера, беднота по докладам аулсоветов отмечала отсутствие их самодеятельности и подпадение иногда под влияние

байства и аткамнеров. В особенности ярко выставляется вопрос о захвате байством лучших луговых угодий и выделение худших для бедноты.

В аулах много говорилось о том, что нужно приспособить школу так, чтобы она в условиях разбросанности хозаулов учила детей бедноты и притом сеть школ нужно увеличивать и, в частности, школ повышенного типа специально для казнаселения. Мугалимы (учителя) иногда плохо работают, бесконтрольно со стороны совета, и иногда поощряются, учебный год выполнялся слабо. Мало обслуживается аул медицинскими и ветеринарными пунктами в сравнении с русским населением и совершенно не обслуживается агрономом. Слабо кооперируется казакское население и очень мало отпускается кредита. Вот, главным образом, тот круг вопросов, который больше всего интересовал избирателей при обсуждении отчетных докладов волисполкомов и сельсоветов.

Отчетная кампания в этом году проводилась значительно шире, нежели в прошлом году.

В текущую кампанию, помимо волисполкомов сельаулсоветов, отчитывались перед населением также и Уисполкомы. Так, например, Петропавловским Уисполкомом было проведено перед населением 12 отчетов, из них пять в казакских волостях и семь в русских.

Отчетность ВИКов, так и сельаулсоветов в некоторых уездах проводилась в порядке особой схемы, требовавшей построения докладов с таким расчетом, чтобы они охватывали по возможности все области роста хозяйственных и политических процессов в деревне и ауле и роль низовых органов (Атбасарский и Петропавловский уезды).

Однако далеко не все сельаулсоветы при построении отчетных докладов придерживались схемы, многие сельаулсоветы строили доклады не по схеме и эти доклады носили узковедомственный характер. Были случаи, когда отчитывались только за проведение директив вышестоящих органов, не касаясь основных жизненных вопросов по наказам избирателей (Атбасарский уезд).

Атбасарский УИК в своих итогах по избирательной кампании указывает следующие обстоятельства, выявившиеся в момент отчетной кампании: в некоторых местах при отчетности сельаулсоветов чувствовалась незаинтересованность избирателей, объясняется это тем, что работа этих советов была направлена решению всех вопросов через общие собрания, не имея выделенной самостоятельной деятельности совета. Отсюда вытекает, что где не было работы сельсовета (работа велась через общие собрания), там и не было заинтересованности населения к отчету.

Отчетность сельских ревизионных комиссий прошла слабо. Многие ревкомиссии совсем не делали докладов, а те доклады, которые делались ревкомиссиями, были далеко не содержательны.

В казакских районах ревкомиссии в большинстве своем докладов не делали. Причинами тому служат: неподготовленность к докладу и неуяснение своих функций. В русских районах, кроме приведенных случаев, имел место отказ председателей ревкомиссий от участия в отчетной кампании по причине лишения их избирательного права (Социалистическая вол. Атбасарского езда).

Отмеченные моменты в работе ревкомиссий указывают, что, с одной стороны, последние до сего времени не уяснили стоящих перед ними задач в работе и, с другой, состав прошлых ревкомиссий оказался не на высоте своего положения, так как в прошлую перевыборную кампанию в состав ревкомиссий прошло значительное количество зажиточных, впоследствии подпавших под лишение избирательных прав.

Работа среди бедноты и женщин

С целью наиболее организованного выступления на выборах отдельных групп населения (бедняков, батраков, женщин, членов Союза Кошчи) проводились в избирательную кампанию этого года особые среди них собрания. На этих собраниях стояли вопросы: значение перевыборов, обсуждение кандидатов в новый совет и принятие наказа.

В казакских районах эти собрания проведены гораздо слабее, нежели в русских. Слабость данной работы по мнению мест объясняется недостаточным руководством парт-

органов. Результат проведения собраний бедноты, женщин и т.д. таков, что в тех селениях, где они были проведены в достаточно организованном порядке, там и во время выборов процент участников был гораздо выше, и те вопросы, которые обсуждались на этих собраниях, проходили гораздо успешнее. Были случаи, когда женщин на предвыборных собраниях присутствовало больше, нежели мужчин (Щучин. вол. Кокчет. уезда, Булаев. вол.: Петропавловским и Атбасарским). Из этих данных видно:

Наименование уездов	Общ. кол. волост.	Кол. вол. давших сведения	% к общему числу	Кол пров. собраний	Всего ими обслуж.
Петропавловский	16	12	75	243	15 % к этим группам 9 246 чел.
Атбасарский	8	6	75	146	

В текущую кампанию продвинулась не только количественная, но и качественная сторона подготовительных собраний.

На предвыборных и избирательных собраниях в преобладающем большинстве случаев беднота организованно отстаивала свои интересы. Были моменты, когда представители бедноты открыто предлагали замолчать отдельным лицам, старавшимся говорить в защиту зажиточных и их интересов (Петропав. уезд Черон-Урицка и др.).

Участие профессиональных и общественных организаций

Местами участие в предвыборной кампании со стороны сельских и аульных, профессиональных и общественных (ККОВ[2] и Союз Кошчи[3]) организаций было проявлено недостаточно. Это участие было там, где имелись партийные организации, проводившие эту кампанию под своим руководством.

В этом году особенно было обращено внимание на привлечение к выборам членов союза «Кошчи», для чего специально командированными на места уполномоченными Уизбиркома были проведены совещания с руководителями волостных Союзов Кошчи совместно с аульными ячейками союза Кошчи, на которых производилось разъяснение задач перевыборной кампании, инструкции о выборах и применение данной работы дали известную активность и сплоченность бедняцко-средняцкого слоя в противовес байству, так как обсуждавшиеся на собраниях кандидатуры в аулсоветы в большинстве своем прошли при перевыборах.

Участие интеллигенции в предвыборных собраниях

Интеллигенция в предвыборных собраниях, за исключением учительства, участия почти не принимала. Учительство же принимало активное участие как среди русского населения, так и казакского.

Количественное участие интеллигенции в предвыборную кампанию не учтено, количественное участие интеллигенции учитывалось в перевыборной кампании.

ОТЧЕТНО-ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД В ГОРОДЕ

Кампания отчетности городских советов перед избирателями проходила в период с конца декабря м-ца и по февраль м-ц 1927 года. Достаточные данные, характеризующие отчетно-предвыборный период, имеются только по городу Петропавловску, по остальным городам Акмолинску и Кокчетаву подробных данных не имеется, а поэтому излагаемые ниже результаты отчетно-предвыборной кампании относятся, главным образом, к городу Петропавловску.

В целях более широкого вовлечения масс на отчетные собрания, как агитационный способ среди неорганизованного населения, по гор. Петропавловску применялся метод расклейки по городу и разноски по домам листовок-воззваний, а также периодически освещались в местной прессе о значении этих собраний; кроме того, частично давались киносеансы.

Результаты отчетной кампании по городу Петропавловску характеризуются нижеследующими данными:

Наименование собраний (по группам населения)	Состоялось собраний	Общее кол. избирателей	Присутст. на отчет. собраниях	% к об. числу	Кол. задан. вопр.	Кол. выступ. в прениях	Принято пост.
Членов союза	43	2 660	–	37,2	673	156	287
Не членов союза, включая женщин, военнослужащих	13	1 345	–	14,3	182	48	101
ИТОГО	56	16 512	–	24,3	855	204	388
В прошлом году	11	16 758	–	6,6	6,6:	–	–

В предыдущем году отчетные собрания проходили исключительно среди членов профорганизаций.

Приведенные выше данные с достаточной наглядностью показывают еще слабую посещаемость избирателями отчетных собраний, в особенности по неорганизованному населению, но по сравнению с отчетной кампанией предыдущего года все же имеющиеся достижения нельзя не отметить.

Судя по протоколам и информациям докладчиков, избиратели на собраниях к отчетности Горсовета относились с интересом и активностью, вынося деловые резолюции. Отсюда можно видеть, что деятельность городского совета в ее положительных и отрицательных сторонах все больше и больше становится центром внимания масс.

Наибольшая активность во время отчетной кампании была проявлена членами профсоюза, о чем свидетельствуют с достаточной очевидностью приведенные выше цифры выступления ораторов, количество задаваемых вопросов и выносимых постановлений, далее идут женские группы населения. Менее активным было неорганизованное население.

Наряду с положительными сторонами отчетной кампании необходимо указать также отрицательные моменты: а) несвоевременность начала предвыборной кампании; б) несвоевременное извещение союзов своих членов о времени и месте собраний, благодаря чему не состоялись некоторые собрания; в) совершенно слабое участие на отчетных собраниях гр-н, не организованных в профсоюзы, вследствие чего ряд назначавшихся собраний не состоялся. Причиной этому служила невтянутость неорганизованного населения в общественную работу.

Применение новой инструкции и лишение избирательных прав

Сравнительно позднее получение избирательной инструкции на местах, а также наличие инструкции в 2-х редакциях ВЦИК и КЦИК, значительно оттянуло и усложнило работу по составлению списков лишенцев. В большей мере этому способствовало отсутствие в ВИКах и сельсоветах постоянного учета лиц, подлежащих лишению избирательных прав. В силу изложенных причин списки лишенцев вывешивались в некоторых районах за 2–3 дня до выборов. К числу своевременно закончивших данную работу следует отнести один только Петропавловский уезд, остальные уезды с данной работой запоздали.

Инструкция требовала внимательного подхода и направлена была к недопущению к выборам кулацких, эксплуататорских и прочих нетрудовых групп населения.

Позднее получение инструкций на местах не дало возможности хорошо ознакомиться и изучить ее, лишение избирательных прав проводилось в большинстве наспех и накануне самых выборов.

Имелись отдельные случаи, когда лишались прав середняки, как имеющие эксплуататорско-нетрудовое хозяйство, или же бедняки и середняки, как активные руководители – участники восстания 1921 года, на самом же деле они такими руководителями не были, часть из них амнистирована, и такое лишение не вызывалось политической целесообразностью и обратное явление, когда действительно подлежащие лишению избирательных прав не лишались таковых.

Там, где имело место расширенное толкование избирательной инструкции, дефекты своевременно устранялись. И наоборот, в тех районах, где было обнаружено недолишение, долишение провести не представлялось возможным, так как этот дефект был выявлен в момент проверки после выборов. Таким образом, с одной стороны, расширенное применение избирательной инструкции вызвало нарекание населения и, с другой, недолишение дало возможность пройти в сельаулсоветы нежелательному элементу.

Сама по себе избирательная инструкция, являясь верным отражением мероприятий возрождения и организации советской общественности на селе и в ауле, в то же время в некоторых своих пунктах имела недостаточную ясность, в силу чего на местах нередко были случаи неправильного ее применения.

Следует отметить, что последняя избирательная инструкция дает право лишения избирательного голоса не только лиц, пользующихся наемным трудом в данное время, но и лиц, ранее применявших наемный труд.

Мы знаем, что годы революции передвинули имущественно-социальные группы деревни и поэтому многие крестьянские хозяйства, ранее применявшие наемный труд, в данное время являются средняцким и даже бедняцкими хозяйствами и наемный труд не применяют.

Таким образом, применение избирательной инструкции к означенным группам является как будто бы нецелесообразным, однако инструкция этого требует. Законодательным органом в будущем эту часть инструкции необходимо уточнить, ибо на местах данное положение получило широкое применение.

Количество лишенных избирательных прав в сельместностях по губернии определяется следующей таблицей.

НАИМЕНОВАНИЕ УЕЗДОВ	Год	Всего лиц в возрасте свыше 18 лет	Общее количество сельаулсоветов	Из них всего лишено избирательных прав	% лишенных
Петропавловский	25/26 26/27	10 199 206	149 920 201 950	1 037 10 224	0,7 5,0
Кокчетавский	25/26 26/27	189 192	149 379 158 820	916 4 452	0,6 2,8
Атбасарский	25/26 26/27	83 83	65 606 70 189	501 2 652	0,7 3,8
Акмолинский	25/26 26/27	142 136	14 1531 14 1251	785 3 887	0,5 2,7
ИТОГО	25/26 26/27	613 617	506 436 572 216	3240 21 633	0,6 3,3

Общие данные о лицах, лишенных избирательных прав по городам губернии, определяются следующей таблицей.

НАИМЕНОВАНИЕ ГОРОДОВ	Год	Всего лиц в возрасте от 18 лет	Всего лишенных избирательных прав	% лишенных к общему числе взрослого населения
Губгород Петропавловск	25/26 26/27	17 068 22 912	556 1 928	3,2 8,5
Кокчетав	25/26 26/27	4 869 3 310	270 516	5,5 9,7
Акмолинск	25/26 26/27	3 840 4 764	545 1 079	14,2 22,7
ИТОГО	25/26 26/27	25 751 32 986	1 371 3 523	5,3 10,6

По сравнению с данными видно, что процент лишенных в этом году в целом по губернии поднялся по сельским местностям с 0,6 % до 3,3 % и по городам с 5,3 % до 10,6 %. По отдельным уездам этот процент также увеличился. Причем особенное увеличение по сельским местностям дал Петропавловский уезд (5,0 %) и по городам – Акмолинск (22,7 %). Наименьший относительный рост дают по сельским местностям Кокчетавский и Акмолинский уезды и по городам – г. Петропавловск.

Контингент лишенцев по их социальным группам распределяется следующим образом:

Лишенцы сельских местностей:

ИТОГО ПО ГУБЕРНИИ	Год	Всего лишенных избирательных прав	Категории лишенцев								
			Лица, прибегающие к наемному, труду с целью извлечения прибыли	Лица, живущие на нетрудовой доход	Частные торговцы и посредники	Служители религиозных культов	Осужденные судом	Умалишенные и подопечные	Члены семей в возрасте от 18 л., жив. на иждив. лиц лишен. прав	Служащие и агенты б/полиции	Бывшие офицеры и чиновники белых армий
В абс. цифрах	1925/26	3 240	154	609	648	817	521	170		311	
В % к общ числу лишен.		100 %	5,0	18,8 %	20,0	25,3 %	16,1 %	5,3 %		9,5 %	
В % к числу взросл. нас.			0,03 %	0,12 %	0,12 %	0,16 %	0,13 %	0,03 %		0,06 %	
В абс. цифрах	1926/27	21 215	10 999	2 129	1 861	2 379	933	300	1 477/3 111	1 137	
В % к общ числу лишен.		100 %	51,8 %	10,0 %	8,8 %	11,3 %	4,5 %	1,4 %	6,9 %	5,3 %	
В % к числу взросл. нас.			1,92 %	0,38 %	0,32 %	0,41 %	0,17 %	0,06 %	0,26 %	0,20 %	

Лишенцы по городам												
В абс. цифрах		1925/26	1371	11		1 246	38	42			34	
В % к общ. числу лишен.			100 %	0,9 %		90,9:	2,3 %	3,5 %			2,4	
В % к числу взросл. нас.				0,04 %		4,83 %	0,15 %	0,16 %			0,13 %	
В абс. цифрах		1926/27	3 523	91	55	1 591	95	130		1 445/216	116	
В % к общ. числу лишен.			100 %	2,6 %	1,5 %	45,1 %	2,7 %	3,9 %		41,0 %	3,2 %	
В % к числу взросл. нас.				0,23 %	0,13 %	4,82 %	0,29 %	0,39 %		4,33 %	0,36 %	
ИТОГО ПО ГУБЕРНИИ	абс. ц.	1928/26	4 611	175	609	1 894	855	563	170		345	
	%		100 %	3,8 %	12,9 %	41,1 %	18,6 %	12,3 %	3,8 %		7,5 %	
	абс. ц.	1926/27	24 733	11 090	2134	3 452	2 474	1 063	300	2 922/3 327	1 253	
	%		100 %	44,9 %	8,8 %	13,9 %	10,0 %	4,3 %	1,2%	11,9 %	5,0 %	

Приводимые данные о распределении лишенцев по социальным категориям по сельским местностям показывают, что из общего числа лишенцев наибольшая часть падает на категории лишенцев «применяющих наемный труд» (51,8 %). Следующую по величине категорию лишенцев, казалось бы, должны занимать служители религиозных культов, составляющие 11,3 % общего числа лишенцев, но фактически нужно считать «членов семей основных лишенцев», так как благодаря неправильному учету членов семей основных лишенцев некоторыми уездами часть лишенцев отнесены к социальной категории главы семьи и поэтому процент лишенцев этой категории значительно оказался уменьшенным. Цифра лишенцев этой категории должна быть увеличена на 3111 человек за счет уменьшения других социальных групп лишенцев. Третье место среди лишенцев занимают служители религиозных культов (11,3 %). И на последнем месте стоят «умалишенные и под опекой» (1,4 %).

Сопоставляя данные текущего года с данными прошлого года, можно убедиться, что все категории лишенцев в этом году дают значительное повышение. Наиболее значительное увеличение дает категория «применяющих наемный труд» (на 1,89 %) всего числа взрослого населения. Заметно также увеличение и других категории лишенцев: «лиц живущих на нетрудовой доход» (на 0,25 %), служителей религиозного культа (на 0,25 %), частных торговцев (на 0,20 %) и т.д.

В городах основную массу лишенцев составляют «торговцев и посредники» (45,1 %). Второе по величине место занимают «члены семей живущих на иждивении лишенцев» (41,0 %). И самый минимальный процент падает на лиц, «живущих на нетрудовой доход» (1,5 %).

Умалишенных и подопечных по городам, как видно из приведенных данных, не имеется. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что места, видимо, не учли данную категорию.

По сравнению с прошлым годом почти все категории лишенцев дают повышение, за исключением «торговцев», оставшихся почти в одной мере.

Часть лишенцев, недовольную лишением избирательных прав и решением сельволизбиркомов, обжаловали. Подача жалоб носила массовый характер.

Наблюдались факты, что средняки, занятые на общественной работе и по недоразумению лишенные избирательных прав, обжалованья подавали с большой натянутостью.

Некоторые из них говорили: «лишили и ладно, хоть отдохну». С особенным же негодованием подавались жалобы кулаками, б/торговцами, пролезшими в соворганы, они не останавливались перед обжалованием в ряде инстанций.

Последнее обстоятельство ложилось значительное нагрузкой на работу избирательных комиссий.

II. ВЫБОРЫ СОВЕТОВ

а) Выборы в сельские и аульные советы

Избирательные собрания

В принцип создания избирательных участков в этом году было положено начало разукрупнения с тем, чтобы их сетью охватить по возможности каждый населенный пункт, который может избрать одного депутата. Не имея точных данных о количестве избирательных участков, все же, судя по сообщениям общего характера мест, сеть их в этом году несомненно имеет увеличение.

Атбасарский Уисполком, говоря об избирательных участках, указывает, что избирательные разбивались по отдельным пунктам в селах – до 2-х участков (в среднем) и в казакских административных аулах до 11 участков. По Петропавловскому уезду, как имеющему наиболее крупные сельские поселения, количество избирательных участков в некоторых селах доходило до 3–4 (Булаевская, Трудовая вол.), в Акмолинском уезде по некоторым волостям есть увеличение избирательных участков по сравнению с прошлым годом почти на 100 %.

Повестка дня собрания имела два основных вопроса: выборы и составление наказа. Перед выбором избиратели ознакомились с законом о выборах.

Списки кандидатов предлагались преимущественно от собраний бедноты, кандидатуры голосовались персонально – никаких навязываний со стороны избирательных комиссий не было. Списки бедноты и комячеек везде проходили на 70–80 %, отношение к голосованию было деловое, каждая кандидатура в достаточной степени взвешивалась.

Наказы составлялись главным образом на самих избирательных собраниях. Проект наказа был составлен Губисполкомом, но в силу некоторых затруднений последний не везде был получен на местах своевременно. В некоторых волостях проекты наказов были составлены своевременно. В некоторых волостях проекты наказов были составлены ВИКами, кладя в основу резолюции, вынесенные на отчетных собраниях. Население дружно выдвигало предложения в дополнение к проекту наказов исходя из местных нужд.

В последнюю кампанию повесточная система приглашения избирателей на выборные собрания была применена не только по русскому населению, но и по казакскому. Результаты применения этой системы оказались положительными, сказавшись прежде всего на увеличении процента в выборах избирателей.

В этом году значительно было усилено руководство исполкомов перевыборной кампанией.

Со стороны Уизбиркомов и Губизбиркомов командировались в волости специальные уполномоченные. Губизбиркомом всего было командировано по губернии 12 уполномоченных.

Общая активность

Итоги выборов сельских и аульных советов характеризуют активность населения следующим образом:

	Год	Общее количество избирателей	Из них принимало участие в выборах	% участия
Данные по губернии	1925	503 195	228 373	45,4
	1927	551 011	248 100	45,0

Из приведенных данных видно, что активность населения по сравнению с прошлым годом увеличения как будто не имеет, а наоборот, имеет весьма небольшое снижение на 0,4 %. Но принимая во внимание улучшение в этом году учета избирателей, дающее некоторое повышение абсолютного их числа и увеличение контингента лиц, лишенных избирательных прав, в конечном счете отражающееся на показателе активности в сторону его уменьшения избирателей, нужно считать, что активность избирателей в этом году стала не ниже достигнутой в 1926 году, т.е. вернее она закрепилась.

В отдельности по уездам наибольшая активность населения проявлена в Акмолинском уезде (51,7 %), затем идет Атбасарский уезд (47,0 %), и на последнем месте стоит Петропавловский уезд (41,4 %).

Активность по полу

Активность избирателей по полу характеризуют следующие данные: всего избирателей по губернии 551 011 человек, из них мужчин – 274 406, женщин – 276 605, явилось на выборы 248 100 чел., в том числе мужчин – 178 797 чел., женщин – 68 303. Из приведенных данных можно видеть, что количество женщин избирателей превышает мужчин избирателей на 2199 чел., что же касается активности избирателей по полу, то мы видим, что женщины оказались менее активными, а именно: активность мужчин составляет – 65,5 %, активность женщин – 24,8 %.

В прошлом году активность мужчин составляла 58,0 %, активность женщин – 22,2 %. Таким образом, из сопоставления указанных данных можно прийти к выводу, что некоторое понижение активности мужчин в этом году погашается повышением активности женщин, которая все еще носит весьма низкий процент, несмотря на то, что женщины составляют абсолютное большинство избирателей.

Рассматривая активность по полу и национальности, видим, что женщины казачки более активны (39,17 %), русские женщины менее активны (15,04 %). Из мужчин русские более активны (67,95 %) и казаки менее активны (63,63 %).

Активность по социальным группам

В истекшую перевыборную кампанию формами избирательной статистики (Казакстана) предусматривается лишь учет социальных групп явившихся избирателей, не предусматривая учета имеющих право избирать, поэтому отразить полные данные об активности отдельных социальных групп населения в данных итогах не представляется возможным.

Частичные данные о социальном составе избирателей проводит один Петропавловский уезд. По этим данным видно: данные по 10 вол., что составляет 62,5 % общего числа волостей по уезду.

Наименование социальных групп	% участия
Рабочих русских	58,4[a]
– “–“– казак	50
Батраков русских	54,6
– “–“– казак	49,64
Бедняков кр. и ск. русск.	74,87
– “–“– казак	47,12
Средняк кр. и ск. русск.	71,11
– “–“– казак	40,27

[a] Так в тексте. Ниже 58,14 %.

Зажиточных кр. русск.	53,6
– “–“– ск. казак	20,17
Кустарей русских	47
– “–“– казак	66,90
Интеллигенции русск.	70,54
– “–“– казак	95,15

По этим неполным данным выше всех активность бедняков крестьян (74,87 %), далее идут средняки (71,11 %). Достаточно активными явились рабочие русские (58,14 %) и батраки (русские 54,6 %) и казаки (49,64 %), ниже всего активность средняков и зажиточных казаков (40,27 % и 20,17 %). Материалы избирательных кампаний в достаточной степени определяют то положение, что основной фигурой в истекшую избирательную кампанию являлся не средняк, который вел в прошлую кампанию за собой остальные группы населения, нередко руководили зажиточными, что в результате кампании мы имели значительное количество зажиточных в советах, а бедняк, за которым правда еще не совсем решительно шли батрачество и средняки. С лишением избирательных прав наймодателей в нынешнюю кампанию батрачество выступало активнее и притом совместно с беднотой.

Классовая борьба в кампанию

Зажиточная группа населения всеми мерами стремилась погасить активность избирателей. С этой целью в истекшую кампанию применялся ряд методов: 1) спаивание (избирателей) батраков; 2) приурочивание свадьб ко времени избирательных собраний; 3) организация массовых пьянок, которые иногда превращались в собрания и угрозы активным общественникам. В некоторых волостях Петропавловского уезда были случаи устройства в квартирах попов, кулаков массовых пьянок – гульбищ с целью отвлечь внимание населения от выборных собраний (Черлакская, Образцовая, Интернациональная, Петропавловского уезда).

Среди казакского населения влияние байства на бедняцко-батрацкий слой ведется, главным образом, идеологически, опираясь на быт и обычай почитания старейшин и богатых, подкрепляемых исламизмом.

В этом влиянии не исключались методы и активного выступления байства и даже избиения непокорных, осмеливающихся возражать против проводимой политики байством (аул № 3 Атбасар. волости и уезда).

Изложенные моменты являются показателем того, что основная масса бедноты и средняка деревни и аула заняла твердую позицию против кулака. Кулак деревни и бай активно борется за совет, применяя более утонченные и организованные методы борьбы.

Родовая борьба

Как и в кампании прошлого года, родовая вражда в казакских районах имела место и в текущем году. Причина родовой вражды – стремление захватить место в советах тем или иным родом. Родовая борьба в большинстве возглавлялась баями и аткамнерами, которые проявляли свое руководство и через членов Союза Кошчи. Петропавловский УИК отмечает особенно резкое отражение родовой вражды в период прохождения волостных съездов (Б-Тууская волость). Отражение родовой вражды имело место и в других волостях (Атбассарская вол. Атб. уезда, Азатская, Карагандинская и Сары-Суйская вол. Акмолинского уезда).

В противовес родовой вражде разного рода организациями были противопоставлены классовые принципы – организация бедноты и среднячества в единый блок. В большинстве мест это обстоятельство сгладило создавшееся обостренное положение.

Избранный состав сельских и аульных советов

В результате перевыборов новый состав сельских и аульных советов по сравнению с прошлым годом в освоении следующих основных разрезов: по полу, партийности, национальности и социальному положению, имеет следующую картину:

Состав сельаулсоветов по полу, национальности и партийности

Данные по губернии	Год	Число с/а	Общее колич. членов с/сов	Из них						
				По полу		По нац-ти		По партийности		
				муж.	жен.	каз.	рус.	чл. ВКП	чл. ВЛКСМ	б/парт
	1926	612	17 132	15 467	1 665	6 120	11 012	935	336	15 861
			100 %	90,2 %	9,8 %	35,7 %	64,3 %	5,8 %	1,9 %	92,6 %
	1927	617	19 406	17 148	2250	7 018	12 390	1 259	701	17 448
			100 %	86,3 %	11,7 %	34,1 %	68,9 %	5,3 %	4,0 %	89,7 %

Увеличение в этом году числа членов сельаулсоветов объясняется уточнением учета населения, более правильным применением избирательной нормы и отчасти разукрупнением сельаулсоветов.

Приведенные данные показывают увеличение в этом году состава членов советов из женщин на 1,9 % за счет такого же понижения процента мужчин.

Рассматривая состав советов по национальному признаку, видим, что в этой части больших изменений нет.

В этом году имеется едва заметное снижение в составе советов казаков (на 1,6 %) за счет такого же увеличения процента русских и прочих.

По сравнению с прошлым годом в составе советов заметно увеличение членов ВКП(б) и кандидатов, а также и членов ВЛКСМ. Увеличение первых имеем на 0,8 %, вторых на 2,1 %.

Состав сельаулсоветов по социальному положению

Данные по губернии	Год	Число с/советов	Общее число членов советов	Из них					
				служащих	рабочих	интеллигенции	кустарей	батраков	Всего скотоводов и земледельцев
	1926	612	17132	510	195	173	39	385	15 830
	%	617	100 %	?[6],9	1,2	1,0	0,2	2,3	92,4
	1927		19 408	620	117	305	41	658	17 667
	%		100 %	3,2	0,6	1,6	0,2	3,4	91,0

[6] Отсутствует цифра.

Из приведенной таблицы видно, что на долю крестьянства в составе советов падает 91,0 %. Остальные социальные группы занимают весьма незначительный процент.

Самый низкий процент составляют кустари и ремесленники (2 %), за ними идут рабочие (0,6 %).

По сравнению с прошлым годом в составе сельаулсоветов имеем увеличение батрачества на 1,1 %, служащих на 1,3 %, рабочих на 0,4 %, интеллигенции на 0,6 %.

Доля крестьянства имеет незначительное снижение (1,4 %), кустари остаются в тех же размерах.

Состав крестьян и скотоводов по размерам обложения с/хоз. налогом характеризуется следующими данными. (Данные приводятся по 46 волостям, что составляет 77 % всего их числа.)

Данные по губернии	Год	Общее число скотоводов и земледельцев	Освобождены от с/х налога	Из них уплачивают с/х налог					
	1927			До 1 р.	С 1 р. до 2 р.	С 2 р. до 5 р.	С 5 р. до 10 р.	Свыше 10 р.	Безлошадные и без рабскота
		%	2 826	3 405	2 778	2 149	1 747	1 349	863 сведения неполные
		100	19,9	23,9	19,3	15,0	12,2	9,5	

Приведенная таблица дает возможность судить, что наибольший процент состава земледельцев и скотоводов падает на уплачивающих налог до 1 рубля (т.е. бедняков) с едока (23,9 %) и наименьший – уплачивающих свыше 10 рублей (9,5 %) (т.е. более зажиточных). Количество освобожденных от с/хозналога с 12,3 % общего числа земледельцев прошлого года увеличилось до 19,9 %.

Таким образом, можно полагать, что новый состав советов значительно обновился за счет бедняцкой, средняцкой и отчасти батрацкой части населения.

б) ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ СОВЕТЫ

Выборы в городские советы в губернии проходили в трех городах: Петропавловске, Кокчетаве и Акмолинске.

Избирательные собрания проходили среди организованной массы по союзам, среди неорганизованного населения по избирательным районам, которые разбивались по признакам территориальности. В текущую кампанию были усилены меры к привлечению к выборам населения, особенно неорганизованного. С этой целью только посылались избирателям повестки, вывешивались плакаты, выпускались листовки и т.д.

Активность городского населения

Общие данные об участии городского населения показывают следующую активность населения:

Год	Общее число имеющих право избирать	Из них принимало участие в выборах	% участия
1926	24 380	10 679	41,3
1927	29 413	12 168	43,80

Из приведенных выше данных видно, что активность городского населения в этом году имеет незначительное понижение на 2,50 % против прошлого года. Уменьшение следует отнести за счет уточнения в этом году учета избирателей (в прошлом году был установлен недоучет избирателей, особенно по городу Петропавловску). Поэтому фактически уменьшение активности населения считаем по прошлом году, активность населения нужно считать

несколько выше прошлогодней. Данное положение подтверждается рядом материалов мест (Петропав., Кокчетав).

Вследствие указаний КазЦика, что учет избирателей по своему составу является необязательным, места эти данные в отчетных сводках не отразили. В силу чего охарактеризовать активность городского населения по отдельным социальным группам, а также с распределением по полу не представляется возможным. Такие данные имеются только на избирателей, явившихся на выборы. Характеристика явившихся на выборы избирателей приводится в следующей таблице:

Категория избирателей	Явилось на выборы		
	мужчин	женщин	всего
I. Профсоюз	4 169	1 252	5 431
	76,7 %	23,3 %	100 %
II. Неорганизованное население, домаш. хоз., кустари, крестьяне и пр.			
III. Красноармейцы	87	–	87
ИТОГО	7 232	4 893	12 175
	59,9 %	40,1 %	100 %

Из числа явившихся на выборы избирателей (беря все категории населения) мужчины имеют преобладающий процент 59,9 %. Рассматривая эти данные в отдельности по группам населения, видим, что по неорганизованному населению имеется любопытное исключение – число участвовавших в выборах женщин выше числа мужчин на 9 %. Среди членов профсоюза наблюдали обратное явление – женщины составляют меньшинство.

Избранный состав Городских Советов

Состав Горсоветов по полу, национальности и партийности. Избранный состав Городских советов в текущую кампанию *в освещении вышеперечисленных признаков* характеризуется следующими данными:

Год	Общее количество избранных депутатов	В том числе							
		По полу		По национальности			Партийность		
		мужчины	женщины	каазаки	русские	прочие	Чл. и канд. ВКП(б)	Чл. и канд. ВЛКСМ	б/парт.
1926	294	243	51	46	228	20	125	8	161
%	100 %	82,7 %	17,3 %	15,7 %	77,5 %	6,8 %	42,5 %	2,7 %	54,8
1927	364	290	74	73	234	57	177	20	168
%	100 %	79,7 %	20,3 %	20,0 %	64,3 %	15,7 %	48,3 %	5,5 %	46, 2%

Благодаря доучету избирателей состав городских советов в этом году имеет увеличение на 70 человек. Доля женщин в городских советах по сравнению с прошлым годом увеличена на 3 % за счет такого же процента понижения мужчин.

В части нацпринадлежности наблюдается некоторый рост казаков и нацменнаселения. Особенно заметен рост последних с 6,8 % до 15,7 %. По сравнимым данным видно, что в составе Городских советов наблюдается рост коммунистов за счет понижения процента б/партийных. Рост первых определяется в 5,8 % и вторых в 2,8 %.

Состав горсоветов по социальному положению:

Год	Общее количество избранных депутатов	В том числе							
		Рабочие	Рабочие, заним. адм. хоз. общ. долж. по выбор. и выдвиж.	Служащие	Учащиеся	Домохозяйки	Кустари и ремесленники	Крестьяне	Красноармейцы
1926	294	54		148		16	17	50	9
%	100 %	18,4 %		50,4 %		5,5 %	16,8 %	16,8 %	3,1
1927	364	57	13	189	4	35	46	46	12
%	100 %	15,7 %	3,6 %	51,4 %	1,0 %	9,7 %	12,5 %	12,5 %	3,9 %

По сравнению с прошлым годом в составе городских советов мы имели незначительное повышение рабочих (на 0,9 %) (данные за 1927 г. о рабочих объединяются с рабочими, занимающими адм. хоз. должности), домашних хозяек (на 4,2 %), красноармейцев (на 0,850), служащих (на 1 %).

Значительное понижение с прошлым годом дает группа кустарей и ремесленников (на 3,6 %) и крестьян (на 4,3 %).

Приведенные данные показывают, что в результате понижения по группам кустарей, ремесленников и крестьян состав городского совета продолжает укрепляться за счет рабочих и неорганизованного пролетариата (домашних хозяек), что в конечном итоге отвечает поставленным кампанией задачам – вовлечению в городские советы наряду с организованным пролетариатом, также неорганизованного.

в) СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ

Волостные съезды советов

Данные о волостных съездах советов характеризуют их состав следующим образом.

Состав съездов по полу, национальности и партийности

Данные по губернии	Год	Общее число членов волсъездов	Из них						
			По полу		По нац-ти		По партийности		
			мужчин	женщин	казаков	Русских и прочих	Членов и кандидатов ВКП	Членов и кандидатов ВЛКСМ	б/партийные
	1926	4 512	4 207	315	2 216	2 296	672	191	3 679
		100	93,1	6,9	49,1	50,9	14,9	4,3	80,8
	1927	4 850	4 449	401	2 297	2 553	1 002	356	3 474
		100	91,8	8,2	47,4	52,6	20,3	7,4	71,8

Состав волостных съездов Советов по сравнению с прошлым годом имеет увеличение женщин (на 1,3 %), коммунистов (на 5,9 %), комсомольцев (на 3,1 %).

Доля б/партийных имеет некоторое понижение (на 9 %). Процент женщин в составе советов хотя и имеет некоторое увеличение по сравнению с прошлым годом, тем не менее он продолжает оставаться далеко недостаточным. Обеспеченность волсъездов б/партийным составом имеет преобладающий процент (71,8 %).

Состав съездов по социальному положению:

Данные по губернии	Год	Общее количество членов волсъездов	Общее колич. членов с/сов	Из них						
				Рабочие	Батраки	Скотоводы и земледельцы	Из них освоб. от с/х налога	Кустари и ремесленники	Служащие	Интеллигенция
	1926	4 512		56	93	3 792	768	17	481	73
	%	100		1,3	2,0	84,6		0,4	10,6	1,1
	1927	4 350		35	147	4 032	749	14	518	134
	%	100		0,8	3,0	82,6		0,3	10,8	2,5

Особо больших колебаний в составе волостных съездов по сравнению с прошлым годом, как это видно из приведенной таблицы, не наблюдаются. Есть некоторое увеличение батраков (на 1 %), служащих (на 0,2 %), интеллигенции (на 1,4 %). В то же время имеется снижение рабочих (на 0,5 %), земледельцев (на 2 %).

Активность участников волсъездов в сравнении с прошлым годом повысилась: количество выступавших ораторов с 7 до 10 % повысилась до 20–30 %. Рост активности участников съездов наблюдается за счет крестьянства.

Избранный состав волисполкомов

Новый состав волостных исполкомов характеризуют следующие данные:

Данные по губернии	год	Общее количество членов ВИКов	Из них						
			По полу		По нац-ти		По партийности		
			мужчин	женщин	казаков	Русских и прочих	Членов и кандидатов ВКП	Членов и кандидатов ВЛКСМ	б/партийные
	1926	377	318	19	145	192	163	10	171
		100	95,0	5,0	38,5	61,5	51,9	2,7	45,4
	1927	510	155	55	223	287	237	25	248
		100	89,2	43,7	43,7	56,3	46,8	4,9	48,6

Увеличение количества членов ВИКов произошло благодаря расширению состава ВИКов (максимум 11 чел. и минимум 7 чел.). Женщины в составе волисполкомов по сравнению с прошлым годом имеют значительное увеличение, составляя 10,8 % всего числа

членов волисполкомов, больше прошлого года на 5,8 %. Казаки имеют увеличение дохода до 43,7 %.

Коммунисты в составе ВИКов имеют небольшое понижение (на 5,6 %).

За счет уменьшения коммунистов произошло увеличение комсомольцев (на 2,2 %) и б/партийных (на 3,2 %).

Состав волисполкомов по социальному положению

Данные по губернии	Год	Число членов волисполкомов	Из них						
			рабочих	батраков	кустарей	служащих	интеллигенции	Всего скотоводов и земледельцев	% освобожденных от налога
	1926	344	13	1		80	2	46	22,7
	%	100	3,9	0,3		23,3	0,6		
	1927	510	11	7	1	72	3	84	20,2
	%	100	2,2	0,3	0,2	14,2	0,6		

В сравнении с прошлым годом в составе волисполкомов наблюдается значительный рост крестьянства (на 9,6 %), которому уступает место группа служащих, понижение которой равняется 9,1 %. Интеллигенция остается в равных пределах с прошлым годом. Процент рабочих понижен, а батрачества повышен (на 1 %).

Приведенные данные являются показателем укрепления волостного аппарата за счет основной группы села и аула крестьян и скотоводов.

Обновление состава волисполкомов в этом году достигает 64,9 %, тогда как в прошлом году оно имело 55,2 %.

Состав крестьян – членов волисполкомов по размерам уплаты сельхозналога распределяется следующим образом:

Общее кол. крестьян чл. ВИК, уплачив. с/х налог	% к общему числу крестьян	Из них						
		До 1 р.	С 1 р. до 2 р.	С 2 р. до 3 р.	С 3 р. до 5 р.	С 5 р. до 10 р.	Свыше 10 р.	Безлошадные и без скота
281	67,6%	84	48	43	67	25	14	10
100		29,9	17,2	15,3	24,4	8,9	4,4	

Основную группу в составе крестьян членов ВИКов занимают платящие налог до рубля (29,9 %), второе за ними место занимают платящие налог от 3 до 5 рублей (24,4 %). Минимум падает на группу платящих свыше 10 рублей (4,4 %). Указанное положение рисует новый состав ВИКов с положительной стороны.

Уездные съезды советов

Уездные съезды советов были проведены в начале марта месяца т/г. В повестку дня уездных съездов, помимо отчетных докладов УИКов, был включен также доклад Губисполкома, для чего Губисполкомом были специально командированы члены Губисполкома.

Материалы мест указывают на проведение уездных съездов в этом году более оживленно, нежели в прошлом. Съезды проходили при большом активе со стороны крестьян и казаков в сравнении с прошлым годом.

Состав уездных съездов характеризуется следующими данными:
(Данные по губернии)

Год	Число делегатов съездов	В том числе						
		По полу		По нац-ти		По партийности		
		мужчин	женщин	казаков	Русских и прочих	Членов и кандидатов ВКП	Членов и кандидатов ВЛКСМ	б/партийные
1926	849	750	99	335	514	394	41	,
	100	88,3	11,6	39,46	60,54	46,41	4,83	48,76
1927	926	810	810	367	559	432	57	437
	100	87,47	87,47	39,63	60,37	46,6	6,16	47,19

Распределение состава уездных съездов по полу указывает на некоторое увеличение женщин.

В распределении по национальностям изменений почти не произошло никаких. Коммунисты в этом году занимают одинаковую долю с прошлым годом.

Наблюдается небольшой процент увеличения комсомольцев за счет уменьшения б/партийных. Состав б/партийных достигает почти половины общего числа участников съезда.

Состав съездов по социальному положению распределяется следующим образом:

Год	Общее количество делегатов съезда	Из них							
		Рабочих	Батраков	Кустарей и ремесленников	служащих	интеллигенции	Всего скотоводов и земледельцев	Из них освобождены от с/х налога	% освобожденных от налога
1926	849	26	11	10	276	14	512	217	42,3
%	100	3,0	1,3	1,2	32,6	1,7	60,2		
1927	926	21	58	1	324	23	499	102	
%	100	2,2	6,2	0,1	34,9	2,5	53,9		20,5

Основную массу уездных съездов составляют крестьяне и скотоводы (53,9 %), за ними идут служащие (34,9 %). Самое незначительное место занимает группа кустарей (0,1 %).

Сравнимые данные за два года указывают на увеличение в составе съездов батрачества, служащих, а также интеллигенции (на 2,5 %).

В числе делегатов, освобожденных от налогов, стало меньше (на 21,8 %).

Избранный состав Уисполкомов

Избирательный состав уездных съездов, по общим сведениям, характеризуется следующими данными:

Год	Число членов УИКов	В том числе						
		По полу		По нац-ти		По партийности		
		мужчин	женщин	казаков	Русских и прочих	Членов и канди-датов ВКП	Членов и канди-датов ВЛКСМ	б/партийные
1926	72	57	5	88	39	43		29
	100	93,1	6,9	45,8	34,9	39,7		10,3
1927	104	94	10	40	64	70		34
	100	90,4	9,8	38,5	61,5	67,3		32,7

Указанные сравнимые данные дают: понижение процента б/партийных (на 7,6 %), за счет чего увеличилось число коммунистов. Женщины дают заметное повышение.

Губернский съезд советов

Губернский съезд советов проходил в период с 15 до 21 марта т/г. Состав делегатов Губернского съезда характеризуется следующей таблицей:

Год	Число делегатов съездов	В том числе						
		По полу		По нац-ти		По партийности		
		мужчин	женщин	казаков	Русских и прочих	Членов и канди-датов ВКП	Членов и канди-датов ВЛКСМ	б/партийные
1926	118	100	13	43	70	91	4	23
%	100	89	11,0	40,7	59,3	77,1	3,4	19,5
1927	253	221	32	87	166	172	9	72
%	100	87,3	12,7	34,4	65,6	67,9	3,6	28,5

Состав Губернского съезда в сравнении с составом Губсъезда 1925 года определяется увеличением числа б/партийных (на 9 %), которые составляют 28,5 %.

Указанный процент б/партийных следует считать недостаточным, вследствие чего директива ВЦИК об обеспечении составов съездов, начиная с уездного, б/партийными не менее 1/3 в полной мере не выполнена.

Женщины по сравнению с прошлым годом имеют увеличение (на 1,7 %).

Избранный состав Губисполкома

Избранный состав Губернского исполнительного Комитета характеризуется следующими данными:

Состав по полу, национальности и партийности

Год	Число членов ГИК	В том числе						
		По полу		По национальности		По партийности		
		мужчин	женщин	казаков	Русских и прочих	Членов и кандидатов ВКП	Членов и кандидатов ВЛКСМ	б/партийные
1925	35	32	3	17	18	23	1	11
%	100	91,2	8,8	47,7	52,3	65,8	2,7	31,5
1927	47	42	5	17	30	34		13
%	100	89,3	10,7	36,1	63,9	72,3		27,7

Из приведенных цифр можно видеть понижение в этом году процента б/партийных (на 3,8 %) и комсомольцев, за счет которых имеется повышение процента коммунистов (на 6,5 %). Процент казаков уменьшился (на 10,6 %). Женщины дают увеличение (на 1,9 %).

По социальному положению новый состав Губисполкома в сопоставлении с прошлым составом представляется в следующем:

	Общее число членов	Из них		
		рабочих	крестьян	служащих
Старый состав	35	5	21	9
Новый состав	47	7	7	23

В текущем году учитывались как рабочие и крестьяне, лица, исключительно работавшие на производстве. В прошлом составе к числу рабочих и крестьян были отнесены также и служащие, происходившие из рабочих. В результате при сопоставлении данных с прошлым годом получается как будто бы уменьшение числа рабочих и крестьян, в действительности же этого нет.

Все набранные в текущем году крестьяне и рабочие находятся на производстве. Последнее обстоятельство дает повод полагать, что состав Губисполкома обновлен в достаточной степени за счет выдвижения крестьян и рабочих, составляющих 29,9 % общего числа членов.

ВЫВОДЫ

К числу положительных сторон кампании следует отнести:

Активность избирателей в текущую кампанию, оставаясь в тех же размерах количественно, качественно выросла. Наблюдающаяся некоторая стабильность размеров активности в сравнении с прошлым годом позволяет сделать вывод, что активность, достигнутая в 1925 году, закреплена.

Беднота под руководством партийных и общественных организаций становится центральной фигурой кампании.

Осуществление новой инструкции предоставило возможность изолировать кулацко-байские элементы в кампании.

Избранный состав сельских и аульных советов значительно обновлен за счет бедняков и средняков и отчасти батраков, оставив зажиточных за бортом.

В казакских районах Союз Кошчи за редким исключением сыграл руководящую роль в бедняцкой активности в ауле.

Активность женщин дает несомненно рост.

Рост активности женщин нужно приписать, главным образом, проведенным подготовительным мероприятиям (делегатские собрания, кружки и т.д.).

Нельзя не отметить крупную роль в организации блока собраний бедноты, батрачества, положившим начало систематической работе с беднотой.

Состав городских советов продолжает укрепляться за счет рабочих и неорганизованного пролетариата, что подтверждает выполнение поставленной кампанией задачи – вовлечение в городские советы наряду с организованным пролетариатом также и неорганизованного.

Состав волостных исполкомов укрепляется за счет основной группы села и аула крестьян и скотоводов.

Доля бедноты в составе членов волостных исполкомов крестьян начинает занимать основное место.

Становится заметным активное участие на стороне советов аульной и деревенской интеллигенции.

К числу отрицательных сторон кампании нужно отнести:

При организации бедняцко-средняцкого блока в деревне, особенно в ауле, мало уделено внимания подтягиванию среднячества, среди которого никакой работы не проводилось, в результате чего в некоторых казакских районах казакское среднячество вокруг бедноты недостаточно было организовано.

Допущение в отдельных случаях неправильного применения избирательной инструкции, отсутствие индивидуального подхода к лишению прав – обусловило неправильное лишение части середняков.

Недостаточная втянутость избирателей в отчетно-предвыборную кампанию, что объясняется совпадением кампании с рядом религиозных праздников, холодами и коротким сроком подготовительного периода, а также совпадением ряда других кампаний (перевыборы кооперации, Кошчи, партконференции).

Позднее получение на местах руководящих материалов, особенно инструкции, и несвоевременное продвижение директив Губизбиркома и Уизбиркомов – обусловили собою запоздалое проведение в жизнь своевременно разного рода руководящих по кампании разъяснений.

Охват избирателей отчетами вышестоящих исполкомов имел сравнительно малый процент, а также слаба была качественная сторона отчетов. Учет выполнения наказов избирателей носил характер отдельных случаев.

Местами недостаточно принимали участие в предвыборной кампании профессиональные и общественные организации (Батрачком, ККОВ и т.д.).

В довершение причин, отрицательно сказавшихся на кампании, следует привести причину – это неудобство сезона (времени) выборов для нашей губернии, что уже не раз было отмечено на опыте избирательных кампаний прошлых лет.

Изучение положительных и отрицательных сторон избирательной кампании должно быть поставлено во весь рост как по советской, так и по партийной линии с тем, чтобы дать ряд практических указаний для работ следующей перевыборной кампании – вот основная задача, которая послужит залогом успешности будущих кампаний и скорейшему закреплению результатов достигнутых по оживлению советов.

ЗАМ. ПРЕДГУБИСПОЛКОМА (ЗАЛОГИН)
ЗАВ. ОРГО РИКа (ПОГОРЕЛОВ)

ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 8рсч. Д. 93. Л. 52–88.
Машинописный подлинник. Подписи Залогина, Погорелова – автографы. Пометы и подчеркивания. Сохранена стилистика и орфография документа. Датируется по сопутствующим документам.

Комментарии

1. В дословном переводе обозначает «сидящий на лошади». Аткамнером в советское время называли помощника – человека, представляющего интересы байской верхушки аула/волости. Более корректная трактовка термина следующая: аткамнеры (атқамінерлер) – это лица, пользующиеся авторитетом и принимавшие активное участие в общественной жизни в качестве посредников между местной имперской администрацией и населением. (См.: Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты. Алматы, 2022. С. 94–95).

2. ККОВ – Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи.

3. Союз «Кошчи» – массовая крестьянская организация Центральной Азии.

Литература

Саламатова М.С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2, № 2 (28). С. 97–108.

Саламатова М.С. Отмена выборов 1924 года в Советской России: новые материалы и интерпретации // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 53–66.

Краснобаева Н.Л. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным I Всесоюзной переписи 1926 г. // Известия Алтайского государственного университета. История. 2004. № 4 (34) С. 16–21.

Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты / Ж.Б. Абылхожин, Н.А. Алимбай, Л.Р. Турганбаева, А.К. Жумадил, Г.У. Орынбаева. Алматы: LEM, 2022. 512 с.

Referenes

Abylkhozhin, Zh.B, Alimbay, N.A., Turganbaeva, L.R., Zhumadil, A.K., Orynbaeva, G.U. (2022). *Ocherki po istorii traditsionnoy struktury kazakhov v pervye sovetskie desyatiletiya: sotsial'no-ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Essays on the History of the Traditional Structure of Kazakhs in the First Soviet Decades: Socio-Economic and Sotsio-Cultural Aspects]. Almaty, LEM. 512 p.

Krasnobayeva, N.L. (2004). Dinamika chislennosti i etnicheskiy sostav naseleniya Kazakhstana po dannym I Vsesoyuznoy perepisi 1926 g. [Dynamics of the Population and Ethnic Composition of the Population of Kazakhstan According to the Data of the First All-Union Census of 1926]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No. 4 (34), pp. 16–21.

Salamatova, M.S. (2016). Elektoralnaya statistika v RSFSR v 1920-e gg. [Electoral Statistics in the RSFSR in the 1920s]. In *Idei i idealy*. Vol. 2, No. 2 (28), pp. 97–108.

Salamatova, M.S. (2017). Otmena vyborov 1924 goda v Sovetskoy Rossii: novye materialy i interpretatsii [Cancellation of the 1924 Elections in Soviet Russia: New Materials and Interpretations]. In *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*. No. 1, pp. 53–66.

Е.А. Игнатьева*

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ В 1928/1929 ГОДАХ В ОЦЕНКЕ ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНАМИ СИБИРИ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-6
УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:
Игнатьева Е.А. Перевыборы Советов в 1928/1929 годах в оценке партийными органами Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 92–118. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-06.pdf

E.A. Ignat'eva*

THE CAMPAIGN 1928/1929 SOVIET UNION LEGISLATIVE RE-ELECTION IN EVALUATION BY PARTY ORGANIZATION OF SIBERIA

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-6

How to cite:
Ignat'eva E.A. The Campaign 1928/1929 Soviet Union Legislative Re-Election in Evaluation by Party Organization of Siberia // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 92–118. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-06.pdf]

Abstract. The published materials reflect the evaluation by party organization Siberia the campaign 1928/1929 Soviet Union legislative re-election. Through the implementation of the campaign, the Bolsheviks achieved several goals. Besides the obvious electoral meaning, it was of great importance as a large-scale study of the sentiments of early Soviet society. The campaign served the function of purge the party and Soviet authorities, as well as the Soviet society from the "socially alien", starting, at the same time, a campaigns of disenfranchisement. Certainly, this event was the focus of attention of party institutes at all levels. The published document evaluates the specifics of the internal review and analysis of the campaign by the party institutes. The main focus of the document was on reviewing the actions of primary party cells in order to reflect the level of mobilization of primary organizations. The general conclusions in the "Review" contained a statement of the main trend – the re-election campaign was marked by the strengthening of the position of Communists in the leadership of Soviets. Difficulties and miscalculations were largely attributed to the "alien" of the grassroots, especially rural party cells, and a weak willingness to mobilize violently in opposition to "class enemies". "Class enemies", from the point of Bolsheviks view, on the contrary, consolidated faster and more actively during the election campaign. The published document is important not only from the point of view of demonstrating the interaction of two systems (party and Soviet) power and specific analytical potential, but also from the point of view of demonstrating a high degree of social tension in society and signs of a crisis of the legitimacy of the Bolshevik government.

Keywords: USSR, Siberia, re-elections, Soviets, party organization, a campaigns of disenfranchisement.

The article has been received by the editor on 01.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В публикуемых материалах отражена оценка партийными органами Сибири кампании перевыборов советов 1928–1929 гг. Посредством проведения данной кампании, носившей мобилизационный характер, большевики достигали несколько целей. Помимо очевидного электорального смысла, она имела большое значение как масштабное изучение настроений раннесоветского общества. Кампания выполняла

* **Евгения Андреевна Игнатьева,** Новосибирский государственный университет; аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru
Evgeniya Andreevna Ignat'eva, Novosibirsk State University; Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

функцию чистки партийных и советских органов власти, а также советского социума от «чуждых элементов», запуская в то же время кампанию по «лишению избирательных прав». Естественным образом данные процессы оказывались в фокусе внимания партийных органов всех уровней. Публикуемый документ отражает специфику внутреннего освещения и анализа партийными органами хода кампании. Основной акцент в нем делался на обзоре действий первичных партячеек с целью оценить их мобилизационный уровень. Сделанные в «Обзоре» выводы содержали в себе констатацию главной тенденции – перевыборная кампания прошла под знаком укрепления позиций коммунистов в руководстве советами. Трудности и просчеты в значительной степени оказывались отнесены за счет «засоренности» низовых, особенно сельских партячеек, слабой готовностью к жесткой мобилизации в противостоянии «классовым врагам», которые, напротив, быстрее и активнее консолидировались в процессе избирательной кампании. Публикуемый документ важен не только с точки зрения механизмов взаимодействия двух систем (партийной и советской) власти, но и с точки зрения отражения в нем нарастания социальной напряженности в обществе и признаков кризиса «низовой» легитимности власти большевиков.

Ключевые слова: СССР, Сибирь, перевыборы, советы, партийная организация, лишение избирательных прав.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023 г.

Перевыборы в советские органы, проводившиеся в 1920-е гг., ежегодно привлекали к себе приоритетное внимание партийных органов всех уровней в силу ряда причин. Прежде всего, в этом проявлялась природа сформировавшегося в ходе радикальных преобразований после 1917 г. партийного государства, формой которого выступали советские органы, но содержательную его сущность определяли партийные структуры. Сложившийся механизм государственного функционирования определялся директивами Центрального Комитета партии и его Политбюро, которые затем дословно оформлялись для исполнения «в советском порядке» при сохранении вертикали (центральные – региональные – местные уровни) в ходе их реализации. В то же время доминирование партийных установок в отношении их выполнения государственными органами в ходе проведения избирательных кампаний, помимо функции поддержания идеологемы «государства диктатуры пролетариата» (увеличение депутатства рабочих в советах), имело еще и важный прагматический смысл – добиваться расширения легитимизации собственной власти путем возрастания доли коммунистов в числе депутатов.

Сибирская партийная организация в конце 1920-х гг. значительно выросла: с 52 398 чел. в 1925 г. до 93 207[1] чел. (членов партии и кандидатов) в нач. 1929 г. – на 78 % от уровня 1925 г. Анализ социального состава парторганизации демонстрирует следующие тенденции: увеличение доли рабочих (с 43,2 % в нач. 1925 г. до 47,9 % в нач. 1929 г.), снижение доли крестьян (с 43,4 до 36,8 % соответственно), незначительное увеличение доли служащих (с 13,4 до 24,6 %) соответственно).

По числу и типу партийных ячеек в регионе на середину 1929 г. насчитывалось 689 рабочих и 2574 сельских первичных парторганизаций[2]. Партстаж членов бюро ячеек свидетельствовал о значительном расширении парторганизации за счет новых членов: на 1929 г. доля в руководящих звеньях коммунистов с партийным стажем с 1927 г. и позднее достигала в рабочих бюро почти 30 %, еще выше (34,2 %) она зафиксирована в сельских бюро[3].

[1] Сибирский край. Статистический справочник. Издание статсектора крайплана. Новосибирск, 1930. С. 87.
[2] Там же. С. 89.
[3] Там же. С. 95.

Численность и состав парторганизаций региона отражали демографическую ситуацию в Сибири на начало 1930 г. – 10-миллионное население в основном проживало в сельской местности (8,5 млн чел.), где число населенных пунктов составляло 32 422 единицы. При этом городов и поселков городского типа насчитывалось всего 60, тогда как районов в крае было 233 и в них 5 520 сельских советов[4]. В то же время очевидно, что если в городах партийные структуры обладали определенным потенциалом влияния, то он снижался в поселениях городского типа и оказывался совсем незначительным на местном сельском уровне.

Соответственно, партийное руководство всех уровней считало жизненно важным избирательные кампании в советы в качестве индикаторов доверия к власти со стороны взрослого населения, причем доверие в конце 1920-х гг. не являлось устойчиво растущим, а колебалось в зависимости от социально-экономической и политической ситуации в стране. Обзоры подготовки и хода реализации кампании служили своего рода социологическим исследованием настроений раннесоветского социума. В недемократических политических режимах каналы «обратной связи» между институтами власти и социумом ограничены, однако необходимость этой связи (в том числе для политических акторов) оставалась не менее актуальной. Еще одной из целей кампании (помимо очевидного электорального процесса) являлась чистка партийных и советских органов власти, а также чистка советского социума от «чуждых». В правоприменительной практике этот процесс получил дефиницию «лишение избирательных прав». Большое внимание во внутренних обзорах хода кампании уделялось поведению низовых акторов власти. И это понятно – именно на них вскоре ляжет обязанность по реализации форсированных мероприятий строительства «социализма».

Следует отметить, что на электоральное поведение в 1927 г. значительно влиял фактор так называемой военной тревоги, когда руководство страны, осуществляя мобилизационную кампанию в связи с возможной угрозой интервенции, не достигло ожидаемого эффекта всеобщей консолидации населения[5]. Что касается деревни, то сталинская поездка в Сибирь в начале 1928 г. и введение в действие административно-карательных механизмов в воздействии на слои крестьян – производителей основной товарной массы сельхозпродукции привели к дестабилизации достигнутых к тому времени роли и значения низовых и районных партийно-советских органов в крае.

Разнообразие внутренней документации, сопровождавшей в значительном объеме перевыборную кампанию, проходившую на рубеже 1928–1929 гг. (различного рода доклады, информационные сообщения и отчеты о разных этапах кампании – от подготовительного этапа до подведения итогов), в которой оказались задействованы не только официальные советские органы, партийные структуры, профсоюзы и комсомольские органы, дает возможность выявить и представить некоторые принципы функционирования сбора и обработки информации, поступавшей снизу вверх и аккумулировавшейся в двух основных региональных органах – Сибкрайкоме и Сибкрайисполкоме. По сложившейся процедуре информация, на основе которой делались в данных организациях обзоры и заключения, содержавшиеся в сводных документах, пересекалась. Наиболее типичные примеры, характеризовавшие как уровень организации кампании, так и успехи или срывы, просчеты, допущенные ее организаторами, переходили из советской документации в партийную.

Публикуемый ниже документ «Обзор о руководстве парторганизаций перевыборами Советов в Сибкрае» был составлен информационно-статистическим подотделом крайкома ВКП(б) на основе поступивших от окружкомов партии сводок и итоговых материалов и датирован серединой апреля 1929 г. Структурно он выстроен так, чтобы охватить основные компоненты избирательной кампании под углом зрения того, каким образом осуществлялась априорно заданная руководящая роль в ней партийных органов. В нем определены цели (установки крайкома), усилия и средства по их реализации на местах, а также итоговые результаты, которые не должны были серьезно отличаться от партийных директив. Основным стержнем объявлялись: проведение перевыборной работы в новых условиях

[4] Сибирский край. Статистический справочник… С. 2–3.

[5] См., например: *Великанова О.В.* Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017.

«обострившейся классовой борьбы», главным образом в деревне против «кулачества»; «оживление Советов» путем обсуждения их деятельности «широкими массами» методами «критики и самокритики»; укрепление союза рабочих с трудящимися слоями крестьянства. Основной акцент в документе делался на обзоре действий первичных партячеек в городах и в сельской местности в целях отразить уровень мобилизации низовых первичных организаций. Подчеркивалась доминирующая роль партячеек на местах над советами в ходе реализации кампании.

В традиционном формате для такого рода документов вначале отмечались достижения в обеспечении партийного влияния на ход кампании. Тем самым задавался и будущий конечный (успешный) для партии результат. Приоритет здесь отдавался сдвигам в работе сельских ячеек, хотя особое внимание отводилось той активизации на местах, связанной с обстановкой классовой борьбы с «кулаками» и «довыявлением» в селе лиц, лишенных избирательных прав. Иначе говоря, позитивно оценивались усилия сельских коммунистов по нарастанию конфронтации на местах. «Красной линией» в кратких аналитических комментариях сквозила тема консолидации, единства и порыва в классовой борьбе «батрацко-бедняцких масс». К «недочетам» работы сельских ячеек были отнесены традиционно отмечаемые крайности – «административный нажим» ячеек на сельизбиркомы, с одной стороны, и «хвостизм» как уклонение и неучастие/недостаточное участие коммунистов в организации и проведении выборов. Значительная часть обзора посвящена примерам, взятым из отчетов восьми окружкомов из двадцати, которые характеризовали либо «перегибы», либо «недогибы» в качестве отклонений от краевых директив. Одной из причин «недочетов» работы на селе фиксировалось выявление в ходе кампании «окулачившихся коммунистов» (другие причины «недочетов»: слабость подготовки кадров на местах, непонимание директив). Следует отметить, что оценка последнего «недочета» («окулачивания») описывалась в более категоричных и негативных категориях, нежели такие «недочеты», как «перегибы».

В обзоре деятельности первичных городских парторганизаций был заложен другой принцип – здесь ключевое место отводилось просчетам (о которых писалось прежде всего) и причинам их порождавших, хотя в выводах упоминались те же проявления, что в сельской местности – недооценка новых условий «классовой борьбы» и проявления «хвостизма» и «самотека» вместо руководства избирательной деятельностью.

Ключевым разделом «Обзора» стала вторая его часть, названная «Борьба за кандидатов и социальные группировки в избирательной кампании». В ней приводились прежде всего действительно крайне редкие в раннесоветской электоральной практике случаи того, когда на отдельных выборных собраниях отклонялись кандидатуры руководителей высокого ранга: Р.И. Эйхе, в тот период председатель крайисполкома, был отклонен решением собрания коллектива строителей в Новосибирске, хотя это не повлияло на его номенклатурный статус как таковой; в Красноярске избиратели забаллотировали выдвижение в горсовет председателя окрисполкома В.В. Полюдова[6] на основании того, что тот будто был карателем во времена колчаковского режима; в Кузнецке рабочие провалили кандидатуру

[6] Полюдов Владимир Венедиктович – 14.07.1889 г.р., урож. станицы Павлодарская Семипалатинской обл. Из семьи служащих. Брат Полюдова Е. В. Образование среднее (учительская семинария). До 1917 г. работал сельским учителем, служил в Российской армии в чине прапорщика. Подвергался тюремному заключению в период Гражданской войны. Член Коммунистической партии с 1920 г. 1 член Гомельского совдепа (1917 г.). В 1918 г. – пред. Павлодарского войскового казачьего совета, редактор газеты «Объединение» (Павлодар Семипалатинской обл.). В 1919 г. служил в Сибирском казачьем войске. В 1919–1925 гг. – зав. ОНО Омского губ. исполкома. В 1926 г. – зам. зав. ОНО Сибирского Крайисполкома (Новосибирск). 07.1927–07.1929 – председатель Красноярского окр. исполкома; и.о. секретаря (1928 г.) Красноярского окружкома ВКП(б). Снят с должности, 21.07.1929 арестован по обвинению в сотрудничестве с колчаковской контрразведкой. Постановлением коллегии ОГПУ от 23.04.1930 приговорен к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован и восстановлен в КПСС в 1990 г., так как «предъявленные обвинения не нашли подтверждения». Член ВЦИК (1929 г.) (*Папков С.А.* Руководящие кадры Сибири. 1919–1941 гг. Справочник. Новосибирск, 2021. С. 405).

тогдашнего председателя окрисполкома Ф.В. Скрыпника[7] как не пользовавшегося авторитетом у населения. Далее перечислялись случаи забаллотирования номенклатурных работников более низшего ранга. Однако в этом провале причинами объявлялись происки «бывших оппозиционеров» и «озлобленных обывателей».

Интересную картину представляет взаимодействие партячеек и сельсоветов в сельской местности. Число членов и кандидатов ВКП(б), включая сюда членов и кандидатов ВЛКСМ, в составе сельских советов было невелико, но росло – в 1927 г. 13,5 %, в 1929 г. 17,8 %. В 1929 г. число избранных в сельсоветы первый раз достигло высокой цифры – 70,6 % (в 1927 г., например, 57,3 %). Шел активный процесс расширения социальной базы большевиков в деревне, на уровне сельсоветов, вербовки новых акторов власти на местах, борьбы за конформистское «болото».

Однако эта политика большевиков в деревне сопровождалась трудностями. Провалы выдвинутых партячейками кандидатов носили не единичный, а массовый характер, объяснение во внутреннем делопроизводстве представлялось следующим: коммунисты на местах «недостаточно ответственно подходили к подбору кандидатов в депутаты и активной пропаганды за них».

В то же время сам факт того, что ряд выдвигавшихся партячейками кандидатов не встречал одобрения со стороны собраний бедноты, наоборот, считался положительным моментом проявления низами классового «чутья». Особенно пристальное внимание для обзора хода кампании в сельской местности уделялось поведению и действиям основных социальных групп (верхушка, середняки, беднота). Здесь наиболее рельефно выявлялся уровень социальной напряженности и конфронтации внутри крестьянства, делался акцент на тактике верхов деревни проводить своих кандидатов в депутаты, используя в том числе разногласия в самом руководстве страны вокруг деревенской политики в 1928 г. («кулачество охотно изучает законодательство, вступает в споры с избиркомами и коммунистами…»).

При публикации опущен блок «Участие комсомола в перевыборах советов» (л. 41–45). Данный блок «Обзора» выстроен аналогично предыдущим блокам: постулируется положительная (относительно прошлой кампании) динамика работы в целом комсомола, аккумулированы выходящие за рамки условной «нормы» инциденты. Критические замечания по отношению к работе «легкой кавалерии» в ходе реализации кампании можно распределить по следующим группам: работа собственно комсомольской организации (комсомольцы оказались не готовы, не было «боевого темпа», проявляли недостаточное понимание директив, поздно начали работу), взаимодействие с партийной ячейкой (партячейки использовали комсомол как хозяйственную, а не политическую силу), взаимодействие с местным населением (конфликты, связи с «чуждыми» и прочие формы идеологического ренегатства).

Важное место в «Обзоре» уделено женской проблеме, которая для коммунистов приобретала принципиальное значение, поскольку увеличение избирательной активности женщин наряду с молодежью (комсомол) рассматривалось как индикатор расширения большевиками своей опоры в массах. В то же время «возросшая активность» женских масс в документе в основном характеризовалась сочетанием общих формулировок, разбавленных отдельными примерами и цифровыми показателями участия женщин в избирательных процессах.

[7] Скрипкин Федор Васильевич – 04.1888 г.р., урож. с. Селище Костромского уезда и губ. Русский. Из крестьян. Рабочий-слесарь. Образование начальное. Участник революционного подполья, отбывал тюремное заключение и ссылку. Член Коммунистической партии с 1908 г. В 1918–1919 гг. служил в штабе Красной гвардии/армии: агитатор, зав. агит. проп. отделом уездного военкомата (Кострома). В 1919–1921 гг. – уполномоч. губ. продкома. С августа 1921–1922 – уездный продкомиссар (Варнавин Костромской губ.). В 1922–1924 – зав. фин. отделом Костромского губ. исполкома. В 1924–1925 – зав. финнс. отделом обл. исполкома Вотской АО (Ижевск). С ноября 1925 по июль 1928 – пред. обл. плана и зам. пред. Вотского обл. исполкома (Ижевск). С сентября 1928 по февраль 1930 – пред. Кузнецкого окр. исполкома (Щегловск). С февраля по октябрь 1930 г. – зав. отделом кадров Кузнецкого окружкома ВКП(б). С октября 1930 г. по апрель 1935 г. – пом. нач. стр-тва Кемеровской ГРЭС. В 1934 г. осужден к 6 мес принудработ «за плохое состояние жилых бараков». С апреля 1936 по 1938 – директор Кемеровской ГРЭС (*Папков С.А.* Руководящие кадры Сибири. 1919–1941 гг. Справочник. Новосибирск, 2021. С. 450).

Тем не менее не обошлось и без констатации того, что во всяком массовом процессе, каким выступала и инициированная в немалой степени сверху женская мобильность, имели место далеко не единичные случаи снижения доли женщин-депутаток не только в городах, но и в сельской местности. Особенно рельефно это проявлялось в деревенской среде, где женщин проваливали в ходе выборных собраний наряду с коммунистами.

Сделанные в «Обзоре» общие выводы содержали в себе констатацию главной тенденции – перевыборная кампания прошла под знаком укрепления позиций коммунистов в руководстве советами всех уровней, как городских, так и сельских: «избирательная кампания по своим положительным результатам значительно превзошла избирательную кампанию 1926–1927 года». Удалось значительно поднять явку избирателей при относительно сохранившейся доле коммунистов в советах в целом по сравнению с кампанией 1927 г., повысилось представительство комсомольской и женской групп в составе избранных депутатов всех типов. В то же время при содержавшейся в выводах значительной доли критики («недочеты» и «провалы») деятельности коммунистов в избирательной кампании, в «Обзоре» явно смещались акценты причин создавшейся ситуации (конструировалась соответствующая идеологическим доктринам действительность). Трудности и просчеты в значительной степени оказывались отнесены за счет «засоренности» низовых, особенно сельских партячеек, слабой готовность к жесткой мобилизации в противостоянии «классовым врагам», которые, напротив, быстрее и активнее консолидировались в процессе избирательной кампании. Однако нельзя не учитывать, что в самой природе мобилизационных кампаний, к числу которых, безусловно, относились и электоральные, присутствовало коренное противоречие между проявлением и действием в них двух разнонаправленных тенденций – консолидационной и конфронтационной, где одна парализовала другую (что крайне деструктивно влияло на состояние социума). Политика большевистского руководства в деревне в связи с кризисом хлебозаготовок отражалась не только на настроениях в деревне, но и в городских поселках с их смешанным социальным составом населения. Наряду с этим в городах с еще более пестрым составом, где прорывалось недовольство рабочих и промежуточных слоев своим положением, уровнем жизни и перспективами, возникали признаки кризиса легитимности власти и ее представителей.

Документ публикуется под собственным заголовком. При воспроизводстве текста языковые погрешности и ошибки документа сопровождаются оговорками в подстрочных примечаниях. Без оговорок исправляются явные ошибки и опечатки машинисток. Стилистика источника и архаические фразы сохраняются, не подвергаясь современным правилам написания. В квадратных скобках даются пропущенные в документе части слов, знаки препинания, раскрываются сокращения. Пропуск текста, сделанный публикатором, отмечен многоточием в угловых скобках. Особенности, небрежности, неразборчивые места документа оговариваются буквенно (на кириллице) в постраничных примечаниях. В тексте сохранены особенности формуляра документа, включая заголовки и подзаголовки, их подчеркивание и т.д. Примечания имеют цифровую индексацию и публикуются в конце. Археографическая легенда включает в себя, помимо архивного шифра, степень аутентичности, способ воспроизводства документа, также и пометы на нем.

* * *

(л. 29) **СИБКРАЙКОМ ВКП (б)**
Инф[ормационно]. Стат[истический]. п[од]/отдел

ОБЗОР
О РУКОВОДСТВЕ ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ ПЕРЕВЫБОРАМИ СОВЕТОВ В СИБКРАЕ

Составлен на основании сводок
Крайкома и итоговых материалов
О[кружных]К[омитетов] ВКП(б) на 15 апреля 1929 г.

Характер настоящего обзора отличается от всех предыдущих тем, что здесь, вместо общих вопросов избирательной кампании, берется низовая городская и деревенская ячейка и на фоне ее участия и руководства избирательной кампанией дается общая оценка партруководства перевыборами советов.

1. Некоторые черты общей обстановки и партийного руководства.

Основные установки и достижения партийного руководства

Избирательная кампания 1928–[19]29 года, как по части общей хозяйственно-политической обстановки, в которой она (кампания) проходила, так соответственно и по тем требованиям, которые предъявлялись к этой кампании, – существенным образом отличалась от кампании 1926–[19]27 года[1].

Эту отличительную особенность избирательной кампании [19]28–29 года Крайком (в постановлен[ии] бюро от 6 ноября [19]28 г.) формулировал следующим образом:

> «Перевыборы советов будут проходить в обстановке обострения классовой борьбы, особенно в деревне, повышения активности кулачества. В ходе перевыборной кампании партия должна добиться решительного оживления всей работы советов на базе укрепления диктатуры рабочего класса, широкого развертывания пролетарской демократии, дальнейшего наступления на буржуазные элементы города и деревни и максимального укрепления союза рабочих, батраков и бедноты с середняком.
>
> Кампания должна вестись под лозунгами: индустриализации народного хозяйства на основе строительства тяжелой промышленности, в первую очередь производящей средства производства; переустройства сельского хозяйства на коллективных началах; кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств; усиления темпа роста сельского хозяйства на базе коллективизации; совхозного строительства и, наконец, подъема урожайности и товарности индивидуального хозяйства бедноты и середняков; развертывания широкой критики недостатков работы советов со стороны избирателей».

Своевременность и четкость основных установок, которые были даны на места, и целый ряд организационных мероприятий, направленных к тому, чтобы обеспечить наиболее успешное проведение кампании, дали результат по своим положительным показателям, превосходящим избирательную кампанию [19]26–[19]28 года.

Одно из свидетельств положительных сторон заключается в факте подъема активности масс, что в первую очередь сказалось на росте критики и самокритики со стороны избирателей. Пример по Иркутскому округу:

> «Работа сельских советов подвергалась всесторонней критике со стороны бедняцко-середняцких и батрацких масс.
>
> По предварительным подсчетам, работа 12 сельсоветов признана бедняцко-батрацкими и общими собраниями слабой и неудовлетворительной.

В с[еле]. Горохово (Усольского района) батраки признали неудовлетворительной работу сельсовета среди батрачества, указав в постановлении, что: сельсовет не заботился о контроле за выполнением кол[лективных] договоров[2] о страховании батрачества (сообщение т[оварища] Мунгалова от 11/I).

В с[еле] Тыреть (Заларинского р[айо]-на) батраки на отчетном собрании сельсовета раскритиковали работу с[ель]/совета по всем отраслям, указывали на связь пред[седателя]сельсовета с кулачеством и игнорирование интересов батрачества и бедноты, пьянство предсельсовета и секретаря (пропивали общественное имущество), отсутствие какой бы то ни было работы по коллективизации сельского хозяйства и т.д.

На отчетных собраниях беднота “крыла” с/советы за бездеятельность в области коллективизации сельск[ого] хозяйства вообще и втягивание бедноты в колхозы в частности». //

(л. 30) Такие же факты можно было бы привести по Рубцовскому и другим округам Сибирского края.

Фактом большого положительного значения является то обстоятельство, что, как это видно из информ[ационных] материалов ОК на фоне общей работы по перевыборам советов, роль низового партийного звена – ячейки, была более заметной и в ряде мест определяла собой ход и исход кампании на селе.

Ойротский Област[ной] ком[итет] ВКП(б) отмечает, что «ячейки в перевыборную кампанию 1928–[19]29 года явились фактическими руководителями кампании, лучше организовывали вокруг себя бедноту, актив. Все ячейки прорабатывали основные вопрос[ы] кампании, заслушивали доклады сельсоветов, подбирали кандидатуры, вырабатывали наказы и т.д.[»]

По Красноярскому округу в кампанию 1928–[19]29 г. «руководство сельпарткомов и партячеек перевыборной кампанией усилилось. Значительно этому помогло – выезд уполномоченных окружкома в районные ячейки и мобилизация райкомами райактива для помощи в работе ячеек. В результате увеличившегося внимания к составу организованных сельизбиркомов и ко всей работе на селе улучшилось политическое состояние кампании. Повысилось со стороны партячеек внимание к вопросам классовой борьбы, это повышение внимания идет по линии усиления работы с беднотой, смотра групп бедноты и организации новых групп (организовалось по частичным сведениям 27 новых групп бедноты)». (Сводка ОК, № 3).

Там, где ячейки своевременно и серьезно подходили к перевыборам, возрос авторитет партийных ячеек на селе, укрепилась руководящая роль пролетариата и бедноты в советах.

Несмотря на оживление активности кулачества, батраки, бедняки и середняки целиком поддерживали линию партии и советской власти, в результате чего кулачество потерпело поражение и выборная кампания в общем дала удовлетворительные результаты. В результате вовлечения партийных и общественных организаций в работу по лишению избирательных прав[3] увеличилось общее число лишенных в городе и сельских местностях, главный образом за счет эксплоататорских[a] элементов[4], которые в прошлую кампанию выявлены не были.

Наконец, значительно улучшилось руководство перевыборной кампанией со стороны партийных организаций в национальных областях[5]. Сплочение батрачества и бедноты в союзе с середняком вокруг задач избирательной кампании и организованный отпор кулацким и антисоветским элементам, пытавшимся пролезть в избиркомы и захватить руководство в советах[,] укрепили авторитет партии и советской власти.

Недочеты сельского партийного руководства.

Однако ход избирательной кампании и ее итоги показывают, что указание Крайкома на то, что «предстоящая кампания

[a] Так в документе.

советов должна пройти под знаком особенного внимания всех партийных организаций», – в значительной степени некоторыми ячейками оказалось невыполненным. Недостаточное участие в избирательной кампании особенно выявилось со стороны ряда деревенских ячеек.

В некоторых случаях партийные ячейки недостаточно ясно представляли себе происходящую классовую борьбу в деревне, ее значение и неизбежность обострения этой борьбы [с] развертыванием социалистического строительства (Минусинский округ). Такого рода ограниченность находила свое выражение в том, что ячейки не знали классового расслоения своей деревни, недооценивали политического значения работы по лишению избирательных прав и недопущению в состав сельских избирательных комиссий классово-чуждых элементов. Это[,] в свою очередь[,] приводило к тому, что кулачество сумело кое-где протащить в советы своих кандидатов (Ачинский округ).

В некоторых селах массовую работу в избирательной кампании партийные ячейки пытались подменить административным нажимом, в отдельных случаях доходившим до свертывания отчетно-предвыборных собраний (Рубцовский округ) или запрещения выставлять новых кандидатов на выборных собраниях (Хакасский округ). Наконец, некоторые ячейки и кандидатские группы плелись в хвосте, проявили полную растерянность перед растущей активностью масс и не сумели организовать бедноту и батрачество. Отмечены такие факты, когда отдельные партячейки скрывали свое партийное лицо в надежде на то, что кулаки не проявят никакой активности (Хакасский, Барнаульский, Славгородский, Барабинский, Новосибирский, Ачинский, Рубцовский и др. округа). //

(л. 31) Участие коммунистов-одиночек в работе по проведению кампании улучшилось по сравнению с прошлыми годами. Сообщения с мест на этот счет говорят следующее: в Ойротской области «партийцы в ряде сел только и жили тем, чтобы лучше провести кампанию, чтобы меньше было ошибок. Некоторые партийцы проводили по 2–3 собрания бедноты. Член ВКП(б) ЧУУЛ[б] Севастьян, бедняк, безлошадный, ходил раздавать повестки в своем участке, разбросанном на 20 верст, своевременно явился на партсобрание в соседнее село, после собрания пошел пешком с информацией в АИК[в].

Но и в данном вопросе, как и в ряде других, дело не обошлось без недочетов. В Барабинском округе, например, «имеется около 300 коммунистов одиночек, но из них очень небольшое количество было втянуто в кампанию. В Кыштовском районе из 15 одиночек лишь 5 чел[овек]. втянуты в перевыборы, в с[еле] Щеглове, Чановского р[айо]-на имеется лишь 2 человека коммунистов-одиночек; один из них[,] Волков[,] ведет большую общественную работу, проводит бедняцкие собрания, собрания батраков, участвует в работе сельизбиркома, другой же[,] коммунист Горопов[,] ведет агитацию среди населения и комсомольцев в защиту кулаков» и т.д. и т.п.

Вот как сами окружкомы характеризуют участие ячеек и отдельных коммунистов в избирательной кампании:

> Славгородский округ: «Деревенские партячейки для участия в отчетно-перевыборной кампании советов раскачивались очень медленно. По заявлению ряда райкомов можно сделать вывод, что некоторые ячейки за всю кампанию не смогли обеспечить партруководства, полагаясь на прикрепленных уполномоченных РК и ОК.
>
> Уполномоченный по Михайловскому району передавал такой факт: в с. Неводном Михайловского района бедняцкое собрание отвело из списков кандидатов коммунистов за высмеивание бедноты и связь с кулачеством. Последний пересмотр ячеек в Благовещенском и Ключевском районах с нарядностью показывает те же вышеприведенные факты, так, например, в с. Орлеане секретарь ячейки Господаренко способствовал проведению кулацкого собрания. В с. Петухово ячейка (теперь распущенная) была связана с кулачеством и т.д. и т.п.» (из итогового обзора ОК на 4/III-29 г.).

[б] Неразборчиво.

[в] Аймачный исполнительный комитет.

Барнаульский округ: «Преступно халатное отношение к работе по перевыборам советов ячеек и уполномоченных от района в селах – Борисово, Н-Каменка и Калиновка. Замечено нежелание Калиновской и Шатуновской ячеек выполнять работу, намеченную планом райкома. Отмечается недооценка сил классового врага – кулака, есть замазывание классовой борьбы в деревне (Шатуновская ячейка) и защита кулаков от лишения избирательных прав (Б. Калтайская ячейка – Борисов, Гурьев и Елизаров). Некоторые партийцы до сего времени называют бедноту лодырями (Захаровская ячейка – Леонидов). Калиновская ячейка смазывает[г] избирком, принимала от кулаков заявления, рассматривала эти заявления на ячейковом собрании и самостоятельно лишала и восстанавливала кулаков (из сводки ОК № 4).

Ойротская область: «Секретарь Тюнгурской ячейки рассуждал таким образом: “в члены сельсовета итти не хочется, да и не следует выдвигать туда партийцев, и без того надоели заседания”. А в Средней Тырге партийцы рассуждали так: “зачем шумиху поднимать в перевыбора, избрали бы скорее и даешь конец”. В этом же селе на отчетном собрании “крыли партийцев”, а коммунисты сидели как в рот воды набрали» (из итогового обзора ОК).

Хвостизм, потеря классового чутья, связь с кулацкими элементами деревни и т.п. показали, что в отдельных случаях мы имеем дело с политически и морально разложившимися коммунистами.

Иркутский округ: «Сельячейки и отдельные коммунисты вместо твердого партийного руководства перевыборной кампанией фактически плелись в хвосте и не сумели должным образом организовать бедноту и батрачество для решительного отпора активно выступающему кулачеству. //

(л. 32) Действительность такого положения можно подтвердить следующими фактами:

1. Дело секретаря Савватеевской яч[ейки]., подписавшего «петицию» кулака-лишенца; 2) Балейская ячейка боялась включить в список лишенцев кулака, обложенного в индивидуальном порядке; 3) Александровская ячейка не захотела лишить избирательных прав кулака, считая его «культурным»; 4) Чадановское дело (Тагнинский р-н) – ячейка узнала об избиении кулаками бедняка-активиста после всех; 5) Дело Сутурина (Сутурин[,] будучи уполномоченным РИК’а, выступил против лишения кулаков избирательных прав и обложения в индивидуальном порядке). Факт проникновения в состав сельизбиркомов 33 кулаков и проч[их] чуждых элемент[ов] ([в]последствии удаленных[)] также говорит о том, что и «в этой части партруководство было не совсем удовлетворительным».

Барабинский округ: «Наряду с недооценкой классовой борьбы в деревне, в ряде мест замечается замазывание[д] партийного лица как отдельными коммунистами, так и целыми ячейками (Н-Троицкий, Биазинский, Спасский районы). Есть и такие ячейки, которые готовятся к выборам советов при закрытых дверях, изолированно от беспартийной массы. Достаточно ярким примером может служить Розентальская ячейка, которая на “секретном” закрытом собрании обсуждала кандидатуру в новый состав сельсовета и решила не только не обсуждать их на бедняцком, но даже не оглашать и на общем собрании, а выставить неожиданно на выборном собрании. Такие факты имеются и в других районах (Чистоозерный, Чановский районы)».

Барнаульский округ: «Шиловская, Колпаковская и Крутологовская ячейки абсолютно никакой работы не проводили. В сельских организациях (сельсоветов, кооперация) обнаружено полное засилие кулаков, искажение классовой линии в работе последних, отрыв коммунистов от бедноты и связь их с кулачеством и чуждыми элементами и т.д.» (из сводки ОК № 4).

[г] Так в документе.
[д] Так в документе.

Бийский округ: «Ряд коммунистов в исключительно ответственный момент горячей работы на селе в данное время (хлебозаготовки[6], перевыборы) пьянствуют с кулаками (Б-Реченский район), отказываются лишать кулака избирательного голоса (Тогульский район), не ходят на собрания и т.д.» (из письма Бийского ОК ВКП(б) от 7/I-29 г.)

Омский округ: «Местные деревенские организации ошибки низового руководства пытаются объяснить тем, что перевыборам мешали хлебозаготовки», в силу чего «ряд райкомов (Тюкалинский, Нижне-Уральский) даже решили, что с кампанией перевыборов можно подождать».

Рубцовский округ: «Ряд ячеек (Курьинский, Покровский районы) показали полное неумение увязать перевыборы с хлебозаготовками, думая, что хлебозаготовки – это кампания исключительно хозяйственная, а перевыборы – политическая».

Некоторыми окружкомами в обоснование пробелов работы в избирательной кампании приводится ссылка на вынужденную якобы необходимость форсирования перевыборов. Так, в Рубцовском округе старались «скорее провести перевыбора, учитывая хлебозаготовки и другие хозяйственные мероприятия». Это же было и по другим округам* (Прим.: сноска документа. – *Е. А.*).

Уже сама такого рода постановка вопроса, когда одна кампания противопоставляется другой и отсюда делаются попытки обосновать ослабление избирательной кампании, – будет неверна. Неверно это, прежде всего, потому, что кампания перевыборов советов не исключала, а предполагала (об этом было сказано и в директивах) увязку ее с кампанией хлебозаготовок. Совершенно другое дело, что на практике многие ячейки с этим делом не справились или справились не в достаточной степени. Между тем

*Директивами Крайизбиркома, утвержденными Крайкомом начало избирательной кампании было определено с 1 февраля (перевыборы сельсоветов), закончиться кампания должна была 1 марта (перевыборы горсоветов). По отдельным округам кампания закончилась значительно раньше, например в Минусинском – к 15 февраля, Рубцовском – 20 февраля. В городах также: Щегловске – 16 февраля, Славгороде – 17 февраля, Иркутск – 20 февраля и т. д. //

(л. 33) нельзя обойти и того положения, что в эту кампанию деревня получила довольно большое подкрепление силами в виде посылки рабочих бригад*.

Результаты избирательной кампании показывали, что там, где своевременно и правильно эта кампания была увязана с хлебозаготовками, где ячейки сумели проделать в этом направлении достаточную работу, хлебозаготовительная кампания в известной части являлась положительным фактором для избирательной кампании.

Во-первых, хлебозаготовки стимулировали явку избирателей на отчетные избирательные собрания (конечно, в том случае, когда избирательная кампания была не только увязана с хлебозаготовками, но и хлебозаготовки были хорошо организованы), например по Шипуновскому району Рубцовского округа.

Во-вторых, они (хлебозаготовки) способствовали лучшему отбору советов, т.к. проводимый бойкот кулаков – держателей хлеба, механически изолировал такие элементы от возможности попасть в совет (Курьинский район Рубцовского округа, отдельные районы Барнаульского округа).

Причины, характеризующие недочеты руководства ячеек в деревне.

Несомненно, главной причиной неработоспособности отдельных партийных ячеек в деревне является потеря членами этих организаций классового чутья, смыкание их с капиталистическими элементами деревни. Естественно, что такие ячейки не имеют и не могут иметь авторитета среди батрачества, бедноты и середняков и извращают линию

партии о проведение хозяйственно-политических мероприятий (хлебозаготовки, коллективизация и проч.).

Отдельные факты на этот счет таковы:

Барабинский округ: «Ячейка с[ела]. Успенки, Татарского р[айо]-на, все время вела агитацию в защиту кулаков, а потом выяснилось, что эта ячейка состоит наполовину из кулаков.

В ряде районов райкомы исключили из партии и лишили избирательного голоса окулачившихся коммунистов – всего с 1 января РК исключено окулачившихся коммунистов 13 чел[овек]. (Татарский, Н-Каргатский, Чановский, В-Ичинский и Спасский районы).

В с[еле]. Казанском секретарь партячейки Гущин способствовал кулакам скрывать излишки хлеба. Когда за срыв хлебозаготовок были арестованы три кулака, Гущин поехал в Каинск хлопотать об освобождении одного из них и дал сведения о том, что он «бедняк».

Рубцовский округ: «В ячейке Н-Фирсовской, Курьинского района оказались членами партии кулаки с партбилетами, они заправляют ячейкой, говорят одно, а делают другое».

Отдельные бригады[е] заявили Н-Фирсовским партийцам: «Мы не пойдем в партию до тех пор, пока вы не выгоните из ячейки кулаков».

Иркутский округ: «В Тагнинском районе в д[еревне]. Чаданово 5/XII изби[т] по научке кулаков активный бедняк, в прошлом партизан.

Партийная ячейка об избиении узнала последней. Райком партии тоже узнал о случившемся из газеты “Власть труда”» (из письма от 23/XII).

Когда по поводу избиения было созвано собрание бедноты, то беднота в вынесенной резолюции отметила:

«Ячейка не наша, она не защищает интересов бедноты, а гнет в сторону зажиточных, особенно секретарь Щукин».

По Усольскому району отмечались такие факты, когда беднота и батрачество лучше знали перспективы Окружного Комитета ВКП(б) и вопросам перевыборной кампании, нежели ячейки и секретари партячеек.

В с[еле] Савватеевке кулаки-лишенцы пошли по селу с подписным листом собирать подписки о том, что их неправильно лишили избирательных прав. Первый подписался секретарь партячейки. Бедняки и середняки[,] увидев подпись секретаря[,] заявили: «раз коммунист подписался, значит нам неудобно отказываться».

Городская партийная ячейка в перевыборах. Недочеты в области руководства[ж] избирательной кампанией

имело место и в городских ячейках. Отдельные городские партийные ячейки, в том числе и многие из производственных, недооценили размеров и возможности обострения классовой борьбы, даже тогда, когда повсеместно в городах

---

* По городам Сибирского края в составе рабочих бригад свыше 1 000 человек с производства выезжало на помощь деревне. //

(л. 34) выросло количество лишенцев по сравнению с прошлой кампанией и резко выявились настроения нэпманско-спекулятивных элементов. Последние пытались в ряде случаев за спиной наиболее отсталых слоев избирателей (даже рабочих) протащить свои требования. В то же время наблюдалось стремление нэпманско-спекулянтских элементов города к смычке с кулачеством деревни. Так, в Красноярском округе городские спекулянты специально выезжали в деревню и вели там агитацию за «крестьянский союз».

[е] Так в документе.

[ж] Напечатано над строкой.

Несмотря на осложнения классовой борьбы и большие трудности, стоящие перед избирательной кампанией [19]28–[19]29 года, часть городских ячеек не развернула необходимой работы вокруг выборов. Материалы с мест на этот счет говорят следующее:

«В г[ороде] Барнауле некоторые ячейки не только не развернули работы, но и не принимались за нее. А 8 секретарей ячейки не явились даже на совещание по перевыборам. До 25 декабря партийная масса в кампанию была втянута далеко не вся, главное не была развернута живая работа в массах, совершенно упущена из виду работа среди неорганизованного населения» (из сводки ОК № 4).

В гор[оде] Камне имелись случаи, когда ячейки пытались обслуживать близлежащие деревенские ячейки и совершенно не вели работы в порученных им участках в городе (яч[ейки]. ОкрЗУ[з], ОкрФО[и]). Вместе с этим в целом по городу далеко недостаточно развернута работа среди неорганизованного населения, руководство почти всех партячеек работой МК[к] и ФЗК[л] по вопросам перевыборов было слабое. Наконец, отсутствовала работа фракции горсовета по руководству перевыборами, не было увязки и оказания содействия партячейкам, прикрепленным к крестьянским участкам, и т.д.

В г. Канске – «партийная масса в своем большинстве оказалась неподготовленной к руководству избирательной кампанией, в результате имелись случаи растерянности и хвостизма со стороны ячеек. Местами совершенно отсутствовала работа по выявлению лишенцев и обсуждению кандидатур и новый состав горсовета – вовлечению масс на предвыборные собрания».

Тов[арищ]. Запарыгин, член ВКП(б), управляющий Черногорскими копями, на заседании бюро Райкома 16 ноября заявил: «за время моего пребывания на Черногорских копях я ни разу не слушал доклада Промсовета. Да, по-моему, ему и отчитываться не о чем, потому что рабочие с Промсоветом совершенно не связаны. По всему совершенно лишне, если мы рабочих будем затруднять отчетностью, мы их и без того задергали по собраниям» (из сводки ОК № 1).

Причины, характеризующие недочеты руководства ячеек в городах.

Несомненно, основное, что ослабляло партийное руководство городских ячеек перевыборами советов, это недооценка классовой борьбы, успокоенность, а отсюда – организационная неподготовленность, благодушие, казенный оптимизм, имевшие место в некоторых городских партийных ячейках.

II. БОРЬБА ЗА КАНДИДАТОВ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Борьба за кандидатов.

ГОД	В городах				В сельск[их]. местностях			
	Всего избрано	Из них			Всего избрано	Из них		
		ВКП (б)	ВЛКСМ	Б/п[м]		ВКП (б)	ВЛКСМ	Б/п
1926/27	5 526	–	–	–				

[з] Окружное земельное управление.
[и] Окружной финансовый отдел.
[к] Местных комитетов.
[л] Фабрично-заводских комитетов.
[м] Беспартийные.

	100 %	48,7	6,7	44,6	100 %	13,5		
1928/29	6 212	–	–	–				
	100 %	48,1	8,8	43,1	100 %	17,8		

Вышеприведенные данные показывают результаты выборов в сельские и городские советы в избирательную кампанию 1928/29 года в сравнении с кампанией 1926/27 г. Эти формальные показатели говорят о том, что партийное ядро в советах обеспечено.

Однако самый процесс подбора и выдвижения кандидатов ячейками требует того, чтобы на них остановиться особо.

В городах.

Некоторые гор[одские]. ячейки[,] не учтя размеров и возможностей обострения классовой борьбы, сделали ряд ошибок при намечении и выдвижении кандидатов. //

(л. 35) Отмечено изрядное количество фактов никуда не годной подготовки со стороны ячеек к этому делу. В результате некоторые кандидаты, безупречные с деловой и со всех сторон, были провалены.

Были случаи провала кандидатур ответственных руководителей края округов. В этом деле, видимо, не обошлось без активного участия осколков троцкистской оппозиции, развернувших работу среди избирателей, опиравшихся на наиболее отсталую их часть, и озлобленного обывателя, прикрывшегося под маской рабочего или служащего.

Например:

На избирательном собрании строителей в г[ороде] Новосибирске проходила в горсовет кандидатура тов[арища]. Эйхе (председатель СКИК[н]). Как теперь выяснилось[,] отвод был сделан на заявлении одного лишенца, что т[оварищ]. Эйхе, якобы, является его дядей и потому, мол, он (этот лишенец) считает, что местные власти бессильны лишить его избирательных прав. На самом деле[,] все это голая ложь.

Не прошла в члены Горсовета кандидатура т[оварища]. Полюдова (председатель ОИК[о]'а) в г[ороде]. Красноярске на собрании сборного цеха жел[езно]. дор[ожных]. мастерских. Мотивировка: «был при Колчаке белым карателем» (выступление рабочего). На самом деле[,] тов[арищ]. Полюдов никогда и нигде таковым не был, является старым большевиком. После собрания рабочий, который выступал[,] написал письмо в газету «Красноярский Рабочий», где сообщает, что ошибся, т.к. не Полюдов был карателем, а Полицын.

Провалена кандидатура в члены горсовета тов[арища]. Скрыпника[п] (председатель Кузнецкого ОИК'а) на собрании рабочих Химзавода, как не пользующегося авторитетом. Характерно, что на другом собрании, где опять выставили тов[арища]. Скрыпника[,] он был тоже провален пришедшими туда дававшими ему отвод на Химзаводе.

Провалена в члены горсовета[,] кандидатура выдвиженца рабочего, управляющего Коммунтрестом, намеченного в президиум Горсовета в г[ороде]. Рубцовске. Избиратели смешанного участка отказались его ввести из-за неавторитетности. Также провалена в члены Горсовета кандидатура выдвиженца рабочего Зам[естителя]. Пред[седателя]. Горсовета в Новосибирске по той же причине. Отвели его также железнодорожники, от кого он был выставлен.

Вообще дело с выдвижением проведением кандидатур обстояло плохо и по другим направлениям.

Например:

«В Красноярске, на собрании сборного цеха перед голосованием кандидатуры тов[арища]. Трутнева[,] один коммунист задает вопрос: а справиться ли он с работой.

[н] Сибирского краевого исполнительного комитета.
[о] Окружного исполнительного комитета.
[п] Так в документе, следует *Скрипкин*.

Потом выступает Жмайтес (исключенный из партии за фракционность) против кандидатуры и в результате голосования кандидатуры ячейки не проходят. Характерно, что коммунисты не противопоставили себя осколкам бывшей оппозиции» (из сводки ОК а 13/I-29 г.).

В том же Красноярске «некоторые партийцы на выборных собраниях выступали против кандидатов[,] намеченных ячейками или на собрании[,] выставляли кандидаты тех лиц, которые были отвергнуты ячейками. В сборном цехе партийцы выставляли в Совет быв[ших]. оппозиционеров, а те со своей стороны провалили две кандидатуры, выставленные ячейкой» (из сводки № 4 ОК).

При перевыборах Мартайгинского горсовета (Ачинский округ) ячейки выдвигали никуда негодных кандидатов – Чер…[р] ячейка рекомендовала собранию кандидата ВКП(б), а избиратели его отвели за то, что он судился, отбывал наказание в 1922 г. за кражу. Второй случай – также отвели из числа выдвинутых кандидатов члена ВКП(б) как судившегося за самогонку. Третий случай, Октябрьский рудник – отвел члена ВКП(б), потому что этот происходит из кулацкой семьи.

По г[ороду]. Новосибирску – на 6 избирательных участках партячейками было выдвинуто 17 кандидатов в Совет, а прошло из них только 4 – 23 %. В процентном отношении к числу всех избранных членов в Горсовет кандидаты идут от следующих групп: выдвинутых партячейками – 23,5 %, от фабзавкомом – 11,7 %, и от самих избирателей, выдвинутых на выборных собраниях, – 64,7 %.

Некоторые ячейки к моменту отчетно-перевыборных собраний не имели своего четкого мнения относительно кандидатов, что лишил[о] возможности коммунистов и ячейку в целом формировать общественное мнение вокруг определенных кандидатов уже начиная с самого начала кампании. Этот недочет в момент выборов для некоторых ячеек имел решающее отрицательное значение. //

(л. 36) <u>В сельских местностях.</u>

Безусловно, в настоящую кампанию внимание деревенских ячеек подбору кандидатов в советы было уделено больше, чем в прошлом. Однако не единичны, а довольно многочисленны случаи отвода и провала на избирательных собраниях кандидатов, выдвигавшихся партячейками. Это обстоятельство заслуживает весьма* внимания, тем более что в деревне мы, бесспорно, имели, например, возросшую активность и организованность батрачества и бедноты [и] основной с[е]редняцкой массы. Таким образом, причины провала кандидатов выдвигающихся ячейками следует отнести к тому, что многие ячейки в эту кампанию проявили сугубо невнимательность качественному подбору кандидатов, с одной стороны, с другой[,] не сумели создать вокруг кандидатов нужного общественного мнения.

Округ	По какому количеству с/советов	Под руководством ячеек ВКП (б)		Со стороны самих избирателей	
		выдвигалось	набрано в совет	выставлено	набрано в совет
Омский	10	118	67	60	20
Рубцовский	11	182	153	66	29
Новосибирский	60	1 994	1 628	нет свед.	366
Ойротская область	–	383	360	–”–	23
		2 677	2 208	126	438
		100 %		100 %	38,8 %

[р] Так в документе.

То обстоятельство, что кандидатуры[,] выдвигавшиеся ячейками[,] отводились не только избирательными собраниями, но собраниями бедноты, конечно, не делает чести сельячейкам, но в целом ряде случаев сами по себе факты отвода кандидатов на бедняцких собраниях должны рассматриваться как положительный фактор, способствующий подбору лучшего состава членов с/советов. Факты на этот счет таковы:

> В с[еле]. Жуланка Каменского округа[,] выставленные ячейкой кандидаты отводились бедняцкими собраниями за то, что: «не может проводить классовую линию, не может быть защитником бедноты, не продал излишков хлеба в кооперативе, а отвез на частный рынок». В с[еле]. Быструхе батраки отвели выдвинутого коммуниста по причине: «лодырь большой руки, не хочет работать, а значит и не будет хорошо защищать интересы бедноты и батрачества».
>
> По Ойротской области в Чемальском аймаке беднота отводила кандидатов ячеек за то, что «пьяница, картежник, буян, бьет жену, пассивничал в настоящем составе, грубый, халатный и не будет работать, увяжется кулаками, агитирует всегда против и т.д.». По отношению к одному партийцу в Тадыков-Бешпельтир поступил отвод на 4-х бедняцких собраниях, на собрании КСМ, б/п[артийной]. молодежи: «пьяница, буян, ходит на камлание». В отношении другого председателя Аюлинского с/сов[ета]. «пьянствует, растерял документы» (из сводки аймака от 25/I).
>
> В Иркутском округе беднота отводила из списков ячеек кандидатов, которые в классовом отношении также не отвечали требованиям партии. Тыретская ячейка выставила в состав с/совета кандидатуру Кулигина (б[ывшего]. пред[седателя]. с/совета), который сросся с кулацкими элементами и растратил общественные деньги[,] беднота провалила Кулигина, что, конечно, послужило хорошим уроком ячейке.
>
> Ярче всего о невнимательном отношении местных организаций, в том числе и ячеек к выдвижению кандидатов в сельсоветы, говорят случаи выдвижения кулаков, бывших полицейских, опороченных по суду и т.д. (все они из состава кандидатов выведены). Так, «по 11 с/советам Качугского района выдвинуто кулаков 5, бывших полицейских – 3, опороченных по суду и подкулачников – (телеф[онное]. сообщ[ение]. от 12/I).
>
> В Балаганском районе было выдвинуто: «подкулачников – 3, б/надзирателей – 2, баптистов – 1, осужденных – 1» (телеграмма РИКа от 30/I).
>
> ---

* большого. //

(л. 37)

В то время как отводы кандидатов на бедняцких собраниях делались чисто по деловым соображениям из желания создать работоспособный и в классовом отношении безупречный состав с/совета, на избирательных собраниях стремления такого положительного порядка в большинстве случаев переплетались с ярко выраженным* простым желанием не допускать в советы именно таких людей, которые будут проводить правильную классовую линию. Здесь[,] бесспорно, в отдельных случаях за спиной середняка кулак пытался провести «своих людей».

> «По Барнаульскому округу в с[еле]. Мармыши отведен секретарь партячейки за то, что “очень груб”. В другом селе отвели Любимова (активист, в старом составе был Зам[еститель]. Пред[седателя]. сельсовета) – потому что давно служит и не имеет земли в с/совете». Следующая кандидатура бедняка (тоже активно помогал сельсовету в работе) отведена потому, что «бедняк: служба отразится на его хозяйстве, пусть отдыхает». Затем кандидатура рабочего мельницы отвели по причинам – «не крестьянин, делать ему нечего в совете». Дальше Валова – жена рабочего, бедняка – причины отвода – [«]ходит всегда чистая и волосы причесаны» (из сводки ОК № 1).
>
> По Рубцовскому округу – Краснощеково – избиратели, в основном середняки, отводили кандидатов ячейки за то, что Соколов М.Я. – «у него нет прилежности

к работе». Гусев Н.И – «нет трудоспособности». В с[еле]. Качусово середняк выступает и говорит – «выставленные кандидаты, как Кряжев Яков и друг[ие]. кандидаты – кандидат хороший, но все же живет в районе и его совсем не надо». Или другое выступление середняка – «вот выставлена кандидатура Кочусова Н. (член ВЛКСМ), который молодой и жизни не видел, да и работать не сумеет[»] (из обследования инструктора СКИК).

По Канскому округу – Черемховская ячейка на заседании Бюро наметила кандидатуры двух женщин; а когда вынесли на общее собрание, их отвели потому, что оказались бывшие торговцы. Ивановская ячейка выдвинула 2-х членов партии, из которых один подлежал исключению из партии, а второго на бедняцком собрании беднота отвела, он же был отведен и на избирательном собрании (из сводки ОК № 2).

Новосибирский ОК на этот счет сообщает следующее: кулачество через своих подпевал старалось провалить активных кандидатов, выставленных партячейками и групповыми собраниями, и провести своих кандидатов. Заявили ничем не обоснованные отводы против коммунистов (Битки[)][,] отводили предсельсовта Бик-Мухаметова (член Окрисполкома, партиец) из-за слабости хозяйства и усталости от службы, используя находившуюся под влиянием муллы часть бедноты (Вьюны); в с[еле]. Покровском руководитель секты баптистов организовал часть бедноты и середняков для провала одного партийца (Вьюны); отводили одну беднячку, потому что «она бедная и ей не в чем будет ходить на заседания сельсовета» (Легостаево); демобилизованного красноармейца – потому что «если его провести в сельсовет, то не скроешь сына псаломщика» (Бакса); в дер[евне]. Ярково провалили 2-х батраков как «пьяниц» (Бугры).

В Коуракском районе[,] дер[евне]. Конево был вывешен такой лозунг: «Выбирайте в сельсовет работающих крестьян. Подумайте, какое внести предложение в наказ». Этот лозунг был вывешен на видном месте в школе 1-й ступени на перевыборном участке № 1 и снят уполномоченным Окружкома. В пос[елке]. Правобережном (Каргат) кулаки развернули агитацию за неизбрание коммунистов и женщин. В сельсовет не проведено ни одного коммуниста и ни одной женщины.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВКИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КАМПАНИИ.

Кулаки.

Экономический бойкот кулаков – держателей хлеба, карательные меры по отношению к кулакам – террористам, ликвидация контрреволюционных кулацких группировок в ряде округов (Рубцовский, Бийский, Барабинский, Новосибирский) и вместе с этим лучше организованная работа по лишению избирательных прав – ударили кулака по рукам. В силу этого[,] кулак счел для себя наиболее приемлемой тактику действий замаскированной борьбы против соввласти. В области экономической кулак старается прятать свою физиономию путем скрытия эксплоатации наемной силы, фиктивного раздела своего хозяйства, ухода жить на окраины. Расширилось и использование кулаками подкулачников

---

* или прикрытым. //

(л. 38) из среды батраков и бедняков. Этому предшествует[:] обычно задабривают малообеспеченных слоев деревни; угощение, «экономическая помощь бедноте[»] и т.д. Одновременно с этим[,] кулачество старалось держаться тактики: «ссориться с коммунистами во время выборов нельзя, наоборот следует создавать впечатление, что мы (кулаки) их поддерживаем». Правда, это явление не распространяется на все округа и области. Например, в Бур-Монгольской Республике – «кулачество охотно изучает законодательство, вступает в споры с избиркомами и коммунистами по вопросу о лишении избирательных прав, показывает им якобы неправильное толкование отдельных пунктов инструкции. Особый интерес проявляет кулачество к разным решениям партийных организаций, в спорах ссылается на постановления партии, не искажая их в своих интересах»

(сводка Обкома на 1 января 1929 г.) Насколько далеко заходят они в своем использовании решений партии, говорит такой факт: «В деревне Черемшанка Тайшетского района (Канского округа), основываясь на речи тов. СТАЛИНА на Ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) по отношению уклонов Фрумкина, кулаки заявили – если не примут тех условий, которые предлагал Фрумкин, о которых указано в докладе Сталина на пленуме ЦК, то все мы передохнем с голоду».

Ко всем приведенным примерам можно добавить еще такой: «В селе Нагорное (Тарский округ) приехал несколько лет находившийся в отлучке на золотых приисках сын кулака-лишенца (Кокотин) – занимается сейчас картежной игрой, пьянством на вечерках и т.д. Когда проходило предвыборное собрание села с отчетами с/совета, то он выступил с такой установкой: «за плохую работу с/совета нужно винить не членов с/совета, а местную партийную ячейку, и сейчас же потребовать от нее отчетный доклад на собрании граждан».

Несмотря на то, что деятельность кулачества приобрела сейчас более гибкие всесторонние формы, низовые парторганизации не всегда во всем улавливали тактику классового врага и перестраивали методы руководства.

Середняк в избирательной кампании.

Там, где партячейки сумели втянуть середняка и приблизить его к непосредственному участию в перевыборной кампании, там середняк в основной своей массе шел за беднотой и выступал против кулаков. Окружком на этот счет говорит следующее:

> «Основной вывод о настроениях и активности середняка в перевыборах можно сделать такой: середняк в общей своей массе был в эту кампанию в союзе с беднотой и в подавляющем большинстве случае активно поддерживал все мероприятия ячеек и бедноты» (Ойротский округ).
>
> «Почти все РК отмечают наличие дружного выступления середняка вместе с беднотой против проявляемой активности кулачества давая отпор попыткам последнего пролезть в с/совет, зачастую разоблачая открыто на собраниях попытку проводимой им агитации» (Канский ОК).
>
> «Проведенные бедняцкие собрания и вообще избирательная кампания еще прочнее закрепили союз батрака и бедняка со с[е]редняком, и этот союз под руководством Коммунистической партии давал решительный отпор на протяжении всей перевыборной кампании натиску кулака» (Тарский ОК).

Подобные приведенным оценки дали большинство округов Сибирского края. Но такая правильная[,] по существу[,] общая оценка не исключает ряда недочетов[,] имевшихся в избирательную кампанию в отношении середняка. В первую очередь[,] необходимо остановиться на таком обстоятельстве[:] до самого конца избирательной кампании ни[c] окружными[,] ни районными парторганизациями не сделано окончательного вывода о роли и настроении середняка в перевыборной кампании.

Вот что, например, сообщает об этом Барабинский ОК ВКП(б):

> «Какую позицию занимает середняк в отчетной избирательной кампании советов, какое отношение его к бедноте, к собраниям бедноты и их кандидатурам, ни в одной сводке райкомов, ни в одном докладе окружных уполномоченных, ездивших по перевыборам советов, ясно не указано.
>
> В одних материалах о середняке умалчивается, в других сообщается коротко, например “середняки в перевыборах советов участвуют активно, совместно с беднотой“[»] (письма Михайловского и Меньшиковского райкомов). //
>
> *(л. 39)* Кыштовский райком сообщает – «все же середняк является в перевыборах советов активным».

[c] Напечатано над строкой.

«В с[еле]. Дубровке середняки выступают вместе с кулаками против бедноты» (из беседы с местным партийцем) .

«Середняки к перевыборами советов в с[елах]. Еланке и Кундране настроены хорошо и совместно с беднотой принимают участие в перевыборах» (из писем Убинского РК).

Факты нарушения бедняцко-середняцкого блока в целом по краю не носят массового характера, вместе с этим серьезного внимания заслуживают также недочеты.

Например, были факты грубого непонимания позиции середняка, в частности[,] в Барнаульском округе, где в отдельных местах фигурировали оценки настроения середняка совершенно неправильные, например: настроение в общем спокойное, кулак орет[,] середняк ему вторит.

В Чемале (Ойротская область) на одном из собраний председателю АИК'а (Титонкову) был задан вопрос: «какое есть недовольство между бедняками и середняками», на это же последовал такой ответ: «АИК этим делом не занимался, это дело ГПУ[т]».

«К приведенному факту по Ойротской области можно еще добавить следующее: "При подборе кандидатов в советы некоторые из ячеек рассуждали – сначала бедноту наметим, а потом, если останется место, можно ввести середняка". Туэктинская ячейка даже выдвинула такую теорию: поскольку предыдущая работа оттолкнула от нас середняка, считаем, что с/совет будет работоспособен только при батрацко-бедняцком составе и наметили в с/совет только 2 середняков».

В Курьинском районе Рубцовского округа: «ряд ячеек (по директиве РК) не сочли нужным выставлять кандидатов в советы на отчетно-предвыборных собраниях, ограничивались только собранием бедняцкими», в результате чего середняк от такого важного дела, как намечение кандидатов в советы, оказался изолированным. Подобные этой[,] ошибки были в Барнаульском округе. Выявились в отношении середняка ошибки и другого порядка – например, по Канскому округу «некоторые ячейки стремились лишить избирательных прав середняков за то, что те критиковали действия отдельных членов партии или работы советов» (Н-Игнашевский РК, из сводки СК № 2).

В Барабинском округе: «По отношению к середняку в отдельных местах допускались безобразнейшие искривления политики партии в деревне. Так, Н-Каргатская партячейка (того же района) 17 декабря на своем собрании в присутствии б/п крестьян обсуждает вопрос "о выявлении кулацких подпевал", в результате широкого обсуждения наметили (на этом же собрании) и утвердили список в количестве 150 чел[овек]. "кулацких подпевал", которые в большинстве своем оказались середняками и даже бедняками и батраками. В этот список подпевал зачислены в большинстве своем и те, которые критиковали в период отчетно-избирательной кампании работу с/совета и Райисполкома».

По Иркутскому округу: в с[еле]. Бадай (Усольского р[айо]-на) – беднота с согласия представителя ячейки удалила с бедняцкого собрания середняков активистов. В с[еле]. Хлопушино (Усольского р[айо]-на) середняки ушли с отчетного доклада РИКа. В Дуротейскому с/совете (Качугского р[айо]-на) – член партии выгнал с бедняцкого собрания середняка-активиста.

Беднота и батрачество в избирательной кампании.

Итоги избирательной кампании 1928/29 года дали право сказать о лучшей организованности и сплоченности бедноты и батрачества, чем в прошлом.

Решения отдельных ОК ВКП(б) это положение отражают таким образом:

«Бур-Монгольский Обком – значительное улучшение руководства выборной кампании со стороны партийной организации, в частности путем сплочения батрачества и бедноты в Союз со середняком вокруг выборов и организованного

[т] Государственное политическое управление.

отпора кулацкому и антисовеским элементам, пытавшимся сохранить свое влияние над избиркомами и захватить руководство в Советах» (решение бюро от 28/III-29 г.). //

(л. 40) Хакасский ОК – «Учитывая, что перевыборы проходили в условиях обострения классовой борьбы и несмотря на то, что кулак-бай[,] развертывая большую активность[,] пытался завоевать кое-какие позиции на селе и улусе[,] надо все же отметить, что беднота и батрачество прошли на выбора сплоченными и организованными, за очень небольшими исключениями и при поддержке середняка изолировали кулачество и закрепили бедняцко-середняцкий блок» (решение бюро от 27/III-29 г.).

Рубцовский ОК отметил, что «попытки кулачества перетянуть на свою сторону основную часть крестьянства успеха не имели. Укрепление батрацко-бедняцкого блока, а также политическая активность масс, особо проявленная в избирательную кампанию, способствовали успешному проведению выборов и дружному отпору кулацким проискам[»] (решение бюро ОК от 28/III-29 г.).

Из этих данных и данных по большинству других округов[,] есть полное основание утверждать, что беднота и батрачество в избирательной кампании в основном участвовали как организованная политическая сила. Но, однако, не везде их активность была в достаточной степени развернута, во-первых, потому, что кое где бедноту сдерживали активности кулака. В отношении батрачества нужно сказать особо, что, несмотря на общее повышение активности батрачества, все же было много таких явлений, когда растворялись в общей массе избирателей, не представляя единой организованной политической силы.

Недостатки руководства и организованности бедноты и батрачества ОК ВКП(б) в своих решениях формулирует так:

Ачинский ОК – «В некоторых местах неудовлетворительное по качеству содержание работы с беднотой не дало массового, организованного в блоке со середняком напора бедноты на кулачество, а кое-где благодаря искажению партийных директив (удаление середняков с бедняцких собраний, отвод их из состава избиркомов, настойчивое требование лишения избирательных прав середняков, тенденций к обеднячиванию сельсоветов в момент предвыборной кампании) даже и прямо был нарушен бедняцко-середняцкий блок и провалены кандидатуры бедноты и батрачества в советы (Сусловский район)» (решение бюро ОК от 30-III-29 г.).

Тарский ОК отмечает: «Некоторую натянутость между беднотой, батраком[,] с одной стороны, и середняком с другой, благодаря неправильной постановке вопроса при проведении собраний бедноты (с появлением на собраниях середняка, закрывались собрания бедноты Тевризский р[айо]-н). Запоздание с развертыванием массовой работы с батрачеством, а в большинстве районов слабо развернута массовая работа с демобилизованными красноармейцами, отсюда [–] отказ последних от выставления кандидатур в составе с[ель]-сов. (Седельниковский и Б-Реченской р[айо]-н). До сего времени наблюдаются случаи нежелания проводить собрания бедноты ячейками партии, мотивируя это тем, что якобы нет кулаков (Крузетская ячейка ВКП(б) Седельниковского р[айо]-на, дер[евня]. Семеновки) (решение бюро ОК от 29/I-29 г.).

Минусинский ОК констатирует, что «во многих случаях проявилось неумение организовать и использовать активность бедноты и батрачества, в связи с чем активность и бедноты[,] и батрачества на выборах считать недостаточной. На части работы с батрачеством не было выполнена директива ОК о созыве батрацких районных собраний» (решение бюро ОК от 19/III-29 г.).

Существенное значение на характере и полноте использования бедноты в избирательной кампании оказала недооценка отдельными парторганизациями бедноты как классовой опоры пролетариата в деревне. Нередко это превращалось в прямое игнорирование ее – «Лодырь», особенно находились работники, которые[,] например, считали

«крепкий мужичок только может защищать крестьянские дела, “бесштатная”[у] беднота, не только же общественное, но и “свое хозяйство поставить не может”, зачем же избирать в совет». Нельзя также пройти мимо такого положения. Некоторые ячейки до сих пор не заметили того, что беднота является активной деятельной силой и хочет не только слушаться, но и творить, а если последняя игнорируется, беднота становится пассивной. Подтверждением этого может служить выступление бедняка в с[еле]. Трусово, Рубцовского округа – во многом обвиняют бедноту, не активна она, мол, нет дела и не дает отпор кулаку, а когда беднота отмечает ошибку, то ее почему то никто не слушает.

<…> (л. 41–45)

(л. 45) УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПЕРЕВЫБОРАХ СОВЕТОВ.

Подготовка к кампании. Итоги закончившейся кампании по перевыборам в советы говорят о значительно возросшей активности женских масс-избирательниц города и деревни и участии их в перевыборах.

Для подготовки д/с[ф7] и женского актива к перевыборам в некоторых городах была проведена большая работа. Так, в Омске созывалось совещание членов совета и прикрепленных делегаток (30 чел[овек].), совещание советского актива, 2 конференции (одна жен[ских]. рабочих и вторая – дом[ашних]. работниц с общим количеством участниц 200 чел[овек].), делегатские собрания с охватом 700 челов[ек].

В Барнауле проведено собрание членов горсовета и прикрепленных к нему делегаток – 50 чел[овек]., собрание женщин на крупных предприятиях 693 чел[овек]., собрания в школах кройки и шитья – 230 чел[овек]., 14 квартальных собраний домохозяек – 1 070, собрания кустарок и жен кустарей – 800 чел[овек]., две конференции домохозяек, окружная конференция б/п[партийных]. женщин-общественниц и пр.

В нынешнюю кампанию успешно были использованы многие новые формы работы, способствовавшие повышению участия женщин в кампаниях. Одной из таких себя оправдавших форм[,] явилась организация института нянь из пионеров, комсомола, школьников и делегаток по уходу за детьми на дому у избирательниц, или в специально-детских комнатах, при избирательных участках, в школах, при детсадах ЦРК[х] и т.д. Этот метод по имеющимся сообщениям практиковался в городах – Бийске, Барнауле, Красноярск, Томске, Омске, Ленинск-Омске, Новосибирске, Славгороде, в Хакассии и пос[елке]. «Памятник 13 борцов» и в некоторых сельских местностях (в Киренском округе, например, к собраниям по перевыборам организовывались бригады из школьников для ухода за детьми крестьянок).

В закончившиеся перевыборы большое внимание было уделено привлечению к участию в них неорганизованных женщин.

В Омске с этой целью было проведено 11 митингов на кухне в ЖАКТ[ц]-ах с охватом 440 женщин, вообще разными собраниями и митингами было охвачено в Омске 3 791 чел[овек]. и в Ленинске-Омске 2 127 чел[овек]. //

(л. 46) В Новосибирске проведена конференция домохозяек, живущих в ЖАКТах, также собрания во всех крупных общежитиях, кроме того[,] был использован метод проведения семейных бесед с неорганизованными женщинами, особенно на окраинах. К этой работе привлекались командиры и курсанты, посетившие 400 домов. Аналогичная форма была использована в Омске, Иркутск, Барнауле, Красноярск и др. городах.

[у] Так в документе.
[ф] Делегатских советов.
[х] Центральный рабочий кооператив.
[ц] Жилищно-арендное кооперативное товарищество.

В поселках «Памятник 13 борцов» силами 42 делегатов проведено 38 домашних митингов, которыми охвачено 304 женщины. Для агитации по домам там были созданы 100 бригад из женщин. Между отдельными избирательными участками объявляется конкурс на лучшее проведение кампании. Метод переклички между участками соревнований практиковался в поселке Верх-Енисейск, благодаря применению которого удавалось добиться 100% явки.

В Хакассии организовалась подвозка женщин на предвыборные и выборные собрания.

При развертывании кампании в деревне очень широко было использовано проведение районной конференции крестьянок с постановкой отчетных докладов РИК-а и выдвиженок, работающих на советской работе, которые прошли в значительном большинстве районов и с большей активностью, что несомненно отразилось на повышении явки и активности избирательниц на предвыборных и выборных собраниях и на результат самих выборов. Исчерпывающих цифровых данных об итогах проведения конференций нет, но известно, например, что на 26 конференциях и по 5 округам присутствовали 952 крестьянки.

Кроме того[,] в этом году в значительно большей мере удалось привлечь крестьянок на все проводимые на селе собрания.

По всем округам числится избирательниц 1.174.184 чел[овек], которые участвовали: на 15 737 отчетных собраниях – 334.015 чел[овек], или 28 % к общему числу избирательниц, из них выступало 18 182 чел[овек], или 6 % к числу участниц-женщин.

На 5 880 женских собраниях присутствовало 204 011 женщин, из них выступалj 23 412, или 11,5 %.

На собрания молодежи было привлечено 46.952 чел[овек] и на собраниях бедноты 55.588 ч[еловек]., из которых выступало 5 990 чел[овек].

В нац[иональных] районах и округах проведены специальные собрания с нацменами, на которых участвовало 12 166 женщин.

В прениях по отчетам РИК-ов и сельсоветов самое основное место отведено было недочетам и невнимательному отношению мест к вопросам привлечения женщин к практической работе советов.

В отношении отчетности членов советов перед избирателями надо сказать, что они крайне слабо были проведены в деревне и гораздо лучше в городах, где депутатки отчитывались перед делегатскими собраниями, в общежитиях ЖАКТ, на окраинах среди неорганизованного населения и крайне слабо в деревне.

Активность антисоветского элемента.

Антисоветские элементы города и деревни старались использовать все пути и возможности для срыва избирательной кампании через обработку женщин как наиболее отсталой и несознательной части населения, легко поддающейся влиянию. Это подтверждается такими фактами.

В с[еле]. Жеребцово на одном участке группа женщин в 26–30 ч[еловек]., организованная кулачеством, явилась на собрание со своим вожаком и голосовала только за те кандидатуры, за которые поднимал руку вожак. Решающего значения эта группа не имела (Каменский р[айо]-н, Новосибирский окр[уг].).

Имеется ряд фактов, когда кулаки пытались провести свою линию под лозунгом «дорогу женщине».

> В с[еле]. Крутинском в одном из избирательных участков на выборное собрание явился кулацкий подпевала Ядров и в противовес кандидаток, выдвинутым на собраниях бедноты, батрачества и женщин[,] предложил кулацкий список 22 чел[овек]., из которого только два мужчины, остальные 20 женщин-зажиточных (Омский округ).
>
> В с[еле]. Десятниково Верхне-Удинского р[айо]-на обнаружен был подпольный избирком из кулаков и лишенцев, который обсудил список кандидатов в с/с[овет]..

в частности председателя с/с[овет]. и на случай провала имелась договоренность выдвинуть его жену (Бур-Монголия). //

(л. 47) В с. Право-Бережном, Н-Сиб[ирском]. окр[уге]. кулаки вели работу под лозунгами «совет без коммунистов и женщин» и провалили кандидатуры женщин и бедняков.

В Щегловске жена служителя религиозного культа Рыбина-Антонова подала заявление (еще до опубликования списка лишенцев) о восстановлении ее в избирательных правах, мотивируя ходатайство разводом с мужем. По проверке же оказалось, что развод произведен формально для восстановления в правах.

Имеется ряд фактов антисоветской работы учительниц.

В с[еле]. Ильченка в семье кулака Солпина была лишена голоса учительница – жена сына Солпина. Узнав о лишении, она подает об увольнении и перед сдачей своего комплекта устраивает детскую демонстрацию, в которой участвуют и др. учителя – проводит детей по селу до своей квартиры, где останавливаются и Солпина со слезами обращается к детям – «Прощайте, я уезжаю, потому что нашу всю семью лишили права голоса и я не могу оставаться», однако это особого влияния на ребят не оказало.

Учительница Сучкова в Тарском округе была допущена к проведению женских предвыборных собраний, где разъяснила политические задачи перевыборов. С этих собраний по ее распоряжению удалялись комсомольцы, на которых полилась вовсю травля со стороны антисоветских элементов.

В Бийском округе выявлен случай, когда одна учительница, имея связь с оренбургскими белогвардейцами[,] проводила работу с кулачеством по вопросам лишения избирательных прав, индивидуального налога и проч.

Террор. При проведении перевыборной кампании имели место факты террора в отношении активистов-членов советов.

В с[еле]. Ново-Чемровке Бийского р[айо]-на кулаки покушались на члена избирком Шурупову, вламываясь к ней в дом.

В с[еле]. Карасук Сростинского р[айо]-на кулачка Потехина на собрании набросилась с кулаками на активную беднячку Разгоняеву и избила ее за то, что она на женском собрании выступила против кулачества. Во время избиения Потехина кричала: «когда кончится сов[етская]. власть, мы тебя первую повесим».

Беднота была возмущена выпадом кулачки и требует привлечения ее к ответственности.

В с[еле]. Шульгин Лог Сростинского р[айо]-на кулак Шелехов со своей женой отравили батрачку Карташеву за то, что она раскрыла его вредительскую работу по хлебозаготовкам (удалось скорой помощью Карташеву спасти) (Бийский округ).

В д[еревне]. Кайлы Гутовского р[айо]-на в ночь на 10 января была убита женщина, член с/совета – Бурхас, бедняка вдова, неграмотная, которая принимала активное участие в работе с/с (Новосибирский окр[уг].).

26 января в с[еле]. Карманово Саргатского р[айо]-на на заселение Сельизбиркома явилась группа хулиганов и с руганью набросилась на избирком, в особенности на активистку, члена избиркома т[оварища]. Самарину, избить избирком не допустили присутствующие крестьяне, виновные арестованы (Омский округ).

У беднячки-активистки, участвующей на собраниях, кулаки пытались через хулиганов изуродовать последнюю корову (оторвать соски) (Бирюлисский р[айо]-н, Ачинского окр[уг].). //

(л. 48) Результаты выборов.

а) В городе.

Имеется увеличение женщин, явившихся на отчетно-перевыборные собрания. По 30 городам из общего количества 147.283 избирательниц участвовало на этих собраниях

60,1 % (88.519 чел[овек].), из общего количества выступавших в собраниях 9688 чел[овек]. женщины составляли 29,3 % (2847 ч[еловек].).

По 44 городам на выборные собрания из 240.348 избирательниц явилось 188.376 чел., или 77,4 %. Сравнительно с прошлым годом явка увеличилась на 31,1 %, причем это увеличение имеется по всем городам и поселкам.

Всего избрано женщин членами гор[одских]. и пос[елковых]. советов (по 41 гор[одскому]. и пос[елковому]. совету) 24,7 % к общему числу членов советов, тогда как в прошлом году было 20,2 %.

В отдельных городах и поселках в этой части положение не совсем благополучно. Имеется снижение удельного веса женщин – сравнительно с прошлым годом – в городах: Барнауле – с 25,2 до 24,6 %, Каинске – с 29,2 до 18 %, Тулуне – с 21,7 до 20 %, Северо-Енисейске – с 12,5 до 9,5, Ольховске – с 28 до 22 %, Татарске – с 22,2 до 19 %, Барабинске – с 26,4 до 20,6 %.

В новый состав гор[одских]. и пос[елковых]. советов избрано – пред[седателями]. горсоветами 3 женщины, членами президиума 54 чел[овека]., членов президиума пос[елковых]. советов – 23.

б) По деревне.

В итоге перевыборов также имеется ряд положительных результатов. Явка на выборы по всем округа повысилась с 32,9 до 59,9 %. Всего участвовало на выборах 1.065.783 женщины. В состав советов избрано в текущем году женщин 14.201, или 18,6 %, причем в числе их 419 пред[седателей]. с/сов[етов]., или 7,2 % к общему количеству предс[едателей]. с/советов. В то время как в прошлом году их было всего лишь 66 человек. По сведениям 9 окружкомов выбрано 12 женщин предриками.

Крайком при развертывании кампании[,] ставил перед Окружкомами задачу подготовки и выдвижения из крестьянок и батрачек не меньше одного председельсовета на район и не менее одного пред[седателя]. РИК-а на округ (в крае 266 районов и 20 округов).

В количественном отношении директива Крайкома выполнена в части выдвижения пред. с/сов[етов], даже с превышением: членов презид[иумов]. РИК-ов 97, было 37, членов РИК-ов по 13 окр. 514 чел.

В ОИК избрано в качестве зам[естителей]. пред[седателя]. – 2 женщины, членов президиума (по 7 окр[угам].) 8 чел[овек]., членов ОИК (по 16 окр[угам].) 83, было 62, по 12 округам членов ревком[иссий] РИК – 36, было 39. На Крайсъезде участвовало женщин 98 вместо 61 в прошлом году.

Проведено в Крайисполком 13 членов и 11 кандидатов, в прошлом году было всего 3 женщины.

На окр[ужных]. съездах по 15 окр[угам]. было 387, в прошлом году 378, на районных по 14 окр[угам]. 2463 вместо 1812 в прошлом году.

Кампания перевыборов советов с точки зрения соответствия ее результатов тем мероприятиям, которые намечались краевым комитетом партии, позволяет сделать следующие выводы:

1 Директиву Краевого комитета партии, обязываемую сибирскую партийную организацию «принять все меры к повышению и организации активности в перевыборной кампании рабочих и работниц, батраков, бедняков и середняков – крестьян и крестьянок, а также дальнейшему укреплению руководящей роли в советах рабочих и батраков и укреплению бедняцко-середняцкого блока, – полной изоляции кулака в деревне и нэпмана в городе», партийная организация на местах в основном выполнила. Как следствие всего этого, избирательная кампания по своим положительным результатам значительно превзошла избирательную кампанию 1926–1927 года:

а) Лучше была проведена организация самой избирательной кампании в городе и деревне, что обеспечило повышение % явки избирателей в селах на предвыборные избирательные собрания (до 71,49 %).

б) Более лучший подбор кандидатов в советы с точки зрения классовой и деловой, что обеспечило повышение удельного веса батраков (с 2,9 % в прошлом до 7,5 % теперь), коммунистов (с 9,1 до 12,0 %), комсомольцев (с 4,4 до 5,8) и женщин (с 12,4 до 18,8).

в) Достигнут в основном организованный отпор батраков, бедноты и середняков притязаниям кулацкой части деревни. //

(л. 49) 2. Комсомольская организация и женские делегатские собрания вслед за партийной ячейкой являлись активной силой, способствовавшей организации молодежи и женщин вокруг вопросов избирательной кампании и повышению процента явки избирателей на предвыборные и избирательные собрания.

3. Печать в основном справилась с работой совещания политической и организационной стороны избирательной кампании и способствовала обобщению и перенесению опыта борьбы советской общественности с кулацко-нэпманской частью города и деревни.

4. Успешному ходу и положительным результатам избирательной кампании, кроме возросшей роли партийных организаций на местах, лучшей организации бедноты, батрачества и середняков, в значительной мере способствовало то обстоятельство, что со стороны окружных и районных партийных комитетов было обращено достаточное внимание на практическую живую помощь местам в их работе по проведению избирательной кампании (выезды на места окружного и районного актива, посылка бригад и т.д.).

5. Вместе с тем, что, несмотря на четкость установок и в основном удовлетворительно поставленную работу по организации избирательной кампании, а также положительные показатели кампании с точки зрения ее итогов, необходимо констатировать целый ряд недочетов, которые наблюдались в ряде мест, а также на отдельных этапах и участках работы. Основные из этих недочетов сводятся к следующему:

а) Отдельные сельские коммунисты не только ничего не предпринимали для организации батрацко-бедняцких и середняцких масс против кулака, но говорили и действовали вразрез линии партии, стараясь защитить кулаков. Это положение обусловливалось[,] с одной стороны[,] наличием в сельской партийной организации окулачившихся и разложившихся элементов, с другой – низким уровнем культурно-политического развития сельских коммунистов, слабо организующихся[ч] в вопросах классовой борьбы, подчас не знающих или слабо знающих классовое расслоение своего села.

б) Недооценка активности антисоветских элементов некоторыми городскими ячейками приводила к излишней самоотверженности в положительный исход кампании, а отсюда недостаточно интенсивно была развернута работа по руководству избирательной кампании среди рабочих и служащих или внимание концентрировалось вокруг только одного момента – повышения процента явки избирателей *без достаточной работы в массах по существу*[ш] кампании.

в) Некоторые сельячейки в расчете на то, что «приедет уполномоченный и все сделает», не проявили достаточной собственной инициативы для своевременного и всестороннего развертывания кампании.

г) Существенным недостатком являлось также недостаточно внимательное отношение отдельных (как сельских, так и городских) ячеек к подбору и выдвижению кандидатов в советы, неуяснение необходимости развертывания своевременной (сразу же с начала кампании) работы по мобилизации общественного мнения в пользу определенных кандидатов.

д) В ряде сельских партийных ячеек слабо были использованы уже сложившиеся формы работы с батрацко-бедняцким и середняцким активом, чтобы привлечь к активному участию в избирательной кампании лучшую часть середняков. В то же время не всегда выдерживался умелый тактический подход к середняцкой массе вообще.

е) Отдельные ячейки в работе с беднотой не уделяют достаточного внимания: на повышение классового самосознания бедноты, на более четкое разъяснение классового

[ч] Так в документе.
[ш] Выделенный текст вписан под строкой.

содержания мероприятия партии и соввласти в деревне, на укрепление среди бедноты классовой ненависти к кулаку и необходимости не примирительной[щ] борьбы с кулаком; именно поэтому в некоторых селах среди отдельных групп бедноты существуют настроения «жить в мире со всеми» и наличие понижения активности.

ж) Партруководство организацией КСМ в ряде место было недостаточным, силы комсомольских ячеек тотчас[ъ] использовались на технической работе вместо того, чтобы поручить комсомольцам более ответственные участки работы, приковать их внимание к основному и направлять их работу.

з) Роль профсоюзов как организации в кампании перевыборов советов на селе была недостаточной.

п[олномочный]/п[редставитель] Зав[едующего]. Инф[ормационно-статистического] п[од]/отд[ела] Сизых

Верно: Ермолов (?)

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 908. Л. 29–49. Гектографированный оттиск, заверенный чернилами делопроизводителем подотдела крайкома и направленный руководству крайисполкома. На л. 29 над заголовком две пометы: в левом верхнем углу красным карандашом «1929», в правом верхнем углу простым карандашом: «10 Воронин» (И.М. Воронин[8] – зам. пред. крайисполкома).

Комментарии

1. Имеется в виду кампания по выборам в Советы 1926–1927 года. В сравнении с результатами кампании 1926–1927 гг. в публикуемом документе будет анализироваться ход перевыборной кампании 1928–1929 гг.

2. Коллективный договор – соглашение между предприятием в лице его администрации и коллективом работников в лице фабрично-заводского местного комитета профсоюза, которое содержало обязательства сторон по выполнению производственного плана, совершенствованию организации производства и труда, внедрению новой техники и повышению производительности труда, развитию социалистического соревнования, улучшению жилищных условий и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих и др. Порядок заключения коллективных договоров в сельской местности имел свою специфику: профсоюзы работников земельного и лесного производства организовывали коллективные договора, защищавшие интересы батрачества (они относились к категории сельскохозяйственных рабочих) в условиях их найма учреждениями и организациями различных форм собственности. В договорах учитывались особенности труда и интересов батрачества.

3. Лишение избирательных прав – один из способов «защиты» «социалистического» государства, заключающегося в ограничении активного и пассивного избирательного права лиц, принадлежащих к категории «бывших» (торговцы, крестьяне, использующие наемный труд, религиозные служащие и т.д. – весь список обозначен в ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г.). Ограничение в правах было необходимо для того, чтобы обеспечить ведущую роль рабочего класса и исключить/стигматизировать «бывших» в создаваемом новом послереволюционном обществе. Стигма «лишенца» несла угрозу ее владельцу не столько из-за лишения его избирательного права (что было лишь правовой иллюзией в сложившейся к тому моменту политической системе), сколько из-за потенциальных последствий. С конца 1920-х гг. «лишенцы» становились объектами прямых репрессий (арестов, депортаций).

4. С точки зрения советской власти – лица, эксплуатирующие рабочих и крестьян (те, кто до установления советской власти использовал наемный труд, занимал деньги под проценты, сдавал в аренду недвижимое и движимое имущество и т.д).

5. Национальные образования в Сибирском крае на 1929 г. – Хакасский округ, Ойротская автономная область (ныне – Республика Алтай).

6. В соответствии с главой IV декрета ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» процесс лишения избирательных прав находился в ведомстве городских и сельских советов и избирательных комиссий, а не в ведомстве партийных органов. Хлебозаготовительная кампания – кампания по централизованной заготовке зерновых, с целью заготовки достаточных запасов хлеба по цене, соответствующей интересам государства. С 1928 г. хлебозаготовки являлись частью общего процесса этатизации деревни. Они выполнялись на основе контрактации (механическая разверстка планов на районы), подстегивались соревновательным угаром (соревнования сельсоветов, районов, округов). Планы по заготовке не учитывали особенностей сельскохозяйственного производства

[щ] Так в документе, следует: *непримиримой.*

[ъ] Так в документе, следует: *часто.*

на различных территориях. Реализация кампании сопровождалась мобилизационными действиями («подхлестыванием») со стороны посылаемых на места многочисленных агентов власти (уполномоченных разных уровней), не обладавших должной подготовкой. Результатом кампании хлебозаготовок 1928/29 гг. стало значительное напряжение с производством и поставками хлеба в стране.

7. Делегатские советы – выборные женские комиссии при секциях городских и сельских советов в СССР в 1920-е гг. В делегатских советах женщины знакомились с принципами социалистического строительства, получали навык работы в государственных учреждениях и участвовали в общественно-политической деятельности. Делегатские советы, как одна из форм позитивной дискриминации в СССР, имели очевидные недостатки: фиктивная политическая эмансипация женщин, обязательность выполнения лимитов по выдвижению, даже если «снизу» на это запрос отсутствует, отсутствие понимания и желания женщин участвовать в подобных мероприятиях.

8. Воронин Иван Макарович – 14.04.1888 г.р., урож. д. Кожинка Новосельской вол. Муромцевского уезда Владимирской губ. Крестьянского происхождения. Образование начальное. Работал рабочим-литейщиком. Член Коммунистической партии с сентября 1918 г. (ранее был членом ПСР(л)). 1909 – январь 1918 – служил в Российской армии в чине унтер-офицера. В 1918–1920 гг. – командир отряда особого назначения по ликвидации Мамонтовского прорыва; пред. Гороховецкого, Муромцевского уездного исполкома (Владимирская губ.). В 1920 г. – пред. Владимирского уездного исполкома. В 1921–1927 гг. – зам. пред., пред. (с июля 1924 г.) Владимирского губ. исполкома. В 1927–1930 гг. – зам. пред. Сиб. крайисполкома (Новосибирск). Апрель–август 1930 г. – пред. Кузнецкого окр. исполкома (Щегловск). Август–ноябрь 1930 г. – пред. Омского гор. исполкома и гор. совета. Умер 12 февраля 1960 г. Делегат X–XII съездов РКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Литература

Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.

Папков С.А. Руководящие кадры Сибири.1919–1941 гг. Справочник. Новосибирск, 2021. 599 с.

Сибирский край. Статистический справочник. Издание статсектора крайплана. Новосибирск, 1930. 804 с.

Referens

Velikanova, O.V. (2013). *Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 295 p.

Papkov, S.A. (2021). *Rukovodyashchie kadry Sibiri. 1919–1941 gg. Spravochnik* [Leading Cadres of Siberia. 1919–1941. Handbook]. Novosibirsk. 599 p.

(1930). *Sibirskiy kray: statisticheskiy spravochnik* [Siberian Krai: Statistical Handbook]. Novosibirsk, Statsektor Kraiplana Publ. 804 p.

С.А. Папков*

СВОЕОБРАЗИЕ И ПАРАДОКСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1937 ГОДА**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-7
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Папков С.А. Своеобразие и парадоксы избирательной кампании 1937 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 119–129.
URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-07.pdf

S.A. Papkov*

PECULIARITIES AND PARADOXES OF THE 1937 ELECTION CAMPAIGN**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-7

How to cite:
Papkov S.A. Peculiarities and Paradoxes of the 1937 Election Campaign // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 119–129. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-07.pdf]

Abstract. The publication presents an analysis of the election campaign for the elections to the Supreme Soviet of the USSR, in which for the first time it was planned to use democratic procedures of universal participation of citizens, free nomination of candidates and secret ballot as a condition for the transition of the USSR from the "dictatorship of the proletariat" to a new phase of "construction of socialism" and expansion of the social base of Soviet power. It is noted that, in practice, these principled attitudes came into deep contradiction with the existing realities, creating for the political regime complex collisions and paradoxes in the conduct of the campaign. In preparing for the elections, the Stalinist leadership had to face unexpected reactions from the population and complications within the Bolshevik Party itself, whose apparatus had no experience of civil dialog and no desire to participate in the competitive selection of candidates. It is concluded that fears of losing control of the upcoming vote and growing discontent within the party apparatus forced the Stalinist leadership to abandon the adopted electoral law and completely change the electoral scenario. The relatively free nomination of candidates to the Supreme Soviet, which had begun, ceased, and voting in the elections became non-alternative. The article gives examples of the development of the electoral campaign in the conditions of Siberia. The author assesses the importance of propaganda methods of influencing the population on the eve and during the elections. It is also shown what connection the preparation for the elections had with the mass terrorist operations of the NKVD in 1937.

Keywords: Constitution, elections to the Supreme Soviet of the USSR, election campaign, propaganda, agitators, party apparatus, voting, ballots, voters, terror.

The article has been received by the editor on 02.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Андреевич Папков,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: spapkov@ya.ru
Sergey Andreevich Papkov, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: spapkov@ya.ru
** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).
The article was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Society and Power in Russia in the 20th – early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors" (FWZM-2024-0008).

Аннотация. В публикации представлен анализ избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР, в которой впервые планировалось использовать демократические процедуры всеобщего участия граждан, свободного выдвижения кандидатур и тайного голосования как условия перехода СССР от «диктатуры пролетариата» к новой фазе «строительства социализма» и расширения социальной базы советской власти. Отмечается, что на практике эти принципиальные установки вошли в глубокое противоречие с существующими реалиями, создав для политического режима сложные коллизии и парадоксы в проведении кампании. В ходе подготовки к выборам сталинскому руководству пришлось столкнуться с неожиданными реакциями населения и осложнениями внутри самой большевистской партии, аппарат которой не имел никакого опыта вести гражданский диалог и стремления участвовать в конкурентном отборе кандидатов. Содержится вывод о том, что опасения потерять контроль за ходом предстоящего голосования и растущее недовольство внутри партаппарата заставили сталинское руководство отказаться от принятого избирательного закона и полностью изменить сценарий выборов. Начатое относительно свободное выдвижение кандидатур в Верховный Совет прекратилось, голосование на выборах стало безальтернативным. В статье приводятся примеры развития электоральной кампании в условиях Сибири, дается оценка значения пропагандистских методов воздействия на население накануне и в ходе выборов. Также показано, какую связь имела подготовка к выборам с массовыми террористическими операциями НКВД 1937 г.

Ключевые слова: Конституция, выборы в Верховный Совет СССР, избирательная кампания, пропаганда, агитаторы, партаппарат, голосование, бюллетени, избиратели, террор.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023 г.

Современная научная литература, посвященная истории сталинизма, довольно подробно анализировала события 1937 г., уделив значительное внимание таким политическим кампаниям, как выборы в Верховный Совет и террор. Исследователи-правоведы выявляли особенности избирательного процесса этой эпохи, подробно комментировали нормативные акты и формальные процедуры выборов[1]. Историки в основном были сосредоточены на изучении конкретных фактов и взаимосвязи событий, составляющих общую картину политической жизни страны. Описывая избирательную кампанию 1937 г., они стремились понять ее содержание и скрытые замыслы сталинского руководства, найти связь между организацией выборов и сопровождавшими ее акциями террора[2].

В представленной статье ставится задача проанализировать ход подготовки и проведения электоральных мероприятий, связанных с выборами в Верховный Совет СССР, выявить особенности и парадоксы этой кампании, показать реакцию местных властей, а также описать некоторые формы общественного поведения в ходе подготовки и проведения голосования в Сибири.

[1] *Журавлев В.П., Фортунатов В.В.* Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49; *Курьянович А.В.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22, № 1. С. 46–53; *Макарцев А.А., Юсубов Э.С.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как этап формирования отечественного избирательного права и процесса (на материалах Западно-Сибирского края) // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 48–61.

[2] *Павлова И.В.* 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37; *Дорожкина Я.Б.* Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы Западной Сибири: 1937–1941 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; *Кропачев С.А.* Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 76–91; *Папков С.А.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15.

Принятие Конституции СССР в 1936 г. рассматривалось сталинским руководством как вступление в новую историческую эпоху. Впервые после захвата власти большевиками планировалось совершить решительный шаг к некой новой форме политического режима с элементами «подлинной народной демократии», прикрытой расширенным участием масс в формировании институтов власти. Этот шаг, согласно новой (третьей) советской Конституции, должен был закрепить в стране такие демократические процедуры народовластия, которые уже действовали в цивилизованных странах – всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании с некоторым (хотя бы формальным) допущением конкурентной борьбы претендентов на места в законодательный орган страны. Намечаемые реформы естественным образом расширяли бы социальную базу режима. И в этом состоял значительный интерес правящей группы. Ей важно было продемонстрировать всему миру (и самим себе), что власть в стране Советов – не диктатура малочисленной партии, неизвестно откуда появившейся в 1917 г., а широко поддерживаемая, укорененная в обществе политическая система как власть самого народа.

Конечно, было бы большим преувеличением считать, что сталинское руководство намеревалось осуществить реальные демократические перемены, предоставив гражданам самим определять пути развития страны и выступать своеобразным арбитром политики большевиков[3]. Это явно противоречило бы всем канонам большевизма, согласно которым народная масса вообще не признавалась в качестве субъекта политики. Кроме того, после зверств эпохи Гражданской войны, насилия в период коллективизации, беспощадных кадровых чисток, расправы с церковью и религией руководство партии и его спецслужбы хорошо знали истинные настроения в обществе и отношение народа к политике коммунистов. Поэтому намечаемая грандиозная избирательная кампания неизбежно должна была стать каким-то необычным мероприятием, парадоксальным политическим экспериментом, в котором партийный аппарат, воспитанный классовыми боями, чистками и террором, приученный управлять с помощью лишь административных мер, готовился внедрять принципы демократии в виде конкурентных выборов и всеобщего голосования.

Начало избирательной кампании было положено публикацией в печати в июне 1937 г. «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» как главного избирательного закона. Этот документ ясно описывал основные процедуры и формы предстоящих выборов: подготовку списков избирателей, образование участков для голосования, создание избирательных комиссий, порядок выдвижения и регистрацию кандидатов, подсчет голосов и другие процедуры, характерные для любых всеобщих выборов[4]. Однако самой важной новацией были пункты главы VII «Положения», описывавшие порядок голосования. В них содержалось указание о том, что на избирательном участке каждому участнику тайного голосования будет выдан бюллетень с фамилиями нескольких кандидатов в депутаты и избирателю предстоит самостоятельно выбрать одного из них, «за которого он голосует, вычеркивая остальных».

Для большинства граждан представлялась, таким образом, новая, совершенно неведомая в советских условиях реальность, в которой звучал и новый политический язык с необычными оборотами: «равные выборы», «бюллетени», «избирательные урны», «тайное голосование», «вычеркивание остальных»…

Но встреча с этой реальностью в расколотом обществе понималась по-разному. В массе голосующего населения ее принимали с неподдельным энтузиазмом, о котором в сильно преувеличенной форме ежедневно рассказывала советская пресса, между тем как в недрах партийно-государственного аппарата явно преобладало настороженное настроение. Для многих аппаратчиков впереди возникало непонятное и даже пугающее будущее. Газеты предупреждали: «Наступает время суровой проверки каждого работника – не по речам,

[3] Подобные нарративы, изображающие Сталина в качестве главного поборника демократических реформ и конкурентных выборов, содержатся в ряде известных публикаций. См.: *Жуков Ю.Н.* Репрессии и конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–25; *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2015.

[4] Правда. 1937. 10 июля; Известия. 1937. 10 июля; и др.

а по делам будут судить массы о том или ином руководителе»[5]. О том, что может ожидать руководящие кадры, открыто говорил Сталин, и его слова тиражировали другие руководители государства: «Миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. <…> Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»[6].

С лета 1937 г. по всей стране развернулась активная подготовительная работа с участием огромного управленческого аппарата и сотен тысяч граждан. Формировались избирательные округа, проводились массовые митинги; тысячи агитаторов, отобранные в партийных кабинетах, были направлены на предприятия, в колхозы и учреждения, чтобы вести разъяснительные беседы об избирательном законе, Конституции, достижениях советской власти и предстоящих выборах. Особый размах кампании придавала периодическая печать, повсеместно распространяемые плакаты и массовые брошюры.

В эти предвыборные месяцы партия оказалась лицом к лицу с той массой, которой она до сих пор управляла, не считаясь с ее интересами. Впервые ей пришлось вступить с ней в открытый диалог, вникать в повседневные проблемы низов, выслушивать их претензии и жалобы и, наконец, узнать много нового о положении в стране. Эти народные голоса особенно болезненно звучали из среды тех, кого принято было считать рабочим классом – опорой партии и советской власти. Так, один из парторганизаторов, проводивший агитацию в поселках угольной шахты «Центральная» в Кузбассе, сообщал обкому ВКП(б): «…До сего времени, до момента начала этой работы мы не знали абсолютно о том, кто [там] живет, какие настроения у этого населения, какие потребности, какие запросы. <…> Через эти беседы мы смогли ознакомиться с этим населением, смогли получить богатейший материал. Помимо вопросов, которые задавались по изучению “Положения”, были массовые вопросы бытового порядка – о ремонте квартир, о плохой работе торговых организаций, жалобы по производству и так далее»[7].

Проблемы для партии усугублялись еще и тем, что ее многочисленные агенты – агитаторы и активисты – совершенно не умели разговаривать с населением. Любые практические и нетривиальные вопросы граждан ставили их в тупик: «Почему рабочие живут лучше колхозников? Почему не хватает мануфактуры? Что будет, если колхоз распадется, кому тогда перейдут фонды? Разве можно построить коммунизм в одной стране?»… Раздавались и уж совершенно фантастические заявления людей, требовавших ответа: «Куда денется товарищ Сталин, если его не изберут?»[8].

Открывалась сложная и не вполне понятная перспектива: если право голоса предоставляется всем слоям общества, включая миллионы ущемленных, недовольных и обездоленных, малограмотных или вовсе неграмотных граждан, каких тогда результатов следует ожидать от их участия в тайном голосовании? Перед руководством партии неизбежно возникала

[5] Известия. 1937. 9 июля.
[6] Там же. 1936. 5 авг.; 1937, 8 июля.
[7] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.
[8] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3. Л. 126–128; Д. 9. Л. 107. Характерным свойством кампании был не только низкий уровень большинства пропагандистов, но и сами кандидаты «из народа» иногда представляли собой типичный декоративный образец. В одном из отчетов сообщалось о таком примере: «…Тов. Картавая – азбучно малограмотная. Ее учитель – это ее собственная дочь, которая сама учится в пятом классе. 3 декабря тов. Картавая должна была выступить с речью по радио, но выступление не состоялось и было перенесено на следующий день только потому, что из-за слабой грамоты она не успела подготовиться. На одном из своих выступлений в Зырянском районе она выразилась так: “Надо бороться с врагами народа – троцкистами, бухаринцами и прочей интеллигенцией”. Когда после этого собрания прикрепленный к ней “политком” прочитал ей вслух выступление тов. Калинина на собрании избирателей – представителей трудовой интеллигенции города Ленинграда, она откровенно ему заявила: “То, что интеллигенция у нас трудящиеся, я в первый раз слышу”» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 74. Л. 307–308). Трактористка из Мариинского района Кузбасса Анна Картавая была депутатом Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов.

проблема относительно того, как проводить процедуру голосования и как подсчитывать голоса избирателей.

Уже первые шаги по подготовке к избирательной кампании обнаружили, что и в самой партии нет полной согласованности действий. Неожиданностью стало то, что на разных этажах партаппарата возникли определенные расхождения в понимании сущности самих выборов. Это выявилось сразу, как только началась процедура формирования списков кандидатов в депутаты. Предоставив первоначально инициативу низовому звену – райкомам ВКП(б) – право подбирать претендентов на роль народных избранников, руководство партии очень скоро осознало, что этот подход был серьезной ошибкой и что низовой аппарат не способен проводить в жизнь правильную линию ЦК в столь серьезном вопросе. Такая оценка была вызвана тем, что в райкомах партии отнеслись к положениям Конституции и избирательного закона слишком серьезно. Иначе говоря, в этом звене партаппарата восприняли предстоящие выборы как реальный переход к демократии, открывающий путь к общественному примирению и расширению прав граждан, в том числе праву баллотироваться в депутаты не одним лишь выдвиженцам партии.

Однако в правящей верхушке царили совершенно иные взгляды. Сталин и его окружение полагали, что партия и ее аппарат не могут ослаблять свою власть, отдавая часть полномочий каким-то случайным «избранникам». Выборы не должны проводиться по образцу «буржуазной демократии» с элементами непредсказуемости – в СССР своя «социалистическая демократия», смыслом которой является «историческое право» вождей вести народ за собой и указывать ему «единственно правильный путь».

Это противоречие во взглядах внутри партаппарата отчетливо выразил секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) С.М. Соболев на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Он говорил: «Должен сказать, что при отборе людей в верховный орган нашего государства мы обнаружили целый ряд таких возмутительных фактов совершенно недопустимого подхода к подбору людей, когда согласно нашим указаниям должны быть подобраны товарищи, которых нужно было рекомендовать в Верховный Совет, и когда мы получили уже списки с рекомендациями из районов, от райкомов партии, а потом решили проверить, какое качество этой отборочной работы, <…> то среди рекомендованных райкомами оказались бывшие колчаковцы, каратели, т.е. проверка и отбор людей в районах были поставлены из рук вон плохо. Мы это дело сейчас поправили и уже имеем отобранный состав товарищей, которых рекомендуем в Совет Национальностей и Союзный Совет»[9].

Райкомы ВКП(б), таким образом, оказались неподходящим механизмом для отбора кандидатов и доверять им столь ответственную процедуру было недопустимо. Секретарям обкомов и крайкомов, как представителям ЦК на местах, пришлось лично заниматься этим делом, привлекая органы НКВД.

На том же октябрьском пленуме ЦК секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Р.И. Эйхе докладывал: «…Вопрос, которым мы крепко занимались, это вопрос подбора кандидатов. <…> Кандидатов мы с секретарем Алтайского крайкома товарищем Гусевым вместе подбирали, проверили через все соответствующие органы».

Сталин тут же отреагировал: «Вредителей много попало?»

Эйхе: «Мне трудно сказать, думаю, что ни одного нет. Кого мы не знали лично, вызывали»[10].

Упомянутый пленум ЦК ВКП(б), проходивший 11–12 октября 1937 г., определил дальнейшие практические шаги партии в проведении избирательной кампании. Вопрос о выборах был первоочередным в повестке дня. Поскольку основные принципы деятельности партии в предвыборный период и процедуры допуска народных масс к голосованию были уже выработаны в недрах сталинского аппарата, участники пленума ЦК сосредоточились на обсуждении трудностей на местах. В ходе обсуждения выявился огромный круг

[9] Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. М., 2010. С. 807.
[10] Там же. С. 759.

проблем. Что делать с безграмотными людьми? Как работать с сельским населением и жителями отдаленных районов, лишенных связи с участками агитации и голосования? Как привлечь к участию в выборах матерей с малолетними детьми и беременных женщин? Что делать со стариками, домохозяйками и людьми в тяжелом материальном положении?

Руководству партии открылось множество деталей реальной картины на местах, представилось положение сотен тысяч людей, неизвестных ему ранее и живших вне всякой политики. К этим человеческим проблемам прибавлялись острые организационные и технические задачи подготовки к выборам. Выступавшие говорили о дефиците бумаги, топлива, агитационных материалов, печатных гранок, шрифтов, о трудностях с доставкой бюллетеней и самих избирателей на участки и о многом другом.

О главных установках Политбюро относительно запланированных итогов голосования докладывал В.М. Молотов. «…Наша задача, – сказал он, – заключается в том, чтобы не противопоставить и не отделить нас, нашу партийную организацию от массы рабочих и крестьян. В связи с этим обсуждался вопрос также о том, какое количество беспартийных надо считать нормальным для введения в состав депутатов в Верховный Совет. Общее мнение Политбюро такое, что надо иметь примерно в среднем для всего СССР до 20 % беспартийных в составе Верховного Совета. <…> Разумеется, вся работа по выдвижению кандидатов в депутаты в Верховный Совет должна быть по-настоящему под контролем и руководством парторганизации…»[11].

Прояснив вопрос о «нормальных процентах» для беспартийных и о сроках проведения предвыборных собраний, участники пленума перешли к обсуждению проблем в регионах. Поскольку массовая операция НКВД по изъятию «враждебных элементов» охватила уже всю страну, участники, прибывшие с мест, не могли обойти вниманием эту тему. Вопрос о репрессиях стал рассматриваться как составная часть предстоящих выборов в Верховный Совет. Партийных секретарей беспокоила проблема участия в выборах потенциальных противников режима – бывших кулаков, церковников, административно ссыльных и других категорий «несоветского» электората. Запретить им голосование было невозможно по требованию новой Конституции. Но и допустить их к урнам представляло значительную опасность.

Вопрос о кулаках и контрреволюционерах первым поднял секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) П.П. Постышев. Он попросил руководство партии уточнить позицию в отношении этой группы выборщиков, так как до сих пор никаких инструкций на этот счет сверху не поступало. Ему и другим ораторам отвечал Сталин, вставляя реплики в духе сторонника советского закона.

Постышев говорил: «Требуется разъяснение – будут ли участвовать в выборах спецпоселки внутреннего значения? [т.е. спецпереселенцы. – *С. П.*]

Сталин: Они прав не лишены.

Постышев: Ну, хорошо, пусть выбирают! (*Смех, много реплик*). Уж больно сволочной они народ»[12].

Затем выступил секретарь обкома Р.И. Эйхе. Он рассказывал о тщательном отборе кандидатов в депутаты, о массовых настроениях работников на заводах и в деревне, а также о результатах ликвидации врагов народа в крае. В этом месте выступления между Эйхе и Сталиным возник показательный диалог.

«Я давно ведь в Сибири, вы это знаете, – говорил Эйхе с трибуны, – я не могу припомнить год, когда во всех районах, куда ни приедешь, встречаешь такой подъем и такие положительные настроения, какие встречаешь в этом году.

Сталин: Хлеба много.

[11] Институт выборов в Советском государстве… С. 751–752.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 27. Этот и другие подобные фрагменты стенограммы пленума ЦК не вошли в сборник документов «Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг.». См.: Институт выборов в Советском государстве…

Эйхе: Хлеба много, это факт, это верно, в этом основа, но ведь бывали и раньше урожайные года, бывал недород в одном месте и хороший урожай в другом.

Сталин: От вредителей освобождаются, рады.

Эйхе: Это верно. Проделана большая массовая работа, новые люди поднялись. И то, что мы крепко погромили базу организованной контрреволюции – это великая положительная работа, которая оздоровляюще подействовала на обстановку, особенно в отдаленных глухих районах, в притаежных местах. Я только [что] перед Пленумом там был, там столько было сволочей окопавшихся – и полковников, и генералов, – что, когда эту дрянь оттуда забрали, почистили, погромили эту массовую базу контрреволюции, это сразу помогло нашей работе…»[13].

О необходимости репрессий в связи с предстоящими выборами высказывались и другие участники пленума. Секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Д.А. Конторин был особенно настойчив. Он говорил о показательных судебных процессах в области, об активной работе областной тройки НКВД по выкорчевыванию врагов и о том, что обком будет просить ЦК ВКП(б) «увеличить лимит по первой категории в порядке подготовки к выборам». Он подчеркнул также, что новый лимит ЦК ВКП(б) для области на расстрел 400–500 человек «помог бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет»[14].

Секретарь Курского обкома Г.С. Пескарев неожиданно обратил внимание на то, что работники государственного аппарата на местах часто сами создавали условия для протестных настроений. Он отметил: «…При полной уверенности в том, что огромное, подавляющее большинство избирателей будет голосовать за наши кандидатуры, мы должны будем найти, именно найти всех тех избирателей, у которых имеются неважные настроения, у которых имеются обиды и подчас законные обиды на советскую власть, причиненные им отдельными представителями советской власти… Забрасывать этих людей, сбрасывать их со счетов, не поработать с ними, не разбить эти настроения было бы, конечно, неправильно…»[15].

По мере того как избирательная кампания расширяла свои масштабы, население начинало яснее представлять значение предстоящего мероприятия. Документы партийных органов в Сибири фиксировали немало фактов, свидетельствующих о том, что многие граждане, в том числе рядовые коммунисты, отчетливо видели фиктивный характер кампании и имели смелость открыто говорить об этом на агитационных собраниях. «В Доволенском районе, – сообщалось в одном отчете, – кулацкие последыши пытались дать свое толкование права выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР, распространяли слухи о том, что “списки кандидатов пришлют из Москвы”, поэтому они предлагали, чтобы “каждая организация, колхоз, профсоюз, комсомол выставляла не одну и ту же кандидатуру, а разные”»[16].

Но наибольшие опасения властей вызывали группы активного сопротивления – «классово-враждебные элементы» в лице религиозных и сектантских общин, призывавшие к бойкоту выборов. Поведение этих групп, выдаваемое за «террористические вылазки», подавлялось органами НКВД самым жестоким способом.

В ноябре 1937 г. от имени нового секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеева райкомам партии было разослано секретное письмо, требовавшее решительных мер для подавления «контрреволюционных террористических действий». «В ряде районов (Тогучинском, Беловском, Ояшинском, Асиновском, Кожевниковском и других), – говорилось в нем, – участились факты контрреволюционных террористических вылазок, направленных, в частности, против активистов избирательной кампании. Эти вылазки являются ответом врагов народа на проводимую областной парторганизацией и органами НКВД работу по разоблачению и выкорчевыванию контрреволюционных троцкистско-бухаринских вредителей, шпионов и диверсантов. Террористические вылазки вражеских

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 40.
[14] Институт выборов в Советском государстве… С. 790.
[15] Там же. С. 798–799.
[16] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 74. Л. 9–10.

элементов направляются на срыв предвыборных собраний и совещаний и дезорганизацию всей избирательной работы. Обком партии обязывает все судебно-следственные органы области срочно провести расследование по всем контрреволюционным террористическим вылазкам, а также немедленно провести судебные процессы с применением высшей меры наказания – расстрела – не только в отношении непосредственных организаторов и исполнителей террористических актов, но и в отношении лиц, причастных к этим контрреволюционным действиям»[17].

В письме не приводилось никаких фактов «террора», но местные работники понимали, что нужно делать.

До осени 1937 г. избирательная кампания в целом развивалась в рамках того сценария, который вытекал из «Положения о выборах». Однако в октябре руководство партии пришло к пониманию, что продолжать подготовку в прежних формах невозможно. Нельзя сохранять порядок, напоминающий стихию, когда кандидатами от «общественных организаций» и на колхозных собраниях произвольно выдвигают неизвестно кого, включая председателей колхозов, сельских советов и самих агитаторов, одновременно отклоняя членов Политбюро; когда избирателям объясняют, как в бюллетени «вписывать желаемые кандидатуры» и «вычеркивать остальных».

Началось радикальное изменение всей предвыборной технологии[18]. Прежде всего произошло усложнение процедуры отбора доверенных лиц и членов избирательных комиссий. С ноября было запрещено выдвигать доверенных лиц напрямую на собраниях коллективов. Собрания теперь могли лишь посылать своих представителей на районные совещания и уже там представители избирали доверенных под руководством райкомов ВКП(б).

Но решающая акция последовала 10 ноября. В этот день было объявлено, что вожди партии и государства – 23 человека – снимают свои кандидатуры во всех округах, кроме одного, как этого требует закон о выборах. Вслед за этим перевернулась и вся пропагандистская кампания, исключившая сценарий конкурентного голосования. На всех уровнях развернулось массовое разъяснение того, что в бюллетенях останется только по одной кандидатуре и «ничего вычеркивать не нужно».

С этого момента исключительную роль стала играть информационная обработка населения – пропаганда превратилась в главное средство подготовки к выборам. Впервые в истории массовых кампаний была поставлена задача дойти до каждого избирателя и каждой семьи, чтобы достичь две главные цели: во-первых, убедить население в том, что голосование за одного кандидата является лучшим выражением поддержки советской власти; во-вторых, добиться максимальной явки избирателей в доказательство широкого признания режима.

Именно этим была продиктована закрытая директива Сталина от 16 ноября 1937 г. всем партийным комитетам, в которой на первый план выдвигались «вопросы техники выборов»[19].

Получив новое направление, избирательная кампания перешла в область «критики недостатков» и «исправления ошибок». Теперь сама постановка вопроса о выборе кандидата, о зачеркивании фамилий и исправлениях в бюллетенях признавалась «фактами враждебных вылазок».

Одновременно потребовалось также обновить состав агитаторов, не сумевших уяснить смысл произошедшего поворота или открыто выражавших свое несогласие с упразднением конкурентного голосования. Часть из них была немедленно отстранена, некоторых подвергли аресту. Из Ояшинского района Новосибирской области докладывали: «Утвержденный райкомом партии чтецом Рябушов Владимир, который в своем кружке агитировал, что необязательно голосовать за [председателя райисполкома] Торбину и [командующего

[17] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 74. Л. 14.
[18] Подробнее об этом повороте см.: *Папков С.А.* Выборы в Верховный Совет СССР… С. 3–15.
[19] *Павлова И.В.* 1937: выборы как мистификация… С. 33; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 822. Л. 74–74 об.

СибВО] Антонюка, говорил, что можете свою кандидатуру записать в бюллетень… Его разоблачили и он посажен органами НКВД»[20].

Уполномоченный обкома ВКП(б) в Барзасском районе (Кузбасс) Глухов доносил: «Всего по району насчитывается 586 агитаторов. В ряде случаев их подбор проходил без тщательной проверки, в результате чего получилось засорение классово-чуждыми враждебными элементами».

Другой уполномоченный в Искитимском районе сообщал о «контрреволюционных выпадах» со стороны агитаторов в селе Преображенка, которые «пытались ревизовать Сталинский закон»: «Они говорили, что по статье 85-й можно вычеркивать кандидатуры и выставлять своего кандидата. “Сейчас же выставлено только два кандидата [в две палаты]. Зачем тогда собираться и голосовать 12 декабря?” – Мы немедленно выявили лицо этих агитаторов… было установлено, что они из “бывших людей”, они связаны с чуждыми нам людьми»[21].

За две-три недели до дня голосования пропагандистское воздействие на население было доведено до высшей точки и напоминало своеобразную мобилизацию граждан для совершения какого-то коллективного героического поступка. Добиваясь тотального охвата избирателей, партия двинула в гущу масс дополнительные отряды агитаторов. Особая ставка в эти дни делалась на такую новую форму, как уличные и подворные кружки, в которых вновь и вновь рассказывали о достижениях в стране, о Конституции и правилах голосования. В ряде районов практиковали обходы активистов по домам и квартирам граждан.

О беспрецедентном характере нажима на граждан после 16 ноября сообщали многочисленные сводки из самых различных мест Сибири. Активист из Тегульдетского района докладывал: «Кружковые занятия проведены по 13 кружкам, всего – 68 занятий, каждый кружок занимался по 5–6 раз. Посещаемость хорошая – 70–80 процентов и больше. <…> на моем участке четыре колхоза пяти поселков, проведено 13 собраний, на них присутствовало 393 избирателя»[22].

Наконец, наступил ключевой момент всей кампании – 12 декабря. Однако и в этот день пропагандистское усердие партии не прекратилось. Местные партячейки и агитаторы продолжали вести открытую кампанию воздействия на избирателей непосредственно на участках для голосования, хотя статья 82 «Положения о выборах» ясно указывала, что «выборная агитация в избирательном помещении во время подачи голосов не допускается». Но на закон уже внимания никто не обращал. Более того, в некоторых районах накануне голосования было объявлено «социалистическое соревнование» на достижение стопроцентной явки избирателей, для чего в некоторых случаях на участки на руках приносили немощных стариков и инвалидов[23].

Итоги выборов в Верховный Совет, как и рассчитывало сталинское руководство, выразились в форме политического триумфа партии – практически полной поддержкой всех кандидатов при максимально возможной явке избирателей. Но даже официальная статистика не стала отрицать наличия протестного голосования. В частности, в огромной Новосибирской области (три современных региона – Кемеровская, Новосибирская и Томская области) оказалось 20 599 бюллетеней (1,0 %), в которых кандидаты в депутаты были вычеркнуты. По Новосибирскому городскому округу таких бюллетеней было 2,3 %, по Томскому округу – 0,71 %[24]. Сотни бюллетеней голосующие унесли с участков.

Избирательная кампания 1937 г. стала первым советским опытом использования демократических выборных процедур в условиях диктатуры, и в этом состояло ее основное своеобразие. Как крупнейшее политическое мероприятие, она продемонстрировала целый ряд особенностей, которые стали для режима классическим образцом и нормой на весь последующий период его существования в СССР. Этой нормой явилось манипулирование

[20] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 78. Л. 127.
[21] Там же. Л. 32–33, 108.
[22] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 81. Л. 35.
[23] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 78. Л. 111, 113.
[24] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 13. Л. 3.

техникой голосования и массовым сознанием неопытного населения с неразвитой политической культурой в целях достижения практически любого желаемого результата. Характер подготовки и проведения всеобщих выборов на основе новой Конституции показал, что в первые месяцы кампании (с июля по октябрь) сталинское руководство неясно представляло себе, каким образом следует развивать электоральный процесс и каких последствий можно ожидать на этом пути. Руководствуясь первоначально выбранным планом – «Положением о выборах», оно привлекало голосующее население лозунгами общедемократического свойства, позволяя обсуждать избирателям процедуры относительно свободного выдвижения кандидатур и тайного конкурсного голосования в бюллетенях. Одновременно с этим квазидемократический настрой не помешал Сталину начать кампанию массового террора в отношении целых групп населения, рассчитанную, вероятно, отрезать голоса потенциальных противников режима.

Документальные источники свидетельствуют о том, что и сам партаппарат в первые месяцы воспринимал предстоящее электоральное мероприятие в привычной для себя манере. Он относился к нему так же, как и ко всем прошлым идеологическим кампаниям, по большей мере лишь имитируя бурную деятельность проведением митингов и собраний, что на практике приводило к многочисленным просчетам и запоздалым решениям на каждой стадии подготовки к выборам: при выдвижении кандидатов, отборе доверенных лиц и агитаторов, при составлении списков избирателей и организации пропаганды.

За полтора-два месяца перед голосованием (октябрь-ноябрь) режиму потребовалось произвести глубокую коррекцию избирательной кампании под влиянием возросшей неуверенности в получении «нужных» итогов голосования и появлением недовольства региональной номенклатуры. Тенденции «демократизации» были свернуты, агитация переориентирована на обсуждение второстепенных для избирателей тем и лозунгов, вопросы выборной конкуренции объявлены «ошибками» низовых активистов. Эта обновленная тактика позволила достичь поставленных целей в голосовании в виде «всенародной поддержки». Но еще важнее было то, что правящая верхушка приобрела богатый опыт «демократической» мимикрии своего господства. Она открыла и апробировала не только для себя, но и для других сходных режимов удобные средства политической легитимации долговременного характера.

Литература

Дорожкина Я.Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы Западной Сибири: 1937–1941 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.

Жуков Ю.Н. Репрессии и конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–25.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Аква-Терм, 2015. 512 с.

Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49.

Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / под общ. ред. Ю.А. Веденеева и И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2010. 880 с.

Кропачев С.А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 76–91.

Курьянович А.В. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22, № 1. С. 46–53.

Макарцев А.А., Юсубов Э.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как этап формирования отечественного избирательного права и процесса (на материалах Западно-Сибирского края) // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 48–61.

Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

Папков С.А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15.

References

Dorozhkina, Ya.B. (2004). Izbiratel'nye kampanii po vyboram v verhovnye i mestnye sovety Zapadnoy Sibiri: 1937–1941 gg. [Electoral Campaigns for Elections to the Supreme and Local Councils of Western Siberia: 1937–1941], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 23 p.

Kropachev, S.A. (2011). Sovetskaya propaganda 1937–1938 godov o masshtabah massovyh politicheskih repressiy [Soviet Propaganda of 1937–1938 on the Scale of Mass Political Repressions]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. No. 2, pp. 76–91.

Kur'yanovich, A.V. (2016). Vybory v Verhovnyy Sovet SSSR 1937 g. kak legitimatsiya sovetskogo obshchestvenno-politicheskogo rezhima (na primere Belorusskoy SSR) [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as Legitimization of the Soviet Socio-Political Regime (on the Example of the Byelorussian SSR)]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. Vol. 22, No. 1, pp. 46–53.

Makartsev, A.A., Yusubov, E.S. (2018). Vybory v Verhovnyy Sovet SSSR 1937 goda kak etap formirovaniya otechestvennogo izbiratel'nogo prava i protsessa (na materialah Zapadno-Sibirskogo kraya) [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as a Stage of Formation of domestic Electoral Law and Process (On the Materials of the West Siberian Region)]. In *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 4, pp. 48–61.

Papkov, S.A. (2016). Vybory v Verhovnyy Sovet SSSR 1937 goda. Vnedrenie sovetskih izbiratel'nyh manipulyatsiy [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937. Introduction of Soviet Electoral Manipulations]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 3–15.

Pavlova, I.V. (2003). 1937: vybory kak mistifikatsiya, terror kak real'nost' [1937: Elections as Hoax, Terror as Reality]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 19–37.

Vedeneev, Yu.A., Borisov, I.B. (Eds.). (2010). *Institut vyborov v Sovetskom gosudarstve 1918–1937 gg. v dokumentah, materialah i vospriyatii sovremennikov* [The Institute of Elections in the Soviet State 1918–1937 in Documents, Materials and Perception of Contemporaries]. Moscow, ROIIP. 880 p.

Zhukov, Yu.N. (2002). Repressii i konstitutsiya SSSR 1936 goda [Repressions and the USSR Constitution of 1936]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 3–25.

Zhukov, Yu.N. (2015). *Inoy Stalin. Politicheskie reformy v SSSR v 1933–1937 gg*. [The Other Stalin. Political Reforms in the USSR in 1933-1937]. Moscow, Akva-Term. 512 p.

Zhuravlev, V.P., Fortunatov, V.V. (2014). Izbiratel'naya sistema i vybory v RSFSR v 1937–1987 godah [Electoral System and Elections in the RSFSR in 1937–1987]. In *Zhurnal o vyborah*. No. 1, pp. 39–49.

А.А. Фокин*

«ЭТО НЕ ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОНА, А СЛОЖИВШАЯСЯ ТРАДИЦИЯ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СОВЕТСКОМ БЮЛЛЕТЕНЕ БЫЛ ВСЕГО ОДИН КАНДИДАТ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-8
94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Фокин А.А. «Это не требование закона, а сложившаяся традиция», или почему в советском бюллетене был всего один кандидат // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 130–138. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-08.pdf

A.A. Fokin*

"THIS IS NOT A LEGAL REQUIREMENT, BUT AN ESTABLISHED TRADITION," OR WHY THERE WAS ONLY ONE CANDIDATE ON THE SOVIET BALLOT PAPER

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-8

How to cite:
Fokin A.A. "This is Not a Legal Requirement, but an Established Tradition," or Why There was Only One Candidate on the Soviet Ballot Paper // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 130–138. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-08.pdf]

Abstract. The peculiarity of the late Soviet period lies in the transformation of the relationship between the institutions of power and various groups of the population. The institution of elections was one of the mechanisms of this "feedback", which served to strengthen trust between the authorities and society. One of the hidden functions of the electoral process in the USSR was to maintain or strengthen trust in the existing system through repetitive rituals. The potential use of elections as a mechanism to "purge" the nomenklatura by relying on the vox populi may explain one aspect of the Soviet electoral process that perplexed Soviet citizens as well. There is a view in historiography that the potential possibility of holding alternative elections was already laid down by the Stalinist leadership for use in the course of mass political repression, but was not actually used. But the very wording with the requirement to leave one candidate on the ballot paper was retained. The Soviet leadership did not endeavour not only to correct this wording, but also to give a clear and precise explanation for the divergence of words and practice. Documents from the archives show that citizens regarded letters to the authorities as an effective way to communicate with them and an opportunity to solve their problems. The majority of the population actively participated in the ideological campaign, which called for the defence of Soviet norms and values. At the same time, their ideas about morality were often stricter than the official ones.

Keywords: elections, ballot, candidate, USSR, Soviets.

The article has been received by the editor on 24.09.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Особенность позднесоветского периода заключается в трансформации взаимоотношений институтов власти и различных групп населения. Институт выборов был одним из механизмов этой «обратной связи», который служил для укрепления доверия между властью и обществом. Одна из скрытых функций избирательного процесса в СССР заключалась в поддержании или укреплении доверия к существующей

* **Александр Александрович Фокин,** кандидат исторических наук, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), Москва, Россия, e-mail: aafokin@yandex.ru

Aleksandr Aleksandrovich Fokin, Candidate of Historical Sciences, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia, e-mail: aafokin@yandex.ru

системе через повторяющиеся ритуалы. Потенциальная возможность использования выборов как механизма «очищения» номенклатуры с опорой на vox populi может объяснить один аспект советского электорального процесса, который вводил в недоумение и советских граждан. В историографии существует точка зрения, что потенциальная возможность проведения альтернативных выборов была заложена еще сталинским руководством для использования в ходе массовых политических репрессий, но на деле не применялась. Но сама формулировка с требованием оставить одного кандидата в бюллетене сохранялась. Советское руководство не стремилось не только не исправлять эту формулировку, но и давать четкое и ясное объяснение расхождению слов и практики. Документы из архива свидетельствуют о том, что граждане рассматривали письма власти как эффективный способ общения с ней и возможность решить свои проблемы. Большинство населения активно участвовало в идеологической кампании, которая призывала защищать советские нормы и ценности. При этом их представления о морали часто были более строгими, чем официальные.

Ключевые слова: выборы, бюллетень, кандидат, СССР, Советы.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023 г.

«Выборы в Советы будут проходить в обстановке большого политического и производственного подъема, вызванного решениями XX съезда партии. Дальнейшее развитие социалистического демократизма повысило активность трудящихся, усилило контроль масс за работой Советов, исполнительных комитетов и депутатов. В этих условиях можно ожидать, что критика органов государственной власти, наших работников в ходе выборов будет еще более острой, требовательность к депутатам повышенной, активность при обсуждении кандидатов в депутаты значительно возрастет. Надо, чтобы партийные органы, местные Советы и их работники правильно относились к критике масс и принимали меры по устранению недостатков в деятельности советских органов» – это фрагмент постановления ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами», принятого в 1957 г. и являющегося частью мероприятий послесталинского руководства поиска новых механизмов взаимодействия власти и различных групп населения.

Одним из основных механизмов, которые использовались для этой трансформации, была избирательная система. В СССР выборы были организованы с целью обеспечить согласованность с установленными законами и моральными нормами. Советские выборы не должны были быть конкурентными, ибо они, как особый политический ритуал, должны были устанавливать и подкреплять существующий порядок вещей, демонстрируя стабильность и предсказуемость результатов выборов. Выборы должны были, через кооптацию всего взрослого населения, показать прозрачность социальной структуры, что все советские граждане в один день совершают одинаковое действие. Важным элементом была подотчетность депутатов, которые не только должны были регулярно выступать с докладами о проделанной работе, но избиратели могли их отозвать в случае возникновения конфликтных ситуаций. Руководство партии признавало право избирателей на критику кандидатов, рассматривая это как средство развития социалистического общества, как отмечено в постановлении ЦК КПСС. Таким образом, советский гражданин ощущал свою сопричастность с политическим телом позднесоветской системы. Выборы выступали одним из механизмов формирования политической культуры доверия и эмпатии[1]. Однако стоит признать, что советская

[1] *Tikhomirov A.* The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // Slavonic and East European Review. Special Issue “Trust and Distrust in the USSR”. 2013. Vol. 91, No. 1. P. 78–118; *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. М., 2017.

политическая система имела свои ограничения. Депутатам часто не хватало полной власти, чтобы выполнить свои обещания перед избирателями, и иногда их активность в советах сводилась лишь к иллюзии эффективности.

В то же время руководство партии признавало право избирателей на критику кандидатов и рассматривало ее как инструмент развития социалистического общества. Эти изменения в отношениях между властью и обществом в позднесоветском периоде способствовали увеличению доверия к советской системе и достижению общественной стабильности, как отмечает А. Юрчак[2] в своей книге, анализирующей последнее советское поколение. Аналогичные идеи высказывает Э. Кулевиг, который отмечает, что советское руководство придавало большое значение коммуникации между институтами власти и советским обществом[3]. Таким образом, в позднесоветский период произошли изменения в отношениях между властью и обществом, и выборы сыграли важную роль в укреплении доверия и учете индивидуальных настроений при принятии решений.

Для формирования режима эмпатии и доверия в позднесоветский период выборы используются как средство достижения различных целей. По мнению В.Дж. Патцельта[4], эти цели включали легитимизацию власти, демонстрацию общественной поддержки, создание демократического фасада для манипулирования восприятием власти, искажение предпочтений для создания иллюзии широкой поддержки режима и улучшение распределения благ путем более убедительного обещания об их распределении.

Важным аспектом советской системы было формирование нового субъекта. В публицистических работах советского человека зачастую описывают как пассивного и лукавого, в рамках концепции Homo soveticus. При этом советская идеология всегда стремилась привить новому советскому человеку активную позицию. Например, стахановцы не должны были просто следовать нормам выработки по плану, а самостоятельно ломали плановые показатели. Участники движения рационализаторов и изобретателей не довольствовались теми технологиями, которые разрабатывались в советских НИИ, а самостоятельно совершенствовали различные аспекты производства. Советский человек нового типа не просто должен был выполнять план по месту своей работы, но он должен был принимать активное участие в жизни советского общества. Так, в «Моральном кодексе строителя коммунизма» отмечалось, что поколение, которому предстоит жить при коммунизме, должно быть нетерпимо к нарушению интересов общества. То есть каждый человек становился общественным контролером. Правильный советский человек не только хорошо трудится, он еще активно участвует в поддержании нормативного порядка. В этом требовании к строителю коммунизма легко увидеть проявление политики дисциплинирования, характерную для модерновых обществ[5]. Получается, что коллективное тело строителей коммунизма формирует своеобразный Паноптикум, который призван надзирать за советским обществом.

При этом активная социальная позиция не должна была противоречить официальной советской доктрине или выходить за ее рамки. Это можно обнаружить и в тексте постановления 1957 г., выше отмечалось, что в нем дает разрешение на критику местных органов власти. При этом подчеркивалось, что враги советского строя могут использовать выборы для нанесения урона. Советская система допускала критику отдельных недостатков, но нельзя было масштабировать эти проблемы на всю советскую реальность. То есть во время выборов можно было сказать, что отдельный начальник плохо выполняет свои функции, но недопустимо было говорить, что все советские руководители неэффективны. Партийным органам предписывалось стоять на страже советской законности и пресекать «демагогическую» критику кандидатов в депутаты. В связи с этим показательно, что основная масса забаллотированных кандидатов была на уровне сельских советов, но на уровне Верховного Совета все кандидаты получали по 99 % голосов. Таким образом можно

[2] *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.
[3] *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 35.
[4] *Patzelt W.J.* Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011. P. 126–145.
[5] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

увидеть, что существуют определенные границы допустимого в допустимой критике. Это хорошо укладывается в модель борьбы с отдельными недостатками. На дискурсивном уровне советская система всегда выступала против «лакирования действительности», т.е. каждое произведение искусства должно было содержать некий конфликт.

Показательно, что в 1956 г. выходит очерк Валентина Овечкина «Трудная весна», где партийный секретарь Мартынов из-за травмы не может лично осуществлять руководство районом, а в его отсутствие проводится партийное собрание, на котором инициируется очищение районной партийной организации от бюрократов. Получается, что воля народа столкнулась с партийной дисциплиной и нормами. В итоге герой, лежа на больничной койке, ведет внутренний диалог: «Инициатива и дисциплина. Самостоятельность и подчинение приказам сверху. Как это совместить? Где тут “дозволенные пределы”, где грань, за которую нельзя переступать, чтоб не получилось вообще анархии? Не знаю, пока не совсем ясно. А ясно ли это тем товарищам, которые так часто стали упоминать сейчас слово “инициатива” во всех газетных передовицах?»[6]. Советская система никогда не отрицала наличие «плохих» бюрократов, и всегда декларировалось, что надо давать им бой и помогать советскому строю очищаться от такого руководства, но в произведении Овечкина эта борьба происходит с нарушением правил игры, в конкретном случае – с нарушением устава партии. Хотя при этом Долгушин в своем решении опирался именно на волю народа, за исключение бюрократов голосовали не только члены партийной ячейки колхоза, но и беспартийные работники. Хотя в очерке описываются не выборы в Совет, а партийное собрание, но все равно показывается именно реализация принципов советской демократии. В связи с этим можно вспомнить, что знаменитое «Ленинградское дело», которое закончилось отставками и расстрелами партийных руководителей высшего звена, началось с фальсификаций на VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции. При голосовании ряд коммунистов проголосовал против руководства Ленинградского обкома и горкома, но при подсчете голосов было отмечено, что проголосовали единогласно[7]. В результате разбирательства виновными были признаны не те, кто голосовал против, а те, кто подделывал избирательные бюллетени.

Потенциальную возможность использования выборов как механизма «очищения» номенклатуры с опорой на vox populi может объяснить один аспект советского электорального процесса, который вводил в недоумение и советских граждан, и современных исследователей. Как известно, в 1936 г. принимается Конституция СССР, по которой, согласно статье 135, выборы в СССР становятся всеобщими. Новая Конституция отменяла статус «лишенцев» и уже не учитывала социальное происхождение при голосовании. Только признание человека умалишенным могло лишить его права участвовать в выборах. В 1937 г., когда проходили первые выборы в Верховный Совет, Иосиф Сталин, отвечая на вопросы американского журналиста, прокомментировал суть новой избирательной системы: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы

[6] *Овечкин В.* Трудная весна // Новый мир. 1956. № 7. С. 124.
[7] *Болдовский К.А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018.

в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»[8]. Именно критический потенциал и активную позицию избирателей подчеркивает товарищ Сталин, показывая, как выборы могут быть репрессивным механизмом. Зарубежные исследователи обращают внимание на связь выборов 1937 г. с новой волной политического террора[9]. Они отмечают, что местное руководство было напугано идеей Москвы устроить конкурентные выборы, что в условиях политических репрессий еще больше усиливало опасность нахождения у власти. Если представить себе гипотетические альтернативные выборы в 1937 г., то проигравший или даже не набравший значительного количества голосов руководитель становился легкой целью для обвинений в отсутствие поддержки среди народных масс.

С 1937 г. в бюллетене появляется сакраментальная фраза «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните». К сожалению, архивы не содержат примеров официального внесения в бюллетень нескольких кандидатов и нет возможности доказать использования этой юридической нормы. То есть сама возможность альтернативности в советской электоральной практике предполагалась, но не реализовывалась. В 1958 г. в Центральную избирательную комиссию обратился журналист из ФРГ. Поводом стала публикация в советской прессе образцов бюллетеней с фразой про вычеркивание остальных кандидатов. Немецкий журналист хотел выяснить у советских чиновников – будут ли выборы альтернативными[10]. Представители ЦИК в ответном письме отмечали, что эта инструкция нужна, если в ходе избирательной кампании будут выдвинуто несколько кандидатов, поскольку советское законодательство предусматривает и такой вариант. Но советская практика показывает, что различные организации решают выдвигать единого кандидата и договариваются заранее[11]. Поэтому фактически выборы происходят до самих выборов.

Видимо, такие вопросы были не редкостью, и в крайне интересной книге «СССР. 100 вопросов и ответов», которая предназначалась для иностранных граждан, есть такой фрагмент: «Вопрос: Прошу пояснить, почему на выборах в Советы у вас выставляется только один кандидат? Ответ: Это не требование закона (он не ограничивает числа баллотирующихся кандидатов), а сложившаяся традиция»[12]. Таким образом, безальтернативность советских выборов в официальном дискурсе обосновывалась просто стечением исторических обстоятельств. Это показывает, что фактически до самого своего конца советская система не могла сформулировать адекватный ответ на этот вопрос, а в более ранний период в принципе не существовало официальной позиции.

В записке заведующего Секретариатом Центральной избирательной комиссии Петра Туманова в адрес Председателя Центральной комиссии Виктора Гришина отмечал, что в адрес ЦИК регулярно приходят письма о количестве кандидатов в бюллетенях. Основной причиной вопроса является формулировка «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого ВЫ голосуете, остальных вычеркните». Петр Туманов предлагает не давать ответа от Центральной избирательной комиссии, а поручать давать разъяснения партийным инстанциям на местах. Как и в случае с ответом немецкому журналисту, предлагалось указывать, что советские граждане заранее выбирают наиболее достойных граждан для включения в избирательный бюллетень и таким образом отпадает необходимость в другом кандидате[13]. Возникает вопрос, почему советское руководство до выборов народных депутатов в 1989 г. сохраняло эту формулировку? На основе архивных

[8] *Сталин И.В.* Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господином Роем Говардом 1 марта 1936 года // Правда. 1936. 5 марта.

[9] *Getty J.A.* Pre-election fever: The origins of the 1937 mass operations // Harris Anatomy. 2013. P. 216–235; *Goldman W.Z.* Terror and democracy in the age of Stalin: the social dynamics of repression. Cambridge University Press, 2007.

[10] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7522. Оп. 5. Д. 31. Л. 4.

[11] Там же. Л. 5.

[12] СССР. 100 вопросов и ответов. М., 1978. С. 17.

[13] ГАРФ. Ф. Р-7522 Оп. 5. Д. 36. Л. 83–84.

и опубликованных документов можно сделать предположение, что советская система стремилась сохранить противостояние между социалистической (подлинной) и буржуазной (фальшивой) демократией, которое возникает еще в трудах классиков марксизма-ленинизма. Идея подлиного народовластия являлась одним из краеугольных камней советской идеологии, а воля народа проявляется через выборы. Советское законодательство давало возможность уходить от обвинений в диктатуре партии. Особенно важно это становится в 1960-х гг., когда социализм и капитализм начинают соревноваться за страны, обретшие независимость, и советская демократия становится своеобразным экспортным товаром[14].

Но отсутствие четкой и ясной позиции, озвученной публично, не удовлетворяло население внутри СССР. Например, в 1962 г. в адрес Центральной избирательной комиссии поступило письмо от секретаря Исполкома Кировского Райсовета депутатов трудящихся Свердловска Р. Торощина: «Учитывая, что в бюллетенях по выборам во все звенья Советов всегда бывает указан один кандидат в депутаты, просим сообщить, как правильно давать объяснения, если будут задавать вопросы по поводу надписи в заголовке бюллетеня: “Оставьте в избирательном бюллетене фамилии одного кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните”. В прошлые выборы в Верховный Совет СССР по содержанию вышеуказанного текста в бюллетене задавалась масса вопросов, в основном со стороны агитаторов, и ответы они получали самые разноречивые»[15]. Другой пример можно найти в письме председателя Участковой избирательной комиссии, члена КПСС с 1944 г. А. Остроухова: «Избиратели прямо задают вопрос: выборы – это мы должны из нескольких кандидатов выбрать одного достойного, остальных вычеркнуть, но таких условий нет, выбирать не из кого. Внесен только один кандидат. Выборы они считают ненужной формалистикой, на которую приходится расходовать средства и тратить много времени и труда. Со своей стороны я считаю: в избирательном бюллетене надо вносить не менее двух кандидатов на одно место. Пусть каждый из них старается работать лучше другого, чтобы не быть забаллотированным. Это, по моему мнению, будут действительно самые демократичные выборы в мире. Особенно при выборах в местные Советы»[16].

М. Горячих, член КПСС с 1924 г., в 1966 г. пишет: «В Программе КПСС и в решениях XX–XXIII съездов КПСС ясно говорится о дальнейшем расширении и совершенствовании социалистической демократии, а ее-то необходимо строго соблюдать, чтобы у нас партийные, советские и все другие органы и организации были действительно демократические выборы, а не выборы без выбора. Не понимаю, для кого и для чего надо было писать на избирательных бюллетенях по выборам в ВС СССР того, что нет в действительности, а именно: “Оставьте в избирательном бюллетене фамилию одного кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните”. Факт, что в бюллетене только одна фамилия кандидата и некого вычеркивать. Кстати скажу, что пишу об этом извращении избирательного закона куда следует с 1954 г., а все так же, а почему? Доколе же эта фактическая компрометация всей нашей системы выборов будет продолжаться? Ведь это на пользу только врагам внешним и внутренним – бюрократии и антидемократизму, политическим слепцам и дуракам»[17]. В этих письмах виден когнитивный диссонанс советских граждан в силу расхождения текста в бюллетене и избирательной практики.

Важно сделать одно замечание: несмотря на то, что приведенные фрагменты из писем довольно яркие и позволяют увидеть интересные аспекты функционирования советской системы, это единичные примеры. В целом в адрес Центральной избирательной комиссии и других органов власти во время проведения выборов поступало не очень много писем. В среднем за избирательную кампанию поступало около 4000–5000 писем, причем большинство из них было посвящено жилищным и материально-бытовым вопросам. То есть из сотен миллионов избирателей в прямую коммуникацию с властью вступало достаточно

[14] *Фокин А.А.* «Автоматика нам не подходит»: выборы как элемент противостояния между социализмом и капитализмом в эпоху «холодной войны» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 146–153.
[15] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 6. Д. 28. Л. 5.
[16] Там же. Оп. 7. Д. 23. Л. 55.
[17] Там же. Л. 18.

много, но основным каналом были встречи с избирателями и наказы избирателей, в которых люди обычно просили решить локальные проблемы, вроде строительства дороги или социального объекта. Тех, кто готов был облечь свои мысли в письменный текст, было гораздо меньше, и единицы ставили общественно-политические вопросы в своих письмах. При этом эти люди не имеют каких-то особых характеристик, что сразу выделяло бы их на общем фоне. Можно сделать предположение, что хотя мысли в письмах встречаются нечасто, среди части населения они были распространены, так сказать, разлиты, но в каких-то случаях происходило сгущение смыслов, и то, что обсуждалось в курилках, на кухнях и в очередях, периодически фиксировалось на бумаге.

На мой взгляд, для советского общества в значительной степени было характерно явление, которое можно обозначить как текстоцентризм, т.е. когда тексты, особенно в рамках авторитетного дискурса, трактуются буквально. Тут можно вспомнить, что политическое диссидентство позднего СССР зачастую начиналось именно с требования к власти выполнять те законы, которые действовали в стране. В 1965 г. состоялся «Митинг гласности», одним из лозунгов которого было «Уважайте Советскую Конституцию». В одном из писем можно увидеть пример такого текстоцентризма, неизвестный автор пишет: «Все на выборы в Верховный Совет СССР – 16 июня 1974 года! Негоже выбирать, когда в бюллетене одна кандидатура, а там сказано – всех зачеркни, одного оставь. Кого зачеркивать? Таким образом, не выбор, а голосование за выдвиженцев, но ни в коем случае не выбор. Поэтому следовало узаконить такую практику, чтобы не выборы, а голосования. Это было бы по-ленински чистосердечно»[18]. Важно, что автор начинает свое письмо с использования фразы, которая повторяет официальные агитационные лозунги, тем самым автор вступает в резонанс с авторитетным дискурсом, далее он высказывает свою претензию к существующей практике, но его, в отличие от ряда других авторов писем, не смущает отсутствие других кандидатов в бюллетене, для него проблемой является семантическое несоответствие. То есть не надо менять избирательную систему, надо просто поменять термины, провести «исправление имен», и в таком случае все станет на свои места, придет в соответствие с ленинскими принципами, т.е. подлинным социализмом.

При этом важно отметить, что авторы приведенных писем не находятся в оппозиции к советской системе, как это было у политических диссидентов, а наоборот, в разных статусах включены в нее. То есть критика безальтернативности выборов не предполагает общих антисоветских взглядов. Наоборот, риторически они выстраивают свои обращения через заботу о сохранении и совершенствовании советского строя. В определенной степени это соотносится с идеей «говорить по-большевистски», которую применительно к сталинскому обществу выдвинул Стивен Коткин[19], но в данных примерах есть особенность, что использование официального политического языка не преследует прагматических целей. Если большинство граждан, которые обращались к официальному общественно-политическому языку, стремились с помощью его убедить различные институты власти в своей правоте и получить важные материальные или символические ресурсы, то в борьбе за формулировки обнаруживается более сложная структура. Люди критикуют советскую власть за то, что она недостаточно советская, по их мнению. Если представители высших институтов власти хоть и понимали существование разрыва между словами и практикой, но не стремились его исправлять, то ряд советских граждан не хотели терпеть эту ситуацию и видели в этом одну из проблем реального социализма. Мощным толчком к этому, с одной стороны, явилась критика «культа личности» и идея возвращения к ленинским нормам социализма, а с другой, стремление развития активности масс, о чем писалось выше.

В заключение следует отметить сложный характер выборов в СССР. Их анализ невозможно свести к универсальной формулировке и показать, что это был массовый обмен или проявление подлинного народовластия. Советские выборы существенным образом отличаются от электорального процесса в рамках западной демократии. Значительная часть

[18] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 9. Д. 24. Л. 86.
[19] *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a civilization. Univ. of California Press, 1997.

процесса протекала за пределами избирательного участка и для советских граждан была видна только верхушка «айсберга». При этом почти стопроцентные результаты кандидатов не должны вводить исследователей в заблуждение. Среди советских избирателей было много недовольных своим положением, и зачастую они использовали выборы для того, чтобы публично высказать то, о чем они обычно молчали. Значительная часть населения воспринимала выборы как «праздник», обращая внимание на пирожки, а не на кандидатов, за которых рутинно надо было опустить бюллетень в урну. Советские выборы диалектически стремились соединить демократические элементы с предсказуемостью и стабильностью. Можно выдвинуть предположение, что основную массу советских граждан такая модель устраивала, ибо позволяла не тратить внутренние ресурсы на политическую борьбу, а жить в понятном и предсказуемом обществе.

Анализ архивных материалов показывает, что письма во власть считались населением эффективным механизмом взаимодействия и возможностью решить свои проблемы. Население также активно участвовало в идеологической кампании, придерживаясь советской нормативности, хотя их моральные представления иногда были более строгими, чем официальный дискурс. Письма советских граждан во власть показывают наличие множественных позиций внутри советского общества. Нельзя говорить, что советское население мыслило универсальными категориями. Разномыслие было присуще позднесоветской ситуации. Когда исследователи выходят за рамки стандартной модели «советское/антисоветское», которая оставляет за пределами огромный пласт материала, то он может по-новому взглянуть на известные сюжеты. Советские граждане не были молчаливым большинством, они активно производили различные тексты, через которые можно услышать целый хор голосов из прошлого. Задача историка заключается не в том, чтобы уложить источники в прокрустово ложе схем, а в том, чтобы дать возможность людям из прошлого говорить с нами.

Литература

Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018. 310 с.

Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО-XXI, 2009. 208 с.

Фокин А.А. «Автоматика нам не подходит»: выборы как элемент противостояния между социализмом и капитализмом в эпоху «холодной войны» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 146–153.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 223 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Getty J. A. Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations // Harris Anatomy. 2013. P. 216–235.

Goldman W.Z. Terror and Democracy in the age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. Cambridge University Press, 2007. 274 p.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Univ of California Press, 1997. 640 p.

Patzelt W.J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011. P. 126–145.

Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // Slavonic and East European Review. Special Issue “Trust and Distrust in the USSR”. 2013. Vol. 91, No. 1. P. 78–118.

References

Boldovskiy, K.A. (2018). *Padenie “blokadnykh sekretarey”. Partapparat Leningrada do i posle “leningradskogo dela”* [The Fall of the “Blockade Secretaries”. Partapparat Leningrad before and after the “Leningrad Affair”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 310 p.

Fokin, A.A. (2022). “Avtomatika nam ne podkhodit”: vybory kak element protivostoyaniya mezhdu sotsializmom i kapitalizmom v epokhu “kholodnoy voyny” [“Automation doesn’t Suit Us”: Elections as an Element of the Confrontation between Socialism and Capitalism in the Cold War Era]. In *Istoricheskiy kur’er*. No. 6 (26), pp. 146–153.

Fokin, A.A. (2017). *“Kommunizm ne za gorami”: obrazy kommunisticheskogo budushchego u vlasti i naseleniya SSSR v 1950–1970-kh gg.* [“Communism is Not Far Off”: Images of the Communist Future among the Authorities and the Population of the USSR in the 1950s–1970s]. Moscow, ROSSPEN. 223 p.

Fiko, M. (1977). *Nadzirat’ i nakazyvat’: rozhdenie tyur’my* [Distsipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem. 365 p.

Getty, J.A. (2013). Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations. In *Harris Anatomy*, pp. 216–235.

Goldman, W.Z. (2007). *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression*. Cambridge University Press. 274 p.

Kotkin, S. (1997). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Univ. of California Press. 640 p.

Kulevig, E. (2009). *Narodnyy protest v khrushchevskuyu epokhu. Devyat’ rasskazov o nepovinovenii v SSSR* [People’s Protest in the Khrushchev Era. Nine Stories of Defiance in the USSR]. Moscow, AIRO-XXI. 208 p.

Patzelt, W.J. (2011). Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations. In *Voting for Hitler and Stalin: Elections under 20th Century Dictatorships*. Campus Verlag, pp. 126–145.

Tikhomirov, A. (2013). The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941. In *Slavonic and East European Review, Special Issue “Trust and Distrust in the USSR”*. Vol. 91, No. 1, pp. 78–118.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was Forever, Until it was no More: The Last Soviet Generation]. Princeton University Press. Moscow, NLO. 664 p.

Д.Н. Москаленская*

«ЛИШЕНЦЫ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-9
УДК 930+94(47).084

Выходные данные для цитирования:
Москаленская Д.Н. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 139–154. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-09.pdf

D.N. Moskalenskaya*

DISENFRANCHISED IN POST-SOVIET RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-9

How to cite:
Moskalenskaya D.N. Disenfranchised in Post-Soviet Russian Historiography // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 139–154. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-09.pdf]

Abstract. The article examines the development of the study of the topic of deprivation of voting rights in Soviet Russia in Russian historiography of the post-Soviet period. Since the beginning of the 1990s, when this topic began to be studied from new evaluative positions, a large number of diverse studies have appeared on the “disenfranchised”. Some of the authors study legislation in the field of electoral law and its implementation in practice. Others have focused their attention on the socio-cultural appearance of the “disenfranchised”, exploring their individual categories, and identifying the specifics of the situation of various groups. Representatives of the third direction shift the emphasis to the study of personal documents of persons deprived of voting rights, studying speech practices, drawing up a psychological portrait of the petitioners.

Keywords: “lichentsy”, disenfranchisement, Soviet Russia, discrimination, historiography.

The article has been received by the editor on 22.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается развитие изучения темы лишения избирательных прав в Советской России в отечественной историографии постсоветского периода. С начала 1990-х гг., когда данная тема стала изучаться с новых оценочных позиций, появилось большое количество разноплановых исследований, посвященных «лишенцам». Часть авторов изучают законодательство в области избирательного права и его реализацию на практике. Другие сконцентрировали свое внимание на социально-культурном облике «лишенцев», исследуют отдельные их категории, выявляют специфику положения различных групп. Представители третьего направления переносят акцент на изучение личных документов лиц, лишенных избирательных прав, изучая речевые практики, составляя психологический портрет ходатаев.

Ключевые слова: «лишенцы», лишение избирательных прав, Советская Россия, дискриминация, историография.

Статья поступила в редакцию 22.10.2023 г.

* **Дарья Николаевна Москаленская,** кандидат исторических наук, Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, Новосибирск, Россия, e-mail: darmosk@mail.ru
Dar’ya Nikolaevna Moskalenskaya, Candidate of Historical Sciences, Orthodox Gymnasium in the Name of St. Sergius of Radonezh, Novosibirsk, Russia, e-mail: darmosk@mail.ru

Лишение избирательных прав как часть дискриминационно-ограничительной политики советского государства вводилось уже Конституцией 1918 г. Важно отметить, что «лишенчество» носило не только политический, но и социальный характер, так как «лишенцы» ограничивались в ряде гражданских и социальных прав. Направленное в первую очередь против прежних привилегированных сословий и групп лишение избирательных прав формировало искусственным образом новую социальную структуру, превращая «лишенцев» в маргинализированную группу.

В советской историографии лишение избирательных прав хотя и рассматривалось, но не являлось приоритетной темой. Советские правоведы и историки развивали тезисы В.И. Ленина, обозначившего данную меру в качестве вынужденной, и проблемы, связанные с «лишенцами», рассматривали в русле «классового подхода». Темой отдельных специальных исследований проблема лишения избирательных прав становится только с начала 1990-х гг.

Работ, посвященных непосредственно историографии «лишенчества», крайне немного. М.С. Саламатова анализирует как советскую, так и постсоветскую литературу[1], Д.А. Разбегаева и Л.А. Серокурова останавливаются только на современных исследованиях[2]. При этом данные работы вышли более 15 лет назад, а с тех пор появилось много новых публикаций. Поэтому необходим анализ современной ситуации в изучении проблем, связанных с лишением избирательных прав в советский период. Для этого была создана электронная база данных, в которую внесена 281 публикация по теме лишения избирательных прав. Подобный подход позволяет наглядно представить, в каких регионах ведется активное изучение темы «лишенчества», какие категории «лишенцев» вызывают наибольший интерес у исследователей, проследить динамику публикаций по годам.

Первым из отечественных исследователей в постсоветском пространстве, обратившим внимание на проблему «лишенчества», стал А.И. Добкин. В его статье освещается широкий круг принципиальных вопросов о дискриминационном характере законодательства о «лишенцах», их демографическом и социальном составе, а также последствиях «лишенчества»[3]. На перспективы в изучении личных дел «лишенцев» и информационный потенциал документов личных дел обратил внимание В.А. Маныкин[4].

Со второй половины 1990-х гг. началось более детальное изучение отдельных групп «лишенцев», базировавшееся на материалах регионов, в первую очередь Урала и Сибири. Так, в сборнике работ уральских исследователей «лишенцам» посвящен отдельный раздел, в статьях которого рассматриваются различные категории: торговцы, «кулаки», бывшие государственные служащие, «служители религиозного культа»[5]. Данный подход позволил более детально проанализировать отдельные категории «лишенцев», выявить специфику

[1] *Саламатова М.С.* Лишение избирательных прав в Советской России 1928–1936 гг. (итоги изучения) // Маргиналы в советском обществе 1920-х – 1930-х годов: историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 3–37.

[2] *Растягаева Д.А.* Социальный портрет «лишенца» в новейшей отечественной историографии // Актуальные вопросы Сибири. Барнаул, 2000. С. 66–71; *Серокурова Л.А.* Институт «лишенчества» в новейшей историографии: подходы и тематика исследований // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти В.И. Злобина. М., 2009. С. 62–68.

[3] *Добкин А.И.* Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628.

[4] *Маныкин В.А.* Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: исследовательские перспективы и возможности // Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений науч. конф. (28–30 января 1993 г.). М., 1993. С. 136–137.

[5] *Байда Е.В.* Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 86–95; *Мазур Л.Н.* Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале… С. 105–119; *Русина Ю.А.* Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале… С. 119–129; *Фофанова Л.А.* Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики Советской власти // История репрессий на Урале… С. 130–135.

каждой из них. В этом же сборнике помещена статья А.П. Килина, в которой проводится анализ законодательства о лишении избирательных прав[6].

В работе С.А. Красильникова «лишенчество» рассматривается как часть системы ограничительно-дискриминационных мер большевистского режима в отношении широких слоев «непролетарского» населения в постреволюционную эпоху[7]. В контексте репрессивно-дискриминационной политики государства лишение избирательных прав рассматривается также в исследованиях Т.И. Славко[8] и В.М. Кириллова[9], базирующихся на материалах Урала.

В это же время московские историки развернули трудоемкую, но перспективную работу по изучению личных дел «лишенцев» с привлечением количественных методов. В.И. Тихонов и И.Ф. Юшин в своих статьях поднимали вопросы анализа документов личных дел «лишенцев»[10]. В дальнейшем выходит их монография «Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы»[11], в которой впервые применительно к «лишенцам» использовались новейшие методы источниковедческого анализа с применением информационных технологий. Авторы разработали компьютерную модель личного дела с использованием источникоориентированной системы KLEIO.

В начале 2000-х гг. проблематика «лишенчества» попала в поле зрения отечественных историков, изучавших характер и формы социально-политической и культурной адаптации различных групп социума в условиях глобальных трансформаций в России первой трети XX в. Проблемы политики «социальной инженерии» и ее воздействия на статус и судьбы тех, кто оказался после революции в маргинальном состоянии, поднимаются в работе Т.М. Смирновой[12]. Автором освещаются вопросы, связанные с положением «бывших», особенностями их самоидентификации и отношением окружающих к «социально чуждым» на уровне бытового общения.

Тенденции, появившиеся в изучении лиц, лишенных избирательных прав, получили дальнейшее развитие. Продолжилось изучение «лишенцев» на материалах региональных архивов. В целом в 2000-е гг. данная тема активно развивалась. Именно на этот период приходится пять (из шести) защит кандидатских диссертаций, посвященных лишению избирательных прав, написанных на материалах Западной Сибири, Западного региона РСФСР, Мордовии, Твери и Крыма[13].

В коллективной монографии «Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы)» М.С. Саламатова детально рассматривает советское законодательство в отношении «лишенцев», а также его применение на практике к «лишенцам» Западной

---

[6] *Килин А.П.* Категория граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (Анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале… С. 95–103.

[7] *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998.

[8] *Славко Т.И.* Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936 гг. М., 1995.

[9] *Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг.

[10] См. напр.: *Юшин И.Ф.* Кодирование занятий и принципы интегральной классификации общества // Круг идей: Развитие исторической информатики. М., 1995. С. 257–293; *Тихонов В.И.* Проблемы категоризации при контент-анализе // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 276–289.

[11] *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998.

[12] *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М., 2003.

[13] *Саламатова М.С.* Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на материалах Западного региона РСФСР): автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2003; *Морозова Н.М.* Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2005; *Карпычева Е.В.* Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009; *Серокурова Л.А.* «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

Сибири[14]. Ею анализируется численность, состав и структура сельских и городских «лишенцев» на материалах г. Новосибирска и нескольких районов Новосибирской области. В другой коллективной монографии автор более подробно останавливается только на сельских «лишенцах» Западной Сибири[15].

В дальнейшем тема «лишенчества» не потеряла своей актуальности. Напротив, на 2010-е приходятся 42 % от всех публикаций. Из числа монографий этого периода следует отметить работу Д.В. Валуева, основанную на материалах Смоленской губернии и Западной области[16]. Автор анализирует вопросы взаимоотношений «лишенцев» и общества, а также методы, к которым они прибегали для восстановления в избирательных правах. Это, пожалуй, единственная отечественная монография, целиком посвященная «лишенцам».

В контексте становления советской избирательной системы к теме лишения избирательных прав обращается М.С. Саламатова в монографии «Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.)»[17]. Следует отметить, что темой «лишенчества» занимаются не только историки, но и правоведы. В своих исследованиях они рассматривают «лишенчество» как отдельный этап в развитии системы советского избирательного законодательства[18].

Активно стало развиваться направление, связанное с изучением «лишенцев» на уровне микроистории. На основе документов личного дела «лишенца» исследователи реконструируют биографии ходатаев[19]. С одной стороны, биография каждого «лишенца» уникальна, с другой стороны – может служить типичным примером жизни человека в раннесоветскую эпоху. Изучение эпохи сквозь призму микроистории может стать ключом к пониманию макропроцессов.

Одним из новейших исследований, в которых большое внимание уделяется теме «лишенчества», стала работа уральских историков[20]. А.П. Килин отмечает роль лишения избирательных прав в конструировании раннесоветского общества. Его итогом видит «стремление дистанцироваться от собственного прошлого, декларировать новую идентичность»[21].

В итоге, анализируя составленную базу данных публикаций по теме «лишенчества», получили следующие результаты: наибольший исследовательский интерес к данной проблематике, если судить по количеству опубликованных работ, наблюдается в 2009 и 2018 гг. (см. диаграмму).

В региональном аспекте следует отметить, что особенно активно тема «лишенчества» разрабатывается в Сибири и на Урале. Традиции, заложенные в 1990-е гг. исследователями данных регионов, развиваются новым поколением историков. Действительно, почти треть работ (30 %), базирующихся на материалах личных дел, посвященных «лишенцам»,

---

[14] *Саламатова М.С.* «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007.

[15] *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008.

[16] *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012.

[17] *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск, 2016.

[18] См., напр.: *Туманов Д.Ю.* «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4 (47). С. 86–88. *Белоновский В.Н., Кальгина А.А.* Правовое положение лишенцев и степень их угрозы Советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3. С. 15–19.

[19] *Петин Д.И.* Личное дело лица, лишенного избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26; *Килин А.П.* Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишенки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3 (49). С. 83–98.

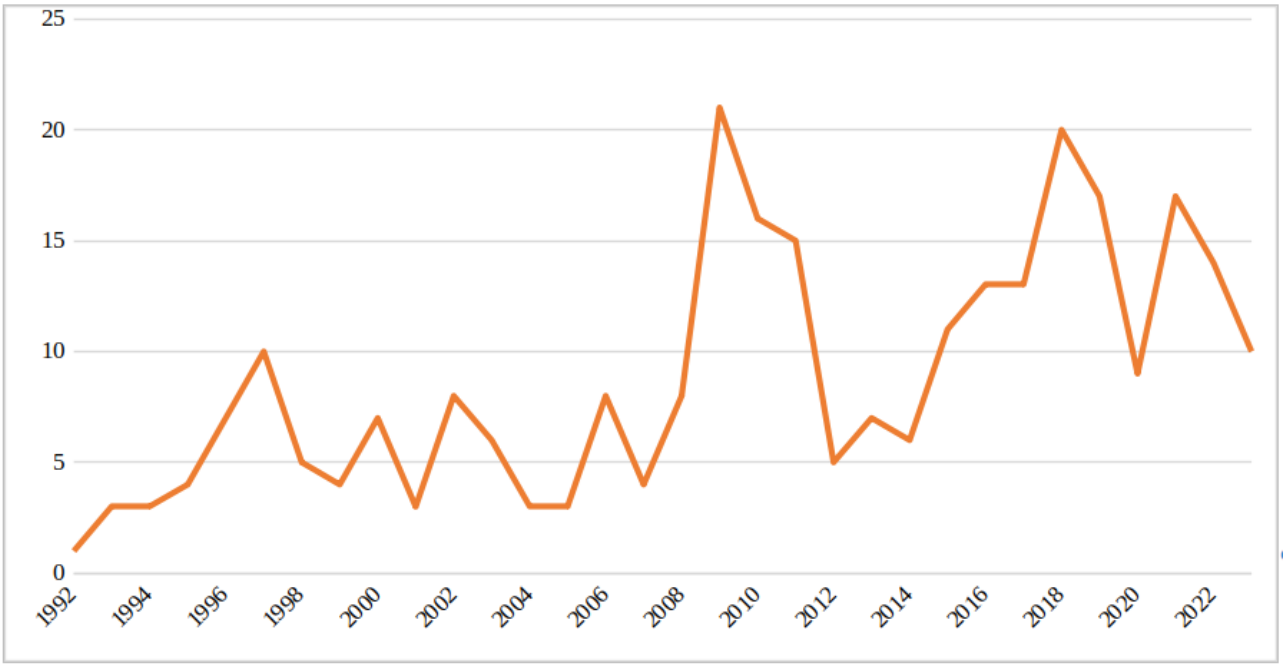
[20] *Килин А.П.* Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг. Екатеринбург, 2022. Ч. I. Научные исследования.

[21] Там же. С. 99.

написана на материалах Западной Сибири, на материалах Урала – 12 %. Активно развивается данная проблематика также в Мордовии (8 %), Крыму (8 %), Твери (7 %). Интересно, что московские исследователи после монографии В.И. Тихонова, В.С. Тяжельниковой, И.Ф. Юшина и публикации Т.М. Смирновой[22] долгое время не занимались темой «лишенчества». Лишь в последние годы стали появляться работы, базирующие на московских материалах[23]. То же касается и ленинградских «лишенцев», после первопроходца А.И. Добкина только в последние годы появилась публикация, посвященная лишению избирательных прав в Ленинграде[24].

Диаграмма

Динамика публикационной активности по теме лишения избирательных прав



По составу публикаций: 4 % – монографии; 61 % – статьи; 33 % – публикации по материалам конференций; 2 % – диссертации.

В последние годы география изучения «лишенцев» расширяется. Появляются работы, освещающие политику лишения избирательных прав на национальных окраинах. Так, например, в 2023 г. вышла книга З.П. Бердиева[25], в которой лишение избирательных прав рассматривается в контексте репрессивной политики в Карачае и Черкесии.

Особый интерес представляют работы, посвященные отдельным категориям «лишенцев». Проанализировав темы публикаций, помещенных в базу данных, следует сделать вывод, что наибольшей популярностью у исследователей пользуются категории «служителей религиозного культа» (36 публикаций) и крестьян (25 публикаций). Так, священнослужителей в качестве «лишенцев» изучали на материалах Западной Сибири[26],

[22] *Смирнова Т.М.* Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ: Забелинские научные чтения. Вып. 143. М., 2004. С. 205–209.

[23] *Прохоров М.Ф.* «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15, № 4. С. 92–115.

[24] *Рупасов А.И.* Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 282–295.

[25] *Бердиев З.П.* Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х – 30-е годы XX в. Черкесск, 2023.

[26] *Москаленская Д.Н.* Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 82–86.

Урала[27], Крыма[28], Мордовии[29] и др. Некоторые авторы, например Ю.А. Русина и Н.М. Морозова, изучали данную категорию, включая в нее представителей всех религий. Большинство же авторов фокусировались на священнослужителях отдельных конфессий: православных, старообрядцев, мусульман. Помимо численности и состава священнослужителей-«лишенцев», исследователи останавливаются на поведенческом факторе, анализируют заявления «лишенцев», выделяют аргументы и мотивы в борьбе за восстановление в избирательных правах. Лишение избирательных прав служителей культа часто рассматривается в контексте антирелигиозной политики. Этим, в том числе, объясняется большое число публикаций, в которых фигурируют священнослужители-«лишенцы».

Крестьянам как самой массовой категории «лишенцев» также уделялось много внимания. Лишение избирательных прав крестьян рассматривалось на материалах Сибири, Урала, Мордовии, Юга России, Курска, Костромы и др.[30] Исследователи анализируют мотивы лишения избирательных прав. Л.Н. Мазур, например, выделяет две крупные категории: лишенные избирательных прав в связи с раскулачиванием и лишенные избирательных прав в связи с невыполнением твердого задания[31]. Исследователи видят в лишении избирательных прав крестьян один из методов политики «раскулачивания», меру, с помощью которой власти пытались воздействовать на неугодных крестьян. Отмечается большой потенциал заявлений лишенцев для реконструкции крестьянской психологии[32].

Категория торговцев также привлекает внимание исследователей. На материалах Тверского региона ими занималась уже упоминаемая Е.В. Карпычева[33]. Социальный облик данной группы реконструировался также на материалах Урала[34]. А.П. Килин на материалах личных дел «лишенцев» Свердловска анализировал национальный состав лиц, лишенных

[27] *Мавлютова З.Ш.* Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57; *Русина Ю.А.* «Нет права голоса – нет доверия»: почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1. С. 192–200; *Хакимов Р.Ш.* Лишение избирательного права мусульманских священнослужителей в 20–30 годы XX века (на примере Урала) // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 11-1. С. 90–93; *Королева Е.Д.* «Лишена права голоса за пребывание в монастыре»: бывшие насельницы Казанского монастыря – «лишенцы» г. Троицка и Троицкого района. 1920–1930-е гг. // Архив в социуме – социум в архиве: мат-лы второй регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 199–203.

[28] *Давыдова Н.А.* Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. ст. сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 238–246.

[29] *Морозова Н.М.* О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199–205; *Ергина Н.М.* Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918–1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 61–67.

[30] *Куренкова Ю.О.* Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 88–95; *Климук Я.А.* Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1. С. 131–135; *Петрищева Н.С.* «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?»: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4–1 (43). С. 59–65; *Ергина Н.М.* Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. 2016. № 2 (33). С. 56–64; *Панкратова О.Б., Писанов С.С.* Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55.

[31] *Мазур Л.Н.* Лишение избирательных прав крестьян… С. 109.

[32] *Ергина Н.М.* Трагедия Мордовской деревни… С. 58.

[33] *Карпычева Е.В.* Лишение избирательных прав…

[34] *Байда Е.В.* Социальный портрет лишенного избирательных прав… С. 86–95.

избирательных прав за занятие торговлей[35]. К вопросу тактик поведения торговцев, лишенных избирательных прав в Западной Сибири, обращалась А.А. Кожаева[36].

Несколько исследований посвящено белым офицерам. Так, М.С. Саламатова делает вывод, что 1920-е гг. были неоднозначным временем в судьбах бывших белых офицеров. Но так как местным властям был свойственен прагматизм и терять квалифицированные кадры они не желали, то многим удавалось сделать успешную карьеру[37]. Д.И. Петин на материалах Омска также рассматривал вопросы социальной адаптации бывших белых офицеров к новым условиям[38].

В единичных работах рассматривается лишение избирательных прав бывших купцов и казаков[39]. Несколько исследований посвящено лишению избирательных прав представителей отдельных национальностей. Так, в поле зрения исследователей попали крымские татары[40], караимы[41] и немцы[42].

Отдельно стали изучаться различные аспекты, связанные с последствиями лишения избирательных прав, такие как запрет на службу в Красной армии и ограничения в образовательной сфере[43]. Отдельные виды тактик борьбы за восстановление в избирательных правах также становятся предметом исследований[44].

В изучении проблематики «лишенцев» исследователи активно привлекают междисциплинарные подходы. Появляются исследования, в которых авторы пытаются взглянуть на проблему с позиций исторической антропологии и социальной психологии. Так, Е.А. Юнина на материалах Тобольска анализирует тактики реабилитационной деятельности, эмоциональные реакции, формы рефлексии, проявляющиеся в результате приобретения статуса «лишенца», выделяя три типа социально-психологического совладания[45].

Отдельное внимание необходимо обратить на исследования эго-документов «лишенцев». Так, А.И. Савин, анализируя письма во власть в контексте политической адаптации, обращает внимание на попытки «лишенцев» продемонстрировать советскую идентич-

---

[35] *Килин А.П.* Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. …

[36] *Кожаева А.А.* Тактики торговцев г. Новосибирска в борьбе за восстановление в избирательных правах (1926–1936 гг.) // Серовские чтения 2022: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019). Новосибирск, 2023. С. 240–249.

[37] *Саламатова М.С.* «Лучше бы расстреляли меня сразу…»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № 17. С. 214–228.

[38] *Петин Д.И.* К вопросу о социальной адаптации бывших офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023: мат-лы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023. С. 105–110.

[39] *Панкова-Козочкина Т.В.* Классовая корректировка избирательных прав казаков и крестьян юга России в 1920-х годах // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: сб. науч. ст. Новочеркасск, 2019. С. 48–53.

[40] *Фесенко А.А.* Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в г. Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. ст. сотрудников государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 257–262.

[41] *Терещук Н.М.* Лишение избирательных прав севастопольских караимов в 20-е годы XX в. (по материалам государственного архива города Севастополя) // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. № 12. С. 55–59.

[42] *Гербер О.А.* Лишение избирательных прав в Немецком районе Западной Сибири. 1927–1936 гг. // Актуальные вопросы современных общественных наук: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. С. 12–17.

[43] *Валуев Д.В.* «Социально чуждые» и Красная Армия (на материалах Смоленской губернии и Западной области) // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 1. С. 186–195; *Атаев Т.И.* Дискриминационные ограничения лишенцев в военной и образовательной сферах в 1920–1930-е гг. (на материалах Карачаевской автономной области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 33–36.

[44] *Кожаева А.А.* Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 27–37.

[45] *Юнина Е.А.* Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920–1930-х гг. В отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 64–75.

ность[46]. А.А. Кожаева в своей статье обращается к анализу языка, применявшегося лицами, лишенными избирательных прав[47]. На основе материалов ходатайств «лишенцев» Новосибирска, а также Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири о восстановлении в правах, автор реконструирует языковые практики, с помощью которых «лишенцы» стремились идентифицировать себя как лояльных граждан советского общества.

Проанализировав развитие историографии с начала 1990-х гг., можно с уверенностью констатировать, что тема лишения избирательных прав в Советской России не теряет своей актуальности. Напротив, явно наблюдается тенденция к расширению проблематики, углублению тем исследований, открываются новые грани в изучении данной темы. Условно можно выделить три направления исследований. Первое – работы, посвященные анализу избирательного законодательства и его реализации на местах. Второе – изучение социально-культурного облика лиц, лишенных избирательных прав, создание социального портрета «лишенца», выявление особенностей положений различных категорий данной группы. Третье – направлено на изучение психологии поведения, стратегий и тактик выживания. Активно привлекая междисциплинарные методы, исследователи изучают речевые практики «лишенцев».

Интересно, что в 1990–2000-е гг. довольно часто в названиях публикаций использовалось словосочетание «социальный портрет», а в 2010–2020-е оно практически не используется. Зато популярным становится слово «адаптация», используемое в разных словосочетаниях: «социальная адаптация», «политическая адаптация», «механизмы адаптации».

В целом можно сделать вывод, что если в начале изучения темы «лишенчества» большее внимание уделялось социально-культурным характеристикам, активно применялись количественные методы для создания образа усредненного «лишенца», то в дальнейшем акцент смещается на изучение адаптационных механизмов, самоидентификации «лишенцев» с советским социумом.

Литература

Атаев Т.И. Дискриминационные ограничения лишенцев в военной и образовательной сферах в 1920–1930-е гг. (на материалах Карачаевской автономной области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 33–36.

Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 86–95.

Белоновский В.Н., Кальгина А.А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы Советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3. С. 15–19.

Бердиев З.П. Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х – 30-е годы XX в. Черкесск: КЧИГИ, 2023. 528 с.

Валуев Д.В. «Социально чуждые» и Красная Армия (на материалах Смоленской губернии и Западной области) // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 1. С. 186–195.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на материалах Западного региона РСФСР): автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2003. 22 с.

Гербер О.А. Лишение избирательных прав в Немецком районе Западной Сибири. 1927–1936 гг. // Актуальные вопросы современных общественных наук: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. С. 12–17.

[46] *Савин А.И.* Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.

[47] *Кожаева А.А.* Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38.

Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. ст. сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 238–246.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Ергина Н.М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918–1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5–1. С. 61–67.

Ергина Н.М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. 2016. № 2 (33). С. 56–64.

Карпычева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009.

Килин А.П. Категория граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (Анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 95–103.

Килин А.П. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг.: Ч. I. Научные исследования / В.М. Кириллов и др. Екатеринбург: Издательские решения, 2022. 752 с.

Килин А.П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишенки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3 (49). С. 83–98.

Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг. 231 с.

Климук Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1. С. 131–135.

Кожаева А.А. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 27–37.

Кожаева А.А. Тактики торговцев г. Новосибирска в борьбе за восстановление в избирательных правах (1926–1936 гг.) // Серовские чтения 2022: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019) / отв. ред. М.С. Саламатова, Ю.И. Узбекова. Новосибирск, 2023. С. 240–249.

Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38.

Королева Е.Д. «Лишена права голоса за пребывание в монастыре»: бывшие насельницы Казанского монастыря – «лишенцы» г. Троицка и Троицкого района. 1920–1930-е гг. // Архив в социуме – социум в архиве: материалы второй региональной науч.-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 199–203.

Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 387 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов. Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 3 (7). Сыктывкар, 2011. С. 81–85.

Куренкова Ю.О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 88–95.

Мавлютова З.Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 105–119.

Маныкин В.А. Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: исследовательские перспективы и возможности // Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений науч. конф. (28–30 января 1993 г.). М., 1993. С. 136–137.

Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2005.

Морозова Н.М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199–205.

Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 82–86.

Панкова-Козочкина Т.В. Классовая корректировка избирательных прав казаков и крестьян юга России в 1920-х годах // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: сб. науч. ст. / под ред. А.Н. Грищенко. Новочеркасск, 2019. С. 48–53.

Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55.

Петин Д. И. К вопросу о социальной адаптации бывших офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.А. Кудринская. Омск, 2023. С. 105–110.

Петин Д.И. Личное дело лица, лишенного избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.

Петрищева Н.С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?»: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4–1 (43). С. 59–65.

Прохоров М.Ф. «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15, № 4. С. 92–115.

Растягаева Д.А. Социальный портрет «лишенца» в новейшей отечественной историографии // Актуальные вопросы Сибири. Барнаул, 2000. С. 66–71.

Рупасов А.И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 282–295.

Русина Ю.А. «Нет права голоса – нет доверия»: почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7: в. 2 ч. Ч. 1. С. 192–200.

Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 119–129.

Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.

Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Изд. 2-е. Новосибирск: Сова, 2007. С. 19–99.

Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу…»: судьбы офицеров белых армий в Сибирской крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № 17. С. 214–228.

Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.

Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Советской России 1928–1936 гг. (итоги изучения) // Маргиналы в советском обществе 1920-х – 1930-х годов: историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 3–37.

Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 24 с.

Серокурова Л.А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921–1936 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 24 с.

Серокурова Л.А. Институт «лишенчества» в новейшей историографии: подходы и тематика исследований // Традиции исторической мысли: материалы научного семинара памяти В.И. Злобина / отв. ред. Г.Р. Наумова. М., 2009. С. 62–68.

Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936 гг. М.: Мосгорархив, 1995. 174 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Смирнова Т.М. Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ: Забелинские научные чтения. Вып. 143. М., 2004. С. 205–209.

Терещук Н.М. Лишение избирательных прав севастопольских караимов в 20-е годы XX в. (по материалам государственного архива города Севастополя) // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. № 12. С. 55–59.

Тихонов В.И. Проблемы категоризации при контент-анализе // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 276–289.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Мосгосархив, 1998. 256 с.

Туманов Д.Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан // Евразийский юридический журнал. № 4 (47). С. 86–88.

Фесенко А.А. Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в г. Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. ст. сотрудников государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 257–262.

Фофанова Л.А. Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики репрессивной политики Советской власти // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 130–135.

Хакимов Р.Ш. Лишение избирательного права мусульманских священнослужителей в 20–30 годы XX века (на примере Урала) // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 11-1. С. 90–93.

Юнина Е.А. Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920–1930-х гг. В отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 64–75.

Юшин И.Ф. Кодирование занятий и принципы интегральной классификации общества // Круг идей: Развитие исторической информатики. М., 1995. С. 257–293.

References

Ataev, T.I. (2016). Diskriminatsionnye ogranicheniya lishentsev v voennoy i obrazovatel'noy sferakh v 1920–1930-e gg. (na materialakh Karachaevskoy avtonomnoy oblasti) [Discriminatory Restrictions on the Deprived in the Military and Educational Spheres in the 1920s and 1930s (Based on the Materials of the Karachay Autonomous Region)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki*. No. 2 (64), pp. 33–36.

Bayda, E.V. (1997). Sotsial'nyy portret lishennogo izbiratel'nykh prav za zanyatie torgovley [Social Portrait of a Disenfranchised Person for Engaging in Trade]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.).* Nizh. Tagil, Nizhnetagil. gos. ped. in-t, pp. 86–95.

Belonovskiy, V.N., Kal'gina, A.A. (2014). Pravovoe polozhenie lishentsev i stepen' ih ugrozy Sovetskoy vlasti [The Legal Status of Disenfranchised People and the Degree of Their Threat to Soviet Power]. In *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry.* No. 3, pp. 15–19.

Berdiev, Z.P. (2023). *Repressivnaya politika partiyno-gosudarstvennoy vlasti SSSR v Karachae i Cherkesii. Konets 20-x – 30-e gody XX v*. [The Repressive Policy of the Party and State Authorities of the USSR in Karachay and Cherkessia. The End of the 20s–30s of the XX Century]. Cherkessk. 528 p.

Davydova, N.A. (2006). Otnoshenie organov Sovetskoy vlasti k sluzhitelyam religioznykh kul'tov v Sevastopole v 1920–1930 gody [The Attitude of the Soviet Authorities Towards the Ministers of Religious Cults in Sevastopol in 1920–1930]. In *Sevastopol': vzglyad v proshloe: sb. nauch. statey sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolya.* Sevastopol, pp. 238–246.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Ergina, N.M. (2011). Sotsial'nyy portret lits, lishennyh izbiratel'nyh prav za svyaz' s religioznym kul'tom v 1918–1936 gg. na territorii Mordovii (po materialam lichnykh del) [Social Portrait of Persons Deprived of Voting Rights for Association with a Religious Cult in 1918–1936. On the Territory of Mordovia (Based on Personal Files)]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. No. 5–1, pp. 61–67.

Ergina, N.M. (2016). Tragediya Mordovskoy derevni v otrazhenii sudeb krest'yan, raskulachennykh i lishennykh izbiratel'nykh prav v period likvidatsii kulachestva kak klassa [The Tragedy of the Mordovian Village from Western Peasants, Dispossessed and Deprived of Voting Rights during the Period of Liquidation of the Ulaks as a Class]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 2 (33), pp. 56–64.

Fesenko, A.A. (2006). Lishenie izbiratel'nykh prav krymskikh tatar v 20–30-e gg. XX stoletiya v g. Sevastopole [Deprivation of Voting Rights of the Crimean Tatars in the 20–30s. XX Century in Sevastopol]. In *Sevastopol: vzglyad v proshloe. Sbornik nauchnykh statey sotrudnikov gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolya*. Sevastopol, pp. 257–262.

Fofanova, L.A. (1997). Byvshie gosudarstvennye sluzhashchie Urala kak zhertvy repressivnoy politiki Sovetskoy vlasti [Former Civil Servants of the Urals as Victims of the Repressive Policies of Soviet Power]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.).* Nizh. Tagil, pp. 130–135.

Gerber, O.A. (2016). Lishenie izbiratel'nykh prav v Nemetskom rayone Zapadnoy Sibiri. 1927–1936 gg. [Disenfranchisement in the German Region of Western Siberia. 1927–1936]. In *Aktual'nye voprosy sovremennykh obshchestvennykh nauk. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp. 12–17.

Hakimov, R.Sh. (2013). Lishenie izbiratel'nogo prava musul'manskikh svyashchennosluzhiteley v 20–30 gody XX veka (na primere Urala) [Deprivation of Voting Rights of Muslim Clergy in the 20–30s of the Twentieth Century (Using the Example of the Urals)]. In *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya.* No. 11–1, pp. 90–93.

Karpycheva, E.V. (2009). Lishenie izbiratel'nykh prav za zanyatie chastnoy torgovley po Tverskomu regionu: istochnikovedcheskoe issledovanie (1918–1936 gg.) [Deprivation of Voting Rights for Engaging in Private Trade in the Tver Region: Source Study (1918–1936)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 22 p.

Kilin, A.P. (1997). Kategoriya grazhdan, lishennykh izbiratel'nykh prav v 1920-e gody (Analiz instruktsiy o vyborah v sovety) [Category of Citizens Deprived of Voting Rights in the 1920s (Analysis of Instructions on Elections to Councils)]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)*. Nizh. Tagil, pp. 95–103.

Kilin, A.P. (2021). Sel'skaya uchitel'nitsa Serafima Kilina: rekonstruktsiya biografii "lishenki" 1930-kh gg. [Rural Teacher Serafima Kilina: Reconstruction of the Biography of a "Deprived Woman" of the 1930s]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (49), pp. 83–98.

Kilin, A.P. (2022). Lishenie izbiratel'nykh prav grazhdan v 1920–1930-e gg. kak instrument negativnoy sotsial'noy selektsii [Deprivation of Citizens' Voting Rights in the 1920s and 1930s as a Tool of Negative Social Selection]. In *Kniga pamyati: Yekaterinburg repressirovannyy 1917 — ser. 1980-h gg.: Part I. Nauchnye issledovaniya*. 752 p.

Kirillov, V.M. (1996). *Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala. 1920-e – nachalo 50-kh gg*. [History of Repressions in the Nizhny Tagil Region of the Urals. 1920s – Early 50s]. Nizhniy Tagil. Part. 1: Repressii 1920–1930-h gg. 231 p.

Klimuk, Ya.A. (2007). Lishenie krest'yan izbiratel'nykh prav kak metod politiki "raskulachivaniya" (na materialakh CHAF AK) [Deprivation of Peasants' Voting Rights as a Method of the Policy of "Dekulakization" (Based on Materials from the TsHAF AK)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–1, pp. 131–135.

Koroleva, E.D. (2019). "Lishena prava golosa za prebyvanie v monastyre": byvshie nasel'nitsy Kazanskogo monastyrya – "lishentsy" g. Troitska i Troitskogo rayona. 1920–1930-e gg. [Deprived of the Right to Vote for Staying in the Monastery": Former Nuns of the Kazan Monastery are "Disenfranchised" from the City of Troitsk and the Troitsky District. 1920–1930s]. In *Arhiv v sotsiume – sotsium v arhive*. Materialy vtoroy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, pp. 199–203.

Kozhaeva, A.A. (2021). Othod v goroda kak taktika bor'by lishentsev za vosstanovlenie v izbiratel'nyh pravah v 1928–1936 godakh (na materialah Maslyaninskogo i Iskitimskogo rayonov Zapadnoy Sibiri) [Retreat to the Cities as a Tactic in the Struggle of Disenfranchised People for Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on Materials from the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (18), pp. 27–37.

Kozhaeva, A.A. (2022). Rechevye praktiki podrazhaniya ofitsial'nomu sovetskomu diskursu v pis'mah "lishentsev" vo vlast' (1918–1936 gody) (na materialah Zapadnoy Sibiri) [Speech Practices of Imitation of Official Soviet Discourse in Letters of "Disenfranchised" to Power (1918–1936) (Based on Materials from Western Siberia)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 6 (26), pp. 29–38.

Kozhaeva, A.A. (2023). Taktiki torgovtsev g. Novosibirska v bor'be za vosstanovlenie v izbiratel'nyh pravakh (1926–1936 gg.) [Tactics of Novosibirsk Traders in the Struggle for Restoration of Voting Rights (1926–1936)]. In *Serovskie chteniya 2022*. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati vydayushchegosya uchenogo Dmitriya Olegovicha Serova (1963–2019). Novosibirsk, pp. 240–249.

Krasil'nikov, S.A. (1998). *Na izlomah sotsial'noy struktury. Marginaly v poslerevolyutsionnom rossiyskom obshchestve, 1917 – konets 1930-h godov* [On the Breaks in the Social Structure. Marginalized People in Post-Revolutionary Russian Society, 1917 – Late 1930s]. Novosibirsk. 91 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Krinko, E.F. (2011). Repressii "po zakonu": lishenie izbiratel'nyh prav sovetskikh grazhdan [Repression "By Law": Deprivation of Voting Rights of Soviet Citizens]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. Iss. 3 (7). Syktyvkar, pp. 81–85.

Kurenkova, Yu.O. (2004). Lishenie izbiratel'nyh prav kak metod davleniya na krest'yan [Deprivation of Voting Rights as a Method of Pressure on Peasants]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 88–95.

Manykin, V.A. (1993). Lichnye dela lits, lishennykh izbiratel'nykh prav: issledovatel'skie perspektivy i vozmozhnosti [Personal Files of Persons Deprived of Voting Rights: Research Prospects and Opportunities]. In *Istochnikovedenie XX stoletiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii.* Moscow, pp. 136–137.

Mavlyutova, Z.Sh. (2009). Lishenie izbiratel'nykh prav pravoslavnogo dukhovenstva (na materialakh Tyumenskogo i Tobol'skogo okrugov Ural'skoy oblasti 1920-h godov) [Deprivation of Voting Rights of the Orthodox Clergy (Based on Materials from the Tyumen and Tobolsk Districts of the Ural Region in the 1920s)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. Issue 33, No. 23 (161). pp. 52–57.

Mazur, L.N. (1997). Lishenie izbiratel'nykh prav krest'yan v 20-e – pervoy polovine 30-kh godov (po materialam lichnyh del) [Deprivation of Voting Rights of Peasants in the 20s – the First Half of the 30s (Based on Personal Files)]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)*. Nizh. Tagil, pp. 105–119.

Morozova, N.M. (2005). Lishenie izbiratel'nykh prav na territorii Mordovii v 1918–1936 gg. [Deprivation of Voting Rights on the Territory of Mordovia in 1918–1936], Cand. hist. sci. diss. abstract. Saransk. 19 p.

Morozova, N.M. (2009). O litsah, lishennyh izbiratel'nyh prav po religioznym motivam na territorii Mordovii: materialy lichnyh del 1918–1936 gg. [About Persons Deprived of Voting Rights for Religious Reasons on the Territory of Mordovia: Materials of Personal Files of 1918–1936]. In *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy*. No. 1, pp. 199–205.

Moskalenskaya, D.N. (2016). Lishenie i vosstanovlenie v izbiratel'nyh pravah pravoslavnyh tserkovnosluzhiteley Zapadnoy Sibiri v seredine 1920-h – seredine 1930-h gg. [Deprivation and Restoration of Voting Rights of Orthodox Clergy in Western Siberia in the Mid-1920s – Mid-1930s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 403, pp. 82–86.

Pankova-Kozochkina, T.V. (2019). Klassovaya korrektirovka izbiratel'nyh prav kazakov i krest'yan yuga Rossii v 1920-h godah [Class Adjustment of the Voting Rights of Cossacks and Peasants in the South of Russia in the 1920s]. In *Aktual'nye problemy sotsial'noy istorii i sotsial'noy raboty*. Novocherkassk, pp. 48–53.

Pankratova, O.B., Pisanov, S.S. (2018). Politika lisheniya krest'yanstva izbiratel'nyh prav v 20-e – 30-e gody XX veka i ee posledstviya [The Policy of Depriving the Peasantry of Voting Rights in the 20s – 30s of the XX Century and Its Consequences]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* Vol. 24, No. 3, pp. 52–55.

Petin, D.I. (2017). Lichnoe delo litsa, lishennogo izbiratel'nyh prav, kak informatsionnyy kompleks v prakticheskoy genealogii (na primere sud'by kadrovogo ofitsera russkoy imperatorskoy armii M.K. Gombinskogo) [Personal File of a Person Deprived of Voting Rights as an Information Complex in Practical Genealogy (Using the Example of the Fate of a Career Officer of the Russian Imperial Army M.K. Gombinsky]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 3, pp. 22–26.

Petin, D.I. (2023). K voprosu o sotsial'noy adaptatsii byvshikh ofitserov i chinovnikov belykh armiy v Omske v 1920-e gg. [On the Issue of Social Adaptation of Former Officers and Officials of the White Armies in Omsk in the 1920s]. In *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya – 2023.* Materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk, pp. 105–110.

Petrishcheva, N.S. (2012). "Kulakov razryadov mnogo, a vzapravdu, kto kulak?": k voprosu o formirovanii izbiratel'nogo zakonodatel'stva v period "ozhivleniya Sovetov" (na materialakh Kurskoy gubernii ["There are Many Kulaks of Ranks, but Really, Who is the Fist?": On the Question of the Formation of Electoral Legislation During the "Revival of the Sovietsl" (On the Materials of the Kursk Province)]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 4-1 (43), pp. 59–65.

Prohorov, M.F. (2023). “Lishentsy” zapadnogo predmest’ya Moskvy kontsa 20-h – pervoy poloviny 30-kh godov XX veka [“Lishentsy” from the Western Suburbs of Moscow in the Late 20s – First Half of the 30s of the 20th Century]. In *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatel’naya mysl’*. Vol. 15, No. 4, pp. 92–115.

Rastyagaeva, D.A. (2000). Sotsial’nyy portret “lishentsa” v noveyshey otechestvennoy istoriografii [Social Portrait of a “Disenfranchised” in the Latest National Historiography]. In *Aktual’nye voprosy Sibiri*. Barnaul, pp. 66–71.

Rupasov, A.I. (2019). Lishennye izbiratel’nyh prav v Leningrade v 1920-e gg. [Deprived of Voting Rights in Leningrad in the 1920s]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2 (22), pp. 282–295.

Rusina, Yu.A. (1997). Kharakteristika lishennykh izbiratel’nykh prav za svyaz’ s religioznym kul’tom na Urale v 1920–1930-e gody [Characteristics of Those Deprived of Voting Rights for Association with a Religious Cult in the Urals in the 1920–1930s]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.).* Nizhniy Tagil, pp. 119–129.

Rusina, Yu.A. (2009). “Net prava golosa – net doveriya”: pochemu lishentsy hodataystvovali o vosstanovlenii v izbiratel’nyh pravakh [“No Right to Vote – No Trust”: Why Those Dispossessed Petitioned for Restoration of Voting Rights]. In *Ural’skiy sbornik. Istoriya. Kul’tura. Religiya*. Yekaterinburg. Iss. 7, Part. 1, pp. 192–200.

Salamatova, M.S. (2001). Lishenie izbiratel’nyh prav v Sovetskoy Rossii 1928–1936 gg. (itogi izucheniya) [Disenfranchisement in Soviet Russia 1928–1936. (Results of the Study)]. In *Marginaly v sovetskom obshchestve 1920-h – 1930-h godov: istoriografiya, istochniki.* Novosibirsk, pp. 3–37.

Salamatova, M.S. (2002). Lishenie izbiratel’nyh prav kak forma sotsial’no-politicheskoy diskriminatsii v seredine 1920-h – 1936 gg.: na materialah Zapadnoy Sibiri [Deprivation of Voting Rights as a Form of Socio-Political Discrimination in the Mid-1920s – 1936: On Materials from Western Siberia], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 24 p.

Salamatova, M.S. (2007). “Lishentsy” [“Disenfranchised”]. In *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir’ (1920–1930-e gody)*. Novosibirsk, pp. 19–99.

Salamatova, M.S. (2015). “Luchshe by rasstrelyali menya srazu…”: sud’by ofitserov belykh armiy v Sibirskom krae (1921–1929 gg.) [“It Would Be Better If They Shot Me Right Away… ”: The Fate of Officers of the White Armies in the Siberian Region (1921–1929)]. In *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik.* No. 17, pp. 214–228.

Salamatova, M.S. (2016). *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel’stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practice (1918–1936)]. Novosibirsk. 340 p.

Savin, A.I. (2016). Pis’ma vo vlast’ kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovetskih grazhdan v 1930-e gody [Letters to Power as a Specific Form of Political Adaptation of Soviet Citizens in the 1930s]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 15, No. 8, pp. 133–145.

Serokurova, L.A. (2009). Institut “lishenchestva” v noveyshey istoriografii: podhody i tematika issledovaniy [The Institute of “Deprivation” in Modern Historiography: Approaches and Research Topics]. In *Traditsii istoricheskoy mysli: Materialy nauchnogo seminara pamyati V.I. Zlobina*. Moscow, pp. 62–68.

Serokurova, L.A. (2010). “Lishentsy” Krymskoy ASSR v kontekste sotsial’no-ekonomicheskikh i politicheskikh protsessov: 1921–1936 gg. [“Disenfranchised” of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the Context of Socio-Economic and Political Processes: 1921–1936], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 24 p.

Slavko, T.I. (1995). *Kulatskaya ssylka na Urale 1930–1936 gg*. [Kulak Exile in the Urals 1930–1936]. Moscow. 174 p.

Smirnova, T.M. (2003). “*Byvshie lyudi*” *Sovetskoy Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii 1917–1936 gody* [“Former People” of Soviet Russia: Strategies of Survival and Paths of Integration 1917–1936]. Moscow. 296 p.

Smirnova, T.M. (2004). Lishentsy g. Sergieva: 1920-e gody [Disenfranchised of Sergiev: 1920s]. In *Trudy GIM: Zabelinskie nauchnye chteniya.* Issue 143. Moscow, pp. 205–209.

Tereshchuk, N.M. (2013). Lishenie izbiratel'nykh prav sevastopol'skikh karaimov v 20-e gody XX v. (po materialam gosudarstvennogo arhiva goroda Sevastopolya) [Deprivation of Voting Rights of Sevastopol Karaites in the 20s of the Twentieth Century (Based on Materials from the State Archive of the City of Sevastopol)]. In *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. No. 12, pp. 55–59.

Tihonov, V.I. (1996). Problemy kategorizatsii pri kontent-analize [Problems of categorization in content analysis]. In *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskoy informatiki*. Moscow, pp. 276–289.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V. S., Yushin, I. F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow. 256 p.

Tumanov, D.Yu. (2012). "Lishentsy" kak social'no-pravovaya kategoriya sovetskih grazhdan ["Disenfranchised" as a Social and Legal Category of Soviet Citizens]. In *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal.* No. 4 (47), pp. 86–88.

Valuev, D.V. (2003). Lishentsy v sisteme sotsial'nyh otnosheniy (1918–1936) (na materialah Zapadnogo regiona RSFSR) [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Western Region of the RSFSR)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Bryansk. 22 p.

Valuev, D.V. (2008). "Social'no chuzhdye" i Krasnaya Armiya (na materialah Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti) ["Socially alien" and the Red Army (Based on Materials from the Smolensk Province and the Western Region]. In *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 186–195.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Yunina, E.A. (2020). Lishenie izbiratel'nyh prav kak element marginalizatsionnyh protsessov v obshchestve 1920–1930-h gg. V otrazhenii sudeb zhiteley goroda Tobol'ska i Tobol'skogo okruga Ural'skoy oblasti (istoriko-antropologicheskiy aspekt) [Deprivation of Voting Rights as an Element of Marginalization Processes in Society of the 1920–1930s. Reflecting the Destinies of the Inhabitants of the City of Tobolsk and the Tobolsk District of the Ural Region (Historical and Anthropological Aspect)]. In *Manuskript*. Vol. 13, No. 8, pp. 64–75.

Yushin, I.F. (1995). Kodirovanie zanyatiy i printsipy integral'noy klassifikatsii obshchestva [Coding of Classes and Principles of Integral Classification of Society]. In *Krug idey: Razvitie istoricheskoy informatiki*. Moscow, pp. 257–293.

А.А. Кожаева*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ «ЛИШЕНЦЕВ» НОВОСИБИРСКА (1925–1936 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-10
УДК 94(47+57).084

Выходные данные для цитирования:
Кожаева А.А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 155–165. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-10.pdf

A.A. Kozhaeva*

SOCIAL AND LEGAL DISCRIMINATION IN THE PERCEPTION OF PERSONS DEPRIVED OF VOTING RIGHTS IN NOVOSIBIRSK (1925–1936)

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-10

How to cite:
Kozhaeva A.A. Social and Legal Discrimination in the Perception of Persons Deprived of Voting Rights in Novosibirsk (1925–1936) // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 155–165. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-10.pdf]

Abstract. The Constitution of the RSFSR was adopted by the Fifth All-Russian Congress of Soviets in July 1918. It defined categories of individuals who were deprived of the right to actively or passively take part in elections. By the second half of the 1920s, the campaign of “disenfranchisement” was finally formalized and had a significant impact on individuals who were on discriminatory lists. This article focuses on examining the perception of persons deprived of voting rights in Novosibirsk of their own status after discrimination. Based on the analysis of petitions for the restoration of the rights, the mechanisms of the “disenfranchisement” are reconstructed from the perspective of the direct participants in those events. The reactions of petitioners to the deprivation of their voting rights are identified. Additionally, the discriminatory restrictions in the everyday lives of persons deprived of voting rights are determined. These restrictions were described in the petitions for the restoration of the rights. Therefore, conclusions about the extent to which electoral discrimination influenced the status of persons deprived of voting rights in post-revolutionary society are drawn.

Keywords: deprived, social and legal discrimination, marginality, Novosibirsk, USSR.

The article has been received by the editor on 27.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г., определила категории лиц, которые лишались права принимать активное или пассивное участие в выборах. Окончательно оформленная ко второй половине 1920-х гг. кампания «лишенчества» оказывала существенное влияние на лиц, оказавшихся в дискриминационных списках. Статья посвящена исследованию восприятия «лишенцев» Новосибирска собственного статуса после дискриминации. На основе анализа ходатайств, подававшихся «лишенцами» с целью восстановиться в избирательных правах, реконструируются механизмы осуществления кампании «лишенчества» от лица непосредственных участников событий. Выявлены реакции авторов ходатайств на лишение избирательных прав. Кроме того, определены дискриминационные ограничения в повседневной жизни «лишенцев», о которых они писали при обращении в избирательные

* **Альбина Алексеевна Кожаева,** Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru
Albina Alekseevna Kozhaeva, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

комиссии разных уровней. Таким образом, сделан вывод о том, в какой мере избирательная дискриминация влияла на положение «лишенцев» в постреволюционном обществе.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, Новосибирск, СССР.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023 г.

1918 год имел принципиальное значение для формирования советской институциональной системы. Избирательная сфера не была исключением, поскольку уже в первой Конституции РСФСР оформлялись структура и порядок выборов во вновь созданном государстве. Новосибирская исследовательница М.С. Саламатова отметила преемственность советской избирательной системы, показав, что основные ее процедуры были заимствованы советской властью из дореволюционного опыта: «большевики, декларируя полный разрыв с дореволюционными традициями в 1918 г., опираясь на опыт выборов в советы, в модернизированном виде воспроизвели базовые черты дореволюционной избирательной системы»[1]. «Новшеством» в избирательной структуре являлся принципиально новый подход к определению категорий лиц, лишенных избирательных прав. И хотя дореволюционные имущественные и гендерные цензы также отстраняли от выборов значительную часть населения, советская кампания по лишению прав носила характер социально-правовой дискриминации.

Устройство избирательной системы стало одной из центральных тем споров и противоречий внутри комиссии, занимающейся подготовкой текста будущей Конституции. Отдельные члены комиссии (юрист М.А. Рейснер и нарком по делам национальностей И.В. Сталин) подготовили проекты Основного закона. В проекте, предложенном И.В. Сталиным 12 апреля 1918 г., присутствовало перечисление лиц, которые должны были быть лишены избирательных прав[2]. Категории, входившие в этот проект, в большей мере соотносятся с вошедшими в итоговый текст Конституции[3]. Таким образом, ст. 65 Конституции РСФСР определила семь категорий «лишенцев»: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором»[4].

В первые годы осуществления кампании «лишенчества» ключевой идеей, объясняющей цели избирательной дискриминации, становилось стремление новой власти избавиться от «врагов» в виде различного рода «эксплуататоров». Особый акцент делался на временности и вынужденных обстоятельствах такой борьбы. Однако дискриминационные меры советского правительства со временем не только не сокращались, но и принимали

[1] *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск, 2018. С. 36.

[2] Общие положения (проект товарища И.В. Сталина) и план построения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, проект Декларации прав и обязанностей трудящихся (газетная вырезка) и положение о Советах // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/item/711492 (дата обращения: 12.03.2023).

[3] Однако в проекте И.В. Сталина отсутствовала категория лиц, терявших права за «корыстные и порочащие преступления». Эта категория появилась в тексте Конституции в результате последующих обсуждений внутри комиссии.

[4] Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

более жесткие формы. К концу 1920-х гг. список «лишенцев» был расширен за счет появления следующих категорий: «административно-ссыльные граждане»[5]; «члены семей лиц, лишенных избирательного права»[6]; «бывшие белые офицеры, военные чиновники белых армий и руководители контрреволюционных банд»[7]. Таким образом, численность «лишенцев» к концу 1920-х гг. составила 3 716 855 человек[8]. Однако тяжесть кампании «лишенчества» определяется далеко не количественными показателями, а многочисленными ограничениями в повседневной жизни, которые автоматически накладывал статус «лишенца».

В советской историографии правомерность осуществления кампании «лишенчества» не подвергалась сомнению. Напротив, исследователи отмечали необходимость указанной практики в целях трудового «перевоспитания эксплуататорских классов»[9]. Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме «лишенчества» с новых позиций, стал А.И. Добкин[10], обозначивший круг многообразных последствий «лишенчества», связанных с сопутствующими ограничениями в жизни лиц, попавших в дискриминационные списки. Следующим шагом на пути к переосмыслению указанной кампании стало ее многостороннее изучение историками на основе архивных материалов[11]. Историкам и правоведам удалось реконструировать механизмы осуществления кампании «лишенчества», определить особенности ее осуществления в различных регионах страны. Однако все еще ощущается явный недостаток работ, посвященных дискурсу, исходившему от самих дискриминированных. Представляется необходимым продолжение изучения личного взгляда «лишенцев» на происходящие события в их жизни.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает термин «восприятие», которое, опираясь на подход Т. Парсонса[12] к определению структуры социального действия, мы понимаем как субъективное отношение актора социального действия к ситуации. Выявление восприятия «лишенцев» возможно на основе анализа ходатайств, которые они писали и направляли в различные инстанции для восстановления в избирательных правах. Таким образом, целью настоящего исследования является реконструкция реакций «лишенцев» на социально-правовую дискриминацию. Под последним мы понимаем отношение к различным группам советского населения, выраженное в отсутствии избирательных прав и в наличии комплекса сопутствующих ограничений. Согласно концепции социального доминирования, предложенной исследователями социальной психологии Ф. Пратто, Д. Сиданиусом и др., система иерархии в обществе строится на способности одной группы доминировать над другой на основе наличия или отсутствия определенных характеристик (религиозная принадлежность, политические взгляды, социальный статус и пр.). Возможность существования социального доминирования обусловливается содержанием легитимирующих мифов[13]: патерналистских,

---

[5] Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее – СУ РСФСР). 1922. № 51. Ст. 646.

[6] СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 18, п. «д».

[7] СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 15, п. «к».

[8] *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 15.

[9] См., например: *Ким А.И.* Советское избирательное право: Вопросы теории избирательного законодательства и практики его применения. М., 1965; *Филимонов В.Г.* Первая советская Конституция. М., 1960; *Морозов Л.Ф.* Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972; *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

[10] *Добкин А.И.* Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 600–628.

[11] См., например: *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; *Килин А.П.* Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 95–105; *Саламатова М.С.* Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. М., 1996. С. 9–23; *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России…; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. 256 с.; и др.

[12] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2002.

[13] *Sidanius J., Pratto F., Devereux E.* A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes [Электронный ресурс] // The Journal of Social Psychology. 1992. Vol. 132, Iss. 3. P. 377–395. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00224545.1992.9924713 (дата обращения: 10.03.2023).

взаимовыгодных или сакральных. Социально-правовая дискриминация послереволюционного советского социума возникала в результате одновременного действия патерналистского мифа о необходимости уничтожения «чуждых» групп населения, а также сакральной идеи о превосходстве трудящихся над другими категориями населения страны.

Для реализации поставленной цели привлечены ходатайства о восстановлении в правах, хранящиеся в личных делах «лишенцев» Новосибирска в Государственном архиве Новосибирской области. Исследовательская выборка составляет 13,5 % (328 «лишенцев») от общего количества личных дел (2 423), хранящихся в фонде Исполнительного комитета Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся[14]. При формировании указанной выборки применялся метод стихийной социологической выборки, когда при составлении выборки не учитывается пол, возраст, социальный класс и прочие внешние характеристики. Указанный метод рационально использовать при разрозненном хранении источников.

Ходатайства «лишенцев» – особый вид исторического источника, позволяющий реконструировать кампанию «лишенчества» через восприятие лиц, непосредственно попадавших под дискриминацию. Созданные с конкретными делопроизводственными целями ходатайства одновременно обладают рядом характеристик, присущих эго-источникам (субъективность, экспрессивность, ретроспективность и др.). Желая восстановиться в избирательных правах, авторы ходатайств самостоятельно определяли его структуру и аргументацию. Однако на субъективное, на первый взгляд, повествование ходатая влияло много объективных и субъективных факторов – категория лишения избирательных прав, а также приоритеты органов власти в отношении «лишенцев». Однако значимость анализа ходатайств «лишенцев» для настоящего исследования действительно высока, поскольку именно он позволяет выявить взгляд «лишенцев» на собственный статус и положение.

Как отмечено выше, содержание ходатайства определялось в том числе категорией лишения, под которую попадал тот или иной человек. В табл. 1 представлено соотношение различных категорий «лишенцев» в нашей выборке. Большинство «лишенцев» Новосибирска относились к категориям частных торговцев и предпринимателей[15] (25,3 %, или 83 «лишенца»), бывших белых офицеров (21,6 %, или 71 «лишенец») либо являлись иждивенцами «лишенцев» (19,2 %, или 63 «лишенца»). 12,8 % авторов ходатайств являлись административно-ссыльными «лишенцами» (или 42 чел.). В сравнении с сельской местностью в городе невелик был процент лишенных избирательных прав за использование наемной силы (7,6 %, или 25 «лишенцев»). Часть «лишенцев» нашей выборки относилась сразу к двум категориям: например, живущим на «нетрудовой доход» и использующим наемный труд, а также торговцам, использующим наемный труд. Таким образом, 22 «лишенца» (6,7 %) обвинялись в получении нетрудовых доходов (получение доходов от заводов, кустарного промысла и пр.). Невелик, по сравнению с другими категориями, оказывался процент священнослужителей (0,9 %, или 3 «лишенца»), а также бывших полицейских и судей (2,7 %, или 9 «лишенцев»). Пораженные в правах представляли собой «временных лишенцев», поскольку срок их правовой дискриминации ограничивался временными рамками, установленными судом. Однако 10 «лишенцев» (3 %) указанной категории обращались к избирательным комиссиям с самостоятельными ходатайствами.

Часть «лишенцев» Новосибирска при описании причин лишения избирательных прав (1925–1936 гг.) не указывала причин дискриминации в своих ходатайствах. В таком случае установление причин включения в дискриминационные списки того или иного «лишенца» осуществлялся нами или исходя из последующего повествования, или из сопутствующих документов в деле, или на основе списков «лишенцев». Однако статус четырех «лишенцев» в выборке так и не был установлен.

[14] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1347. Оп. 1а. Исполнительный комитет Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся.

[15] Автор статьи сознательно объединяет эти две группы, поскольку и на занятие торговлей, и на занятие предпринимательской деятельностью необходимо было выбирать патенты у финансовых органов.

Таблица 1

Категории «лишенцев» Новосибирска в 1925–1936 гг. (чел., %)*

Категория	Кол-во «лишенцев»	% от «лишенцев» в выборке
Торговцы и предприниматели	83	25,3
Бывшие белые офицеры	71	21,6
Члены семей «лишенцев»	63	19,2
Административно-ссыльные	42	12,8
Лица, использующие наемный труд	25	7,6
Лица, живущие на «нетрудовые доходы»	22	6,7
Пораженные в правах по суду	10	3
Бывшие полицейские и судьи	9	2,7
Служители церкви	3	0,9
Причина не установлена	4	1,2

* *Составлено по:* Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

Следом за упоминанием причины лишения избирательных прав нередко располагалось изложение собственного взгляда на справедливость этого действия. Автором статьи выделены основные стратегии, используемые «лишенцами» Новосибирска при описании ими причин дискриминации (табл. 2.). Отметим, что некоторые «лишенцы» могли использовать разные стратегии в разных ходатайствах, поэтому мы относили их к нескольким группам. Таким образом, в этом случае был рассчитан процент «лишенцев» от числа таковых в нашей выборке, а не от суммарного количества, представленного в таблице.

Таблица 2

Стратегии «лишенцев» Новосибирска при описании причин лишения избирательных прав (1925–1936 гг.)*

Стратегия	Кол-во «лишенцев»	% от числа «лишенцев» в выборке
Упоминание причины лишения избирательных прав без формулировки собственного мнения	135	41,2
Считали лишение избирательных прав «неправильным»/«неверным»/«ошибочным»	85	25,9
Не упоминали причин «лишения»	61	18,6
Считали лишение избирательных прав «несправедливым» и/или «незаслуженным»	18	5,5
Считали лишение избирательных прав «незаконным»	18	5,5
Считали отнесение их к «лишенцам» «недоразумением»	8	2,4
Считали, что основания к лишению их избирательных прав отсутствовали	8	2,4
Признавали свои «ошибки» в прошлом	6	1,8
Не чувствовали за собой «вины»	5	1,5
Ссылались на «ложные материалы», ставшие причиной лишения их избирательных прав	5	1,5
Считали, что не должны были быть лишены избирательных прав	5	1,5
Не соглашались с лишением их избирательных прав	1	0,3

* *Составлено по:* Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

135 «лишенцев» выборки предпочли указать причину «лишения» без дальнейшей рефлексии о ее справедливости. Однако большинство «лишенцев» в разных формах предпочитали высказывать собственное мнение о сложившейся ситуации. Самой распространенной стратегией являлось указание неправильности принятого решения (ее использовали 66 «лишенцев» Новосибирска): «и если я лишен голоса избирательных прав ввиду того, что живу у тестя и работаю [–] это не есть преступление с моей стороны, и [я] открыто заявляю [–] это неправильно»[16]; «уже тот факт, что я не мог принимать участие в последних выборах, угнетает меня как неправильно отстраненного от выборов»[17]; «Еще основанием сельизбиркома служило, что я будто бы служитель религиозной культ-секты, но это в корне не верно»[18].

В большинстве случаев «лишенцы» не соглашались с отнесением их к «чуждым элементам», используя при этом различные языковые конструкции: «недоразумение», «несправедливо», «незаслуженно», «не чувствую за собой вины», «не должен быть лишен голоса» и пр. Так, бывший белый офицер И.М. Абалдуев в своем ходатайстве писал: «Не возражая формально, имею основание полагать, что по существу названный факт является по отношению ко мне несправедливым и незаслуженным»[19]. Г.Н. Азаров, до революции на протяжении 10 месяцев служивший городовым в Новониколаевске (за что и был лишен избирательных прав), не считал свою работу в прошлом основанием для лишения его избирательных прав в настоящем. Более того, мужчина описывал факт получения им такой должности как достижение: «Вины моей в том, что я был “городовым”, нельзя считать, ибо в прежнее время без протекции бедняк, выйдя с военной службы, поступил на службу с величайшим трудом»[20].

Гораздо реже «лишенцы» соглашались с предъявленными обвинениями (в нашей выборке всего 6 «лишенцев»). Авторы ходатайств, использующие такую стратегию, могли писать, что это была «незначительная ошибка»[21] в прошлом, а также указывать, что они не отрицают причин лишения. Так, например, В.К. Гредюхин, пораженный в правах по суду, писал: «я Гредюхин Василий Климентьевич по списку лишенных избирательных прав числился, как якобы поражен в гражданских правах по суду, этого я не отрицаю, но ведь срок наказания я отбыл»[22]. Д.К. Барбасенко, лишенный избирательных прав за занятие торговлей, писал: «товарищи[,] рассматривающие мое заявление[,] могут убедиться в том, что действительно я не эксплуататор чужого труда, а все время занимался своим трудом, а если я и нанес ошибочно, т.е. попадал в грязное дело, из которого вылез тотчас же»[23].

Образ человека, включенного в список лиц, лишенных избирательных прав, наделялся советским обществом негативными чертами. Доктринально культивируя борьбу с «эксплуататорскими классами» и вовлекая низы в борьбу за социальную справедливость, государство выполняло функцию переадресации первопричинности проблем социальных масс, чье положение мало изменилось после большевистской революции. К схожим выводам пришел американский историк Д. Смит, анализирующий жизнь бывших дворян после революционных событий 1917 г.: «Живучесть образованной элиты, значительную часть которой составляли дворяне, вызывала разочарование и недовольство классов, именем которых делалась революция, но одновременно давала новой власти удобный аргумент для оправдания того, почему реальность не соответствовала ее пафосным обещаниям. Социализм все еще не

[16] Заявление Ворожцова Н.Т. в Новосибирский городской совет от 4 февраля 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 308. Л. 7.
[17] Заявление Иванова Г.А. в Октябрьский районный совета депутатов трудящихся г. Новосибирска от 7 декабря 1934 г. // Там же. Д. 623. Л. 4.
[18] Жалоба Артамонова И.В. в Сибирскую краевую избирательную комиссию [1929 г.] // Там же. Д. 2052. Л. 11 об.
[19] Заявление Абалдуева И.М. в Новосибирский городской совет от 20 января 1927 г. // Там же. Д. 5. Л. 11.
[20] Заявление Азарова И.М. в Новосибирский городской совет [не дат.] // Там же. Д. 18. Л. 9.
[21] Заявление Абрамова Н.А. финансовому инспектору 4-го участка по г. Новосибирску [1930] // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 10. Л. 6.
[22] Заявление Гредюхина В.К. в Новосибирскую окружную избирательную комиссию от 19 января 1929 г. // Там же. Д. 408. Л. 1.
[23] Заявление Барбасенко Д.К. в Новосибирский городской совет от 9 февраля 1929 г. // Там же. Д. 107. Л. 8.

построен, рабочие живут не лучше, а жизнь представляет собой постоянную борьбу не в силу ошибок вождей или изъяна марксистской идеологии, а потому, что классовые враги – саботажники, вредители, белогвардейцы и монархисты – ведут тайную войну с целью разрушить Советский Союз изнутри. Нападки на старую элиту стали легким способом упрочить свою популярность и доказать приверженность власти интересам народа»[24].

Преступные действия становились характерной чертой образа «лишенца» в пропаганде. Так, 5 февраля 1927 г., в разгар перевыборной кампании, в газете «Советская Сибирь» была опубликована информационная сводка под названием «Месть кулаков», в которой содержались сведения об убийстве «лишенцами» местного активиста в станице Долон[25]. На следующий день в газете вышла статья корреспондента И. Воробьева «Письмо из деревни. Из опыта предвыборной кампании (Алексеевский район Новосибирского окр.)», в которой давалась характеристика «лишенцев»: «Прочтите список за списком и перед вами встанет яркая плеяда типичных фигур, определенно враждебных советскому строительству в деревне и ведущих то открытую, то еще чаще скрытую борьбу против всех ее начинаний»[26]. Ходатайства «лишенцев», по мнению автора статьи, являются набором «ханжества, лицемерия и просто цинизма»[27]. Через подконтрольные периодические издания власть пыталась объяснить советским гражданам разных лет и занятий значение выборов и перевыборов в советы, а также смысл ограничения «лишенцев» в участии в местном управлении.

«Лишенцы», как и полноправные граждане, не только подвергались влиянию пропаганды, но и пытались использовать ее стереотипы в своих интересах. Авторы ходатайств, описывая свой дискриминационный статус, не идентифицировали себя с «лишенцами», а с помощью различных языковых конструкций показывали свое явное недоброжелательное отношение к зачислению в «лишенцы». Среди таковых слова «враг», «вражеский», «враждебный», «элемент», «чуждый», «пятно», «позор», «клеймо» и пр. Нередко указанные языковые конструкции сопровождались словами, противоположными негативным коннотациям – «защитник», «трудящийся», «помощник» и др. Последнее объясняется стремлением «лишенцев» показать свою значимость и необходимость для советского общества и лояльность советской власти.

Государство, ставившее целью кампании «лишенчества» обеспечение контроля над потенциально чуждыми ему группами населения, добивалось этого при помощи комплекса дискриминационных ограничений, которые следует разделить на две группы – *основные и сопутствующие*. К первой группе относятся запреты в избирательной сфере, впервые провозглашенные в Конституции РСФСР 1918 г. (потеря пассивного и активного избирательного права). Группа сопутствующих ограничений включала различного рода дискриминационные меры, которые не всегда закреплялись юридически, поэтому узнать обо всех ограничениях в жизни «лишенцев» возможно только на основе их ходатайства. В табл. 3 представлены сопутствующие ограничения, упомянутые «лишенцами» Новосибирска в ходатайствах о восстановлении в избирательных правах.

Таблица 3

Количество упоминаний сопутствующих ограничений в ходатайствах «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 гг.) (чел., %)*

№	Вид ограничения	Кол-во «лишенцев»	%
1	Трудовая дезадаптация (потеря работы/невозможность найти новую и пр.)	82	65,6
2	Исключение из коллективных хозяйств	2	1,6
3	Увеличение налогов, дополнительное налоговое бремя	6	4,8

[24] *Смит Д.* Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М., 2023. С. 19–20.
[25] Советская Сибирь. 5.02.1927. № 29 (2170). С. 2.
[26] Советская Сибирь. 6.02.1927. № 30 (2171). С. 2.
[27] Там же.

Окончание табл. 3

№	Вид ограничения	Кол-во «лишенцев»	%
4	Конфискация имущества, выселение из домов/квартир	9	7,2
5	Высылка, ссылка	5	4
6	Исключение из образовательных учреждений	6	4,8
7	Запрет службы в Красной армии; служба в тыловом ополчении	12	9,6
8	Лишение продовольственных карточек	3	2,4
Всего		125	100

[*] *Составлено по:* Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

Таким образом, в нашей выборке наибольшее число раз среди всех видов сопутствующих ограничений упоминалась трудовая дискриминация. Новосибирские «лишенцы» писали о проблемах, связанных с потерей работы и невозможностью найти новую (в табл. 4 представлена классификация «лишенцев» в зависимости от их трудовой характеристики до и после дискриминации).

Таблица 4

Трудовая адаптация «лишенцев» в 1925–1936 гг.
(по материалам ходатайств «лишенцев» Новосибирска)[*]

№	Краткое описание группы	Кол-во «лишенцев»	%
1	Имели работу, на которой остались после лишения	80	24,4
2	Имели работу, но потеряли ее после лишения, смогли найти новую	22	6,7
3	Имели работу, но потеряли ее после лишения, новую найти не смогли	53	16,2
4	Не имели работу до лишения, но смогли найти ее после	26	7,9
5	Не имели работу до лишения и не смогли найти ее после	29	8,8
6	Состояли в колхозах до лишения, но исключены из них после лишения. Новую работу найти не смогли	2	0,6
7	Не указали сведения о трудовой биографии в ходатайстве	116	35,4
Всего		328	100

* *Составлено по:* Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

Трудовая дезадаптация и потеря в связи с этим постоянного заработка являлись первостепенными причинами желания «лишенцев» избавиться от дискриминационного статуса. Необходимо также учитывать факт того, что дополнительные ограничения могли накладываться в совокупности на одного «лишенца». При осуществлении таких ограничений, как конфискация имущества, дополнительное налоговое обложение и потеря возможности получить хлебные карточки, редко учитывалось имущественное положение лиц, попавших под дискриминацию, о чем свидетельствуют ходатайства «лишенцев».

Сельские «лишенцы», попавшие под различного рода дискриминационные меры, переезжали в Новосибирск в надежде найти заработок. В ходатайствах указанных «лишенцев» присутствует информация о сопутствующих ограничениях, характерных для сельской местности. Постановление ЦИК и СНК СССР «О едином сельскохозяйственном налоге» от 21 апреля 1928 г.[28] устанавливало для «лишенцев» систему налогообложения, основанную на решениях местных органов власти. Новосибирский историк В.А. Ильиных справедливо отмечает: «Вводя ЕСХН, государство запретило местным органам управления

[28] СЗ СССР. 1928. № 24. Ст. 212.

учреждение каких-либо иных налогов. В то же время законодательство допускало добровольное самообложение жителей сельских населенных пунктов. С так называемых лишенцев взимался денежный “сбор с лиц, лишенных права быть сельисполнителями”»[29]. В отдельных случаях местные советы включали граждан, обложенных индивидуальным налогом, в списки на лишение избирательных прав. Однако 4 ноября 1933 г. секретариат Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета перенаправил городским советам и исполнительным комитетам края письмо Всероссийской центральной избирательной комиссии «Об избирательных правах лиц, указанных в п. “б”, ст. 85 положения о сельскохозяйственном налоге на 1933 год»[30], в котором устанавливалось разграничение налоговой и избирательной дискриминаций. Лица, обложенные индивидуальным налогом, не должны были включаться в списки «лишенцев» без оснований, указанных в избирательных инструкциях и Конституции. Однако за «злостное невыполнение планов посева и других установленных законов государственных обязательств» на указанных лиц распространялась дискриминация в виде лишения их права участия в выборах.

Невозможность оплаты различных налогов вынуждала «лишенцев» не только обращаться в финансовые отделы для обжалования установленных сумм, но и распродавать собственное имущество при наличии такового. Так, например, житель Новосибирска А.В. Болдырев, лишенный в 1933 г. избирательных прав как сын священнослужителя, в своем ходатайстве указал: «За неуплату самообложения или какого-то другого сбора было распродано все имущество включительно до постельного белья»[31]. Однако конфискация имущества нередко проводилась и без индивидуального обложения. В ходатайствах «лишенцев» выборки зафиксированы факты частичной и полной конфискации личного имущества «лишенцев». С.З. Богинский, лишенный избирательных прав за торговлю, указывал в своем ходатайстве следующую информацию о конфискации имущества: «забрали у меня все имущество: лошадь, корову, бричку и вообще все хозяйство[,] и выгоняют меня с малолетними детями из дома»[32].

Городские «лишенцы» подвергались распространенной дискриминационной практике со стороны местных органов власти в виде выселения из муниципальных домов и конфискации недвижимого имущества. Д.Е. Барабанов, лишенный избирательных прав за занятие торговлей, указал в ходатайстве: «все нажитое при царском режиме торговлей, заключающее в двух домовладений, муниципализировано в 1920 году»[33]. Жилищная дискриминация, выходившая за пределы законодательства, в апреле 1930 г. стала предметом внимания Наркомата внутренних дел РСФСР. В циркуляре «О недопустимости установления специальных ограничений, не предусмотренных законодательством, в отношении лиц, лишенных избирательных прав» от 24 апреля 1930 г.[34] запрещался целый ряд сопутствующих ограничений в сфере недвижимости. Во-первых, запрещалась муниципализация строений, принадлежащих «лишенцам». Кроме того, устанавливался запрет на расторжение договоров застройки только лишь «по мотивам принадлежности застройщика к категории лишенцев»[35]. Однако наиболее важным пунктом являлся запрет на выселение «лишенцев» из муниципального жилья, поскольку, по словам авторов циркуляра, «в существующем законодательстве

[29] *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920 гг.). Новосибирск, 2004. С. 203.
[30] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 2425. Л. 186.
[31] Заявление Болдырева А.В. в Новосибирский городской совет от 16 ноября 1933 г. // Там же. Д. 187. Л. 2.
[32] Заявление Богинского С.З. в Черепановский районный исполнительный комитет от 16 апреля 1930 г. // Там же. Д. 168. Л. 7.
[33] Жалоба Барабанова Д.Е. в Новосибирскую окружную избирательную комиссию от 28 апреля 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Д. 106. Л. 7.
[34] Циркуляр НКВД № 248 «О недопустимости установления специальных ограничений, не предусмотренных законодательством, в отношении лиц, лишенных избирательных прав». 24 апреля 1930 г. // Жилищный справочник для судебных работников / сост. С.Б. Ястржембский, И.Б. Самбур, С.М. Гинзбург. М., 1935. С. 379–380.
[35] Там же. Л. 379.

отсутствует запрещение проживания в домах муниципального фонда лицам, лишенным избирательных прав»[36].

Зафиксированные в ходатайствах «лишенцев» сведения о различных формах дискриминации позволяют сделать вывод о существенном влиянии последних на социально-экономическую жизнь лиц, исключенных из избирательной системы советского государства. Ограничения, не закрепленные на уровне законодательства, находили свое практическое осуществление в Новосибирске. Выселение из домов, конфискация имущества, повышенные налоговые ставки и другие «лишения» вынуждали попавших под дискриминацию бороться за восстановление в избирательных правах. Последнее, однако, было затруднено прежде всего введением в 1926 г. правила о необходимости наличия пятилетнего трудового стажа[37]. Таким образом, нормы советского государства вступали в противоречие друг с другом, создавая на практике препятствия для включения «лишенцев» в правовую систему пострреволюционного общества. Тем самым в большинстве рассмотренных нами случаев борьба «лишенцев» за восстановление в правах, в том числе и трудовых, оказывалась внутри замкнутого бюрократического круга: «Таким образом[,] получилось, что я вычищен потому, что лишен избирательных прав, а лишен избирательных прав потому, что вычищен. Получился заколдованный круг, из которого невозможно выбраться»[38]. Массовые увольнения создавали ситуацию, при которой в условиях острой нехватки кадров в ключевых сферах экономики и государственного управления параллельно усиливался рост безработицы для лиц, лишенных избирательных прав.

Литература

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972. 360 с.

Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920 гг.). Новосибирск, 2004. С. 175–208.

Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 95–105.

Ким А.И. Советское избирательное право: Вопросы теории избирательного законодательства и практики его применения. М.: Юридическая литература, 1965. 212 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. 91 с.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М.: ВПШ и АОН, 1960. 103 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 808 с.

Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 340 с.

Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. М.: Звенья, 1996. С. 9–23.

Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 400 с.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Мосгорархив, 1998. 256 с.

[36] Циркуляр НКВД № 248… Л. 379.

[37] СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 19.

[38] Ходатайство Бульвахтера М.И. в Новосибирскую окружную избирательную комиссию от 16 января 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 224. Л. 15.

Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М.: Госюриздат, 1960. 77 с.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М.: Издательство Московского университета, 1984. 206 с.

Sidanius J., Pratto F., Devereux E. A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes [Электронный ресурс] // The Journal of Social Psychology. 1992. Vol. 132, Iss. 3. P. 377–395. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00224545.1992.9924713 (дата обращения: 10.03.2023).

References

Chistyakov, O.I. (1984). *Konstitutsiya RSFSR 1918 g*. [The Constitution of Russia 1918]. Moscow. 206 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg, pp. 600–628.

Filimonov, V.G. (1966). *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya* [The First Soviet Constitution]. Moscow, Gosyurizdat. 77 p.

Ilinyh, V.A. (2004). Selskohozyaystvennyy nalog v sibirskoy derevne v 1924–1928 gg. [Agricultural Tax in the Siberian Village, 1924–1928]. In *Nalogi i zagotovki v sibirskoy derevne (1890–1920 gg.)*. Novisibirsk, pp. 175–208.

Ivnitskiy, N.A. (1972). *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa* [Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow. 360 p.

Kilin, A.P. (1997). Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratelnykh prav v 1920-e gody (analiz instruktsiy o vyborakh v Sovety) [Categories of Citizens Deprived of Voting Rights in the 1920s (Analysis of Instructions on Elections to the Soviets)]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)*. Yekaterinburg, pp. 95–105.

Kim, A.I. (1965). *Sovetskoe izbiratelnoe pravo: Voprosy teorii izbiratelnogo zakonodatelstva i praktiki ego primeneniya* [Soviet Electoral Law: Issues of the Theory of Electoral Legislation and the Practice of Its Application]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 212 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Morozov, L.F (1960). *Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuaziey (1926–1929 gg.)* [The Decisive Stage of the Struggle against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow. 103 p.

Parsons, T. (2002). *O strukture sotsialnogo deystviya* [About the Structure of Social Action]. Moscow, Akademicheskiy Proekt. 808 p.

Salamatova, M.S. (1996). Lishenie izbiratelnykh prav v Novosibirske v 1927–1936 gg. [Disenfranchisement in Novosibirsk in 1927–1936]. In *Korni travy*. Moscow, Zvenya, pp. 9–23.

Salamatova, M.S. (2018). *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatelstvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practices (1918–1936)]. Novosibirsk, NGUEU. 340 p.

Sidanius, J., Pratto, F., Devereux, E. (1992). A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes. In *The Journal of Social Psychology*. Vol. 132, Iss. 3, pp. 377–395. Available at: URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00224545.1992.9924713 (date of access 10.03.2023).

Smit, D. (2023). *Byvshie lyudi. Poslednie dni russkoy aristokratii* [Former People. The Last Days of the Russian Aristocracy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob’edineniya arkhivov, 256 p.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

П.Е. Добрачев*

ОПАЛЬНЫЕ ВЕЛЬМОЖИ: ПРОТЕСТ ССЫЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ-ОППОЗИЦИОНЕРОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 1928–1929 ГОДОВ В СИБИРИ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-11
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Добрачев П.Е. Опальные вельможи: протест ссыльных большевиков-оппозиционеров во время перевыборной кампании 1928–1929 годов в Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 166–175.
URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-11.pdf

P.E. Dobrachev*

DISGRACED NOBLES: PROTEST OF EXILED BOLSHEVIK OPPOSITIONISTS DURING THE RE-ELECTION CAMPAIGN OF 1928–1929 IN SIBERIA

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-11

How to cite:
Dobrachev P.E. Disgraced Nobles: Protest of Exiled Bolshevik Oppositionists during the Re-Election Campaign of 1928–1929 in Siberia // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 166–175. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-11.pdf]

Abstract. The article explores the protest actions of the Bolshevik oppositionists during the re-election campaign to the Soviets in 1928–1929. The 15th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) condemned the left deviation, and as a consequence, Trotskyism. This served as a signal for mass repressions of the Bolshevik oppositionists. One of the most common forms of alienation of opponents of the Bolsheviks from the political life of the country was exile. Geographically, the scope of the study is limited to the territory of the Siberian region. A classification of protest actions of oppositionists in relation to the election campaign was carried out and their characteristics were identified. In the historiographical context, the stated topic has until now been considered in passing: the topic was mentioned within the framework of the study of Siberian exile in the 1920s, the history of the Trotskyist movement, the history of the election campaign of 1928–1929, political repressions in Siberia in the 1920s. We have identified the main centers of opposition protest. The article raises the question of the spontaneity of Trotskyist actions and the possibility of coordination between colonies of exiled oppositionists. The reasons for the failure of the protests and their consequences were examined. The author revealed the relationship of the Bolshevik oppositionists with the category of deprived people, their similarities in methods of protest and differences in the goals that prompted it.

Keywords: Siberia, electoral system, Bolsheviks-oppositions, political exile, Trotskyists outcry, marginality.

The article has been received by the editor on 01.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются протестные действия большевиков-оппозиционеров во время перевыборной кампании в Советы в 1928–1929 гг. XV съездом ВКП(б) был осужден левый уклон и, как следствие, троцкизм. Это послужило сигналом к массовым репрессиям большевиков-оппозиционеров. Одной из наиболее распространенных форм отчуждения противников большевиков от политической жизни страны

* **Павел Евгеньевич Добрачев,** студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: p.dobrachev@g.nsu.ru
Pavel Evgenievich Dobrachev, Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail:p.dobrachev@g.nsu.ru

выступила ссылка. Географически рамки исследования ограничиваются территорией Сибирского края. Была проведена классификация протестных действий оппозиционеров применительно к избирательной кампании и выявление их характеристик. В ряде городов в качестве протеста большевики-оппозиционеры использовали письменные заявления, направленные в органы власти с требованием вернуть избирательные права. В историографическом контексте заявленная тема до нынешнего момента рассматривалась вскользь: тема упоминалась в рамках изучения сибирской ссылки в 1920-е гг., истории троцкистского движения, истории избирательной кампании 1928–1929, политических репрессий в Сибири в 1920-е гг. и др. Были выявлены основные центры протеста оппозиционеров. Статья поднимает вопрос о стихийности троцкистских выступлений и возможности координации между колониями ссыльных оппозиционеров в названный промежуток времени. Рассмотрены причины неудачи протестов и их последствия. Автор раскрыл отношения большевиков-оппозиционеров с категорией лишенцев, их сходство в методах протеста и отличие в целях, побудивших его.

Ключевые слова: Сибирь, электоральная система, большевики-оппозиционеры, политическая ссылка, протест троцкистов, маргинальность.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023 г.

Перевыборы в советы, развернувшиеся в конце 1928 г., подготавливались под множеством лозунгов. Среди них звучал лозунг о «массовой самокритике»[1]. В сочинении «Против опошления лозунга самокритики» И.В. Сталин выражал мнение, что критическое отношение к ошибкам и слабостям партии позволит укрепить ее положение, исправить недочеты, чтобы «враждебные силы» не использовали недостатки для своих целей[2]. Казалось бы, подобные утверждения свидетельствовали о демократизме и необходимости вовлечения широких кругов электората в предстоящие выборы. Однако существовали и те категории населения, которые лишались избирательных прав. Речь идет не только о группах, упомянутых в ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г. Высылаемые, обязательное место проживания которых было указано Особым Совещанием (de facto ссыльные), лишались избирательных прав и права на участие в общественных организациях[3]. Позже эта дискриминация была расширена инструкцией ВЦИКа о выборах от 4 ноября 1926 г., в соответствии с которой избирательных прав лишались все административно высылаемые[4]. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г., приняв резолюцию «Об оппозиции», запустил массовую кампанию по борьбе с троцкистской оппозицией в партии. Принадлежность к троцкистскому блоку фактически запрещала пребывать в партии[5].

В начале 1928 г. кампания приобрела характер массовых арестов и ссылок лиц, подозреваемых в связях с левыми. По данным Дойчера, к концу 1928 г. численность арестованных и сосланных оппозиционеров составляла от 6 до 8 тыс. человек по всему Союзу[6]. Большевики-оппозиционеры, подвергнувшиеся опале, пополнили список лишенцев. Их сопротивление отразилось в ряде информационных сводок Сибкрайисполкома. М.С. Саламатова выделяла четыре типа поведения непролетарского населения (нелишенцев) во время выборов: активное лояльное поведение к власти, пассивное поведение (абсентеизм, нечто

[1] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 618. Л. 89–90.
[2] *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 127–138; История ВКП(б). Краткий курс. М., 1945. С. 275–278.
[3] ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 3. Л. 87–88.
[4] *Красильников С.А.* Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 – начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 47.
[5] 15-й съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1928 С. 1317–1320.
[6] *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 64.

вроде «оружия слабых» Дж. Скотта), протестное поведение, связанное с выдвижением требований, и, наконец, протест в форме открытых выступлений. Лишь лояльное отношение населения во время выборов считалось нормой, поэтому фиксировались остальные формы «отклонения от партийной линии»[7]. На наш взгляд, поведение лишенных избирательных прав большевиков-оппозиционеров соответствует данным формам поведения, что и будет доказано на эмпирическом материале.

В ходе раскрытия представленного сюжета, во-первых, следует установить фактологическую основу: конкретные действия большевиков-оппозиционеров, их влияние на процесс перевыборов в определенных округах Сибкрая. Во-вторых, необходимо описать и классифицировать формы протесты в соответствии с эмпирическими данными. В-третьих, требуется ответить на вопрос: представлял ли собою протест скоординированную акцию или же он был стихийной реакцией на дискриминации?

Перевыборная кампания 1929 г., как и кампания 1927 г., проводилась с определенной целью – вовлечением как можно большего числа пролетарских слоев населения в качестве электората. Как следствие, избиркомы проводили колоссальную работу по лишению избирательных прав тех категорий населения, которые в преддверии выборов выражали нелояльные для большевистской власти настроения. Сводки организационного отдела Сибкрайисполкома говорят о том, что в 1929 г. в населенных пунктах Сибкрая, по сравнению с 1927 г., процент лишенцев в составе общего населения вырос (исключение составляли несколько городов: Камень, Канск, Тара, Барабинск и др.)[8]. Безусловно, в этот процент попали и большевики-оппозиционеры. Их настроения можно описать как протестные. Все троцкисты, находящиеся в ссылке, местах заключения и т.д., воспринимали себя в качестве незаконно осужденных жертв, поскольку они, в отличие от эсеров или меньшевиков, совершили революцию и победили в Гражданской войне.

Восприятие троцкистами себя как опальных вельмож во многом выразилось в ходе перевыборной кампании. Большевики-оппозиционеры, создавая колонии ссыльных, отгораживались от иных групп политссыльных: первые показательно праздновали 7 ноября, в отличие от остальных социалистов и тем более «каэров». С психологической точки зрения опальные большевики не принимали факт, что их приравняли к антисоветским элементам, что позднее вылилось в «череду раскаяний» в обмен на возможность восстановления в партии. Попытка разъединения политссыльных предпринималась и властями: ссыльным троцкистам назначалось пособие в 30 руб., в то время как среднее пособие «политиков» составляло сумму в районе 6 руб.[9] Позже пособие было сокращено до 15 руб.: в рубрике «Бюллетеня оппозиции» под названием «Борьба оппозиции и репрессии» сигнализировалось о постоянном ухудшении положения репрессированных троцкистов[10]. Размежевание ссылки наблюдалось и в том, что троцкисты не обращались к фонду Е.П. Пешковой «Помощь политическим заключенным», пользовавшемуся популярностью среди социалистов. Они создали собственный Политический Красный Крест, собиравший средства для репрессированных оппозиционеров по своим каналам[11].

Таким образом, репрессивная политика большевиков подготовила почву для недовольства ссыльных оппозиционеров. Советы в названный период воспринимались населением как реальные орудия власти, а выборы в них – как реальная возможность для продвижения своих интересов[12]. Это касалось и непролетарских слоев населения, которые

[7] *Саламатова М.С.* «На 20 рабочих – 120 попов…»: непролетарские слои населения на выборах в Советской России в 1920-е гг. // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 1. С. 88–94.
[8] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577. Л. 342–343.
[9] Интервью с Я. Мееровым (Д.М. Бацер) // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. С. 232–243.
[10] Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1. Июль.
[11] *Пинкин В.И.* Ссыльные // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). М., 2017. С. 388–389; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1. Июль.
[12] *Саран А.Ю.* Выборы 1929 г. в Советы Центрально-Черноземной области // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 180.

старались расширить свои права и влияние[13]. Возможно, подобные общественные настроения послужили одним из поводов для начала открытого протеста троцкистами против несправедливого лишения избирательных прав.

Согласно источникам, в период с декабря 1928 г. по январь 1929 г. в Сибирском крае произошли отклонения в перевыборной кампании, связанные с активностью троцкистов и проявившиеся в Барабинском, Славгородском, Каменском, Новосибирском, Ачинском, Красноярском и Канском округах.

Протест высланных троцкистов г. **Камень** проявился 17 декабря 1928 г. в виде обструкции общегородского собрания, посвященного итогам ноябрьского пленума ЦК партии. Группа административно высланных потребовала право голоса на собрании, нарушив регламент. В ответ на запрет и общее недовольство поведением оппозиционеров они удалились с собрания с комментариями «Да здравствует товарищ Троцкий», «Мы большевики-ленинцы». Воспользовавшись моментом, некий Сазыкин, член ВКП(б), обвинил присутствовавших в несоблюдении «самокритики» и «внутрипартийной демократии». Собрание было сорвано и позднее переформатировано в закрытую форму[14].

Следующие выступления более показательны, поскольку они сопровождались письменными заявлениями ссыльных в органы с требованием возврата им избирательных прав. В **Ачинске** форма протеста несколько расширилась: 22 декабря группа из трех административно-ссыльных троцкистов потребовала председателя Избиркома принять их коллективное заявление о возвращении им избирательных прав. В заявлении указывалось на то, что ссыльные большевики-ленинцы являются выразителями классовых интересов пролетариата, вследствие чего их необходимо восстановить в избирательных правах. Подчеркивались внутренние и внешние проблемы (наступление кулака и международной буржуазии), угрожающие советской власти. Под заявлениями подписалось 10 большевиков-оппозиционеров, представив о себе краткую информацию: до своего прибытия в Ачинск практически все они состояли на службе в низовых и средних партийных учреждениях. Последовавший отказ вызвал бурную негативную реакцию, после чего они удалились. На следующий день в профклубе высланные троцкисты устроили провокацию, закончившуюся задержанием их милицией за соответствующие лозунги («Долой фашистов-коммунистов!», «Да здравствует вождь Троцкий, Ленин!») и последующим обыском квартир. В ходе обыска были найдены оппозиционные прокламации и переписки. Как свидетельствует документ, оппозиционеры Ачинска поддерживали связь с Троцким и занимались пересылкой нелегальной литературы. Буйные оппозиционеры были доставлены ГПУ под арест, откуда они посылали телеграммы с целью освобождения и проверки «классовой линии избирательной кампании» высшим партийным деятелям: Калинину, Орджоникидзе и Червякову. В качестве протеста арестованные объявили голодовку. Те оппозиционеры, которые не участвовали в провокации в профклубе, составили новое заявление, адресованное местному ГПУ. В заявлении ставился ультиматум: либо арестованные освобождаются немедленно, либо пусть арестовывают всех. В случае несправедливости, утверждали троцкисты, у них хватило бы средств донести до настоящих коммунистов и рабочих информацию о данном случае[15].

В декабре **славгородские** административно высланные троцкисты подали заявление в партийные органы и органы ОГПУ различных уровней (окружные, краевые). Смысл заявления заключался в изложении позиции платформы большевиков-ленинцев (оппозиции). Ставилось требование о возврате высланным избирательных прав. Высланные троцкисты осуждали кампанию перевыборов в Советы с позиции проникновения в избиркомы «каэров», кулаков и прочих правых элементов. Действительно, отчеты о ходе перевыборной кампании изобиловали замечаниями самих большевиков об ошибках в деле лишения избирательных прав. В отношении антисоветских элементов отмечалась тенденция «недовыявления», когда

[13] *Саламатова М.С.* «На 20 рабочих – 120 попов…»… С. 96.
[14] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 294. Л. 5–7.
[15] Там же. Л. 8-17; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 91. Л. 20–21.

как в отношении середняков и даже бедняков осуществлялись «перегибы»[16]. Это подчеркивалось с той целью, чтобы показать контраст между «антисоветскими» элементами, незаконно пробравшимися в избирательные комиссии, и верными большевиками-ленинцами, следующими классово верной линии партии. Заявление было подписано шестью оппозиционерами, некоторые из которых находились в высших эшелонах власти (в частности, Л.Г. Бруй – нарком просвещения и член ЦИКа Киргизской ССР). Славгородский окружком высказал опасение по поводу распространения данных заявлений и принял меры по их изъятию[17].

В январе 1929 г. в Канске высланные троцкисты подали в Горизбирком протест в связи с лишением их избирательных прав, считая позорным тот факт, что по объему своих прав они были приравнены к бывшим царским офицерам и пр. Содержалось требование о пересмотре возврата избирательных прав «белогвардейцам и хозяйчикам». Окружком сообщал в Сибкрайком о такой форме протеста высланных троцкистов, как расклеивание оппозиционных записок по городу с обвинениями в «нарушении пролетарской линии». Оппозиционеры в своем заявлении использовали следующий прием для дискредитации большевиков: они утверждали, что в г. Канске процент лишенцев по сравнению с прошлой перевыборной кампанией резко упал, что в Советы пробрались враги – белогвардейцы, кулаки и пр. На деле же процент лишенцев в Канске в соответствии со сводками о перевыборной кампании слегка уменьшился с 12,1 % в 1927 г. до 11, 9 % в 1929 г.[18] При этом троцкисты аргументировали свою позицию вырезками из газеты «Правда», где действительно просочилась такая информация. Позже в городе были обнаружены листовки, расклеенные оппозиционерами, в которых подчеркивалась плохая работа окружкома, связанная с «извращением классовой линии». Это проявлялось в следующей цитате: «Лишенные в прошлых выборах права голоса осколки белогвардейщины, капиталистических слоев в нынешнем году имеют право избирать и быть избранными»[19]. Оппозиционеры использовали откровенную манипуляцию, подчеркивая свою выдающуюся роль в революции и принижая при этом работу избирательных комиссий в деле лишения избирательных прав. Действительно, в Канске процент лишенцев снизился по сравнению с предыдущей кампанией, но важно то, как этот факт интерпретировали оппозиционеры. Они гиперболизировали проблему, считая, что избирком работает плохо и, как следствие, лишает прав верных «большевиков-ленинцев», а бывшим «лишенцам» возвращает избирательные права.

В январе 1929 г. в Сибкрайком было отправлено срочное донесение о том, что в Каинске Барабинского округа активизировались группы высланных оппозиционеров. В донесении высказывается обеспокоенность тем, что некоторые административно высланные распространяют оппозиционные листовки. Так, в частности, секретарь отдела землеустройства Райтман распространял их содержание среди коммунистов. В донесении фигурирует информация о том, что оппозиционер Беркович «получаемую из Москвы оппозиционную литературу дает читать коммунистам». Об агитации троцкистов, как отмечалось в донесении, в среде коммунистов говорят очень много. В конце января группа большевиков-оппозиционеров Каинска направила заявление в Барабинский окризбирком и ВЦИК с протестом лишения их избирательных прав. При этом, как утверждается в заявлении, некоторые из административно высланных являлись членами профсоюзных организаций, хотя по законодательству они лишались права состоять в общественных организациях[20].

В Новосибирске произошло такое же явление с участием административно ссыльных, только оно сопровождалось не подачей «формальных заявлений», а распространением полноценных оппозиционных листовок на одной из госмельниц[21].

[16] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577.
[17] Там же. Оп. 2. Д. 294. Л. 26–32; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 91. Л. 20–21.
[18] Там же. Оп. 1. Д. 2577. Л. 342–343.
[19] Там же. Оп. 2. Д. 294. Л. 37–38.
[20] Там же. Л. 44–45, 52.
[21] Там же. Оп. 1. Д. 2577. Л. 202.

Помимо открытых выступлений, выражавшихся в обструкциях и заявлениях, большевики-оппозиционеры, как свидетельствуют советские отчетные органы, использовали «отсталых» рабочих, получивших право участвовать в выборах. Так, например, в Красноярске некий рабочий Спиряев во время своего выступления в горсовете упрекнул большевиков в неправильной политической линии, аргументируя это дискриминациями троцкистов, которые выражают действительно рабочую классовую политику. На собрании его выступление не получило поддержки[22].

Большевики в сводках, направляемых в Сибкрайком, фиксировали, что одним из наиболее распространенных орудий в руках троцкистской оппозиции была клевета в отношении кандидатов. Так, во время обсуждения кандидатуры председателя красноярского окрисполкома Полюдова пьяный рабочий обвинял его в связях с белыми. В частности, в том же Красноярске «пьяные рабочие в количестве 7 человек» устроили обструкцию собрания, сопровождавшуюся провалом кандидатур большевиков и выдвижением в кандидаты лишенных права голоса троцкистов[23].

В части сводок речи конкретно о троцкистах не шло, однако говорилось о настроениях лишенцев в целом в рамках кампании перевыборов: «Не в пример предыдущей избирательной кампании активность лишенцев в эти перевыборы усилилась… Их состав пополнился такой группой, как оппозиционеры…»[24]; «Подняли головы все, кто до сих пор скрывался в тени… Самые разнообразные методы и способы агитации были пущены в ход. И самое главное внимание было пущено на срыв отчетных собраний»[25]. То же касалось и активности административно-ссыльных: ссылка «оживилась», стала более активной по сравнению с предыдущей кампанией. Это проявилось именно за счет большевиков-оппозиционеров, поскольку к 1928 г. никаких иных реальных политических группировок в общественно-политической жизни Сибири не наблюдалось. Огромный массив информации отчетов был направлен на выявление настроений крестьянства – роли бедняков в ходе перевыборов «кулацкому противодействию» и пр. В этом контексте троцкистский протест значимой роли не играл, поскольку «кулачество» и оппозиционеры не консолидировались в объединенную силу: агитация троцкистов была направлена на рабочих. Большевики-оппозиционеры не объединялись с иными «антисоветскими группировками». Если в среде лишенцев духовенство могло стихийно консолидироваться с кулачеством и середнячеством, то оппозиционеры выступали в одиночку, расширяя свое влияние на рабочие слои населения, заинтересованные в «левом уклоне». Под вопросом находится то, выступали ли вообще оппозиционеры как объединенная политическая сила, находясь в ссылке.

Итак, классифицировать протест ссыльных-большевиков оппозиционеров можно следующим образом:

1) открытое выступление могло происходить в двух формах: а) при прямом участии троцкистов; б) при участии пролетарских слоев населения, попавших под идейное влияние оппозиции;

2) выступление в законных рамках – забаллотирование кандидатов или же выдвижение определенных требований/замечаний. Первое характеризовалось отклонением «нужного» кандидата – одна из самых распространенных форм протестного поведения «неорганизованного» населения на выборах[26]. Местные власти были уверены в том, что существует некий заговор оппозиционеров, идейно разлагавших «неразвитых» рабочих. Подобные теории заговора являлись составным элементом в идеократической системе Советского государства – «осажденной крепости». Известно, что большевики были склонны преувеличивать негативные тенденции в политическом процессе, поэтому вопрос о реальном влиянии троцкистов на рабочие массы избирателей остается дискуссионным;

[22] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577. Л. 387–388.
[23] Там же. Л. 312–313.
[24] Там же. Л. 188.
[25] Там же. Л. 260.
[26] *Саламатова М.С.* «На 20 рабочих – 120 попов…»… С. 92.

3) подача заявлений в различные органы (избиркомы, райкомы, окружкомы и пр.) – относительно мирная форма протеста. Однако зачастую она связывалась с открытым выступлением – оппозиционеры пытались привлечь общественность к вопросу о «незаконном» лишении избирательных прав;

4) распространение антисоветских листовок. Подобные листовки не получали распространения среди широких масс. Их распространение зачастую пресекалось местными властями. Зачастую чекисты разоблачали оппозиционеров во время обысков квартир, хранивших оппозиционную корреспонденцию, как было в Ачинске или в Красноярске осенью 1928 г.[27];

5) голодовка: известно об одном случае, связанном с заключением сорвавших выборное собрание троцкистов под арест.

Протест троцкистов имел сходные черты с протестным поведением других лишенцев. Так, в Минусинском округе, по оценкам местных властей, зажиточные и кулацкие элементы использовали клевету и роспуск слухов о кандидатах в избиркомах с целью продвижения своих интересов[28]. В целом практически все названные формы протеста использовались и кулачеством, и эмпирических данных об их выступлениях существует больше. Однако особенность троцкистского протеста выражается в исключительно политическом характере последнего. Если зажиточные слои деревни, нэпманы, духовенство и другие категории лишенцев боролись за свою социально-экономическую свободу, то оппозиционеры пытались вернуться в политическую сферу общества как ее субъекты. Особенно их веру в ошибочность своей опалы укреплял тот факт, что большевики использовали лозунги троцкистов для борьбы с правым уклоном. По этой причине многие оппозиционеры в своих заявлениях подчеркивали, что донесут до «настоящих» коммунистов информацию о том, что местные власти репрессируют первых.

Для ответа на вопрос о том, представлял ли собою протест оппозиционеров скоординированную акцию, как утверждает В.И. Пинкин[29], необходимо рассмотреть такой фактор, как возможность обмена корреспонденцией между политссыльными. В июле 1928 г. переписка между колониями ссыльных была еще настолько свободной, что между ссыльными путем обмена телеграммами произошло голосование за вариант обращения к VI Конгрессу Коминтерна[30]. Осенью 1928 г. в самый разгар кампании перевыборов начались аресты, однако и они не прервали обмен корреспонденцией между колониями: «Не прекратили они и наших выступлений на рабочих собраниях, как не прекратили нашей издательской деятельности»[31]. Наконец, само наличие в «Бюллетене» рубрик о репрессиях оппозиционеров в СССР говорит о том, что связи такого рода осуществлялось. Это подтверждают и данные отчетных органов, фиксировавших при обысках квартир оппозиционеров оппозиционную переписку и литературу. Таким образом, связь между колониями существовала. В «Бюллетене» звучал следующий призыв: «необходимо поднять систематическую, ни на минуту не ослабевающую кампанию по борьбе за улучшение положения ссыльных и арестованных большевиков-ленинцев»[32].

Конечно, конкретных директив о проведении протестов во время перевыборной кампании в качестве источников не обнаружено и вряд ли они существуют. Однако, на наш взгляд, призыва в главном печатном органе оппозиции было достаточно для того, чтобы в местах сосредоточения колоний оппозиционеров в преддверии выборов прошли волнения, вызванные стихийной реакцией на лишение избирательных прав. Как подчеркивалось исследователями, в обществе во время кампании 1928–1929 гг. царили позитивные настроения в контексте участия в выборах, поскольку они представлялись реальным инструментом

[27] *Шекшеев А.П.* К истории устранения коммунистами политической оппозиции на Енисее в 1920-е годы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 231–232.
[28] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 618. Л. 38.
[29] *Пинкин В.И.* Ссыльные… С. 410–411.
[30] Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1. Июль.
[31] Там же.
[32] Там же.

борьбы за интересы определенных категорий населения. В то же время отчетные собрания затрагивали социально-экономические вопросы, тогда как вопросы политического характера, как правило, на них не рассматривались. Даже если бы большевики-оппозиционеры сохранили избирательные права, сам характер выборов не позволил бы им рассмотреть и воплотить их политические требования.

В соответствии с методами протеста поднимается вопрос о том, был ли он вообще скоординирован. Ни один из его методов априори не мог принести прагматической пользы оппозиционерам, поскольку проблема крылась не в местных властях, «извративших партийную линию», как считали троцкисты, а в полноценных репрессиях большевистской власти против оппозиции. Полноценного протеста не произошло и по той причине, что интересы троцкистов фундаментально отличались от стимулов присоединения к протесту других лишенцев. Оппозиционеры в своих выступлениях зачастую ставили в пример «настоящих антисоветчиков» – торговцев, попов, кулаков, одним словом, тех, кто находился с троцкистами в одной лодке в правовом смысле.

Выводы. Изучение маргинальных групп во время электоральных кампаний большевистской власти позволяет не только проследить процесс создания тоталитарного общества, но и выявить интересы отдельных социальных страт. Большевики-оппозиционеры находились в двойном маргинальном статусе. Во-первых, они лишались избирательных прав со всеми последствиями, равно как и 2 433 390 чел., лишенных избирательных прав по всему РСФСР (4,5 % от взрослого населения)[33]. Во-вторых, они представляли самую скоординированную политическую силу в данный период, и их интенции на фундаментальном уровне отличались от большинства групп лишенцев. По этой причине между ними и другими лишенцами не существовало консолидации. Методы протеста во многом совпадали, но причины и цели виделись разными. Протест ссыльных троцкистов на территории Сибири имел несколько форм, которые мы постарались классифицировать. Протестные выступления затронули окружные центры – города, в которых имелись рабочие, склонные к идеям большевиков-оппозиционеров. Протест оппозиционеров представлял собой нетипичное поведение политических ссыльных, поскольку они в процессе своей адаптации избирали такие формы поведения, которые исключали бы дальнейшие репрессии по отношению к себе, в то время как поведение троцкистов было диаметрально противоположным[34]. Излишняя активность оппозиционеров во время перевыборной кампании оказалась неожиданностью для большевиков. Лозунги к перевыборной кампании фиксировали ожидания большевиков от нее. Лозунг «Кулакам, спекулянтам, попам – врагам Советской власти нет голоса на выборах Советов. Лишайте их избирательных прав!»[35] освещал основные категории населения, которые необходимо было отстранить от электоральной системы. При этом первые упоминания о троцкистах в сводках Сибкрайисполкома и Сибкрайкома появлялись уже по факту произошедших выступлений, после которых начался мониторинг влияния троцкистов на перевыборную кампанию. Вероятно, причина январских арестов 1929 г. в крупных городах и снижение в два раза жалования высланных оппозиционеров крылись в протестных настроениях, которые продемонстрировали троцкисты. С прагматической точки зрения, протест не привел оппозиционеров к положительному результату, а лишь усугубил репрессии в отношении них.

[33] *Ергина Н.М.* Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 88–89.

[34] *Добрачев П.Е.* Интеллигенция в сибирской высылке и ссылке в 1920-е гг.: адаптация, культурничество, повседневность // Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения: материалы XXXIII Междунар. науч.-теоретич. конф. Иваново, 2023. С. 319.

[35] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 618. Л. 89–90.

Литература

Добрачев П.Е. Интеллигенция в сибирской высылке и ссылке в 1920-е гг.: адаптация, культурничество, повседневность // Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения: материалы XXXIII Междунар. науч.-теоретич. конф. Иваново, 2023. С. 313–320.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. 590 с.

Ергина Н.М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 84–89.

Интервью с Я. Мееровым (Д.М. Бацер) // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. С. 232–243.

История ВКП(б). Краткий курс. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1945. 350 с.

Красильников С.А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 – начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 24–60.

Пинкин В.И. Ссыльные // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). М., 2017. 600 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. 377 с.

Саламатова М.С. «На 20 рабочих – 120 попов…»: непролетарские слои населения на выборах в Советской России в 1920-е гг // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 1. С. 79–102.

Саран А.Ю. Выборы 1929 г. в Советы Центрально-Черноземной области // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 179–185.

Шекшеев А.П. К истории устранения коммунистами политической оппозиции на Енисее в 1920-е годы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 222–232.

References

Dobrachev, P.E. (2023). Intelligentsiya v sibirskoy vysylke i ssylke v 1920-e gg.: adaptatsiya, kul’turnichestvo, povsednevnost’ [Intelligentsia in Siberian Exile and Exile in the 1920s: Adaptation, Culturalism, Everyday Life]. In *Intelligentsiya i intellektualy: diskussionnye voprosy izucheniya: materialy XXXIII Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Ivanovo, pp. 313–320.

Doycher, I. (1991). *Trotsky v izgnanii* [Trotsky in the Exile]. Moscow. 590 p.

Ergina, N.M. (2011). Lishenie izbiratel’nykh prav v kampaniyu vyborov v Sovety 1928–1929 gg. v natsional’nykh regionakh Povolzh’ya (na primere sel’skikh mestnostey Mordovii i Tatarstana) [Disenfranchisement in Parliamentary Elections in the Soviets of 1928–1929 in the Volga Regions (Against the Background of the Emergence of Areas of Mordovia and Tatarstan). In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-1, pp. 84–89.

(1989). Interv’yu s Ya. Meerovym (D.M. Bacer) [Interview with Ya. Meerov (D.M. Batser)]. In *Minuvshee. Istoricheskiy al’manakh*. Paris, pp. 232–243.

(1945). *Istoriya VKP(b). Kratkiy kurs* [History of the CPSU(b). Short Course]. Moscow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoy literatury. 350 p.

Krasilnikov, S.A. (1994). Vysylka i ssylka intelligentsii kak element sovetskoy karatel’noy politiki (1920 – nachalo 1930-kh gg.) [Expulsion and Exile of the Intelligentsia as an Element of Soviet Punitive Policy (1920 – Early 1930s)]. In *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolyutsionnoy Sibiri (1920–1930-e gg.)*. Novosibirsk, pp. 24–60.

Pinkin, V.I. (2017). Ssyl’nye [Exiles]. In *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir’ (1920–1930-e gody)*. Moscow. 600 p.

Stalin, I.V. (1949). Sochineniya [Essays]. Moscow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoy literatury. Vol. 11. 377 p.

Salamatova, M.S. (2016). “Na 20 rabochih – 120 popov…”: neproletarskie sloi naseleniya na vyborah v Sovetskoy Rossii v 1920-e gg. [“For 20 Workers, 120 Priests...”: Non-Proletarian Sections of the Population in Elections in Soviet Russia in the 1920s]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, No. 1, pp. 79–102.

Saran, A.Yu. (2016). Vybory 1929 g. v Sovety Tsentral’no-Chernozemnoy oblasti [Elections of 1929 to the Soviets of the Central Black Earth Region]. In *Upravlencheskoe konsul’tirovanie*. No. 11, pp. 179–185.

Sheksheev, A.P. (2019). K istorii ustraneniya kommunistami politicheskoy oppozitsii na Enisee v 1920-e gody [On the History of the Elimination of Political Opposition on the Yenisei by Communists in the 1920s]. In *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. No. 3 (20), pp. 222–232.

М.Ю. Шматов*

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1937–1938 ГОДЫ): АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-12
УДК 93

Выходные данные для цитирования:
Шматов М.Ю. Электоральное поведение в Западной Сибири (1937–1938 годы): антропологическое измерение // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 176–186. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-12.pdf

M.Yu. Shmatov*

ELECTORAL BEHAVIOR IN WESTERN SIBERIA (1937–1938): AN ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-12

How to cite:
Shmatov M.Yu. Electoral Behavior in Western Siberia (1937–1938): An Anthropological Dimension // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 176–186. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-12.pdf]

Abstract. The paper is devoted to the problems of electoral behavior of Soviet citizens during the elections to the Supreme Soviet of the USSR and the Supreme Soviet of the RSFSR in 1937–1938. The actions of voters and party and state functionaries in Western Siberia are analyzed. The choice of the region is due to its specific position as one of the centers of mass economic and social processes in the 1930s. Work has been carried out to compare various forms and motivations of citizens' behavior with their gender, age, social and professional status, level of education and place of residence. A high level of loyalty and political diligence of functionaries and activists has been established in cities with established traditions and practices of implementing mass campaigns. At the same time, it was proved that in places with a low standard of living, high social tension and contradictions, the degree of conformism and protest activism was significantly higher. First of all, we are talking about rural areas, especially remote from the “hotbeds of modernization”: MTS, railways, large enterprises. It was found that Soviet youth showed sincere loyalty much more often than mature citizens. This is due to the social experience of the Soviet people, who found a number of political regimes and changes in the official course of the country. This allowed adult citizens to develop a variety of behavioral strategies with the main goal of ensuring survival and, if possible, social success for themselves and their closest relatives. The scarcity of radical protest behavior has been proved; it has been established that such behavior also often meant personal devotion to the country and its microsocium, a desire to improve the current state of affairs. In addition, the significant role of religion and the traditional way of life in the formation of an alternative, individual point of view among citizens has been revealed. It is concluded that the electoral behavior of citizens as a whole satisfied the needs of the party state in strengthening its own legitimacy.

Keywords: electoral behavior, elections, Supreme Council, social mobilization, legitimacy, cultural anthropology, conformism.

The article has been received by the editor on 05.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование посвящено проблематике электорального поведения советских граждан в ходе выборов в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР 1937–1938 гг. Проанализированы действия избирателей и партийно-

* **Михаил Юрьевич Шматов,** Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия, e-mail: shmatov2009@yandex.ru
Mikhail Yurievich Shmatov, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia, e-mail: shmatov2009@yandex.ru

государственных функционеров в Западной Сибири. Выбор региона обусловлен специфическим положением одного из центров массовых экономических и социальных процессов 1930-х гг. Проведена работа по сопоставлению различных форм и мотиваций поведения граждан с их половозрастной принадлежностью, социальным и профессиональным статусом, уровнем образования и местом проживания. Установлен высокий уровень лояльности и политической исполнительности функционеров и активистов в городах со сформировавшимися традициями и практиками реализации массовых кампаний. При этом доказано, что в местах с низким уровнем жизни, высокой социальной напряженностью и противоречиями степень конформизма и протестного активизма была значительно выше. Речь в первую очередь идет о сельской местности, особенно отдаленной от «очагов модернизации»: МТС, железных дорог, крупных предприятий. Установлено, что советская молодежь проявляла искреннюю лояльность гораздо чаще зрелых граждан. Это объясняется социальным опытом советских людей, заставших ряд политических режимов и смен официального курса страны. Это позволяло взрослым гражданам вырабатывать разнообразные стратегии поведения с главной целью – обеспечить себе и ближайшим родственникам выживание и, по возможности, социальный успех. Доказана немногочисленность радикально протестного поведения; установлено, что такое поведение тоже нередко означало личную преданность стране и своему микросоциуму, желание улучшить текущее положение дел. Кроме того, выявлена значительная роль религии и традиционного уклада в формировании у граждан альтернативной индивидуальной точки зрения. Сделан вывод о том, что электоральное поведение граждан в целом удовлетворяло потребности партийного государства в укреплении собственной легитимности.

Ключевые слова: СССР, электоральное поведение, выборы, Верховный Совет, социальная мобилизация, легитимность, культурная антропология, конформизм, лоялизм.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023 г.

В советской и мировой истории вторая половина 1930-х гг. оказалась переломным и полным противоречий периодом. Финальная часть Interbellum перед Второй мировой войной характеризовалась во многих крупных государствах мира стихийным (и часто безуспешным) поиском новых союзов во внешней политике и масштабными социальными экспериментами во внутренней.

Эпоха, которую один из крупнейших социальных историков М. Дэвид-Фокс считал одним из наиболее активных всплесков модернизации[1], способствовала активизации институтов и практик модерного общества: от индустриализации и создания массовых армий до «нового витка» конституционализма и электоральных процессов. Обозначился и усилился актуальный еще со времен Просвещения «тренд» на демократию – обеспечение политического участия больших групп населения в государственной деятельности (непринципиально, реального участия или мнимого)[2]. Демократические процессы, включая выборы, стали частью и ключевым элементом социальной мобилизации: «массы», которые в традиционных обществах находились вне ключевых политических действий, теперь вольно и невольно вовлекались в них, ведь солдат, рабочий или интеллигент, очевидно, качественнее и мотивированнее исполнял свою функцию в модерном государстве, зная, что и он причастен к его судьбе.

Особой формой модернизации и социальной мобилизации был советский партийно-государственный проект, который с середины 1930-х гг. оформился в сталинскую модель

[1] *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. С. 54, 60.
[2] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 14–20.

персоналистской системы власти[3]. Ключевым дискурсом этой модели стала идея единого советского народа, объединенного вокруг «вождя» – источника изобилия, успехов страны и свобод ее граждан. Институциональным оформлением этой модели стало принятие «самой демократической в мире» Конституции 1936 г., четко увязанной с именем И.В. Сталина[4]. Далее, в 1937–1938 гг., на базе положений этой Конституции осуществился электоральный процесс: выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных республик. В соответствии с политической спецификой СССР эти выборы обрели форму и масштаб массовой политической кампании[5].

Электоральные мероприятия охватили страну во всем многообразии ее регионов. Одним из наиболее динамично развивающихся был Западно-Сибирский край, осенью 1937 г. разделившийся на Новосибирскую область и Алтайский край. Географические рамки нашего исследования ограничиваются этим обширным пространством с крупными историческими (Томск, Барнаул) и сравнительно молодыми (Новосибирск, Кузбасс) городскими центрами, аграрными районами, зонами спецкомендатур крестьянской ссылки[6] и местами компактного проживания ряда этнических групп (татары, казахи, немцы, поляки, эстонцы, латгалы и др.). Западная Сибирь представляла собой своеобразный «срез» советского социума: частично динамичного и вовлеченного в модернизацию, а частично – крайне традиционалистского, архаичного и «не готового к современности»[7].

Историографически тема советских выборов изучена детально: в первую очередь советских, российских и зарубежных авторов интересовали институциональная и статистическая стороны проблемы электоральных процессов. Проще говоря, исследовалось, кто и как организовал выборы, а также кто и как на них проголосовал. Такие исследования обеспечили широкую фактологическую базу, но в основном не лишены тенденциозности в концептуальном измерении. Так, советские авторы ожидаемо идеализировали электоральный процесс, подчеркивая массовую позитивную вовлеченность советских граждан в него[8]. Постсоветские и зарубежные историки, а также представители русской эмиграции[9], напротив, часто чрезмерно критически оценивали советские выборы, делая акцент на их идеологическом характере и отсутствии политических альтернатив (что, безусловно, верно, но не вполне отвечает на вопрос о причинах добровольной вовлеченности в процесс десятков миллионов людей)[10]. Причем представители «тоталитарной школы» объясняют электоральные процессы доминирующей принудительной силой государства, а их оппоненты («ревизионисты») делают акцент на широкой социальной поддержке «генеральной линии»[11], порой подтверждая тезисы самой советской пропаганды[12].

В реальности картина социальных мнений была намного шире и сложнее. Историки А.Н. Медушевский[13], В.Н. Земсков[14], О. Великанова[15] исследовали многообразие взглядов советских граждан по поводу конституционных реформ и политических репрессий в СССР второй половины 1930-х гг. Цель нашего исследования – с опорой на их опыт и на методо-

[3] *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 12–17.

[4] Хотя значительную роль в создании текста Конституции сыграли другие советские деятели – например, Н.И. Бухарин. См.: *Хлевнюк О.В.* Хозяин… С. 138.

[5] *Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С.* и др. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 5, 11.

[6] *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 30.

[7] *Шенк Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С. 87.

[8] О конституциях буржуазных стран. В помощь пропагандисту и агитатору. Саратов, 1936.

[9] *Рошковский К.* Борьба старого мира с новым миром // Младоросское слово. 1938. 7 янв. С. 4–5.

[10] *Малиа М.* Советская трагедия. М., 2001.

[11] *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. М., 2008.

[12] *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР. 1933–1937. М., 2017.

[13] *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., 2017.

[14] *Земсков В.Н.* Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2014.

[15] *Velikanova O.* Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, 2018.

логическую базу социальной и культурной антропологии изучить формы и причины электоральных действий советских граждан в Западной Сибири – в таком подходе заключается новизна этой работы.

Рабочая гипотеза исследования такова: поведение советских граждан в ходе выборов определялась не только и не столько их осознанными политическими предпочтениями, ключевую роль играли экономический и социокультурный статус граждан, территория их проживания и динамика территориальной и социальной мобильности. Следует признать ошибочным тезис историков «тоталитарной школы» об отсутствии у граждан предвоенного СССР политической субъектности и опыта политического участия[16]. Реальность такова, что среднестатистический советский гражданин 30–40-летнего возраста, проживавший в Западной Сибири в конце 1930-х гг., в сознательном возрасте застал множество форм правления и политических режимов: от Российской империи и Временного правительства до различных контрреволюционных правительств и большевиков, которые тоже неоднократно меняли свой курс в 1920–1930-х гг. При этом ряд исследователей считает, что эти политические процессы лишь косвенно коснулись повседневных практик людей[17], с чем тоже нельзя согласиться: модернизационные события вовлекали в свою орбиту большинство взрослого населения и даже детей, существенно влияя на их мировоззрение и поведение. Еще современник этих событий – испанский мыслитель Ортега-и-Гассет четко зафиксировал этот процесс и реакцию на него в виде «восстания масс»[18].

Таким образом, социальный портрет взрослого советского человека (от 30 лет и старше) таков: это экономически и, как правило, политически активный гражданин с богатым жизненным опытом и определенным инструментарием поведенческих практик в различных ситуациях. В определенном смысле специфическую группу населения представляла собой советская молодежь, особенно люди, родившиеся после 1917 г.: вся их сознательная жизнь проходила при советской власти, что, однако, не исключает их высокой политической активности. Большинство молодых людей искренне верили в идеологические нарративы партийного государства, не зная альтернативных позиций. Многие поддерживали официальные установки в качестве протеста против архаики, в том числе в рамках «конфликта отцов и детей»[19]. В то же время немало (но не большинство) представителей юношества сохраняло и воспроизводило идентичность малых групп, противопоставленных советской идеократии: речь идет о религиозных сообществах, крестьянских традиционных семьях, некоторых группах интеллигенции, этнических замкнутых сообществах, сектах и криминальных объединениях. Все это, конечно, касается и взрослых членов подобных групп. Так или иначе, тезис о пассивном и безучастном советском человеке не соответствует исторической реальности.

В то же время поведенческие стратегии советских людей были крайне разнообразны. В рамках данного исследования речь идет о специфической форме социальных действий – электоральном поведении. Это поведение – реакция граждан на мероприятия массовой политической кампании, т.е. действия, инициированные извне, но чаще всего осознанные. Социолог М. Вебер разделял поведение людей на целе-рациональное, ценностно-рациональное и аффективное, справедливо полагая, что те или иные действия предпринимаются либо «по холодному расчету» для достижения личной цели, либо исходя из ценностей, либо эмоционально и необдуманно[20]. Все это, конечно, касается и поведения советских людей.

Выборы в Верховный Совет СССР состоялись 12 декабря 1937 г. Им предшествовала пятимесячная электоральная кампания, старт которой был дан 9 июля 1937 г. Положением о выборах в Верховный Совет СССР. Эти мероприятия были инспирированы «сверху» – широкого общественного запроса на них не было, советское население было занято реализа-

[16] *Малиа М.* Советская трагедия… С. 29–34.
[17] *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 169.
[18] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2016.
[19] *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы… С. 170.
[20] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. М., 1996.

цией других хозяйственных кампаний (мероприятиями второй пятилетки и тяжелой аграрной работой). Социально-психологическая обстановка в стране осложнялась репрессивными мероприятиями, включая показательные суды над «врагами народа» от бывших советских лидеров до функционеров районного уровня и рядовых граждан. В этом смысле выборы оказались своего рода дополнительным стрессовым фактором, но, с другой стороны, они воспринимались многими либо как социальный лифт, либо как минимум в качестве социальной «индульгенции»: если действия гражданина соответствовали ожиданиям руководства страны, то он мог рассчитывать на преференции[21].

Это хорошо понимали определенные группы населения: функционеры (агенты) партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и других организаций, а также активисты, не имевшие формальных политических статусов. Все эти люди были реальными исполнителями мероприятий кампании с разной мотивацией. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не всегда позволяют однозначно интерпретировать причины того или иного поведения. Разумеется, официальная советская периодика содержит множество публикаций об искренности порывов советских граждан в поддержку «блока коммунистов и беспартийных»[22]. Однако делопроизводственная закрытая документация партийно-советских органов демонстрирует более сложный спектр мотиваций[23].

Ряд агентов кампании действовали искренне и весьма результативно. Отчеты и спецсводки, в том числе инспекторов из Москвы, из аппарата СНК СССР, показывают, что искренность в действиях функционеров (ценностно-рациональное поведение) часто связана с их возрастом и территориальным нахождением[24]. Энтузиазм и оптимизм в решении задач кампании чаще отмечались у молодых функционеров – отчасти это объясняется их карьерными устремлениями, однако такое поведение вполне могло быть следствием советского воспитания вкупе с определенной наивностью и альтруизмом молодежи, стремившейся выполнить «задание партии и правительства» и таким образом сделать жизнь (свою и окружающих) лучше[25].

Территориально искренняя и результативная реализация партийно-государственных установок чаще отмечается в крупных городах (Новосибирск, Томск), а также в промышленных и железнодорожных центрах (Кемерово, Сталинск, Черепаново, Искитим, Куйбышево)[26]. Это объясняется как социальным статусом и уровнем образования местных функционеров (интеллигенция и квалифицированные рабочие, а также прослойка профессиональных бюрократов), так и спецификой городской среды, в которой искренность граничит с умелой социальной мимикрией и умением понять и воплотить замысел вышестоящего руководства. В условиях важной для государства кампании опытные функционеры хорошо понимали, какое наказание им грозит за срыв мероприятий и какие возможности открываются в случае успеха, поэтому их поведение (не важно, искреннее или вынужденное) приводило к успешному результату в виде быстрого изучения правовой базы выборов, подготовки избирательных комиссий и участков[27]. В этом смысле индустриальный город вполне можно назвать оплотом советского модернизационного проекта с точки зрения ценностей и психологии его жителей.

В сельской местности контролирующие инстанции замечали гораздо больше проявлений «формализма», «безынициативности» и «срывов/прорывов/провалов» мероприятий[28]. Причем в наиболее бедных районах на севере Новосибирской области (в наши дни это

[21] *Хоффман Д.* Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. С. 189.
[22] Правда. 1937. 13 дек.; Советская Сибирь. 1937. 12 дек.
[23] Фонды партийных, советских и профсоюзных организаций // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО): Р-47, Р-1020, П-190, Р-627.
[24] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 200. Л. 43–44.
[25] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 103. Л. 6–7.
[26] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–43.
[27] ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9.
[28] Там же. Л. 12.

частично Томская область) колхозные функционеры гораздо чаще проваливали мероприятия[29]. Любопытно, что претензий к функционерам в возрасте от 30 лет и старше было меньше[30]. Это свидетельствует о том, что богатый политический (и просто жизненный) опыт этих людей, прошедших Гражданскую войну, переживших противоречивый для деревни нэп и трагическую коллективизацию, помогал им пусть формально, но с видимой результативностью исполнять все необходимые процедуры. Сельская молодежь своими действиями от имени советской власти часто попадала в категорию «контрреволюционеров», позволяя себе ошибочные и «крамольные» высказывания, вроде «переизберем Советы, вместо Сталина изберем Калинина»[31]. В ряде случаев диссонанс идеологических симулякров с суровой сельской реальностью доводил молодых функционеров, комсомольцев и даже партийных агитаторов до «контрреволюционных высказываний»: в сущности, эти молодые люди тоже вели себя искренне – замечая, что колхозникам в условиях тяжелого сбора урожая 1937 г. не до политики, они прямо говорили об этом, стремясь помочь партии и правительству принять более оптимальные решения, но, с точки зрения власти, они лишь «саботировали предвыборную кампанию»[32].

Основная масса населения региона к активистам не относилась – речь идет о рядовых гражданах из всех групп населения, которые стали объектом воздействия кампании. Именно от их восприятия происходящего зависел исход мероприятий. Фактически выборы представляли собой не альтернативный отбор кандидатов, а грандиозный легитимационный проект большевиков. В первой половине 1930-х гг. легитимность руководства СССР в условиях серьезной социальной напряженности была крайне сомнительной – политические кампании второй половины десятилетия были призваны продемонстрировать всенародную поддержку ассоциировавшихся с фигурой И.В. Сталина преобразований[33]. Поэтому электоральную активность в советских условиях следует воспринимать именно как формирование легитимности Сталина и его аппарата.

На этапе подготовки к выборам от населения требовалась достаточно высокая, избыточная активность. Речь идет и об участии в массовых собраниях по изучению и обсуждению выборного законодательства, и о формировании территориальных избирательных комиссий, и о подготовке избирательных участков, и, конечно, о выдвижении кандидатур в депутаты Верховного Совета (как формальных, включая самого «вождя» и его соратников, так и вполне реальных, из числа «лучших людей» региона). Несмотря на экономические сложности и социальные проблемы, активность эта была продемонстрирована самыми разными группами населения[34]. Причин этому тоже несколько.

Во-первых, значительная часть советских граждан искренне верила в возможность перемен к лучшему путем политических реформ. Богатый опыт подсказывал этим людям, что «генеральная линия» может серьезно «колебаться»: многие помнили переход от «военного коммунизма» к нэпу, от радикального «великого перелома» к некоторому социальному успокоению середины 1930-х гг. Следовательно, основания надеяться на дальнейшее смягчение курса по мере «приближения коммунизма» у советских граждан были.

Особенно это касается жителей бурно развивавшейся Западной Сибири: например, в Новосибирске в течение 1930-х гг. были построены два крупнейших завода – «Сибкомбайн» и Завод горного оборудования (переоборудован в авиастроительный), одна из крупнейших в Евразии узловая ж/д станция Эйхе (затем – Инская), железнодорожный мост и целый ряд образцовых «соцгородков» для работников заводов, транспорта и административных учреждений[35]. Архитектурный стиль конструктивизма с его авангардными формами

[29] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.
[30] Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. Л. 3–9; Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 10; Советская Сибирь: номера за июль – декабрь 1937 г.
[31] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
[32] Алтайская правда. 1937. 12 нояб.
[33] *Медушевский А.Н.* Политическая история… С. 201.
[34] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
[35] *Голодяев К. А.* Новосибирск «на ощупь». Новосибирск, 2017. С. 67, 70.

жилых и административных зданий специфически оформлял пространство краевого центра: на фоне многочисленных рурализированных «нахаловок» из деревянных домов и бараков высились современные здания, ассоциировавшиеся с советской властью, новыми возможностями и «светлым будущим». Желающих своими руками обеспечить это будущее было немало – они искренне поддерживали политику СССР и столь же искренне осуждали его врагов, реальных и мнимых. Десятки миллионов этих людей спустя несколько лет будут готовы пожертвовать за свое государство жизнью, что доказывает искренность их взглядов.

Более того, крупные города, служившие административными центрами, массово декорировались многочисленными агитационными элементами: плакатами, транспарантами, флагами. Для реализации таких кампаний мобилизовались значительные силы профсоюзных организаций[36]. Сам архитектурный стиль конструктивистских домов (обширные пустые стены) подразумевал, в том числе, вывешивание на них плакатов. Семиотическая среда города формировала особый тип мышления и восприятия реальности – здесь рядовой житель становился «политическим человеком».

В то же время значительная прослойка граждан (особенно в сельской местности, пострадавшей от социальных экспериментов начала десятилетия) проявляла конформизм по отношению к идеолого-политическим акциям. Конечно, этих людей нельзя считать противниками власти или даже просто безучастными индивидами – главная причина их пассивности состояла в необходимости обеспечивать первичные потребности для выживания. В то же время среди этих людей большинство приняли участие в формальных процедурах подготовки к выборам и абсолютное большинство – в процедуре голосования[37]. «Считывать» их мотивацию непросто – многие искренне верили в улучшение таким путем жизни колхозников, многие стремились изменить свой статус, о чем порой открыто говорили на собраниях («депутаты живут в Москве!»)[38], а многие конформистски следовали за большинством. Рассмотренные примеры в очередной раз иллюстрируют культурно-антропологическую проблему социальной искренности и веры людей в правильность действий власти в условиях общества мобилизационного типа. Существенную помощь в раскрытии этой проблемы способны оказать источники личного происхождения: письма, дневники и мемуары, но большинство советского населения таковых не оставило ввиду низкого уровня образования и избыточной занятости[39].

Крайне немногочисленную, но социально заметную прослойку граждан представляли собой нонконформисты – те, кто стремился исправить текущее положение дел путем участия в электоральных процессах. Многие граждане, в том числе из университетской и технической интеллигенции, верили в альтернативный характер выборов, вспоминая в том числе выборы в Учредительное собрание конца 1917 г. В Новосибирске и Томске, где на стройках пятилеток работало определенное количество иностранных специалистов из стран Западной Европы и Северной Америки, некоторые рабочие выражали уверенность в том, что выборы пройдут «по-западному»[40], тем более одной из внешнеполитических задач СССР на фоне усиления нацистской Германии был поиск союзников среди стран с демократическими режимами.

До сих пор дискуссионным является вопрос, действительно ли И.В. Сталин изначально планировал альтернативные выборы[41], однако материалы Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. однозначно демонстрируют неготовность партийного государства даже думать об альтернативных кандидатах – многие московские и региональные лидеры прямо выражали страх «контрреволюции» на выборах[42]. Так что реальных альтернатив на выборах

[36] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–5.
[37] Советская Сибирь. 1937. 12 дек.
[38] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 103. Л. 9.
[39] *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.
[40] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
[41] *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин… С. 24.
[42] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Из речи т. Эйхе 1 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 3–6.

в Верховный Совет было две: участвовать либо уклоняться. Следует сказать, что абсентеизм как форма электорального протеста был в принципе крайне слабо распространен в модерных обществах первой половины XX в.: особенно это касается социумов, где выборы были формой мобилизации и легитимации[43]. Так что большинство граждан на выборы пришли.

При этом протестное поведение несогласных с «генеральной линией» проявлялось как на этапе подготовки к выборам, так и в ходе голосования. Прослойка критиков была шире именно до выборов – пользуясь правом высказать свое мнение на общих собраниях, рабочие, колхозники, интеллигенты разных возрастов заявляли в основном либо о необходимости альтернативных выборов (редко, менее 10 % случаев), либо о необходимости решать более насущные проблемы в экономике и социальной сфере (часто, более 90 % случаев)[44]. Этих людей опять-таки нельзя считать противниками советской власти: они указывали ей на недостатки, пользуясь легальными инструментами. В сущности, такое поведение тоже является электоральным – избиратели делились с властью своими мыслями, что, конечно, не поощрялось, так как было «непреднамеренным последствием»[45] четко распланированной лоялистской кампании.

Более радикальные и деструктивные проявления протеста отмечались на излете электоральной кампании и в ходе самих выборов. Это выражалось в погромах на избирательных участках, агрессивных антибольшевистских высказываниях и порче бюллетеней. В ряде случаев активисты подвергались нападениям и сами применяли силу против своих оппонентов[46]. По социальному статусу радикальные протестующие чаще всего были крестьянами, нередко верующими разных конфессий (православные, мусульмане, католики, протестанты) и особенно членами сект. В данном случае налицо характерный для эпохи конфликт мировоззренческих установок традиционного общества (религия) и модерна (идеология как суррогат религии, так и не сумевший вытеснить ее)[47]. По возрасту большинство «радикалов» были людьми старшего поколения, что косвенно свидетельствует, что молодежь искренне или по расчету[48], но стала социальной опорой большевиков. Немногочисленные «радикальные» молодые люди же чаще всего были религиозными активистами.

Кроме того, большинство протестующих активистов составляли женщины: те, кому психологически было нечего терять и кто по представлениям традиционных обществ – «вне удара», в отличие от мужчин. Впрочем, наказание за «контрреволюционные вылазки» было одинаково жестким для всех. Типичный социальный портрет субъекта такого конфликтного поведения – это престарелая монахиня бывшего монастыря под Куйбышевом (ранее – Каинск), порвавшая избирательные бюллетени с криком о приближении конца света и сатанинской сущности большевиков. Похожие, чаще всего аффективные действия совершали женщины-родственницы арестованных, в том числе партийных функционеров[49]. В то время как социальный портрет наиболее искреннего сторонника большевиков – это молодой или средних лет мужчина-горожанин с современным образованием.

Говоря о динамике электорального поведения, следует сравнить избирательные кампании 1937 и 1938 гг. Налицо затухание активизма (как лоялистского, так и протестного) – выборы в Верховный Совет РСФСР прошли в Западной Сибири более «штатно» и более конформно: большинство граждан формально выполнили все процедуры, а полемическая активность в гораздо большей степени проявилась уже в ходе вспомогательной кампании по

[43] *Хоффман Д.* Взращивание масс… С. 199.
[44] Подсчитано по материалам спецсводок УНКВД и советских органов Новосибирской области. ГАНО. Ф. Р-1020.
[45] *Мертон Р.К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. Т. 0, № 2. С. 5–17.
[46] За изобилие! 1937. 15 нояб.
[47] *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 303.
[48] ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–35.
[49] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–10; Д. 7. Л. 7.

изучению и обсуждению новой «Истории ВКП(б)», считавшейся главным источником знаний по партийной и советской истории[50].

Итак, электоральные кампании 1937–1938 гг. вовлекли в свои мероприятия большинство советских граждан – как избирателей, так и детей. Выборы были явлением гораздо более масштабным, чем простой процесс формирования законодательных органов власти – это был инициированный сверху «плебисцит» о доверии советской власти, а также проверка ее функционеров на политическую благонадежность и результативность. Электоральное поведение советских людей подтверждает, что они в большинстве своем восприняли выборы именно таким образом.

Действия граждан нельзя считать реактивными или пассивными – чаще всего их поведенческие стратегии преследовали совершенно ясные цели: поддержка государственного курса, обеспечение себе или своей семье социальных лифтов, самозащита от чисток и репрессий или же формальное действие, дающее возможность в дальнейшем жить повседневной жизнью, не привлекая излишнего внимания. При этом ряд избирателей надеялись использовать выборы как способ изменить политику руководства страны или же проявляли аффективный, часто деструктивный протест, будучи пострадавшими от предыдущих действий большевиков.

Электоральное поведение тесно связано с уровнем образования, социального опыта, местом жительства граждан. Абсолютное большинство мужского населения всех возрастов и молодежи всех полов искренне или вынужденно согласились с политикой большевиков, поддержав их кампанию. Меньшинство граждан с разной степенью радикализма выступили против – чаще всего опираясь на свой прежний опыт, альтернативные традиционные (религиозные) ценности или находясь в маргинальном состоянии отчаяния. Следует признать, что советское руководство в течение 1930-х гг. смогло обратить на свою сторону наиболее активную часть населения.

Лояльность и протестность в советском социуме достаточно четко привязаны к типу населенных пунктов. «Оплоты модерности» (крупные города, заводы, ж/д объекты, МТС, совхозы) в целом демонстрировали высокую, даже избыточную лояльность. Это доказывает определенный эффект «культурной революции»: в молодых и старых сибирских городах были созданы «советские» пространства, населенные специфическим культурно-антропологическим типом – «советскими людьми» – примерно в том значении, которое имел в виду русский философ Александр Зиновьев[51]. Архаичная и наиболее пострадавшая от большевистского проекта деревня же оставалась пространством глухого или даже открытого протеста. В то же время эта среда (в которой до 1960-х гг. проживало большинство населения страны) сохранила элементы традиционного общества, исторически служившего источником российской идентичности, патриотизма и рационального поведения. «Контрреволюционеры» не были противниками страны и даже ее власти – они демонстрировали своим поведением те проблемы, которые десятилетия спустя с историческим запозданием признала и сама номенклатура.

Таким образом, электоральные кампании 1937–1938 гг. сформировали специфический тип политического поведения под условным названием социалистической демократии или «реального социализма»[52], когда большинство населения не принимало политических решений, но обеспечивало видимую социальную поддержку партийного государства в ходе массовых политических кампаний.

[50] Подсчитано по материалам сводок и отчетов фондов ГАРФ и ГАНО, сообщениям периодической печати: «Советская Сибирь» и «Алтайская правда» (июль 1937 – июнь 1938 гг.).
[51] *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. М., 2023.
[52] *Восленский М.* Номенклатура. М., 2016. С. 52.

Литература

Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. и др. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2018. 591 с.

Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. М.: Социс, 1996. С. 455–491.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2016. 640 с.

Голодяев К.А. Новосибирск «на ощупь». Новосибирск: Издательство МКУК «Музей Новосибирска», 2017. 320 с.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР. 1933–1937. М.: Концептуал, 2017. 368 с.

Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Родина, 2023. 544 с.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 288 с.

Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991 / пер. с англ. А.В. Юрасовского и А.В. Юрасовской. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 584 с.

Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. Т. 0, № 2. С. 5–17.

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, 2016. 256 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / пер. с англ. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 479 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 307 с.

Хоффман Д. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.

Шенк Б.Ф. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авторизиров. пер. с нем. М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.

Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937 / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 742 с.

Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

References

Arnautov, N.B., Krasilnikov, S.A., Kuznetsov, I.S. et al. (2018). *Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obschestve (konets 1920-h – 1930-e gg.)* [Social Mobilization in Stalinist Society (Late 1920s–1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 591 p.

David-Fox, M. (2020). *Peresekaya granitsy: modernost', ideologiya i kultura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Fitzpatric, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.* [Everyday Stalinism. The Social History of Soviet Russia in the 30s]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Golodyaev, K.A. (2017). *Novosibirsk 'na oshchup'* [Novosibirsk by Touch]. Novosibirsk, MKUK Muzey Novosibirska. 320 p.

Hellbek, J. (2017). *Revolutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi* [The Revolution in the First Person: Diaries of the Stalin Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p.

Hobsbawm, E. (1998). *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780]. St. Petersburg, Aleteya. 307 p.

Hoffman, D. (2018). *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm 1914–1939* [Cultivating the Masses. The Modern State and Soviet Socialism. 1914–1939]. Moscow, Novoe literaturnoe obozreniye. 424 p.

Khlevnyuk, O.V. (2010). *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury* [Master. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 479 p.

Krasilnikov, S.A. (2003). *Serp i Molokh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 288 p.

Malia, M. (2002). *Sovetskaya tragediya. Istoriya sotsializma v SSSR. 1917–1991* [The Soviet Tragedy: The History of Socialism in the USSR. 1917–1991]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 584 p.

Medushevskiy, A.N. (2017). *Politicheskaya istoriya russkoy revolutsii: normy, instituty, formy sotsialnoy mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the Twentieth Century]. Moscow, St. Petersburg, CGI. 656 p.

Merton, R.K. (2009). Neprednamerennye posledstviya prednamerennogo sotsialnogo deystviya [Unintended Consequences of Deliberate Social Action]. In *Sotsiologicheskiy jurnal*. Vol. 0, No. 2, pp. 5–17.

Odintsov, M.I. (2014). *Russkaya pravoslavnaya tserkov nakanune i vo vremya stalinskogo sotsializma. 1917–1953* [The Russian Orthodox Church on the Eve and in the Era of Stalinist Socialism. 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN. 424 p.

Ortega-i-Gasset, H. (2016). *Vosstanie mass* [The Uprising of the Masses]. Moscow, AST. 256 p.

Shenk, B.F. (2016). *Poezd v sovremennost. Mobilnost' i sotsialnoe prostranstvo v Rossii v vek zheleznykh dorog* [A Train to Modernity. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p.

Slyogel, K. (2011). *Terror i mechta. Moskva 1937* [The Terror and the Dream. Moscow 1937]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 742 p.

Velikanova, O. (2018). *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936.* Denton, Palgrave Macmillan. 260 p.

Voslenskiy, M. (2016). *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow, Zakharov. 640 p.

Weber, M. (1996). Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic Sociological Concepts]. In *Zapadno-Evropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vv.* Moscow, Sotsis, pp. 455–491.

Zemskov, V.N. (2014). *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* [Stalin and the People. Why Was There No Uprising]. Moscow, Algoritm. 240 p.

Zhukov, Y.N. (2017). *Inoy Stalin. Politicheskie reformy v SSSR. 1933–1937* [Another Stalin. Political Reforms in the USSR. 1933–1937]. Moscow, Konteptual. 368 p.

Zinoviyev, A.A. (2023). *Russkaya tragediya* [Russian Tragedy]. Moscow, Rodina. 544 p.

А.Т. Казбекова*

РЕАКЦИЯ ССЫЛЬНЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ НА ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-13
УДК 94(47)+57

Выходные данные для цитирования:
Казбекова А.Т. Реакция ссыльных чеченцев на выборы в Верховный Совет СССР // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 187–200.
URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-13.pdf

A.T. Kazbekova*

THE REACTION OF EXILED CHECHENS TO THE ELECTIONS TO THE SUPREME SOVIET OF THE USSR

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-13

How to cite:
Kazbekova A.T. The Reaction of Exiled Chechens to the Elections to the Supreme Soviet of the USSR // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 187–200.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-13.pdf]

Abstract. The documentary publication and its accompanying article are dedicated to the reaction of special settlers to the 1946 elections to the Supreme Soviet of the USSR. The published documents allow for the reconstruction of the electoral campaign and the sentiments of the special settlers regarding the elections. The main focus is on analyzing the moods and expectations among the Chechens exiled to Kazakhstan. The new election procedure provided for the special contingent to vote on equal terms with the civilian population. The documentary compilation includes three report notes on the progress of the electoral campaign for the elections to the Supreme Soviet of the USSR among the special settlers of the East Kazakhstan Region of the Kazakh SSR. The first note is a report from the regional Department of the People's Commissariat of Internal Affairs addressed to the republican People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD), while the other two are from the instructional department of the regional Committee to the instructional department of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. The documents are archived in the State Archive of the East Kazakhstan Region of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: elections to the Supreme Soviet of the USSR, election campaign, East Kazakhstan region, agitation, special settlers.

The article has been received by the editor on 01.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Документальная публикация и ввводная статья к ней посвящены реакции спецпереселенцев на выборы 1946 г. в Верховный Совет СССР. Публикуемые документы позволяют реконструировать ход избирательной кампании и настроения спецпереселенцев в связи с выборами. Основной акцент сделан на анализе настроений и ожиданий в среде чеченцев, высланных в Казахстан. Новый порядок выборов предусматривал принцип, по которому спецконтингент голосовал на общих основаниях с гражданским населением. В документальной подборке представлены три докладные записки о ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР среди спецпоселенцев Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Первая представляет собой записку от регионального УНКВД, адресованную республиканскому НКВД, а две других – от оргинструкторского отдела обкома в оргинструкторский отдел ЦК КП(б) Казах-

* **Айнур Татимбековна Казбекова,** магистр истории, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: akasbekova2008@mail.ru
Ainur Tatimbekovna Kazbekova, Master of History, East Kazakhstan University S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: akasbekova2008@mail.ru

стана. Документы отложились в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Ключевые слова: выборы в Верховный Совет СССР, избирательная кампания, Восточно-Казахстанская область, агитация, спецпоселенцы.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023 г.

Выборы в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. занимают особое место в истории избирательных кампаний. Избирательная кампания в прессе стартовала после двух публикаций в «Правде» и других центральных газетах: первая содержала «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1945 г. “О проведении выборов в Верховный Совет СССР”», вторая – «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», принятое 11 октября 1945 г. Выборы были всеобщими, прямыми, равными при тайном голосовании, однако безальтернативными. Все кандидаты представляли единый блок коммунистов и беспартийных, их и выдвигали по одному на участок. Все граждане обязаны были участвовать в выборах.

Первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР должны были стать общенародным «вотумом доверия» сталинскому руководству. На них отрабатывалась тактика мобилизации масс для поддержки инициативы власти. Эти выборы не имели никакого самостоятельного политического значения. Они были частью ритуала подтверждения «нерушимого союза партии и народа». Кроме того, сама процедура выборов представляла властям возможность оценить на сотнях тысяч предвыборных собраний состояние общественного мнения, которое фиксировалось в тысячах сводок. Люди не говорили «всего», но были подняты многие темы, и в сводках систематически приводились задававшиеся вопросы[1].

Конституция СССР 1936 г. гарантировала гражданам, находящимся на спецпоселении, избирательные права. Спецпереселенцы участвовали в выборах в Советы всех уровней. За спецпоселенцами сохранялись «все права граждан СССР» (пункт 1), в том числе избирательные, которые были еще более номинальными, чем у остального населения СССР, поскольку «участие в выборах» осуществлялось в режимных условиях.

В ходе подготовки и организации выборов государственным органам приходилось решать вопросы, связанные со статусом отдельных категорий населения: бывших военнопленных, перемещенных лиц, а также представителей насильственно депортированных народов. В этой связи Президиум Верховного Совета СССР закрытыми постановлениями принял ряд разъяснений. Так, постановлением от 1 декабря 1945 г. было установлено, что «граждане СССР, переселенные в военное время из одних районов СССР в другие, – немцы, калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, а равно и другие спецпоселенцы, вносятся в списки избирателей на общих основаниях»[2].

Восточно-Казахстанская область была одним из регионов размещения депортированных народов. Основную массу составляли немцы и чеченцы. Общее количество немцев-переселенцев, прибывших в Восточно-Казахстанскую область, составляло 28 029 чел.[3], общая численность спецпереселенцев-чеченцев, прибывших в область, составляла 6 779 семей – 31 140 чел.[4] На 1 октября 1945 г. состояло на учете 5 426 семей, 15 391 чел. немцев-спецпоселенцев, численность чеченцев-спецпоселенцев составляла 6 277 семей – 24 340 чел.[5]

[1] *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 353.
[2] *Заславский С.* Первые послевоенные выборы 10 февраля 1946 года // Журнал о выборах. 2011. № 2. С. 56.
[3] *Бургарт Л.А.* Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001. С. 68.
[4] Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. О. 10. Д. 1855 «а». Л. 29.
[5] Государственный Архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 462. Оп. 4. Д. 43. Л. 12.

По данным проведенного в апреле 1949 г. переучета, в области числилось на жительстве 11 880 семей, 39 044 чел. – «спецпоселенцев» (18 560 немцев и 20 484 чеченца)[6].

В конце 1945 г. в СССР развернулась широкая избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР. Подготовка к выборам сопровождалась большой агитационно-массовой работой среди населения. Вопрос о подготовке и проведении выборов рассматривался на пленумах ЦК компартий союзных республик, крайкомах и обкомах, на собраниях городских и районных партийных активов и первичных организаций.

Восточно-Казахстанский областной комитет ВКП(б) внимательно следил за подготовкой к выборам. Задачи областной партийной организации в развертывании массово-политической работы среди трудящихся в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР бюро Восточно-Казахстанского обкома определило своим постановлением от 24 октября 1945 г. В связи с этим постановлением в районах области в конце октября и в начале ноября месяцев были проведены пленумы райкомов КП(б)К с вопросом: «Состояние и задачи массово-политической работы партийных организаций». Для руководителей агитколлективов и агитаторов в ноябре и декабре месяцах были проведены 2–3- и 5-дневные совещания-семинары по тематике, рекомендованной ЦК КП(б) Казахстана[7].

В рамках агитационно-пропагандистской работы важнейшими задачами всех партийных организаций стало разъяснение избирателям «Положения о выборах», Конституции СССР, разъяснение прав и обязанностей граждан в связи с выборами в Верховный Совет СССР.

Однако подготовка к выборам в Верховный Совет Союза ССР по Восточно-Казахстанской области проходила в довольно сложной обстановке. В области насчитывалось около 20 тыс. чел., или свыше 8 % избирателей, репрессированных в период Великой Отечественной войны как не оправдавших доверие советской власти[8].

Национальный состав по избирательным округам Восточно-Казахстанской области характеризовался следующим образом:

Усть-Каменогорский избирательный округ № 604 по выборам в Совет Союза и Зайсанский избирательный округ по выборам в Совет Национальностей			Зайсанский избирательный округ № 605 по выборам в Совет Союза и Зайсанский избирательный округ по выборам в Совет Национальностей			ВСЕГО избирателей в области	
По национальности	Всего	%	По национальности	Всего	%	Итого	%
Русских	103 918	77,5	Русских	64 058	58	167 976	68,8
Казахов	11 191	8,3	Казахов	39 410	35,6	50 601	20,7
Украинцев	3 730	2,7	Украинцев	1 719	1,5	5 449	2,2
Поляков	347	0,2	Поляков	118	0,1	465	0,2
Немцев	3 761	2,8	Немцев	2 681	2,4	6 443	2,6
Татар	960	0,8	Татар	1 019	0,9	1 979	0,8
Чеченцев	7 977	5,9	Чеченцев	585	0,5	8 562	3,2
Прочих	2 134	1,8	Прочих	764	0,7	1 898	1,2

Как свидетельствуют архивные документы, в ноябре месяце г. Усть-Каменогорск был особенно наполнен всякими различными провокационными слухами – об убийствах, грабежах и т.д., в результате чего город с 5–6 часов вечера буквально замирал. Жители закрывали двери и никого не пускали к себе в квартиры, в том числе и агитаторов, в то же время и сами никуда не ходили – ни на беседы по подготовке к выборам, ни в театр,

[6] *Бургарт Л.А.* Немецкое население в Восточном Казахстане… С.119.
[7] АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 240. Л. 4.
[8] Там же. Л. 2.

ни в кино. Создавшееся положение резко сказывалось на развертывании массово-политической работы среди населения по подготовке их к выборам в Верховный Совет СССР [9].

Архивные материалы позволяют реконструировать настроения спецпереселенцев в период предвыборной кампании, отношение к политике партии и советской власти. Так, в документе отмечалось, что особенно тяжелое положение в области складывалось во время проведения предвыборных кампаний в Верховный Совет СССР. За период подготовки к выборам, пользуясь слабостью партийно-политической работы на отдельных участках, а также недостатками в работе НКВД, милиции, суда и прокуратуры, враждебные и уголовные элементы с начала кампании по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР значительно активизировали свою подрывную работу, которая идет по следующим направлениям. Во-первых, что чеченцы, немцы Поволжья и другие спецпереселенцы считают себя невинными и обиженными, призывают к пассивности в участии в выборах. Недовольные, как правило, категорично высказывались в отношении окружавших их советских реалий. Приведем некоторые фрагменты высказываний спецпереселенцев. Например, чеченец Маханаев М., проживающий в Шемонаихинском районе, говорил: «Они (т.е. коммунисты) изберут кого им надо, нас спрашивать не будут». Во-вторых, в среде спецпереселенцев происходило охаивание советской демократической системы и пропаганда английской и американской. Так, чеченец Юсуп Ходжаев проповедовал, что «настоящая народная демократия существует только в Англии и Америке и только они вернут чеченцев на Кавказ». В Лениногорске в полиметалическом комбинате враждебно настроенный Н. говорил: «скоро должен будет наступить такой момент, когда, уступая мировому общественному мнению, должны будут разрешить свободу политических партий, а пока что надо внимательно наблюдать, выжидать момент, чтобы можно было свободно поговорить с механическими голосами». В-третьих, происходило прямое запугивание избирателей путем распространения различных слухов, которые подкреплялись действиями уголовно-преступного элемента. Один житель г. Усть-Каменогорска, ранее осужденный, нигде не работающий, говорил: «Вот готовятся к выборам. Да кого хотят, того и выберут. Ведь у них на конвертах есть секретные номера, и вот если кто зачеркнет фамилию кандидата, они сличают там со списком и конец. В прошлые выборы в с. Бутаково 13 человек зачеркнули кандидатов, а через несколько времени 13 человек посадили и до сих пор ни слуху, ни духу от них нет»[10].

В связи с подготовкой выборов в Верховный Совет СССР в целях своевременного выявления и пресечения вражеских проявлений и антисоветских и уголовно-преступных элементов, а также отрицательных и положительных настроений среди спецпереселенцев всех категорий, как в предвыборный период, так и в день выборов в Верховный Совет Союза ССР начальникам РО НКВД по Восточно-Казахстанской области 4 ноября 1945 г. было разослано инструктивное письмо начальника УНКВД по ВКО И.В. Иванова, в котором им вменялось в обязанность: 1. Немедленно проинструктировать агентурно-осведомительный аппарат, провести новые вербовки и обеспечить агентурным обслуживанием все избирательные участки. Особенно обратить внимание на агентурное обслуживание спецпереселенцев в местах их расселения и выявления подрывной работы вражеских элементов, пытающихся сорвать мероприятия по подготовке к выборам. 2. Обеспечить повседневным агентурным обслуживанием весь подучетный элемент органов НКВД и принять решительные меры к своевременному выявлению и пресечению попыток открытых антисоветских выступлений, распространению контрреволюционных листовок, совершению терактов против партийного и советского актива, а также и прочих вражеских действий[11].

2 декабря 1945 г. вышла директива НКВД СССР № 244 об усилении агентурно-оперативной работы среди тех спецпереселенцев, которые «активизируют действия, направленные на срыв мероприятий по подготовке к выборам в Верховный Совет»[12].

---

[9] АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 240. Л. 4.
[10] Там же. Л. 3.
[11] ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Д. 45. Л. 63.
[12] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 131.

Контроль надзорных органов за повседневной жизнью спецпоселенцев носил тотальный характер. Наряду с гласным надзором была развернута негласная оперативно-агентурная деятельность, в первую очередь за теми, кто считался склонным к «антисоветским проявлениям» и «уголовно-бандитским действиям».

В феврале 1946 г. НКВД информировало Москву о «положительных высказываниях» спецпереселенцев в связи с их участием в выборах в Верховный Совет СССР. Однако эти высказывания носили в значительной мере демонстративный тактический характер и произносились в расчете на то, что «слова смирения» дойдут до начальства. В своем кругу среди надежных людей чеченцы говорили по-другому: «После выборов мы поедем на Кавказ, там при помощи Англии и Америки будет создано наше государство. Поэтому мы голосовать за советских депутатов не будем, мы будем на Кавказе голосовать за своих депутатов»[13].

В спецсообщениях местных органов НКВД о настроениях спецпереселенцев отмечалось, что они в большинстве своем выражают удовлетворение тем, что они не лишены избирательных прав. В то же время из донесений осведомителей явствовало, что немало спецпереселенцев вели в узком кругу разговоры, которые характеризовались как «враждебные», «антисоветские».

Особый характер приобретали избирательные кампании, в ходе которых выяснялось отношение спецпереселенцев к политике партии, предстоящим выборам в Верховный Совет, отношение к внешней политике СССР. Партийные организации контролировали весь процесс избирательной кампании. В докладной записке «О состоянии политико-массовой работы среди чеченского населения» отмечалось, что в Лениногорском районе значительных масштабов агитационно-массовая работа среди чеченцев была проведена в период избирательной кампании (январь-февраль 1946 г.). В результате этой работы абсолютное подавляющее большинство избирателей-чеченцев голосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, лояльно относилось ко всем массово-политическим мероприятиям. Чеченцы организованно и охотно посещали предвыборные собрания, хорошо встречали агитаторов, живо интересовались политическими вопросами и международной ситуацией. За период избирательной кампании (по неточным данным) было успешно проведено 9 общих собраний чеченцев-избирателей на избирательных участках. Отдельно собрание стариков. Этими собраниями было охвачено 1 500 чел.

Систематически работали 24 агитатора-чеченца. На своем родном языке они проводили среди чеченцев беседы, читки газет (с переводом прочитанного на чеченский язык). По неполным данным такими беседами-читками было охвачено 2 200 чел. (не считая участия чеченцев на мероприятиях совместно с русскими, что происходит обычно). С агитаторами проводились специальные совещания в горкоме партии. В целях культурного обслуживания чеченцев-избирателей было организовано четыре национальных по форме концерта силами художественной самодеятельности самих чеченцев, на которых присутствовало 550 чел.[14]

В документе «О ходе голосования по Восточно-Казахстанской области на 18.00 – 10 февраля 1946 года» отмечалось, что трудящиеся области с исключительно большой активностью и организованностью приходят на участки с тем, что первыми проголосовать. Так, в Верх-Убинском районе уже к 4-м часам утра на избирательных участках насчитывались десятки избирателей. По данным на 18 часов 10 февраля 1946 г. по области из 269 683 избирателей проголосовало 263 390 избирателей, или 97,7 % к общему числу избирателей[15]. Явка избирателей на выборы в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. на 24.00 по Восточно-Казахстанской области составила 100 %[16].

[13] *Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф.* Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб., 2016. С. 36.
[14] ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3979. Л. 2.
[15] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 34 «а». Л. 46.
[16] Там же. Л. 72.

В документальной подборке представлены три докладные записки о ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР среди спецпоселенцев Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Первая представляет собой записку от регионального УНКВД, адресованную республиканскому НКВД, а две других – от оргинструкторского отдела обкома в оргинструкторский отдел ЦК КП(б) Казахстана. Документы отложились в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан в фондах 642 – Восточно-Казахстанского областного управления Народного Комиссариата внутренних дел, 1-п – Восточно-Казахстанского областного комитета КП Казахстана. Первый документ представляет собой докладную записку начальника Управления НКВД по Восточно-Казахстанской области И.В. Иванова «Об отрицательных и положительных высказываниях спецпереселенцев в связи с выборами в Верховный Совет Союза ССР», адресованную НКВД Казахской ССР Н.К. Богданову. Документ свидетельствует о том, что из агентурных донесений работниками НКВД составлялись отдельные отчеты, целиком посвященные настроениям среди спецпоселенцев в связи с выборами в Верховный Совет СССР.

Документы «О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР» позволяют реконструировать ход избирательной кампании и настроения спецпоселенцев. Они содержат образцы высказываний спецпоселенцев об отношении к политике, выборам в Верховный Совет Союза ССР.

Таким образом, обнаруженные в архиве документы свидетельствуют о том, что в период избирательной кампании резко активизировалась деятельность агентуры, возросло число доносов об антисоветских настроениях среди спецпоселенцев. Архивные материалы показывают, что спецпоселенцы области в частных беседах активно обсуждали предстоящие выборы в Верховный Совет СССР. На основе этих документов можно составить общую картину настроений в спецпоселенческой среде и воссоздать общую атмосферу послевоенного периода.

Документ № 1

Докладная записка начальника УНКВД по Восточно-Казахстанской области в НКВД по Казахской ССР

г. Усть-Каменогорск 3 декабря 1945 г.

УПРАВЛЕНИЕ НКВД ПО ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

СОВ. СЕКРЕТНО
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗ.ССР
Г Е Н Е Р А Л - Л Е Й Т Е Н А Н Т У
Товарищу БОГДАНОВУ
Город АЛМА-АТА

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
Об отрицательных и положительных высказываниях спецпереселенцев в связи с выборами в Верховный Совет Союза ССР

В связи с предстоящими выборами в Верховный Совет Союза СССР по Восточно-Казахстанской области образовано четыре избирательных округа и 595 избирательных участков.

Исполкомом облсовета депутатов трудящихся и Обкомом КП(б)К рассмотрены состав окружных участковых избирательных комиссий.

По линии партийных органов повсеместно подобраны агитаторы, которые закреплены за избирательными участками и распределены по десятидворкам.

По агентурным данным, в связи с развернувшейся массовой политическо-разъяснительной работой среди населения по выборам, отмечены отрицательные и положительные высказывания со стороны спецпереселенцев всех категорий.

Отрицательные высказывания по выборам в Верховный Совет Союза ССР отмечены главным образом со стороны антисоветского элемента, так:

Спецпереселенец ЗАХАРОВ (быв. кулак, формулярный учетчик) 22 октября с/г, резюмируя статью в газете о выборах в Верховный Совет СССР, заявил: «Выборы проходят неправильно, нас обманывают, говорят, что голосование всенародное, а в результате кого хотят, того и выбирают, а нам очки втирают – Вы участвуете в выборах, а на самом деле мы этих людей не видели и не знаем».

Спецпереселенец-чеченец АВТАРХАНОВ Мума – рабочий совхоза (бывший банд-элемент), обсуждая мероприятия по выборам, заявил: «В Верховный Совет будут избирать партийные органы кого они захотят, нас спрашивать не будут. Нам от выборов пользы никакой не будет. Мы выдвигали кандидатов и голосовали на первых выборах, а нас Верховный Совет выселил с Кавказа, теперь пусть обойдутся без наших голосов».

Спецпереселенец-чеченец СОЛСАЕВ Балаудин, рабочий промартели (бывший банд-элемент), заявил: «Зачем нам нужны Выборы в Верховный Совет, мы живем в чужой республике, наш народ выбирать в Верховный Совет не будет».

Спецпереселенец ЭЛЬБУЗДЕКАЕВ Саид, рабочий Райпотребсоюза, заявил: «Кто-то читал в газетах, что нас спецпереселенцев не допустят к голосованию, но и пусть не допускают, мы в этом не нуждаемся».

Спецпереселенец (бывший кулак) ГОРОВОЙ в беседе с группой лиц высказался: «Теперь вот в газетах пишут о выборах в Верховный Совет. Да какие там выборы? Коммунисты опять назначат друг друга, и попробуй сказать что-нибудь против – сразу будешь в тюрьме. Вы помните первые выборы, сколько пересадили народу ни за что, а сейчас, я вас уверяю, посадят еще больше, потому что людям неправда надоела, а как скажешь правду, то попадешь».

Спецпереселенка-немка ФОСС Галина (врач, объект дела-формуляр) заявила: «Немцы-переселенцы не будут допущены к голосованию, это непонятная для меня излишняя бдительность. Я считаю, что политика Советского Союза должна измениться за счет влияния Англии и Америки».

Наряду с этими другая часть спецпереселенцев, обсуждая предстоящие выборы в Верховный Совет СССР, в своих высказываниях одобрительно относится к тому, что спецпереселенцы будут голосовать наравне со всеми гражданами Советского Союза.

Так, спецпереселенец с Северного Кавказа ЯШУРКАЕВ Сулейман заявил: «Я хочу голосовать за выдвинутых кандидатов в Верховный Совет. Теперь наше положение будет улучшаться».

Спецпереселенец АСЛАХАНОВ Магомед, рабочий Промкомбината, заявил: «Это хорошее мероприятие. Теперь после войны изберем Верховный Совет и жизнь улучшится. Я и мои взрослые члены семьи будут голосовать за выдвинутых кандидатов».

Спецпереселенец – чеченец ЯШУРКАЕВ заявил: «Я хочу голосовать за выдвинутых кандидатов в Верховный Совет, так же как и весь народ».

В целях своевременного выявления и пресечения вражеских проявлений антисоветских и уголовно-преступных элементов Управлением НКВД намечены следующие агентурно-оперативные мероприятия:

1. Дано указание Начальникам Райотделения и оперотделам УНКВД немедленно проинструктировать агентурно-осведомительный аппарат, провести новые вербовки и обеспечить агентурным обслуживанием все избирательные участки.

2. Обеспечить повседневным агентурным обслуживанием спецпереселенцев в местах их расселения и весь подучетный элемент органов НКВД и принять решительные меры к своевременному выявлению и пресечению попыток открытых антисоветских выступлений,

распространению контрреволюционных листовок, совершению терактов против партийного и советского актива, а также и прочих вражеских действий.

3. Обеспечить охрану и общественный порядок на избирательных участках в период проведения подготовительных работ к выборам, а также и на агитпунктах.

4. Силами госпожнадзора провести противопожарное обследование во всех зданиях, занятых под избирательные участки, и выявленные недостатки устранять на месте.

5. В день выборов депутатов в Верховный Совет Союза ССР – 10/ II-1946 г. обеспечить полный общественный порядок на избирательных участках, недопущение каких-либо вражеских или хулиганских проявлений со стороны враждебных и уголовно-преступных элементов. Для чего закрепить работников НКВД за избирательными участками, выделив им в помощь по договоренности с партийными работников из Партийно-Советского актива, а также использовать наиболее проверенную часть подсобной силы органов милиции.

6. Обеспечить сохранность избирательных материалов при доставке от избирательных участков до Райцентров, а также и от последних до избирательных округов.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД
ПОДПОЛКОВНИК /ИВАНОВ/.

ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Д. 45. Л. 56–58.
Машинописный подлинник. Вх. № 0-10994. Подпись Иванова – автограф.

Документ № 2

Докладная записка в организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б)

С. Секретно.
Зав. Организационно-инструкторским отделом
ЦК КП(б) Казахстана
товарищу З А Л Е Н С К О М У

И Н Ф О Р М А Ц И Я
О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР

Вопрос о подготовке к выборам в Верховный Совет неоднократно обсуждался на бюро Обкома КП(б)К, а также обсужден на бюро РК, ГК КП(б)К и собраниях первичных парторганизаций на прошедших в октябре пленумах райкомов и горкомов КП(б)К, где обсуждался вопрос о партийно-массовой работе. Серьезное внимание уделено вопросу подготовки к выборам.

В настоящее время закончено обсуждение и выдвижение кандидатур в Окружные избирательные комиссии. Все кандидатуры, рекомендованные партийной организацией, поддержаны и выдвинуты в состав Окружных партийных комиссий. Уточняется количество избирателей и границы избирательных участков. Всего по области намечено 588 избирательных участков.

Одновременно райкомами и горкомами партии производится подбор участковых избирательных комиссий. По данным РК и ГК КП(б)К (6 райкомов и горкомов партии) из 173 комиссий подобрано и утверждено 157, в том числе по городу Усть-Каменогорску из 20 подобрано 18, по Бухтарминскому району 45–31. Полностью подобраны участковые комиссии по Лениногорску – 42, по Предгорненскому району – 23, Верхубинскому – 12, Таврическому – 31.

Сразу же по получении газет с материалами о выборах Райкомы и Горкомы партии провели совещания секретарей первичных парторганизаций по вопросу развертывания массово-политической работы среди населения. Пересмотрен и увеличен состав агитаторов. Если во время хлебоуборки всего по области было до 3 000 агитаторов, то в настоящее время подобрано и утверждено около 7 000 агитаторов. С руководителями агитколлективов проведены семинары.

До первого декабря проводятся семинары с агитаторами по темам, рекомендованным агитпропотделом ЦК КП(б)К. До первого же декабря во всех районах проводится единый политдень с докладами руководящих партийных работников «Выборы в Верховный Совет Союза ССР и задачи трудящихся».

Работа агитаторов на селе в основном проводится по десятидворкам, на фермах и участках отгонного животноводства, на предприятиях по цехам, сменам и бригадам.

Следует отметить, что большинство агитаторов систематически проводят работу среди трудящихся, разъясняют «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», Конституцию СССР, доклад товарища Сталина на VIII-м Чрезвычайном съезде Советов, доклад товарища Молотова о 28-й годовщине Октябрьской революции.

Хорошо работают агитколлективы в колхозах «Венера», «Вторая пятилетка», имени Ленина Бухтарминского района, имени Кирова, «8-е марта» Кировского района, Авроринской МТС Верхубинского района и другие.

Агитаторы т. Чекун из колхоза «Венера» и тов. Муравьев из колхоза имени Ленина на своих участках регулярно проводят беседы с избирателями о правах и обязанностях советских граждан, о порядке выборов в Верховный орган советской власти.

Агитатор тов. Крутов, демобилизованный из РККА (Авроринская МТС), уже ознакомил слушателей с избирательным законом, сейчас изучают доклад товарища Молотова. Свои беседы тов. Крутов увязывает с эпизодами из Отечественной войны, а также с производственными делами МТС.

Коллектив ремонтников Авроринской МТС взял на себя обязательство закончить ремонт тракторов и всего прицепного инвентаря к первому марта 1946 года. В настоящее время коллектив МТС успешно справляется с выполнением взятых обязательств, уже выпущено из ремонта 15 тракторов.

Агитаторы Худякова Мария и демобилизованный из РККА Антропов Игнат из колхоза «1 мая», Дмитриев Яков и Шувалов Алексей – колхоз имени Кирова Кировского района также регулярно проводят агитмассовую работу среди колхозников, мобилизуя их на успешное проведение текущих сельскохозяйственных работ. В результате колхозники этих колхозов хорошо проводят зимовку скота и подготовку к весенне-посевной кампании (очистка семян, ремонт сельхозинвентаря и т.д.).

Депутаты Лениногорского городского Совета обратились ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам и колхозникам Лениногорска с призывом еще шире развернуть социалистическое соревнование в честь выборов Верховного Совета СССР и прийти к дню выборов с высокими производственными показателями.

Коллектив 10 Северного участка Лениногорского рудника, воодушевленный докладом товарища Молотова, 11-го ноября встал на стахановскую вахту и выполнил всем участком производственное задание на 192 %.

Оживилась работа партийных кабинетов, клубов, изб-читален, например в парткабинете Шемонаихинского РК КП(б)К организована выставка литературы по выборам в Верховный Совет, проводятся регулярно консультации в помощь докладчикам и агитаторам по вопросам выборов. То же самое и в парткабинетах других райкомов и горкомов КП(б)К.

В Верх-Убинском районе для агитпункта при Верхубинском сельисполкоме изготовлена карта-схема райцентра, на которой село разбито на 14 участков, за каждым из которых закреплены 3–4 агитатора с указанием их фамилии.

В клубе Шемонаихинского района 12-го ноября созвано собрание молодых избирателей, на котором сделан доклад «Что нужно знать молодому избирателю о выборах в Верховный Совет Союза ССР».

Во всех районных и областных газетах опубликованы Указ Президиума Верховного Совета о выборах, «Положение о выборах в Верховный Совет Союза ССР». Некоторые районные газеты – «Стахановец полей» – орган Верхубинского РК КП(б)К и Исполкома Райсовета депутатов трудящихся, «Прииртышский коммунар» – Кировский район – регулярно освещают на своих страницах материал о ходе подготовки к выборам в Верховный Совет.

Так, например, в газете «Стахановец полей» 12-го октября опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о проведении выборов. И уже в следующем номере 18-го октября газета напоминает о необходимости всесторонней и тщательной подготовки к выборам. 25-го октября в газете опубликована собственная передовая статья «Выборы в Верховный Совет Союза ССР». В этом же номере опубликовано «Положение о выборах». После этого в каждом номере публикуется материал с освещением хода подготовки к выборам, работа агитколлективов, отдельных агитаторов и т.д. Однако нельзя этого сказать о других районных газетах, которые ограничились опубликованием официальных материалов по выборам и очень слабо освещают ход подготовки к выборам, состояние массово-политической работы агитколлективов.

Однако еще не везде по настоящему разаернута массово-политическая работа среди избирателей. Проведенной Обкомом КП(б)К проверкой установлено, что в Уланском районе райком партии и первичные парторганизации крайне медленно развертывают работу по подготовке к выборам. В отдельных колхозах района «Талапкер» и другие не только колхозники, но и колхозный актив не знали о том, что проводится подготовка к выборам в Верховный Совет. На ближайшем бюро Обкома КП(б)К обсуждается вопрос о руководстве Уланского райкома партии подготовкой к выборам в Верховный Совет Союза ССР.

В настоящее время пока из районов подробных перечней вопросов, задаваемых трудящимися, не получено, однако по имеющимся данным видно, что избиратели интересуются следующими вопросами: о различии избирательной системы Союза ССР и капиталистических стран, о результатах выборов в Балканских странах – Югославии, Венгрии, Чехословакии, а также выборов в учредительное собрание Франции, насколько демократичны выборы в этих странах. Положение с выборами в Болгарии, Греции и т.д. Вот основной круг вопросов, которые интересуют больше всего избирателей.

Опубликование Указа и «Положение о выборах в Верховный Совет Союза ССР» вызвало новую волну патриотического подъема среди трудящихся области, сопровождающихся новыми производственными победами.

С удовлетворением встретили весть о выборах спецпереселенцы-чеченцы, например, при обсуждении «Положения о выборах в Верховный Совет» спецпереселенцы, проживающие на новостройке, Берсанукаев Харон, Шамсалов Абу, Докаев Чака и другие, обсуждая предстоящие выборы в Верховный Совет, в своих высказываниях выражали удовлетворение тем, что чеченцы будут голосовать и избирать наравне с другими гражданами Советского Союза.

И наоборот, имеют место в Лениногорском районе отдельные выступления антисоветского характера. По спецсообщению управления Обл. НКВД гражданин Горовой 11-го октября с/г в беседе с группой лиц заявил: «Теперь в газетах пишут о перевыборах. Да какие там перевыборы? Коммунисты опять назначат друг друга и попробуй сказать что-нибудь против – сразу же будешь в тюрьме. Вы помните первые выборы, сколько пересадили народу ни за что, а сейчас я Вас уверяю, посадят еще больше, потому что людям неправда надоела, а как скажешь правду, то попадешь».

Гражданин Захаров Петр Степанович 22-го октября с/г, резюмируя статью в газете о Выборах в Верховный Совет Союза ССР, заявил: «Выборы проходят неправильно, нас обманывают говорят, что голосование всенародное, а в результате кого хотят, того и выбирают, а нам очки втирают. Вы участвуете в выборах, а на самом деле мы этих людей не видели и не знаем».

Такие факты антисоветских высказываний являются единичными. И они получают надлежащий отпор со стороны самих же избирателей.

Зав. Организационно-инструкторским
Отделом Обкома КП(б)К /И. Котов/
Зав. Сектором информации /Горячев/

ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3369. Л. 1–2 об.
Машинописный подлинник. Подписи Котова, Горячева – автографы.

Документ № 3

Докладная записка

г. Усть-Каменогорск 14 декабря 1945 г.

Зав. Организационно-инструкторским отделом
ЦК КП(б) Казахстана
товарищу З А Л Е Н С К О М У

И Н Ф О Р М А Ц И Я
О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР

Образование и опубликование в печати (газетах) избирательных участков окончено по всем районам области. Всего образовано по 4-м избирательным округам 601 избирательных участков, в том числе по Усть-Каменогорским избирательным округам по выборам в Совет Союза № 604 и по выборам в Совет Национальностей № 239 всего создано 227 избирательных участков и по Зайсанским избирательным округам по выборам в Совет Союза № 605 и по выборам в Совет Национальностей № 240 всего создано 374 избирательных участка.

В настоящее время по всем районам, колхозам, совхозам, предприятиям, организациям и учреждениям проходит выдвижение кандидатур в состав избирательных участковых комиссий.

Партийные, профсоюзные, комсомольские организации, коллективы рабочих и колхозники выдвигают в их состав лучших своих людей, преданных делу партии Ленина-Сталина.

Коллектив механического цеха Усть-Каменогорского цинкового завода выдвинул кандидатами в участковую комиссию стахановцев тт. Буренина Г.К., Боева Г.А. и других. Коллектив Облвоенкомата выдвинул кандидатом в члены участковой комиссии участника Отечественной войны, гвардии капитана, трижды орденоносца Г.П. Бычкова. С большим воодушевлением проходят собрания рабочих и колхозников, посвященные выдвижению кандидатур в участковые избирательные комиссии, в Маркакольском, Зыряновском, Предгорненском, Шемонаихинском и других районах области.

Полностью закончена работа по выдвижению кандидатур в составы участковых комиссий в городе Усть-Каменогорске, Лениногорске, Кировском районе.

В подавляющем большинстве организаций выдвижение прошло организованно, однако в Усть-Каменогорске в ходе выдвижения горкомом партии были допущены случаи замены некоторых кандидатур, ранее намеченных в составы участковых комиссий.

Наряду с проведением организационных мероприятий, связанных с подготовкой к выборам во всех районах, проведены краткосрочные семинары секретарей первичных парторганизаций, руководителей агитколлективов по вопросам выборов.

Все шире развертывается политическая работа среди трудящихся, агитаторы закреплены за определенными участками, где многие уже из них провели и проводят значительную работу с избирателями по разъяснению положения о выборах, уточнение списков избирателей и т.д. Так, например, в Шемонаихинском районе с 10 по 13 октября 1945 года проведен семинар секретарей первичных парторганизаций совместно с руководителями агитколлективов, на котором было уделено особое внимание организационно-партийной работе по вопросу конкретных практических мер по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР и роли первичной парторганизации в деле руководства подготовкой к выборам.

В результате проведенной работы повысилась роль первичных парторганизаций в деле руководства подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР. Большинство секретарей первичных парторганизаций сразу же после приезда на места организовали проведение занятий по разъяснению Положения о Выборах в Верховный Совет СССР.

На всех избирательных участках агитаторы изучают с населением Положение о выборах в Верховный Совет СССР, доклад товарища Молотова на торжественном заседании

города Москвы 6-го ноября 1945 года, Конституцию СССР, речь товарища Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного Округа города Москвы.

На 26-м избирательном участке Октябрьского с/совета Шемонаихинского района, Шемонаихинского с/совхоза агитаторы тт. Агафонов, Дорогина, Воронченко, Короткова, Ромаев провели занятия по изучению Положения о Выборах в Верховный Совет СССР – 35 занятий, где присутствовало 829 человек, по Конституции СССР – 15 занятий, присутствовало 518 человек. На 10-м избирательном участке поселка Вавиловка агитаторами проведено 19 занятий.

Неплохо работают агитколлективы первичных парторганизаций колхозов им. Чкалова, Карла Либкнехта, Рулихинская МТС. На все избирательные участки выписана и регулярно поступает газета «Правда» – 32 экземпляра. Отпущено агитаторам Положение о выборах в Верховный Совет СССР – 200 штук, Конституция СССР – 50, речь товарища Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного Округа гор. Москвы – 100 штук.

В честь подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в районе развернулось социалистическое соревнование, где колхозники берут на себя соцобязательства за сохранение поголовья скота в период зимы 1945–46 гг., за своевременную и доброкачественную подготовку к весне. Такие колхозы, как «Аврора», «Рассвет», «Серп и Молот», «Карла Либкнехта», обеспечили свой скот теплой и сытой зимовкой, полностью отремонтировали сбрую, плуга, сеялки, проводят занятия по агротехминимуму.

4 тракторные бригады Шемонаихинского с/совхоза соревнуются в честь выборов в Верховный Совет СССР на досрочный выпуск из ремонта тракторов без единого брака. Стахановка-трактористка тов. Иванова Шемонаихинского с/совхоза на отлично отремонтировала свой трактор с досрочным выпуском его из ремонта.

В Таврическом районе в настоящее время первичные парторганизации развернули работу среди избирателей по изучению Положения о выборах в Верховный Совет СССР, Конституции СССР, доклада товарища Молотова о 28-й годовщине Октябрьской социалистической революции.

Следует отметить хорошую работу партийной организации колхоза «Проводник», где секретарь парторганизации тов. Михайленко. В этой парторганизации подобран состав агитколлектива, за агитаторами раскреплены населенные пункты по 5–10-дворкам. В данное время агитаторы колхоза «Проводник» развернули работу со своими избирателями.

Колхоз «Проводник» взял обязательство ко дню выборов полностью закончить все подготовительные работы к весенней кампании 1946 года.

Партийная организация Украинской МТС /секретарь парторганизации тов. Белоусов/ – в этой парторганизации все коммунисты являются агитаторами, так, коммунист тов. Проходов и тов. Литвиненко провели по несколько бесед среди ремонтных рабочих по изучению Положения о выборах, Конституции СССР и другим материалам.

Хорошо работает агитколлектив колхоза «Победа», где руководителем агитколлектива является тов. Филиппов, здесь все 22 агитатора ежедневно проводят работу со своими избирателями, например агитатор тов. Яковлев провел 5 бесед среди работников МТФ, агитатор тов. Маныч провела 4 беседы в первой бригаде.

Наряду с положительными результатами работы подготовки к выборам мы имеем по ряду парторганизации существенные недостатки, так, в Самарском районе на руднике Кулуджун-Золото к первому декабря 1945 года не были подобраны агитаторы. Положение о выборах изучалось недостаточно и по существу не изучалось среди неорганизованного населения.

В Больше-Нарымском районе при заслушивании на бюро вопроса о работе культпросветучреждений в связи с предстоящими выборами в ноябре было установлено, что в 8 сельских пунктах 8 изб-читален, где должны быть участки, нет топлива. Во многих клубах и избах-читальнях нет мебели, окон, света, политической литературой они обеспечены недостаточно и только после принятия специального решения РК в указанных клубах и избах-читальнях стал наводиться порядок.

В ходе проведения семинаров руководителей агитколлективов агитаторами, бесед с избирателями, много задается вопросов на различные темы. В Больше-Нарымском районе были заданы следующие вопросы:

1. Где находится польская Армия, которая была в Лондоне?
2. Почему Де-Голь подавал в ОТСТАВКУ?
3. В каких отношениях СССР с Турцией?
4. Почему так долго судят фашистских главарей?
5. Работают ли у нас в качестве в/пленных немцы и японцы?
6. Будет ли германское государство?
7. Скоро ли будет поступать для продажи мануфактура?
8. В чем существо разногласий, возникших в Лондоне на Совете Министров иностранных дел?
9. Почему в прошлые выборы могли выбирать достигших 18-летнего возраста, а теперь, как это сказано о Положении о Выборах – достигших 23-летнего возраста?
10. Могут ли принимать участие в выборах наши граждане, находящиеся за границей?
11. Когда колхозники будут получать хлеб, продукты на трудодни?
12. Когда государство будет доставлять промтовары?
13. Какую позицию занимает правительство Англии и Америки в Китае, кого эти правительства поддерживают Гоминьдана или компартию?
14. Будет ли Маннергейм привлечен к судебной ответственности?

В Зыряновском районе были заданы вопросы:

1. Положение во Франции и Китае.
2. Существует ли в Японии император?
3. Что представляет из себя атомная бомба и почему ее держат в секрете?
4. Как наше правительство реагирует на секрет атомной бомбы?
5. Какие отзывы об атомной бомбе в других странах?

Имеют место и следующего порядка случаи: в одной из квартир Верхней пристани муж и жена заявили товарищам, составляющим списки, чтобы их не записывали в списки, они голосовать не пойдут, так как кандидата они не знают.

Так было и в прошлые выборы, они проголосовали, а его посадили, и дальше они заявили, что вот за соседа они бы стали голосовать, они его знают. /Этот факт был приведен на Пленуме Усть-Каменогорского горкома КП(б)К./

На стройплощадке /Алтайстроя/ при появлении агитатора в одной из квартир одна женщина заявила, что она умалишенная.

Кроме того, имеются положительные высказывания среди спецпереселенцев области, в частных беседах продолжается обсуждение предстоящих выборов в Верховный Совет СССР.

Выражая уверенность в правоте политики партии, подавляющая часть спецпереселенцев-чеченцев высказывают готовность отдать свои голоса выдвинутым кандидатам.

Например, Аслаханов Магомед (рабочий Шемонаихинского промкомбината в кругу спецпереселенцев) высказался: «После окончания войны выберем в Верховный Совет и жизнь улучшится. Я и мои взрослые члены семьи будем голосовать за выдвинутых кандидатов».

Одабривая Аслаханова, спецпереселенец-чеченец Яшуркаев Шаврани сказал: «Я тоже буду голосовать за выдвинутых кандидатов в Верховный Совет СССР, как и весь народ».

В группе спецпереселенцев на базаре гор. Усть-Каменогорске спецпереселенец Мадаев Хасу сказал: «Мое мнение, что в Верховном Совете останутся прежние кандидатуры, потому что они себя оправдали перед народом в трудное время войны, устояли перед врагом, завоевали доверие народа».

На это спецпереселенец Янгурбаев отозвался: «Не дай бог в Верховный Совет попадет наш человек, он там запачкает, как запачкался в руководстве Чечено-Ингушской АССР. Через плохое руководство наших чеченских правителей нас и выселили сюда».

В ноте опровержения этих слов и выражения желания спецпереселенцев Никаев сказал: «Неплохо было бы, если бы в правительстве был свой человек чеченец, все же заботился бы о нас и скорее отзывался на наши нужды».

Наряду с этим выявлены и враждебные проявления антисоветского элемента среди спецпереселенцев.

Так, спецпереселенец-чеченец Авторханов Жума, в прошлом причастный к бандитизму, говорит: «В Верховный Совет будут избирать руководящие парторганы, кого они захотят, тот и будет избран. Нас по этому вопросу и спрашивать не будут. Нам от выборов пользы никакой не будет. Мы голосовали в прошлые выборы и выдвигали кандидатов, а нас Верховный Совет выселил с Кавказа. Теперь пускай обойдутся без наших голосов».

Болсаев Балаудин, в прошлом бандит, заявил: «Зачем нам нужны выборы в Верховный Совет? Мы живем в чужой республике и наш народ выбирать не будет».

Спецпереселенка-немка врач ФОСС Галина Андреевна в разговоре в группе работников Шемонаихинской райбольницы заявила: «Немцы-спецпереселенцы не будут допущены к голосованию, это объясняется непонятной для меня бдительностью. Я считаю, что политика Советского Союза должна поправиться за счет влияния на нее со стороны Англии и Америки».

По вышеизложенным фактам настроения спецконтингента РО НКВД информировал первых секретарей РК КП(б)К.

Зав. оргинструкторским отделом Обкома КП(б)К Котов

ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3369. Л. 7–9.
Машинописный подлинник. Подпись Котова – автограф.

Литература

Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001. 374 с.

Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А.И. Пигалева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2010. 447 с.

Заславский С. Первые послевоенные выборы 10 февраля 1946 года // Журнал о выборах. 2011. № 2. С. 56.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. 306 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб.: Нестор-История, 2016. 128 с.

References

Burgart, L.A. (2001). *Nemetskoe naselenie v Vostochnom Kazakhstane v 1941–1956 gg.* [The German Population in East Kazakhstan in 1941–1956]. Ust’-Kamenogorsk. 374 p.

Kozlov, V.A., Kozlova, M.E., Benvenuti, F. (2016). *Paradoksy etnicheskogo vyzhivaniya: stalinskaya ssylka i repatriatsiya chechentsev i ingushey posle Vtoroy mirovoy voyny (1944 – nachalo 1960-kh gg.)* [Paradoxes of Ethnic Survival: Stalins Exile and Repatriation of Chechens and Ingush after World War II (1944 – early 1960s)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 128 p.

Vert, N. (2010). *Terror i besporyadok. Stalinizm kak Sistema* [Terror and Disorder. Stalinism as a System]. Translated from French by A.I. Pigaleva. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), Foundation of the First President B.N. Yeltsin. 447 p.

Zaslavskiy, S. (2011). Pervye poslevoennye vybory 10 fevralya 1946 goda [The First Post-War Elections were Held on February 10, 1946]. In *Zhurnal o vyborakh*. No. 2, p. 56.

Zemskov, V.N. (2005). *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka. 306 p.

О.В. Филиппенко*

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ НА ВЫБОРАХ 1946/1947 ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-14
УДК: 93/94

Выходные данные для цитирования:
Филиппенко О.В. Спецпоселенцы на выборах 1946/1947 годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 201–213. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-14.pdf

O.V. Filippenko*

SPECIAL SETTLERS IN THE ELECTIONS OF 1946/1947

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-14

How to cite:
Filippenko O.V. Special Settlers in the Elections of 1946/1947 // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 201–213. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-14.pdf]

Abstract. This article analyzes typical behavioral patterns used by Western Siberian special settlers during their participation in the 1946 Soviet Union Supreme Soviet and 1947 RSFSR Supreme Soviet elections (demonstrative activism, conformity, protest). The elections are considered a typical mobilization campaign of the Stalinist period, accompanied by large-scale ideological work aimed at bringing society into an active state. The study is based on reports from district and regional NKVD/MVD departments, special settlement departments of the MVD, and local Communist Party committees. The author concludes that the elections were a ritual in which not only special settlers but also representatives of the authorities participated. The former were ready to participate in government performances, avoiding extreme forms of activism and protest, while the latter confirmed their loyalty, outwardly demonstrating their maximum interest in achieving party goals. Based on this, the author evaluates the effectiveness of Stalinist mobilization campaigns - over time, they became an element of everyday life and no longer aroused enthusiasm among the population. The above allowed the author to present the process of adaptation and integration of discriminated groups into Soviet society as a school of conformity.

Keywords: special settlers, elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946, elections to the Supreme Soviet of the RSFSR in 1947, Western Siberia, Stalinism, mobilization campaigns, election campaigns.

The article has been received by the editor on 28.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящей статье анализируются типичные поведенческие модели, используемые западносибирскими спецпоселенцами при участии в голосовании в Верховный Совет СССР 1946 г. и Верховный Совет РСФСР 1947 г. (показательный активизм, конформизм, протест). При этом сами выборы рассматриваются как типичная мобилизационная кампания сталинского периода. Она сопровождалась крупномасштабной идеологический работой, была направлена на приведение социума в активное состояние, посредством нее режим демонстрировал внешнее соблюдение демократических процедур. Исследование базируется на докладных записках районных и областных отделений НКВД/МВД, отделений спецпоселений МВД, райкомов ВКП(б). В них местные власти по большей части описывали случаи антисоветского поведения спецпоселенцев. Автор прихо-

* **Ольга Вячеславовна Филиппенко,** PhD (Dr. Phil), Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-maill: olga.kanyshkova@mail.ru
Olga Vyacheslavovna Filippenko, PhD (Dr. Phil.), Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-maill: olga.kanyshkova@mail.ru

дит к выводу, что выборы носили характер ритуала, участниками которого являлись не только спецпоселенцы, но и представители власти. Первые были готовы принимать участие во властных инсценировках, избегая при этом крайних форм активизма и протеста, вторые подтверждали свою лояльность, внешне демонстрируя свою максимальную заинтересованность в достижении поставленных партией целей. На основании этого автор дает оценку эффективности сталинских мобилизационных кампаний – с течением времени они превратились в элемент повседневной жизни и перестали вызывать энтузиазм у населения. Вышеизложенное позволило автору представить процесс адаптации и интеграции дискриминированных групп в советский социум как школу конформизма.

Ключевые слова: спецпоселенцы, выборы в Верховный Совет СССР 1946 г., выборы в Верховный Совет РСФР 1947 г., Западная Сибирь, сталинизм, мобилизационные кампании, избирательные кампании.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023 г.

Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. являлись первой послевоенной всесоюзной избирательной кампанией. Предыдущая проводилась только 12 декабря 1937 г. В промежутке между ними неоднократно организовывались дополнительные выборы (март, июнь 1940 г.; январь, февраль 1941 г.) по причине как расширения территории Советского Союза, так и досрочного прекращения полномочий у части депутатов. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1945 г. «О проведении выборов в Верховный Совет СССР» день голосования за депутатов Верховного Совета СССР 2-го созыва назначался на 10 февраля 1946 г. Принятое 11 октября 1945 г. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» устанавливало всеобщее равное прямое и тайное голосование. В выборах могли участвовать все граждане СССР старше 18 лет, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом к лишению избирательных прав. Через год после проведения голосования в Верховный Совет СССР прошли выборы в Верховный Совет РСФСР и местные советы.

В историографии существуют разные концептуальные подходы к оценке целей и функций выборов сталинского периода. В политически ангажированных трудах советского времени избирательные кампании оценивались как «проявление единства партии и народа», а также «средство вовлечения масс в парламентскую деятельность»[1]. Параллельно в английской и немецкой историографии исследователи поставили вопрос о роли выборов в обеспечении функционирования сталинского режима. Историки сошлись на том, что избирательные кампании носили декоративный характер, выполняли функцию консолидации населения и создания иллюзии его участия в политических процессах, являлись проверкой для партийных организаций на их способность мобилизовать народные массы, а также формировали образ демократии как внутри, так и за пределами страны[2]. Несмотря на отсутствие репрезентативных источников, именно эти работы послужили основой для формирования сбалансированных концептуальных подходов, получивших впоследствии развитие в постсоветской исторической науке.

Вопрос о значении института выборов для советской власти поднимался и в работах бывших общественных и политических деятелей СССР и Восточной Европы. По мнению М. Джиласа, избирательные кампании сыграли важную роль в формировании советской номенклатуры. Посредством их власть получала признание не столько общества, сколько

[1] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1969. Т. 5. С. 17–21, 179–182.

[2] *Leng H.-O.* Die allgemeine Wahl im bolschewistischen Staat: Theorie. Praxis. Genesis. Meisenheim am Glan, 1973. S. 240–246; *Von Borcke A.* Partizipationsprobleme und Parteiregime in der Sowjetunion. Grenzen des bürokratischen Autoritarismus. Köln, 1983. S. 38–42.

«нового класса» – партийной бюрократии[3]. Эта точка зрения получила свое развитие в работах М. Восленского. Согласно его мнению, в ходе избирательных кампаний создавалась «временная» номенклатура, из которой впоследствии руководство страны отбирало подходящих лиц для «штатной» номенклатуры. Кроме того, в непосредственное участие в политике вовлекалось большое число рабочих и колхозников, что позволяло режиму демонстрировать демократичный характер советской системы[4].

Большинство постсоветских российских исследователей полагают, что выборы являлись средством легитимации сталинского режима. В этой связи они оцениваются как идеолого-пропагандистские кампании, цель которых – укрепление авторитета существовавшей власти в глазах советских людей, а также формирование демократического имиджа как внутри страны, так и на международной арене[5]. Помимо этого, выборы также рассматриваются в контексте мобилизационной концепции, в рамках которой сталинские избирательные кампании оцениваются как форма социальной и политической мобилизации населения[6]. И.В. Павлова продемонстрировала нетипичный подход. Она проанализировала выборы 1937 г. с точки зрения их роли в Большом терроре и пришла к выводу, что данная избирательная кампания являлась сильным инструментом массового уничтожения «врагов народа», а массовое вовлечение в нее населения стало инструментом, который обеспечивал его соучастие в реализации репрессивной политики[7]. Сходная точка зрения представлена в работе немецкого историка К. Шлегеля. По его словам, при помощи выборов советское руководство выявляло потенциальных претендентов на власть и центры политического влияния, которые могли выйти из подполья в процессе избирательной кампании (духовенство, депортированные «кулаки», представители бывших правящих классов).[8]

Кроме того, современная российская историография опровергла распространенную в советское время точку зрения о повсеместной высокой активности граждан – исследователи начали анализировать различные поведенческие модели населения, такие как активизм, конформизм и протест[9]. При этом участвовавшие в выборах советские граждане до сих пор продолжают рассматриваться как однородная группа. По этой причине отсутствуют

[3] *Djilas M.* Die neue Klasse: Eine Analyse des kommunistischen Systems. München, 1957. S. 132–135.

[4] *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 39.

[5] *Дорожкина Я.Б.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г.: формирование окружных и участковых избирательных комиссий // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 132–141; *Генина Е.С., Колязимова М.М.* Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. История и археология. 2014. № 3. С. 145–150; *Филипчук И.В.* Работа агитаторов с населением в ходе избирательной кампании 1940–1950-х гг. (на примере Горьковской области) // Приволжский научный вестник. Сер.: История. Исторические науки. 2014. № 40. С. 102–104; *Колязимова М.М.* Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946 года (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: История. Исторические науки. 2013. № 4. С. 33–36; *Курьянович А.В.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 46–53.

[6] *Кимерлинг А.С.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 4. С. 104–112; *Ушакова С.Н.* Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 205–212.

[7] *Павлова И.В.* 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

[8] *Schlögel K.* Terror und Traum: Moskau 1937. München, 2008. S. 252.

[9] *Busheva A., Slezin A.* Vorlesungen der Zeitgenossen von dem Mechanismus der Wahlen in den Obersten Rat der UdSSR nach dem zweiten Weltkrieg // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 4. С. 1126–1129; *Кимерлинг А.С.* «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных» // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 326–334; *Кимерлинг А.С.* По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. М., 2015. С. 136–147; *Мотревич В.П.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 372–381; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 111–119.

исследования, в которых сравнивалось бы отношение к избирательным кампаниям, например крестьян и рабочих, мужчин и женщин, представителей правовых и дискриминированных категорий населения. Таким образом, акцент, поставленный на спецпоселенцах, позволит не только выявить специфику поведения «неблагонадежных» групп советского социума, но и показать, какое положение режим отводил им в избирательных кампаниях.

В рамках настоящей статьи 1946–1947 гг. выборы рассматриваются как типичная мобилизационная кампания со всеми присущими ей особенностями. Во-первых, в ее ходе режим оказывал целенаправленное воздействие на массы через крупномасштабную идеологическую работу. Так, в центральной и местной прессе публиковалась большая серия статей на тему избирательной кампании, а также при помощи специально подготовленных агитаторов проводилась масштабная пропагандистская работа среди населения. Во-вторых, целью кампании было приведение социума в активное состояние для проверки степени политической лояльности населения и его способности поддерживать властные инициативы. Выборы не могли повлиять на политическое развитие страны по причине их безальтернативности, а Верховный Совет являлся декоративным органом власти. При этом участие в голосовании было скорее обязанностью, чем правом, отказ от участия рассматривался как признак антисоветского настроя. В-третьих, огромное значение в процессе выборов имели ритуалы, режим стремился продемонстрировать внешнее соблюдение демократических процедур. Кроме того, сам день выборов представлялся как всенародный праздник, на избирательных участках проводились развлекательные и культурные мероприятия. Результаты голосования преподносились как очередная победа населения в деле построения социализма.

Выборы в Верховный Совет СССР проводились в несколько стадий, среди которых, согласно А.С. Кимерлинг, можно выделить следующие: идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; организационный этап; мобилизация масс; реализация целей и задач кампании (день выборов); отчет об успехах[10]. В рамках первого, идеологического, этапа центральные и местные газеты печатали много пропагандистских материалов, которые направляли ход кампании в нужное русло. Организационный этап кампании заключался в подготовке агитаторов для избирательных кампаний и отборе членов избирательных комиссий. Эти процессы также активно освещались в прессе. В ходе мобилизационного этапа проходили встречи избирателей с кандидатами. Непосредственно в день выборов власти, помимо самого голосования, организовывали различные мероприятия, создавая вокруг него праздничную атмосферу. Кампания заканчивалась публичным объявлением ее результатов.

Механизм проведения указанной мобилизационной кампании показывает, что ее главная цель заключалась в вовлечении в нее как можно большего количества населения, которое посредством своего выбора должно было подтвердить легитимность советской власти. Активное участие спецпереселенцев в голосовании вполне соответствовало этой цели, так как могло продемонстрировать высокую популярность советской власти среди всех слоев населения, в том числе среди «антисоветских элементов».

Основу источниковой базы составляют докладные записки, в которых отразился вопрос участия спецпереселенцев в выборах в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР и местные советы. Авторами двух третей докладных записок являются начальники районных отделений НКВД/МВД или оперуполномоченные ОСП МВД, адресатами – секретари райкомов ВКП(б). Почти 30 % документов были составлены секретарями райкомов партии и направлялись в обком. Кроме того, выявлена одна записка, подписанная секретарем ВКП(б). Информация о настроениях спецпереселенцев в период избирательной кампании первоначально собиралась работниками районного отделения НКВД/МВД. Затем они направляли ее в райком ВКП(б), который, в свою очередь, ее обобщал и посылал в обком. Местные власти прежде всего интересовали факты, которые отражали антисоветскую деятельность спецпоселенцев, а также их негативное отношение к выборам. Это определило основное содержание источников и их структуру. Чаще всего докладные записки состояли

[10] *Кимерлинг А.С.* Выборы в Верховный Совет СССР… С. 104.

из следующих частей: общая характеристика спецпереселенцев, проживающих в районе; описание состояния агитационно-пропагандистской работы, проведенной в отношении ссыльных; приведение отдельных фактов «антисоветской» деятельности спецпереселенцев (чаще всего это представлено в виде набора цитат); предложения по улучшению положения.

Оценивая отношение спецпоселенцев к выборам, региональные власти выделили три категории спецпоселенцев, чье поведение отличалось от доминирующего поведенческого шаблона – конформизма (участие в ритуале без четкого выражения собственной позиции по данному вопросу):

1) лица, позитивно относящиеся к избирательному процессу;

2) спецпоселенцы, участвующие в голосовании только исходя из личных мотивов;

3) лица, отказывающиеся голосовать или ведущие «антисоветскую» агитацию.

Таким образом, можно согласиться с классификацией избирателей, составленной А.С. Кимерлинг, которая разделила участников выборов на «активистов», «лукавых», «конформистов» и «уклонистов»[11].

Активность спецпоселенцев в процессе выборной кампании. В анализируемых источниках информация, свидетельствующая об активности спецпереселенцев в период избирательной кампании, встречается достаточно редко, что отчасти связано с целью их составления. Только в трех докладных записках напрямую сообщается, что спецпереселенцы встречают данное событие с особым энтузиазмом. Так, в справке начальника Ирменского райотдела МВД Новосибирской области от 29 января 1947 г. сообщается следующее: «По данным райотделения МВД основная масса спецпереселенцев-немцев по вопросу выборов в Верховный Совет РСФСР настроена положительно. В большинстве своем между собой спецпереселенцы-немцы высказывают, что наша страна является самой демократической страной в мире. У нас могут избирать и быть избранными все граждане, достигшие совершеннолетия, а вот в капиталистических странах этого нет, там избирают только богатых. [‘]День выборов в Верховный совет мы должны отметить [хорошими] производственными показателями[’, –] такие положительные высказывания по Сенчанке, Яркам, Тихоново, Шилово и другим»[12]. Во второй докладной записке (Куйбышевский район Новосибирской области, от 27 января 1947 г.) сообщается, что настроение спецпоселенцев калмыков и немцев в целом хорошее. В качестве доказательства приводятся два принадлежавших спецпоселенцам высказывания. В первом немец Л. говорит, что будет выдвигать кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР «лучших людей нашей Родины, преданных делу Ленина и Сталина», во второй – калмычка А. заявляет, что она имеет «большое счастье в своей жизни» и может голосовать за блок беспартийных и коммунистов, так как ей исполнилось 18 лет[13]. В третьей докладной записке приводятся цитаты отдельных спецпереселенцев, готовых в честь этого праздника повысить производительность своего труда[14].

Представленные приукрашенные случаи, естественно, не свидетельствуют о том, что спецпоселенцы массово и активно поддерживали избирательную кампанию. Во-первых, об этом напрямую говорится в других докладных записках. Так, начальник управления НКВД по Новосибирской области Ф.П. Петровский сообщил секретарю Новосибирского Обкома ВКП(б), что пока еще незначительная часть спецпереселенцев встречает выборы в Верховный Совет новыми производственными показателями[15]. Во-вторых, в источниках не содержится примеров, в которых бы описывался положительный опыт работы спецпереселенцев в качестве агитаторов или членов избирательных комиссий. Работники НКВД/МВД, напротив, подчеркивают, что включение спецпереселенцев в состав агитаторов является существенным недочетом организации предвыборной кампании[16]. Это связано с тем, что, по

[11] *Кимерлинг А.С.* По ту сторону лозунгов… С. 139.
[12] ГАНО. Ф. П-51. Оп. 1. Д. 278. Л. 9.
[13] ГАНО. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.
[14] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 190.
[15] Там же. Л. 189.
[16] Там же. Д. 232. Л. 72; Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 2.

мнению региональных властей, спецпереселенцы не заслуживали политического доверия. Кроме того, Черепановское районное отделение МВД Новосибирской области приводит случаи, когда спецпоселенцы не справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, привлеченный к агитационной работе калмык Б. не смог опровергнуть распространенный среди спецпереселенцев миф, что вслед за выборами последует снятие с учета и возвращение на родину[17]. Помимо этого, немка К., назначенная сторожихой агитационного пункта, во время дежурства читала некую религиозную книгу немецкого издания[18]. В-третьих, несмотря на то, что в источниках неоднократно описываются ситуации, когда спецпереселенцы посещали агитационные собрания и различные лекции[19], в них нет указаний, что депортанты проявляли там какую-либо активность. Их участие ограничивалось присутствием.

Составители докладных записок отмечают, что некоторые спецпоселенцы участвуют в голосовании, руководствуясь только личными мотивами. В частности, они надеялись, что голосование повлечет за собой освобождение и возвращение домой: «Спецпереселенцам было разъяснено, что они наравне с остальными гражданами будут принимать участие в выборах в Верховный Совет Союза ССР, [Наши данные] свидетельствуют о том, что значительная часть спецпереселенцев рассматривает это событие положительно, но не с общегосударственной точки зрения, а исходят из личных интересов. Они считают, что в связи с выборами спецпереселенцы получат в конечном итоге право на свободный выбор места жительства»[20]. Эти слухи распространились преимущественно среди высланных по «национальному признаку» спецпоселенцев (немцы и калмыки).

Ряд депортантов считал, что реабилитация и освобождение могут произойти и до начала избирательной кампании. Так, калмычка И., проживающая в Искитимском районе Новосибирской области, сказала следующее: «Представители иностранной прессы спрашивают: [“]Почему лишены национальной самостоятельности калмыки, немцы и др. народы, в то время, как Вы /Советское правительство/ говорите о дружбе народов[?”] Вот почему будут восстановлены автономные республики до выборов в Верховный Совет»[21].

Возможное решение об освобождении спецпоселенцы связывали с потенциальным давлением на советское правительство, которое могли оказать иностранные государства. Вообще представление о том, что другие страны сыграют ключевую роль в освобождении, являлось характерным для сознания депортантов на протяжении всей истории института спецпоселения. По их мнению, некое государство в скором времени начнет войну с Советским Союзом, свергнет советский режим и избавит их от всех страданий. При этом роль государства-освободителя выполняли разные страны в зависимости от геополитической атмосферы. Так, в начале 1930-х гг. ссыльные крестьяне Западной Сибири видели свое спасение в приходе Китая (возможно, это связано с советско-китайским конфликтом на КВЖД 1929 г.). С 1941 г. роль спасителя безоговорочно стали отдавать Германии. Это представление сохранилось как минимум до 1946–1947 гг., даже несмотря на поражение нацистов, и было особенно характерно для советских немцев. Об этом свидетельствуют высказывания спецпереселенцев, которые приводят работники районных отделений НКВД/МВД. Так, немец А. по вопросу выборов в Верховный Совет РСФСР в 1947 г. заявил следующее: «Нас немцев не будут считать за людей до тех пор, пока Германия не получит свои права, как она была до 1941 г., до этих пор мы немцы будем жить так же несамостоятельно, как сейчас Германия. <…> Выбранные депутаты ничего для немцев не дадут и для устройства жизни. Придет время[,] когда будет война[,] тогда немцам будет жить хорошо»[22]. Ссыльнопоселенцы из Прибалтики также, по мнению местных властей, надеялись на победу Гитлера и связывали с ним свое освобождение, однако «с наступлением Красной Армии

[17] ГАНО. Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 2.
[18] Там же.
[19] ГАНО. Ф. П-79. Оп. 1. Д. 226. Л. 13; Там же. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 446. Л. 14.
[20] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 189.
[21] Там же. Л. 192.
[22] ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 3–4.

разговоры о непобедимости немецкой армии прекратились и [они] стали восхвалять Красную Армию»[23].

В целом спецпоселенцы показали свою готовность принимать участие в выборах, а также посещать иные мероприятия, связанные с данным событием. Но они не стремились стать агитаторами, членами избирательных комиссий или же поддержать проведение избирательной кампании посредством увеличения объема производства. Этот тип поведения можно охарактеризовать как мимикрическую адаптацию, в рамках которой, согласно концепции Л.В. Корель, индивиды и социальные группы корректируют свое поведение, сохраняя при этом внутри традиционные жизненные установки и цели[24]. Другими словами, спецпоселенцы лишь внешне приняли необходимые правила и следовали установленным режимом ритуалам. По этой причине их участие в кампании не характеризовалось чрезмерной активностью даже в условиях того, что активизм потенциально мог увеличить их шансы на выживание. Что, к слову, региональные власти вполне устраивало. Они не были готовы допустить спецпоселенцев к участию в проведении кампании даже при условии наличия на это запроса со стороны депортантов. Причина этого заключалась в их недостаточной политической благонадежности. Соответственно, участие в голосовании и отсутствие открытой критики правительства воспринимались надзорными органами как достаточное выражение политической лояльности.

Вышеизложенное касается преимущественно немцев и калмыков. Региональные власти значительно хуже относились к ссыльнопоселенцам из Прибалтики и Молдавии. Так, секретарь Парбигского районного комитета ВКП(б) Томской области И. Давыденко отмечает, что данные спецпереселенцы являются реакционерами и до ссылки являлись членами различных партий. Поэтому, несмотря на то, что ссыльнопоселенцы размещены в колхозах, промцентре и промартелях, значительная часть из них под разными предлогами уклоняется от работы[25]. По той же причине в обобщающей справке о настроениях спецпереселенцев в Томской области приводится следующий вывод о возможности данного спецконтингента принимать участие в избирательной кампании: «В отношении высланных элементов из Прибалтики и Молдавии, учитывая[,] что они высланы решением особого совещания, сроком на 20 лет [в отличие от немцев и калмыков, высланных в административном порядке], считать целесообразным лишить их прав на участие в голосовании, как осужденных по суду [это соответствовало «Положению о выборах в Верховный Совет СССР» от 11 октября 1945 года]»[26]. Кроме того, по мнению региональных властей, к участию в голосовании нельзя допускать сектантов (казанских баптисто) из-за их враждебного настроя[27].

Противоположное мнение местные власти высказывают в отношении другой категории репрессированных, бывших «кулаков» или трудпоселенцев. Они, по мнению вышеупомянутого И. Давыденко, прошли период трудного и политического воспитания, что дает возможность в отдельных случаях допустить их в избирательные комиссии в качестве членов[28]. Он также отмечает, что объявление выборов в Верховный Совет вызвало в их среде новый политический и производственный подъем, на основе чего развернулось соцсоревнование за подготовку к севу, досрочное выполнение планов лесозаготовок[29]. Кроме того, в Бакчарском районе Томской области 22 из 150 членов избирательной комиссии являлись трудпоселенцами, большинство из которых были комсомольцами и учителями[30].

Уклонение спецпоселенцев от участия в выборах. В качестве доказательства уклонения части спецпоселенцев от участия в голосовании служащие райотделов НКВД/МВД приводили отдельные высказывания депортированных, в которых те объясняли

[23] ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 3.
[24] *Корель Л.В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 140–141.
[25] ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 3.
[26] Там же. Л. 16.
[27] Там же. Л. 4.
[28] Там же. Л. 5.
[29] Там же. Л. 3.
[30] Там же. Л. 14.

причины своего негативного отношения. Все фигурирующие в анализируемых источниках цитаты были разделены на несколько групп в соответствии с их содержанием (см. таблицу):

1. Спецпереселенцы связывают свое нежелание голосовать с плохим материальным положением и считают, что выборы не имеют большого значения в условиях нужды и голода.

«Ранее мы жили без всяких выборов, а жизнь была лучше, народ ел хлеб, мясо в достаточном количестве, а при Советской власти каждый год голосуем, а жизнь для народа становится все хуже и хуже, народ живет голодом, [власти] хлеб совсем отказали[сь] [выдавать]. Сейчас только составляют планы больше языками, а на деле для народа ничего нет. Я согласна вообще не голосовать, жить без выборов и без колхозов[,] по существу и голосовать не за что, нас не кормят и вообще жить очень трудно»[31].

Спецпоселенка-немка Р., Кочковский район Новосибирской области, 1947 г.

2. Депортанты отмечают отсутствие среди кандидатов лиц, способных отстоять интересы малых народов.

«Вот сейчас начнутся выборы[,] неужели не будет выбрано в Верховный совет представителя от немецкой республики[?] Если он так и не будет выставлен, все же это было бы неправильно»[32].

Спецпоселенец-немец Е., Томская область, 1945 г.

3. Спецпереселенцы рассматривают голосование как фикцию – только угодные власти кандидаты могут на них победить.

«Положение о выборах по содержанию такое же, что было в 1937 году. Кто будет избран, пока неизвестно, но, видимо, большинство старых депутатов войдет в состав Верховного Совета»[33].

Спецпоселенец-калмык А., Убинский район Новосибирской области, 1945 г.

4. Спецпоселенцы выражают недовольство конкретными кандидатами и обвиняют их в воровстве и безграмотности.

«[Кандидат] приехал в село Черновка, а завтра будет у нас в селе Решетах[,] но я и не пойду смотреть, потому что она недостойна в депутаты, ей только чистить уборные»[34].

Спецпоселенка-немка Ф., Кочковский район Новосибирской области, 1947 г.

5. Спецпереселенцы связывают свое нежелание участвовать в избирательной кампании с депортацией.

«На днях в нашем колхозе было собрание по вопросу выборов[.] Для какой цели они нас зовут[,] немцев, выборы для нас не нужны совершенно, советское правительство выгнало нас из дому, а за это мы им никогда не простим и простить не можем»[35].

Спецпоселенец-немец Ш., Кочковский район Новосибирской области, 1947 г.

6. Причины негативного отношения спецпереселенцев к голосованию не конкретизируются.

«Нас эти выборы не интересуют. Хотя и будут приглашать, вряд ли[,] я пойду на голосование»[36].

Спецпоселенка-немка Д., Убинский район Новосибирской области, 1945 г.

Наиболее частая причина нежелания спецпоселенцев голосовать заключалась в их уверенности в том, что они не изменят политическую и экономическую ситуацию в стране. Подобные настроения распространялись не только среди них, но и среди правового населения. Об этом, например, сообщал начальник Краснозерского райотдела НКВД Терехов в своей докладной записке от 30 января 1946 г. По представленной им информации, одна колхозница не захотела участвовать в избирательной кампании из-за серьезной матери-

[31] ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.
[32] ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 15.
[33] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 190.
[34] ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 3.
[35] Там же. Л. 31.
[36] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 189.

альной нужды и считала, что выборы ничего не смогут изменить[37]. Данный тезис подтверждается и источниками, приведенными А.С. Кимерлинг. Историк связала отказ части населения от участия в политическом ритуале с осознанием его фиктивного характера и неудовлетворенностью текущей экономической ситуацией[38].

Таблица 1

Причины отказа спецпоселенцев от голосования (чел.)*

Наименование	Категория					
	1	2	3	4	5	6
Спецконтингент						
Немцы	6	6	13	3	2	4
Калмыки	1	1	2	0	0	3
Фольксдойче	1	0	0	0	1	0
Тип избирательной кампании						
Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г.	4	1	12	0	1	4
Выборы в Верховный Совет РСФСР 1947 г.	4	6	3	3	2	3
Всего	8	7	15	3	3	7

* *Составлено по:* ЦДНИ ТО. 607. Ф. 1. Д. 282. Л. 1–4. 13–16; ГАНО Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 188–192; Д. 232. Л. 71–79; Ф. П-30. Оп. 1. Д. 321. Л. 33; Ф. П-43. Оп. 1. Д. 512. Л. 5; Ф. П-51. Оп. 1. Д. 278. Л. 9; Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 3–4, 31–32; Ф. П-57. Оп. 1. Д. 435. Л. 5–6; Д. 446. Л. 14; Ф. П-58. Оп. 1. Д. 305. Л. 1–2; Ф. П-78. Оп. 1. Д. 134. Л. 1; Ф. П-79. Оп. 1. Д. 226. Л. 13; Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–4.

Абсентеизм спецпоселенцев усиливался под воздействием специфических факторов, не игравших существенной роли для остального населения. Помимо очевидного недовольства советским режимом из-за проведенной репрессии, депортанты считали, что выборы не смогут защитить их национальные интересы. Особенно это проявилось в процессе избрания депутатов в Верховный Совет РСФСР 1947 г. До депортации немцы и калмыки вовлечены в процесс избрания представительных органов своих национальных республик – Верховного Совета АССР Немцев Поволжья и Верховного Совета Калмыцкой АССР и рассматривали их как инструмент защиты своих национальных интересов. Уничтожение национальных автономий привело к упразднению этих органов власти, что немцы и калмыки восприняли как лишение всех политических прав. А Верховный Совет РСФСР продолжал оцениваться как орган, отражающий интересы сугубо русских.

Достаточно специфично дело обстояло с отправленными на спецпоселение религиозными группами, такими как «Истинно-Православные христиане». Их религиозные постулаты отрицали какое-либо взаимодействие с государством, в том числе участие в голосовании. Религиозность усиливала абсентеизм и этнических категорий спецпоселенцев. По сообщению начальника ОСП НКВД по Доволенскому району Новосибирской области Еланышева, спецпоселенцы-немцы собираются для проведения различного рода богослужений, направленных против выборов в Верховный Совет СССР[39]. Кроме того, автор источника отмечает наличие у спецпоселенцев эсхатологических настроений, согласно которым скоро должен наступить всеобщий суд над живыми и мертвыми[40]. В этой связи участие в политической жизни для них теряло всякий смысл.

Что, по мнению региональных властей, могло способствовать улучшению настроений спецпоселенцев и поднятию их избирательной активности? Приблизительно в одной пятой источников существование проблемы абсентеизма спецпоселенцев отрицается. Их авторы сообщают, что агитационная работа проводится хорошо, спецпереселенцы вовлечены

[37] ГАНО. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 435. Л. 10.
[38] *Кимерлинг А.С.* По ту сторону лозунгов… С. 145–146.
[39] ГАНО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 512. Л. 5.
[40] ГАНО. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 435. Л. 6.

в общественные мероприятия на одном уровне с местным населением, их настроения в целом положительные. Так как в остальных источниках уклонение спецпоселенцев от голосования признается, можно выдвинуть гипотезу, что отрицание проблемы было тактикой взаимодействия региональных властей с вышестоящими инстанциями для избегания потенциального наказания за неправильное проведение избирательной кампании.

Среди тех, кто признал проблему абсентеизма, четверть не предложила конкретных мер по улучшению ситуации. Вместо этого работники надзорных органов или ограничивались отдельными фразами («[Я] прошу Вас дать указания отделу агитации и пропаганды об усилении агитмассовой работы в этих колхозах»)[41], или предлагали усилить борьбу против отдельных личностей, которые занимаются антивыборной агитацией (необходимо «взять на повседневное наблюдение лиц[,] настроенных против выборов в Верховный Совет РСФСР»)[42]. Еще в трети докладных записок в качестве средства снижения «антисоветской» активности спецпоселенцев предлагается усиление идеологической работы. Их авторы указывают на необходимость проведения агитации на языках депортированных народов и увеличения количества предвыборных мероприятий, ориентированных сугубо на спецпоселенцев: «Многие члены ВКП(б) из спецпереселенцев партийных поручений не имеют. Особенно плохо обстоит дело среди калмыков, многие из которых совершенно не знают русского языка и питаются различными слухами[,] исходящими подчас от антисоветских враждебных элементов»[43].

Авторы оставшейся части докладов назвали настоящую причину абсентеизма спецпоселенцев: бедность, голод и регулярные задержки зарплаты. Начальник Черепановского райотдела МВД Новосибирской области Сафронов предлагал улучшить настроения, царившие среди спецпоселенцев, так: «4. [Я] прошу Вашего воздействия в изыскании средств и выплате зарплаты рабочим по заводу № 8, райпромкомбинату и артели ‚Каменолом‘. [...] 6. Считал бы необходимым заслушать на бюро РК ВКП(б) директора молсовхоза тов. Осинцева и секретаря первичной парторганизации тов. Бороздина о создании нормальных бытовых условий спецпереселенцам, расселенных в совхозе и об усилении агитационной политическо-массовой работе по выборам в Верховный Совет РСФСР среди спецпереселенцев»[44]. При этом они не пытались возложить ответственность за бедственное положение на самих спецпоселенцев, а обуславливали подобную ситуацию бездействием сотрудников, ответственных за размещение депортантов в Сибири, а также руководителей хозяйственных организаций. Только в одном документе говорится о нежелании спецпоселенцев обзаводиться хозяйством. Но даже в нем отмечается, что ухудшению материального положения депортантов способствовали их регулярные переселения: «Большая часть немцев была направлена в распоряжение Томского Госрыбтреста на рыбодобычу[,] в силу особых условий рыбодобычи, они за время войны очень часто переводились с одного места на другое, вследствие этого значительная часть из них не осели, большая часть оказалась в тяжелом материальном положении[,] и настроение их характеризуется целым рядом отрицательных явлений. От работы под разными предлогами уклоняются, не проявляют никакого желания оседать в этих местах, стремясь все время уехать»[45].

Оценивая позицию региональных властей в целом, следует отметить, что и для их поведения была характерна мимикрия. Ключевая задача местных лидеров заключалась в постоянной демонстрации того, что они добросовестно и своевременно выполняют требования центра. По этой причине они отрицали проблемы, которые возникали в процессе реализации постановлений центра, ограничиваясь формальными фразами или предлагая решать проблемы путем усиления пропагандистской работы, что едва ли могло изменить отношение спецпоселенцев к советской власти. Даже когда сотрудники местных отделов НКВД/МВД признавали, что абсентеизм спецпоселенцев вызывался более глубокими причинами, в том

[41] ГАНО. Ф. П-51. Оп. 1. Д. 278. Л. 9.
[42] ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.
[43] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 184.
[44] ГАНО. Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 3.
[45] ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 13–14.

числе крайне тяжелым экономическим положением депортантов, они возлагали ответственность на других исполнителей, руководителей хозяйственных организаций и в редких случаях самих спецпоселенцев.

Отмеченное выше подводит нас к проблеме эффективности сталинских мобилизаций. Согласно мнению С.Н. Ушаковой, режим в основном добивался реализации целей идеологических кампаний 1930-х гг. В совокупности с другими методами воздействия на население они способствовали мобилизации советского общества и формированию массового сознания в нужном для советской власти направлении[46]. Однако их эффект оказывался кратковременным – постепенно мобилизационные кампании превратились в элемент повседневной жизни, в некий ритуал, и уже не могли вызвать энтузиазм населения. Е.Ю. Зубкова справедливо заметила, что основными чертами послевоенного советского общества являлась либо полная аполитичность, либо демонстративная (ритуальная) активность[47].

В этом ритуале участвовали не только простые граждане, но и представители власти. Первые делали вид, что поддерживают организованные режимом мероприятия, вторые – что прилагают все усилия, чтобы провести их максимально качественно. Спецпоселенцы в основной массе приняли правило подобного социального ритуала, хотя некоторые из них все же пытались отказаться от участия в нем. В сравнении с остальными гражданами поведение спецпоселенцев в меньшей степени характеризовалось демонстративной активностью. Они не стремились попасть в ряды тех, кто деятельно помогал в организации выборов. Такая позиция полностью соответствовала интересам региональных властей, поскольку «неблагонадежные» элементы должны были быть лишь частью мобилизационной кампании, а не ее локомотивом.

Таким образом, процесс интеграции спецпоселенцев в советскую систему можно рассматривать как некую школу конформизма, в которой депортанты должны были научиться формально следовать декларативным нормам поведения и принимать участие во всеобщей инсценировке. Некоторые люди, не сумев принять правила этой игры, становились на путь пассивного сопротивления.

Литература

Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, Октябрь, 1991. 624 с.

Генина Е.С., Колязимова М.М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. История и археология. 2014. № 3. С. 145–150.

Дорожкина Я.Б. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г.: формирование окружных и участковых избирательных комиссий // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. / В.И. Шишкин (ред.). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. С. 132–141.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1969. Т. 5. 464 с.

Кимерлинг А.С. «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных» // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 326–334.

Кимерлинг А.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 4. С. 104–112.

[46] См.: *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 281–289.

[47] См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество… С. 111–119.

Кимерлинг А.С. По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма / Й. Баберовски (ред.). М.: РОССПЭН, 2015. С. 136–147.

Колязимова М.М. Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946 года (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: История. Исторические науки. 2013. № 4. С. 33–36.

Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

Курьянович А.В. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 46–53.

Мотревич В.П. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 372–381.

Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 22 с.

Ушакова С.Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов регион. молодеж. науч. конф. / А.К. Кириллов (ред.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 205–212.

Филипчук И.В. Работа агитаторов с населением в ходе избирательной кампании 1940–1950-х гг. (на примере Горьковской области) // Приволжский научный вестник. Сер.: История. Исторические науки. 2014. № 40. С. 102–104.

Busheva A., Slezin A. Vorlesungen der Zeitgenossen von dem Mechanismus der Wahlen in den Obersten Rat der UdSSR nach dem zweiten Weltkrieg // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 4. С. 1126–1129.

Djilas M. Die neue Klasse: Eine Analyse des kommunistischen Systems. München: Kindler, 1957. 283 s.

Leng H.-O. Die allgemeine Wahl im bolschewistischen Staat: Theorie. Praxis. Genesis. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1973. 272 s.

Schlögel K. Terror und Traum: Moskau 1937. München: Carl Hanser Verlag, 2008. 816 s.

von Borcke A. Partizipationsprobleme und Parteiregime in der Sowjetunion. Grenzen des bürokratischen Autoritarismus. Köln: Bundesinst. für Ostwiss. u. Internat Studien, 1983. 70 s.

References

Busheva, A., Slezin, A. (2011). Vorlesungen der Zeitgenossen von dem Mechanismus der Wahlen in den Obersten Rat der UdSSR nach dem zweiten Weltkrieg. In *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 1126–1129.

Djilas, M. (1957). *Die neue Klasse: Eine Analyse des kommunistischen Systems*. München, Kindler. 283 p.

Dorozhkina, Ya.B. (2002). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1937 g.: formirovanie okruzhnykh i uchastkovykh izbiratel'nykh komissiy [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937: Formation of District and Precinct Election Commissions]. In *Sibir' v XVII–XX vekakh: problemy politicheskoy i sotsial'noy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.* Novosibirsk, pp. 132–141.

Filipchuk, I. (2014). Rabota agitatorov s naseleniem v khode izbiratel'noy kampanii 1940–1950-kh gg. (na primere Gor'kovskoy oblasti) [The Work of Agitators with the Population during the Election Campaign of the 1940–1950s (Using the Example of the Gorky Region)]. In *Privolzhskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Istoricheskie nauki.* No. 40, pp. 102–104.

Genina, E., Kolyazimova, M. (2014). Ideologicheskie kampanii v SSSR 1946–1953 gg., svyazannye s obrazom I.V. Stalina (po materialam Kemerovskoy oblasti) [Ideological Campaigns in the USSR from 1946 to 1953 Related to the Image of J.V. Stalin (Based on Materials from the Kemerovo Region)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya i arkheologiya*. No. 3, pp. 145–150.

Kimerling, A. (2013). “Kto portit byulleteni, tot v soyuze nedovol’nykh” [“Whoever Spoils the Ballots is in the Union of Dissatisfied”]. In *Otechestvennye zapiski.* No. 1, pp. 326–334.

Kimerling, A. (2015). Po tu storonu lozungov: praktiki prisposobleniya k politicheskim kampaniyam v 1945–1953 gg. [Beyond Slogans: Practices of Adaptation to Political Campaigns in 1945–1953]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma.* Moskow, ROSSPEN, pp. 136–147.

Kimerling, A. (2016). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1946 goda v Molotovskoy oblasti kak primer mobilizatsionnoy politicheskoy kampanii [The 1946 Elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Molotov Region as an Example of a Mobilization Political Campaign]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya.* No. 4, pp. 104–112.

Kolyazimova, M. (2013). Ideologo-propagandistskaya kampaniya, svyazannaya s podgotovkoy k vyboram v Verkhovnyy Sovet SSSR 1946 goda (po materialam Kemerovskoy oblasti) [Ideological-Propagandistic Campaign Related to the Preparation for the 1946 Elections to the Supreme Soviet of the USSR (Based on Materials from the Kemerovo Region)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Istoricheskie nauki.* No. 4, pp. 33–36.

Korel’, L. (2005). *Sotsiologiya adaptatsiy: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of Adaptations: Issues of Theory, Methodology, and Methods]. Novosibirsk, Nauka. 424 p.

Kur’yanovich, A. (2016). Vybory v Verchovnyy Sovet SSSR 1937 goda kak legitimatsiya sovetskogo obshchestvenno-politicheskogo rezhima (na primere Belorusskoy SSR) [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as Legitimation of the Soviet Socio-Political Regime (Using the Example of the Belarusian SSR)]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya.* No. 1, pp. 46–53.

Leng, H.-O. (1973). *Die allgemeine Wahl im bolschewistischen Staat: Theorie. Praxis.* Genesis. Meisenheim am Glan, Anton Hain. 272 p.

Motrevich, V. (2009). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1946 goda [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’.* No. 10, pp. 372–381.

Okladnikov, A. (Ed.). (1969). *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Leningrad, Nauka. 464 p.

Pavlova, I. (2003). 1937: vybory kak mistifikatsiya, terror kak real’nost’ [1937: Elections as a Hoax, Terror as Reality]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 19–37.

Schlögel, K. (2008). *Terror und Traum: Moskau 1937.* München, Carl Hanser Verlag. 816 p.

Ushakova, S. (2001). *Ideologo-propagandistskie kampanii kak sposob sotsial’noy mobilizatsii sovetskogo obshchestva v kontse 1920-kh – nachale 1940-kh gg.: na materialakh Zapadnoy Sibiri* [Ideological and Propaganda Campaigns as a Way of Social Mobilization of Soviet Society in the Late 1920s – Early 1940s: Based on Materials from Western Siberia], Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk. 22 p.

Ushakova, S. (2008). Sotsial’naya mobilizatsiya kak sistemnaya kharakteristika sovetskogo obshchestva [Social Mobilization as a Systemic Characteristic of Soviet Society]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy. Sb. materialov regional’noy molodezhnoy nauch. konf.* Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 205–212.

Von Borcke, A. (1983). *Partizipationsprobleme und Parteiregime in der Sowjetunion. Grenzen des bürokratischen Autoritarismus.* Köln, Bundesinst. für Ostwiss. u. Internat Studien. 70 p.

Voslenski, M. (1991). *Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenklatura: The Soviet Ruling Class]. Moscow, Soverskaya Rossiya, Oktyabr’. 642 p.

Zubkova, E. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moskow, ROSSPEN. 230 p.

Н.А. Куперштох*

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО СИБИРСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ 1958 ГОДА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-15
УДК 001(571)(09)

Выходные данные для цитирования:
Куперштох Н.А. Первые выборы членов Академии наук СССР по Сибирскому отделению 1958 года в документальном отражении // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 214–226. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-15.pdf

N.A. Kupershtokh*

THE FIRST ELECTIONS OF MEMBERS OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES FOR THE SIBERIAN BRANCH IN 1958 IN DOCUMENTARY REFLECTION**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-15

How to cite:
Kupershtokh N.A. The First Elections of Members of the USSR Academy of Sciences for the Siberian Branch in 1958 in Documentary Reflection // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 214–226. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-15.pdf]

Abstract. The article presents documents identified in the Russian State Archive of Contemporary History. The first document is information to the Central Committee of the CPSU from the leaders of the USSR Academy of Sciences about the past elections of academicians and corresponding members for the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1958. The second document is a memorandum from the leadership of the relevant department of the CPSU Central Committee to the higher authority of the Central Committee with comments on a number of issues of the past elections in the Academy of Sciences. Documentary content reveals the algorithm for the first elections of members of the USSR Academy of Sciences for the Siberian Branch in 1958. An analysis of the documents shows that the innovation in the academic sphere to create the first regional branch of the USSR Academy of Sciences required the adoption of non-standard decisions that were aimed at providing qualified personnel to new institutes in Siberia and the Far East. The first generation of academicians and corresponding members of the USSR Academy of Sciences, elected from the Siberian Branch in 1958, made a significant contribution to the organization of the activities of newly created institutes, the development of new scientific directions, and personnel training. The documents clearly indicate that despite the apparent independence in decision-making in the scientific field, personnel issues were under the close attention of the relevant departments of the CPSU Central Committee. All information was flowed into the party authorities and carefully analyzed: about candidates for elections to the Academy of Sciences, about the appointment of directors of scientific institutions, about the party "layer" in specialized departments of the Academy and in research institutes, etc. Nevertheless, in a number of cases a certain consensus was reached between scientific and party structures. The latter turned a blind eye to increasing the social status of a scientist with a "flaw" in his biography if he had significant scientific results, and the scientific community defended his candidacy in the party and government structures.

* **Наталья Александровна Куперштох,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nataly.kuper@gmail.com
Natalia Alexandrovna Kupershtokh, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nataly.kuper@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
The article was made on the topic of the state assignment "Socio-economic potential of the eastern regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: management strategies and practices, dynamics, geopolitical context" (FWZM-2024-0005).

Keywords: Academy of Sciences of the USSR/RAS, Siberian Branch, elections, full members of the USSR Academy of Sciences, corresponding members of the USSR Academy of Sciences.

The article has been received by the editor on 22.12.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье представлены документы, выявленные в Российском государственном архиве новейшей истории. Первый документ – это информация в Центральный комитет КПСС руководителей Академии наук СССР о прошедших выборах академиков и членов-корреспондентов по Сибирскому отделению АН СССР 1958 г. Второй документ – докладная записка руководства профильного отдела ЦК КПСС в вышестоящую инстанцию ЦК с комментариями по ряду вопросов прошедших выборов в Академии наук. Документальный контент раскрывает алгоритм первых выборов членов Академии наук СССР по Сибирскому отделению 1958 г. Анализ документов показывает, что новация в академической сфере по созданию первого регионального отделения Академии наук СССР потребовала принятия нестандартных решений, которые были направлены на обеспечение квалифицированными кадрами новых институтов Сибири и Дальнего Востока. Первая генерация академиков и членов-корреспондентов АН СССР, избранных по Сибирскому отделению в 1958 г., внесла существенный вклад в организацию и деятельность вновь создаваемых институтов, развитие актуальных научных направлений, подготовку кадров. Документы отчетливо говорят о том, что, несмотря на кажущуюся самостоятельность в принятии решений в научной сфере, кадровые вопросы находились под пристальным вниманием профильных отделов Центрального комитета КПСС. В партийные инстанции стекалась и тщательно анализировалась вся информация: о кандидатах на выборы в Академию наук, о назначении директоров научных учреждений, о партийной «прослойке» в специализированных отделениях Академии и в научно-исследовательских институтах и др. Тем не менее в ряде случаев достигался определенный консенсус между научными и партийными структурами. Последние закрывали глаза на повышение социального статуса ученого с «изъяном» в биографии, если тот обладал значимыми научными результатами и научное сообщество отстаивало его кандидатуру в партийно-властных структурах.

Ключевые слова: Академия наук СССР/РАН, Сибирское отделение, выборы, действительные члены АН СССР, члены-корреспонденты АН СССР.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023 г.

Исторический контекст документов. Создание в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР – первого регионального кластера академической науки – потребовало от научного истеблишмента разработки целого ряда неординарных мер, которые обеспечили реальное функционирование нового научного центра в Сибири. Основная нагрузка легла на организаторов Сибирского отделения – академиков М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, С.А. Христиановича. Ранее специализированные (профильные) отделения АН СССР выбирали своих членов по традиционной схеме, которую невозможно было применить к междисциплинарному Сибирскому отделению. Чтобы обеспечить работу новых институтов, необходима была группа инициативных ученых, которая бы переместилась в Сибирь и начала работу по формированию институтов, отделов и лабораторий. Устав СО АН СССР, принятый в июне 1957 г., содержал важное положение: первое региональное отделение объединяло членов Академии наук, ведущих постоянную основную работу в научных

учреждениях Сибири и одновременно состоявших в профильных отделениях АН в соответствии с их специальностью.

В начале 1958 г. были объявлены выборы в Академию наук СССР специально на вакансии Сибирского отделения и разработан алгоритм выдвижения и утверждения кандидатур на эти вакансии. Необходимо отметить следующее. Архивные документы показывают, что первые выборы по Сибирскому отделению в 1958 г. действительно проходили на конкурсной основе. Первоначально для Сибирского отделения было выделено 8 вакансий академиков и 32 вакансии членов-корреспондентов АН СССР. В профильные отделения на 40 мест подали заявки 103 человека, т.е. конкурс на место составил 2,6 человека. Претендентов нисколько не останавливало, что в случае избрания в члены АН СССР они обязаны перейти на работу в Сибирское отделение и переехать в новые научные центры Новосибирска, Иркутска, Дальнего Востока.

Кандидаты на избрание в члены Академии (подавляющее большинство являлись выходцами из московских НИИ и вузов) проходили тщательный многоступенчатый отбор. Во всех профильных отделениях были созданы экспертные комиссии, которые суммарно рекомендовали к избранию на вакансии академиков 11 чел., на вакансии членов-корреспондентов АН СССР – 38 чел. В марте 1958 г. на Общем собрании АН СССР по Сибирскому отделению, которое придерживалось первоначальных установленных квот (8 и 32), на заветные вакансии академиков прошли 8 чел., членов-корреспондентов – 27 чел. При переизбытке кандидатов пять вакансий членов-корреспондентов АН СССР оказались незаполненными. Ответ на вопрос, почему так произошло, можно найти в самом механизме выборов в Академию наук СССР.

Было бы наивным предполагать, что развитие науки определяли исключительно сами ученые. Кадровые вопросы находились на контроле не только в Академии наук СССР, но и в соответствующих отделах ЦК КПСС. Сразу после первых выборов по Сибирскому отделению в марте 1958 г. (рис. 1) академики А.Н. Несмеянов и А.В. Топчиев докладывали в ЦК, что накануне во всех профильных отделениях Академии наук были проведены заседания партийных групп с обсуждением кандидатов, рекомендованных к избранию в члены АН СССР по Сибирскому отделению. В качестве положительного результата отмечалось, что среди уже избранных ученых половина являлась членами КПСС. Партийность повышала шансы претендента быть избранным, в то время как беспартийность или «пятно» в биографии в результате репрессий нередко становились причиной отклонения кандидатуры конкретного ученого для участия в академических выборах. Тем не менее на выборах 1958 г. в члены Академии наук прошли сибирские ученые, подвергшиеся в свое время репрессиям. В то же время в профильных отделениях АН СССР голосование по кандидатурам ряда ученых из регионов сложилось не в их пользу, в том числе и из-за чрезмерного давления партийных органов на академическое сообщество.

Географический охват участников первых академических выборов по Сибирскому отделению оказался довольно широким: в списке «победителей» оказались ученые из Москвы, Иваново, Ленинграда, Львова, Киева, сибирских городов – Томска и Новосибирска, а также ученые из НИИ Сахалина и Камчатки. Сибирская научная элита получила невиданное ранее пополнение: академиком стал физик В.Д. Кузнецов, членами-корреспондентами АН избраны геологи В.А. Кузнецов, Ю.А. Кузнецов и Ф.Н. Шахов, горняки Н.А. Чинакал и Т.Ф. Горбачев, представитель оборонного сектора В.Н. Авдеев (рис. 2).

Основатель и первый директор Института геологии и геофизики в Новосибирске А.А. Трофимук был избран академиком (рис. 3). По результатам первых выборов в АН СССР 1958 г. в его будущую команду, помимо сибирских ученых, вошли такие известные геологи, геофизики и петрографы, как В.С. Соболев, А.Л. Яншин, Ю.А. Косыгин, Б.С. Соколов, В.Н. Сакс. Их впоследствии назвали академической когортой, которая стояла у истоков развития сразу нескольких актуальных направлений в современной геологической науке. Избранные членами Академии наук представители химического сообщества – Г.К. Боресков, Н.Н. Ворожцов, А.В. Николаев, Г.Б. Бокий, А.А. Ковальский, В.В. Воеводский обеспечили

поступательное развитие целой группы институтов химического профиля в Новосибирске в области катализа, органической и неорганической химии, физико-химии.

Хотя документальные страницы говорят сами за себя и дают отчетливое представление о механизме выборов, хотелось бы отметить, что проблема имеет гораздо более глубокие основания, чем это представляется на первый взгляд. На самом деле результат выборов – это долгий и сложный процесс, в котором проявляются различные факторы. Иногда высокие научные достижения ученого нивелировались его якобы недостаточно активной общественной деятельностью, «пятнами» биографии, о которых говорилось выше, вмешательством партийных органов в процесс выдвижения кандидатур на местах и др. Наиболее полное представление об остроте борьбы в процессе выдвижения кандидатов на академические вакансии можно почерпнуть из многостраничных стенограмм общих собраний специализированных отделений АН СССР, сосредоточенных в Архиве Российской академии наук (АРАН).

В статье представлены документы, выявленные в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Первый документ – это информация в Центральный комитет КПСС руководителей Академии наук СССР о прошедших выборах академиков и членов-корреспондентов по Сибирскому отделению АН СССР в марте 1958 г. с пофамильными списками избранных в виде приложения. Второй документ – докладная записка руководства профильного отдела ЦК КПСС, представленная в апреле 1958 г. в вышестоящую инстанцию ЦК с комментариями по ряду вопросов прошедших выборов членов Академии наук.

Составленное автором приложение содержит краткие справки о первых членах АН СССР/РАН, избранных по Сибирскому отделению, которые отражают их реальный вклад в развитие научного потенциала Отделения и подготовку кадров. Подробную информацию о персональном составе СО РАН можно почерпнуть из двухтомного издания 2022 г., подготовленного сотрудниками Института истории СО РАН[1].

Рис. 1. Академик А.Н. Несмеянов на общем собрании АН СССР. Москва, март 1958 г.
Крайний слева – академик М.А. Лаврентьев. Источник: Архив Российской академии наук

[1] Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2022.

Рис. 2. Первое общее собрание СО АН СССР. Слева направо: 1-й ряд – Н.Н. Ворожцов, Т.Ф. Горбачев, Э.Э. Фотиади. Новосибирск, май 1958 г. Источник: Фотоархив СО РАН

Рис. 3. Академик А.А. Трофимук на первом общем собрании СО АН СССР. Новосибирск, май 1958 г. Источник: Фотоархив СО РАН

Документ № 1

Информация в ЦК КПСС о выборах академиков и членов-корреспондентов по Сибирскому отделению АН СССР, представленная президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым и главным ученым секретарем Президиума АН СССР А.В. Топчиевым

29 марта 1958 г.

Академией наук СССР 28 января сего года были объявлены выборы по Сибирскому отделению АН СССР в академики (8 вакансий) и члены-корреспонденты АН СССР (32 вакансии). Регистрация кандидатов продолжалась до 15 марта с.г. включительно. На указанные 40 вакансий было выдвинуто 103 кандидата: 15 – в академики и 88 – в члены-корреспонденты АН СССР.

Выборы по Сибирскому отделению проходили с 24 по 28 марта с.г. с предварительным обсуждением и рекомендацией кандидатов Отделениями АН СССР (тайным голосованием). Отделениями АН СССР было рекомендовано Сибирскому отделению к избранию в академики 11 кандидатов и в члены-корреспонденты АН СССР 38 кандидатов.

Общим собранием Академии наук СССР на 8 вакансий академиков и 32 вакансии членов-корреспондентов АН СССР избрано 8 академиков и утверждено 27 членов-корреспондентов АН СССР, избранных Общим собранием Сибирского отделения АН СССР. Остались незаполненными 5 вакансий членов-корреспондентов АН СССР.

Среди вновь избранных академиков по Сибирскому отделению АН СССР видные ученые-математики, лауреаты Сталинской премии, члены-корреспонденты АН СССР ВЕКУА И.Н. и МАЛЬЦЕВ А.И.; крупнейший сибирский физик, Герой Социалистического Труда КУЗНЕЦОВ В.Д.; известные геологи – Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, член-корреспондент АН СССР ТРОФИМУК А.А., лауреат Сталинской премии, член-корреспондент АН УССР СОБОЛЕВ В.С. и доктор наук ЯНШИН А.Л.; крупные ученые-механики, члены-корреспонденты АН СССР – лауреат Сталинской премии КОЧИНА П.Я. и РАБОТНОВ Ю.Н. Из 8 академиков – 4 коммуниста, среди 27 членов-корреспондентов АН СССР по Сибирскому отделению – 14 коммунистов.

В члены-корреспонденты АН СССР по Сибирскому отделению избраны молодые талантливые ученые: математик БИЦАДЗЕ А.В.; физик БУДКЕР Г.И.; механик ГРИГОЛЮК Э.И.; теплотехник, дважды лауреат Сталинской премии НОВИКОВ И.И.; один из ведущих ученых в области катализа БОРЕСКОВ Г.К.; известные советские ученые-горняки, лауреаты Сталинской премии ЧИНАКАЛ Н.А. и Герой Социалистического Труда ГОРБАЧЕВ Т.Ф.; изобретатель электронных приборов и установок АВДЕЕВ В.Н.; ряд крупных геологов и экономистов.

Во всех Отделениях АН СССР перед общими собраниями были проведены партийные группы академиков и членов-корреспондентов АН СССР с обсуждением кандидатов, рекомендуемых экспертными комиссиями Отделений к избранию по Сибирскому отделению АН СССР. Партийные группы прошли, как правило, с большой активностью участников и поддержали рекомендации экспертных комиссий.

Также активно проходили общие собрания Отделений АН СССР. Исключением явилось Отделение геолого-географических наук. Экспертная комиссия Отделения не рекомендовала к избранию в члены-корреспонденты АН СССР в числе других ученых крупного сибирского ученого-геолога, депутата Верховного Совета СССР ОДИНЦОВА М.М. Несмотря на настоятельную рекомендацию партийной группы Отделения пересмотреть это решение и избрать ОДИНЦОВА М.М., Общим собранием Отделения он не был избран. Это явилось следствием того, что из 13 академиков Отделения только три коммуниста.

Перед Общим собранием Академии наук СССР также состоялась партийная группа академиков и членов-корреспондентов АН СССР, которая одобрила работу по выборам

в Отделениях АН СССР и результаты выборов, произведенных Общим собранием Сибирского отделения.

Итоги выборов показывают, что в состав Сибирского отделения избраны крупные ученые, способные возглавить работу по созданию нового научного центра в Сибири.

Приложение: на 3-х листах.

Президент Академии наук СССР
академик А.Н. Несмеянов

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик А.В. Топчиев

СПИСОК
академиков, избранных по Сибирскому отделению АН СССР

По специальности «математика»

ВЕКУА И.Н.[1]	1907 г.р.	чл. КПСС	грузин
МАЛЬЦЕВ А.И.[2]	1909 г.р.	б/п	русский

По специальности «физика»

КУЗНЕЦОВ В.Д.[3]	1887 г.р.	чл. КПСС	русский

По специальности «геология и геофизика»

ТРОФИМУК А.А.[4]	1911 г.р.	чл. КПСС	белорус
СОБОЛЕВ В.С.[5]	1908 г.р.	б/п	русский
ЯНШИН А.Л.[6]	1911 г.р.	б/п	русский

По специальности «механика»

КОЧИНА П.Я.[7]	1899 г.р.	б/п	русская
РАБОТНОВ Ю.Н.[8]	1914 г.р.	чл. КПСС	русский

СПИСОК
членов-корреспондентов АН СССР, избранных по Сибирскому отделению

По специальности «математика»

БИЦАДЗЕ А.В.[9]	1916 г.р.	чл. КПСС	грузин

По специальности «физика»

БУДКЕР Г.И.[10]	1918 г.р.	б/п	еврей
БОКИЙ Г.Б.[11] (физико-химия)	1909 г.р.	чл. КПСС	русский

По специальности «химия»

БОРЕСКОВ Г.К.[12]	1907 г.р.	б/п	русский
ВОЕВОДСКИЙ В.В.[13]	1917 г.р.	б/п	поляк
ВОРОЖЦОВ Н.Н.[14]	1907 г.р.	чл. КПСС	русский
КОВАЛЬСКИЙ А.А.[15]	1906 г.р.	чл. КПСС	русский
НИКОЛАЕВ А.В.[16]	1902 г.р.	б/п	русский

По специальности «геология и география»

КУЗНЕЦОВ Ю.А.[17]	1903 г.р.	б/п	русский
КУЗНЕЦОВ В.А.[18]	1906 г.р.	б/п	русский

КОСЫГИН Ю.А.[19]	1911 г.р.	б/п	русский
ПИЙП Б.И.[20]	1906 г.р.	чл. КПСС	эстонец
СОКОЛОВ Б.С.[21]	1914 г.р.	б/п	русский
ФОТИАДИ Э.Э.[22]	1907 г.р.	чл. КПСС	грек
ХЕЛЬКВИСТ Г.А.[23]	1894 г.р.	чл. КПСС	швед
ШАХОВ Ф.Н.[24]	1894 г.р.	б/п	русский
САКС В.Н.[25]	1911 г.р.	чл. КПСС	русский
СОЧАВА В.Б.[26]	1905 г.р.	б/п	русский
По специальности «механика»			
ГРИГОЛЮК Э.И.[27]	1923 г.р.	б/п	русский
По специальности «автоматика и электротехника»			
АВДЕЕВ В.Н.[28]	1915 г.р.	чл. КПСС	русский
КАРАНДЕЕВ К.Б.[29]	1907 г.р.	б/п	русский
По специальности «теплотехника»			
НОВИКОВ И.И.[30]	1916 г.р.	чл. КПСС	русский
По специальности «горное дело и металлургия»			
ЧИНАКАЛ Н.А.[31]	1888 г.р.	чл. КПСС	русский
ГОРБАЧЕВ Т.Ф.[32]	1900 г.р.	чл. КПСС	русский
По специальности «экономика и статистика»			
КАНТОРОВИЧ Л.В.[33]	1912 г.р.	б/п	еврей
НЕКРАСОВ Н.Н.[34]	1906 г.р.	чл. КПСС	русский
ПРУДЕНСКИЙ Г.А.[35]	1904 г.р.	чл. КПСС	русский

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 29. Л. 5–10.
Машинописный подлинник на бланке АН СССР, подписи – автографы. Дата впечатана в графу бланка (число проставлено от руки), ниже исходящий номер (проставлено от руки). Внизу – подписи-автографы лиц, ознакомившихся с документом, и рукописные пометы: «Хранить в архиве. Ознакомлены. По этому вопросу Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР проинформировал Бюро ЦК КПСС по РСФСР 2.IV.53. Инспектор <…> ». На л. 5 вверху справа штамп делопроизводства ЦК КПСС с входящим номером и датой «29 МАРТА 1958».

Документ № 2

Докладная записка в Бюро ЦК КПСС по РСФСР о выборах академиков и членов-корреспондентов по Сибирскому отделению АН СССР, представленная заведующим отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Казьминым и заведующим сектором А. Маховым

2 апреля 1958 г.

Академией наук СССР были объявлены выборы академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР по Сибирскому отделению АН СССР. До 15 марта состоялось выдвижение кандидатов на объявленные 8 вакантных мест академиков и 32 вакантных места членов-корреспондентов. Было выдвинуто кандидатов в академики 15 человек и в члены-корреспонденты – 88 человек.

Все выдвинутые кандидатуры рассматривались экспертными комиссиями Отделений АН СССР. Рекомендации экспертных комиссий обсуждались партийными группами Отделения. Кроме того, партийная группа академиков и членов-корреспондентов обсудила результаты рассмотрения выдвинутых кандидатов в Отделениях, а также результаты выбо-

ров членов-корреспондентов и рекомендации Общему собранию Академии наук СССР по выборам академиков, произведенные собранием Сибирского отделения.

В результате проведенных с 24 по 28 марта выборов было избрано 8 академиков [перечислены пофамильно] и 27 членов-корреспондентов [перечислены пофамильно].

При выборах остались незаполненными 5 вакансий членов-корреспондентов по специальностям: математика, физика, химия, механика (2), которые будут заполнены при проведении общих выборов в АН СССР в июне месяце с.г.

При рассмотрении кандидатур в геолого-географическом Отделении АН СССР тт. Одинцов[36] и Флоренсов[37], работающие в Сибири, выдвинутые сибирскими научными учреждениями и поддержанные местными партийными органами, не были рекомендованы для выборов в члены-корреспонденты АН СССР, так как они за последнее время ослабили свою научную работу. Сибирское отделение АН СССР считает, что в дальнейшем тт. Одинцов и Флоренсов могут вновь рассматриваться при выборах в АН СССР.

Все вновь избранные академики и члены-корреспонденты Академии наук являются видными представителями советских ученых, способными возглавить коллективы ученых Сибирского отделения АН СССР в деле усиления научных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук и быстрейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока нашей страны.

Выезд избранных в Сибирское отделение АН СССР академиков и членов-корреспондентов в г. Новосибирск будет произведен по мере окончания строительства отдельных объектов научного городка. Сибирское отделение АН СССР полагает, что уже в 1958 году в г. Новосибирск переедет работать вместе с группами научных работников ряд ученых по математике, геологии и географии, экономике и статистике, химии и механике.

1-го апреля было проведено организационное собрание Сибирского отделения АН СССР, на котором был избран Президиум Сибирского отделения АН СССР в количестве 21 человека. Было проведено также заседание Президиума Сибирского отделения. Намечено провести в г. Новосибирске в мае месяце с.г. сессию, на которой будут рассмотрены вопросы развертывания научной работы вновь созданных институтов.

Зав. отделом науки, школ и культуры
ЦК КПСС по РСФСР Н. Казьмин

Зав. сектором А. Махов

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 29. Л. 11–12.
Машинописный подлинник, подписи – автографы. Дата впечатана в графу бланка (число проставлено от руки), ниже исходящий номер (проставлено от руки). Вверху слева – подписи-автографы лиц, ознакомившихся с документом. Внизу справа – рукописная помета: «Хранить в архиве. В. Горбунов. 16.IV.58 г.». На л. 11 вверху справа штамп делопроизводства ЦК КПСС с входящим номером и датой «2 АПР 1958».

Комментарии

1. Векуа Илья Несторович (1907–1977), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1946), академик (1958). Представитель грузинской и московской математических школ. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1959 по 1964 г. Обогатил науку результатами в области математической физики, изучением уравнений эллиптического типа. Первый ректор Новосибирского государственного университета (НГУ), заведующий теоретическим отделом в новосибирском Институте гидродинамики.

2. Мальцев Анатолий Иванович (1909–1967), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1953), академик (1958). Представитель московской математической школы. Работал в СО АН СССР с 1959 г. до безвременной кончины в 1967 г. Внес существенный вклад в область алгебры и математической логики. Возглавляя отдел алгебры в новосибирском Институте математики, одновременно заведовал кафедрой алгебры и математической логики в НГУ.

3. Кузнецов Владимир Дмитриевич (1887–1963), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1946), академик (1958). Выдающийся ученый в области физики твердого тела. Основатель и директор первого в Сибири НИИ физического профиля при ТГУ. Внес большой вклад в дело подготовки

научных кадров для вузов и научных учреждений, в том числе для Сибирского отделения АН СССР. Именем В.Д. Кузнецова назван Сибирский физико-технический институт в Томске.

4. Трофимук Андрей Алексеевич (1911–1999), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1953), академик (1958). Участник открытия крупнейших нефтяных и газовых месторождений страны. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1957 г. до самой кончины в 1999 г. Обогатил науку крупными результатами в области геологии и разведки крупнейших месторождений нефти и газа. Организатор и первый директор новосибирского Института геологии и геофизики, заведующий кафедрой полезных ископаемых в НГУ. Именем А.А. Трофимука назван Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН.

5. Соболев Владимир Степанович (1908–1982), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН УССР (1951), академик (1958). Предсказал открытие алмазных месторождений Сибирской платформы еще во время работы в центральных НИИ. В Сибирском отделении В.С. Соболев работал с 1958 по 1981 г. Обогатил науку новыми результатами в области минералогии и петрологии. Один из заместителей директора Института геологии и геофизики, декан геолого-геофизического факультета и заведующий кафедрой петрографии и минералогии в НГУ. Именем В.С. Соболева назван Институт геологии и минералогии СО РАН.

6. Яншин Александр Леонидович (1911–1999), доктор геолого-минералогических наук, академик (1958). Избран академиком, минуя ступень члена-корреспондента АН СССР. Представитель московского научного сообщества. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1982 г. Внес выдающийся вклад в развитие стратиграфии, тектоники, геоморфологии. Заместитель директора по науке в новосибирском Институте геологии и геофизики, заведующий кафедрой общей геологии и геологии СССР в НГУ.

7. Кочина (Полубаринова) Пелагея Яковлевна (1899–1999), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1946), академик (1958). Представитель ленинградской и московской научных школ. В Сибирском отделении АН СССР работала с 1959 по 1970 г. Обогатила науку новыми результатами в области математики и механики. Возглавляла Комиссию при Президиуме СО АН по проблеме орошения и обводнения Кулундинской степи, отдел прикладной гидродинамики в Институте гидродинамики, заведовала кафедрой теоретической механики в НГУ.

8. Работнов Юрий Николаевич (1914–1985), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1953), академик (1958). Представитель московской научной школы в области прочности и пластичности. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1964 г. Внес существенный вклад в изучение теории упругости, пластичности и ползучести, механики разрушения и механики композитов. Заместитель директора по науке, заведующий лабораторией Института гидродинамики, руководил кафедрой теории упругости и пластичности в НГУ.

9. Бицадзе Андрей Васильевич (1916–1994), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик АН Грузинской ССР (1969). Представитель грузинской и московской математических школ. Работал в СО АН СССР с 1959 по 1971 г. Внес существенный вклад в такие области науки, как теория функций, дифференциальные уравнения, уравнения в частных производных. Возглавлял отдел теории функций в Институте математики. Руководил кафедрами высшей математики и теории функций в НГУ.

10. Будкер Герш Ицкович (1918–1977), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1964). Представитель московской научной школы в области ядерной физики. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1957 г. до своей безвременной кончины в 1977 г. Внес выдающийся вклад в изучение физики высоких энергий, физики плазмы и проблемы управляемых термоядерных реакторов. Организатор и первый директор Института ядерной физики. Заведующий кафедрами общей физики и ядерной физики в НГУ. Именем Г.И. Будкера назван Институт ядерной физики СО РАН.

11. Бокий Георгий Борисович (1909–2001), доктор химических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель московской научной школы в области неорганической химии. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1963 г. Внес существенный вклад в область кристаллохимии комплексных соединений, кристаллохимии минералов, рентгеноструктурного анализа. Возглавлял теоретический отдел и лабораторию в новосибирском Институте неорганической химии.

12. Боресков Георгий Константинович (1907–1984), доктор химических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1966). Автор учения о катализе как сугубо химическом явлении. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 г. до своей кончины в 1984 г. Основатель и первый директор новосибирского Института катализа. Внес выдающий вклад в развитие науки о катализе, изучение химической кинетики и химической технологии. Возглавлял кафедру катализа и адсорбции, профессор кафедры физической химии в НГУ. Именем Г.К. Борескова назван институт катализа СО РАН.

13. Воеводский Владислав Владиславович (1917–1967), доктор химических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1964). Представитель научной школы академика Н.Н. Семенова. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1959 г. до безвременной кончины в 1967 г. Внес выдающийся вклад в изучение химической кинетики и химии свободных радикалов. Один из организаторов Института химической кинетики и горения (ИХКГ) в Новосибирске. Заместитель директора по науке ИХКГ, заведующий лабораторией механизма цепных и радикальных реакций. Декан факультета естественных наук и заведующий кафедрой физической химии в НГУ. Именем В.В. Воеводского назван Институт химической кинетики и горения СО РАН.

14. Ворожцов Николай Николаевич (1907–1979), доктор химических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1966). Воспитанник ленинградских и московских научных школ. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 г. до своей кончины в 1979 г. Основатель и первый директор Новосибирского института органической химии. Внес выдающий вклад в развитие органической химии, технологии органических красителей, химии полифторароматических соединений. Возглавлял кафедру органической химии в НГУ. Именем Н.Н. Ворожцова назван Новосибирский институт органической химии СО РАН.

15. Ковальский Александр Алексеевич (1906–1978), доктор химических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель научной школы академика Н.Н. Семенова. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1957 по 1978 г. Внес выдающийся вклад в изучение физической химии, кинетики химических реакций, ядерной физики. Один из организаторов и первый директор Института химической кинетики и горения в Новосибирске.

16. Николаев Анатолий Васильевич (1902–1977), доктор химических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1966). Представитель московской научной школы в области органической химии. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1957 по 1977 г. Внес выдающийся вклад в изучение неорганической химии, химии боратов, физико-химического анализа, радиохимии. Организатор и первый директор Института неорганической химии в Новосибирске, который назван его именем.

17. Кузнецов Юрий Алексеевич (1903–1982), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1966). Воспитанник томской научной школы в области геологии. В Сибирском отделении работал с 1960 по 1982 г. Обогатил науку новыми результатами в области магматической геологии, петрологии и рудогенеза. Заведующий отделом магматических формаций и петрологии магматических пород и профильной лаборатории в Институте геологии и геофизики.

18. Кузнецов Валерий Алексеевич (1906–1985), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1970). Воспитанник томской научной школы в области геологии. В Сибирском отделении работал с 1959 по 1985 г. Обогатил науку новыми результатами в области геологии рудных месторождений, эндогенной металлогении. Один из заместителей директора, заведующий отделом магматических формаций и петрологии магматических пород и лаборатории рудных формаций в Институте геологии и геофизики.

19. Косыгин Юрий Александрович (1911–1994), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1970). Представитель московского геологического сообщества. В Сибирском отделении работал с 1959 по 1971 г. Внес существенный вклад в развитие тектоники, нефтяной геологии и геофизики. Заведующий отделом тектоники, лабораторией геотектоники в Институте геологии и геофизики. Заведующий кафедрой общей геологии и геологии СССР в НГУ. Именем Ю.А. Косыгина назван Институт тектоники и геофизики ДВО РАН.

20. Пийп Борис Иванович (1906–1966), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель ленинградского геологического сообщества. В Сибирском отделении работал с 1958 по 1966 г. Внес существенный вклад в развитие динамики, физики и химии вулканических извержений и происхождения термальных вод. Директор Камчатской геолого-геофизической обсерватории, основатель и первый директор Института вулканологии в Петропавловске-Камчатском (ныне Институт вулканологии и сейсмологии в составе ДВО РАН).

21. Соколов Борис Сергеевич (1914–2013), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1968). Представитель ленинградского геологического сообщества. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1976 г. Внес выдающийся вклад в развитие палеонтологии, биостратиграфии, палеографии. Заведующий профильным отделом в новосибирском Институте геологии и геофизики. Заведующий кафедрой исторической геологии и палеонтологии в НГУ.

22. Фотиади Эпаминонд Эпаминондович (1907–1987), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель ленинградской геологической школы. В Сибирском отделении работал с 1958 по 1987 г. (в 1964–1970 гг. – по совместительству). Обогатил науку новыми результатами в области геофизики, региональной геологии и геотектоники, поисков полезных ископаемых. Заместитель директора, заведующий отделами геофизики, потенциальных полей в Институте геологии и геофизики. Декан геолого-геофизического факультета, заведующий кафедрой геофизики в НГУ.

23. Хельквист Герман Августович (1894–1968), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель томских научных школ в области нефтегазовой геологии. В Сибирском отделении работал с 1957 по 1963 г. Внес существенный вклад в изучение образования нефтяных и газовых месторождений, методики поисковых и разведочных работ. Директор Сахалинского комплексного НИИ СО АН СССР, заведующий лабораторией геологии горючих ископаемых в этом институте.

24. Шахов Феликс Николаевич (1894–1971), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АНСССР (1958). Представитель томской научной школы в области геологии рудных месторождений. Репрессирован по так называемому красноярскому делу (1949–1954). В Сибирском отделении АН СССР работал с 1958 по 1971 г. Обогатил науку новыми результатами в области генезиса рудных месторождений, металлогении,

методики поисково-разведочных работ. Заведующий лабораторией геохимии редких элементов в Институте геологии и геофизики. Профессор кафедры полезных ископаемых в НГУ.

25. Сакс Владимир Николаевич (1911–1979), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель ленинградского геологического сообщества. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1979 г. Внес выдающийся вклад в развитие палеонтологии и стратиграфии, геологии Арктики и нефтяной геологии. Заведующий лабораторией стратиграфии и палеонтологии мезозоя и кайнозоя в Институте геологии и геофизики. Заведующий кафедрой исторической геологии и палеонтологии в НГУ.

26. Сочава Виктор Борисович (1905–1978), доктор биологических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1968). Представитель ленинградских и московских научных школ в области географии и геоботаники. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1959 по 1978 г. Внес выдающийся вклад в изучение комплексной физической географии, закономерностей динамики ландшафтов. Организатор и первый директор Института географии и Дальнего Востока в Иркутске (ныне Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН).

27. Григолюк Эдуард Иванович (1923–2005), доктор технических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель московской научной школы в области прочности и пластичности. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1964 г. Внес существенный вклад в изучение механики деформируемого тела и ее инженерных приложений в ВПК. Заведующий отделом прочности в Институте гидродинамики, научный руководитель по исследованиям и расчетам в области прочности отраслевого Сибирского НИИ авиации.

28. Авдеев Валентин Николаевич (1915–1972), член-корреспондент АН СССР (1958). Не имея дипломов о высшем образования и ученой степени, избран за заслуги в разработке и конструировании электронной техники. Представитель новосибирского инженерно-конструкторского сообщества в сфере ВПК. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1961 г. Один из ведущих специалистов в области электровакуумной техники, технологии производства электронных приборов. Заведующий лабораторией вычислительной и измерительной электроники СО АН СССР.

29. Карандеев Константин Борисович (1907–1969), доктор технических наук, член-корреспондент АН УССР (1957), член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель ленинградской научной школы по электрофизике. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1957 по 1967 г. Внес существенный вклад в изучение теории, методов и средств электрических измерений. Организатор и первый директор Института автоматики и электрометрии в Новосибирске.

30. Новиков Иван Иванович (1916–2014), доктор технических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1992). Представитель московского физического сообщества. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1964 г. Внес существенный вклад в изучение теплофизики, термодинамики, гидродинамики, энергетики. Организатор и первый директор Института теплофизики в Новосибирске. Заведующий кафедрой теплофизики в НГУ.

31. Чинакал Николай Андреевич (1888–1979), доктор технических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель томского и новосибирского научного сообщества. Репрессирован по «Шахтинскому делу» (1928–1933). В Сибирском отделении АН СССР работал с 1958 по 1979 г. Обогатил науку новыми результатами в области горного дела, механизации горных работ. Директор Института горного дела (ныне им. Н.А. Чинакала), заведующий отделом разработки угольных месторождений в этом институте. Профессор профильной кафедры НИИЖТа (Сибирского государственного университета путей сообщения).

32. Горбачев Тимофей Федорович (1900–1973), кандидат технических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Представитель томского и новосибирского научного сообщества. В Сибирском отделении АН СССР работал с 1958 по 1973 г. Специалист в области проблем горного давления, шахтного строительства, технологии подземной добычи угля. Заместитель председателя СО АН СССР. Заведующий лабораторией горного давления в Институте горного дела.

33. Канторович Леонид Витальевич (1912–1986), доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1964), лауреат Нобелевской премии (1975). Представитель ленинградской математической школы. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1957 по 1971 г. Внес выдающийся вклад в изучение функционального анализа, вычислительной математики, математико-экономических методов и моделей. Заместитель директора, заведующий математико-экономическим отделением в Институте математики СО АН СССР. Заведующий кафедрой вычислительной математики в НГУ.

34. Некрасов Николай Николаевич (1906–1984), доктор экономических наук, член-корреспондент АН СССР (1958), академик (1968). Представитель московского научного сообщества. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1963 г. Специалист в области региональной экономики, отраслей экономики народного хозяйства, развития производительных сил СССР. Член президиума и бюро президиума Сибирского отделения, председатель Сибирского совета экспедиционных исследований СО АН СССР.

35. Пруденский Герман Александрович (1904–1967), доктор экономических наук, член-корреспондент АН СССР (1958). Избирался в члены СО АН будучи заместителем председателя Госкомитета СМ СССР по вопросам труда и заработной платы. Работал в Сибирском отделении АН СССР с 1958 по 1966 г. Внес существенный вклад в изучение организации промышленного производства, динамики трудовых ресурсов,

миграции населения. Директор новосибирского Института экономики и организации промышленного производства. Заведующий кафедрой вычислительной математики в НГУ.

36. Одинцов Михаил Михайлович (1907–1980), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1964). Представитель иркутской геологической школы. В Сибирском отделении работал с 1957 по 1980 г. Специалист в области инженерной геологии, геологии и закономерностей образования полезных ископаемых, в частности алмазов. Директор Института земной коры в Иркутске, председатель президиума Восточно-Сибирского филиала АН СССР, член президиума СО АН СССР.

37. Флоренсов Николай Александрович (1909–1986), доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР (1960). Представитель иркутской геологической школы. В Сибирском отделении работал с 1957 по 1986 г. Специалист в области геоморфологии, тектоники и неотектоники. И.о. директора, заведующий лабораторией геотектоники и геоморфологии в Институте земной коры в Иркутске, заместитель директора Лимнологического института. Заведующий кафедрой динамической геологии Иркутского государственного университета.

Литература

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав: в 2 т. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох и др.; отв. ред. В.Н. Пармон. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2022. Т. 1. Действительные члены. 568 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав: в 2 т. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох [и др.]; отв. ред. В.Н. Пармон. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2022. Т. 2. Члены-корреспонденты. 540 с.

References

Ablazhey, N.N., Krasilnikov, S.A., Kupershtokh, N.A. et al. (Comp.). Parmon, V.N. (Ed.). (2022). Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal’nyy sostav [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personnel]. In 2 vols. Vol. 1. Deystvitel’nye chleny [Active members]. 2nd ed., revised and additional. Novosibirsk, SB RAS. 568 p.

Ablazhey, N.N., Krasilnikov, S.A., Kupershtokh, N.A. et al. (Comp.). Parmon, V.N. (Ed.). (2022). Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal’nyy sostav [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personnel]. In 2 vols. Vol. 2. Chleny-korrespondenty [Corresponding Members]. 2nd ed., revised and additional. Novosibirsk, SB RAS. 540 p.

В.А. Выборнова*

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО СОВЕТА НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1959–1963 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-16
УДК 94(571.14)"1959–1963"

Выходные данные для цитирования:
Выборнова В.А. Электоральные практики в деятельности Ученого совета Новосибирского государственного университета (1959–1963 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 227–237. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-16.pdf

V.A. Vybornova*

FORMATION OF ELECTORAL PRACTICE IN THE ACADEMIC COUNCIL OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY (1959–1963)

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-16

How to cite:
Vybornova V.A. Formation of Electoral Practice in the Academic Council of Novosibirsk State University (1959–1963) // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 227–237. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-16.pdf]

Abstract. The article analyzes the process of formation and activities of the Academic Council of Novosibirsk State University (NSU) in 1959–1963 at the stage of its acquisition and further expansion of electoral rights. Being a collegial body approved by the Ministry of Higher Education of the USSR, the Academic Council consisted of high-status scientists, mainly academicians and corresponding members, had the authority to form the structure of the NSU, teaching staff, and the direction of scientific development of the university. From 1959 to 1963, its membership grew from 25 participants to 57. According to the instructions, the Ministry reserved the right to appoint rectors, vice-rectors and heads of departments. However, in practice, the electoral powers of the Academic Council of NSU were expanded: in addition to being elected to teaching positions and titles, there were also elections of heads of departments, which was legally fixed by the Charter of NSU from 1960. The high degree of personnel communication between the Siberian Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences and the new University made it possible to ensure the high scientific status of deans and heads of departments, a significant part of whom were members of the Academy of Sciences. The election of heads of faculties and departments, as well as teachers, took place on a competitive basis and, thanks to the atmosphere of corporate consent within the members of the Academic Council, there were no failures and violations in this system. The above provided a high level of democracy in the formation of the teaching staff, which created favorable career conditions for the younger generation of scientists and teachers of NSU.

Keywords: Novosibirsk State University, Academic Council, awarding academic titles, competitive basis, voting.

The article has been received by the editor on 30.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проанализирован процесс формирования и направления деятельности Ученого совета Новосибирского государственного университета 1959–1963 гг. на стадии обретения им и дальнейшего расширения избирательных правомочий. Будучи утверждаемым Минвузом СССР коллегиальным органом, Ученый совет имел

* **Виктория Александровна Выборнова,** Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: vybornovavik4@gmail.com
Viktoriya Aleksandrovna Vybornova, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: vybornavik4@gmail.com

в своем составе ученых высокого статуса, преимущественно академиков и членов-корреспондентов, имел полномочия по формированию структуры НГУ, профессорско-преподавательских кадров, направление научного развития вуза. С 1959 по 1963 г. его состав вырос от 25 участников до 57. Согласно инструкциям, министерство оставляло за собой право назначать на должности ректоров, проректоров и завкафедрами. Однако на практике электоральные правомочия Ученого совета НГУ оказались расширены: помимо избрания на преподавательские должности и звания, здесь проходили и выборы завкафедрами, что юридически закреплялось Уставом НГУ от 1960 г. Высокая степень кадровой связи Сибирского отделения Академии наук и нового университета позволяла обеспечить высокий научный статус деканов и завкафедрами, значительная часть которых являлась членами Академии наук. Избрание руководителей факультетов и кафедр, а также преподавателей происходило на конкурсной основе и благодаря атмосфере корпоративного согласия внутри членов Ученого совета в данной системе сбоев и нарушений не происходило. Сказанное выше обеспечивало высокий уровень демократичности в формировании профессорско-преподавательского состава, что создало благоприятные условия карьерного роста для молодого поколения ученых – преподавателей НГУ.

Ключевые слова: Новосибирский государственный университет, Ученый совет, присвоение ученых званий, конкурсная основа, голосование.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023 г.

Современная система функций Ученого совета университета базируется на практиках отчасти имперской, отчасти советской России. Показательной для достижения определенного уровня свободы является специфика исполнения избирательных практик в работе Ученых советов (УС) в СССР в период «оттепели». Цель данной публикации – историческая реконструкция роли и значения таких практик в 1959–1963 гг. в Новосибирском государственном университете (НГУ), фактическом прообразе исследовательского университета, содержал ли УС НГУ в себе потенциал соответствия органическому соединению структур науки и образования, что являлось целью основателей Сибирского отделения и университета.

Электоральные права советского вуза. Структурно и функционально советская высшая школа представляла собой подконтрольную государству образовательную подсистему, ориентированную на выполнение целевого заказа подготовки необходимого количественного и качественного уровня квалифицированных специалистов для различных областей жизнедеятельности общества и сферы управления. В соответствии с «типовым уставом высшего учебного заведения», утвержденным 5 сентября 1938 г., была закреплена традиционная структура университета: возглавлял деятельность ректор, он же нес ответственность за работу и состояние вуза; непосредственное управление учебным, научным, хозяйственным и другими процессами осуществляли проректоры; за факультеты несли ответственность деканы, за кафедры – заведующие кафедрами. По определенной и скорее остаточной, инерционной традиции, связанной с позднеимперской академической автономией университетов, существовал «коллегиальный орган – ученый совет, который координировал основные направления научно-исследовательской, методической и учебно-воспитательной работы»[1]. Тем не менее он строго подчинялся партийно-государственному контролю. В условиях полной зависимости вуза от государства академическая коллегиальность проявляла себя достаточно своеобразно и ограниченно, в диапазоне от различных либеральных послаблений (дискуссий при обсуждении и принятии делегированных ученому совету управленческих

[1] *Петрик В.В.* Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х годов: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. С. 52.

решений) до поддержки консервативно-охранительного и даже репрессивного курсов. Профессорско-преподавательский коллектив фактически состоял на государственной службе с выделяемыми штатными должностями и окладами.

Министерством культуры СССР 8 февраля 1954 г. была принята Инструкция «О порядке проведения конкурсов на замещение штатных должностей, заведующих кафедрами, профессоров, доцентов, преподавателей и ассистентов в высших учебных заведениях», по которой компетенции УС в области формирования профессорско-преподавательского состава расширились. Министерство утверждало в должности ректоров, проректоров и завкафедрами, УС вуза избирал профессоров, доцентов, преподавателей и ассистентов. Применительно к советскому периоду в целом в литературе встречается утверждение, что «подобный конкурсный порядок, широко применявшийся в то время в высших учебных заведениях, способствовал как повышению активности в научной работе профессорско-преподавательского состава, так и привлечению в вузы наиболее талантливой молодежи, высококвалифицированных специалистов с производства»[2]. Столь однозначное суждение абсолютизировало позитивную сторону конкурсной процедуры, оставляя в стороне ту предварительную и часто теневую сторону конкурсов, которым предшествовали различного рода «фильтрации» для участников конкурса, начиная от критериев «благонадежности», статусных характеристик (партийность, социальное происхождение и др.) и заканчивая возможными групповыми и корпоративными соображениями в отношении тех или иных кандидатур. Ректор университета в советских условиях фактически выступал в роли «первого среди равных»: являясь по должности председателем Ученого совета, он нес ответственность за принятые решения на заседаниях Совета и следил за их исполнением в дальнейшем.

Инструкция 1954 г. показала в целом положительный результат работы Советов вузов и была дополнена новой Инструкцией от 17 июля 1957 г. «О порядке проведения конкурсов на замещение штатных должностей профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях», которая детализировала нормы конкурсного порядка и «значительно расширяла права руководителей вузов в части утверждения избранных по конкурсу лиц и поднимала авторитет советов вузов»[3].

Общая тенденция в период «оттепели» в числе множества реформистских инициатив ознаменовалась и широкомасштабными планами преобразования научно-образовательного комплекса. Важной вехой стала организация республиканского Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в 1959 г., позволившая расширить возможности развития региональной сети вузов России. Широкая поддержка науки государством как части «культа науки» не только создавала Академии наук возможность утвердить свое уникальное место в научном развитии страны, но и наделяла ее особым весом в иерархии выработки стратегических решений. Одним из успешно реализованных проектов периода «оттепели» стало создание Сибирского отделения АН СССР, в рамках которого произошло формирование первого мощного регионального научно-образовательного комплекса за пределами столичных городов. Новацией являлось не имевшее ранее аналогов решение о том, что в формировавшийся новый академический центр будет интегрирован и вновь создающийся университет.

Ученый совет НГУ. В этой атмосфере делал свои первые шаги Новосибирский государственный университет как экспериментально встроенный внутрь научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР вуз.

Следует напомнить, что вслед за правительственным постановлением от 9 января 1958 г. соответственно 3 февраля 1958 г. вышел приказ Министерства высшего образования об организации НГУ. Однако прошло более года, прежде чем начался процесс конституирования его руководящих органов. 9 апреля 1959 г., пройдя через двойную процедуру согласо-

[2] *Завгородний А.В.* Развитие конкурсов в российских вузах: историко-правовой очерк // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2021. № 4 (303). С. 178–179.
[3] Там же.

вания (вначале через ЦК партии, затем через министерство), академик И.Н. Векуа стал его первым ректором[4]. Затем 20 июля 1959 г. по представлению ректора и в соответствии с действовавшими регламентами министерством был утвержден первый Ученый совет. Он включал 25 человек, из них 10 академиков (И.Н. Векуа, П.Я. Кочина, М.А. Лаврентьев, А.И. Мальцев, Ю.Н. Работнов, В.С. Соболев, С.Л. Соболев, А.А. Трофимук, С.А. Христианович, А.Л. Яншин), 10 членов-корреспондентов (А.В. Бицадзе, Г.К. Боресков, Г.И. Будкер, Н.Н. Ворожцов, Т.Ф. Горбачев, К.Б. Карандеев, А.А. Ковальский, Ю.А. Косыгин, А.В. Николаев, И.И. Новиков), секретаря совета (И.И. Данилюк, канд. физ.-мат. наук), одного профессора (Б.В. Птицын), декана первого и пока единственного факультета – естественных наук (Б.О. Солоноуц), представителей партийной и профсоюзной организаций университета (без указания фамилий)[5]. «Такой состав УС стал гарантией принятия решений, направленных на достижение целей развития НГУ как вуза нового типа – исследовательского университета, органично вошедшего в структуру академического научного комплекса»[6]. Первое заседание УС состоялось накануне открытия вуза в присутствии на нем республиканского министра В.Н. Столетова 26 сентября 1959 г. 16 присутствующих членов Совета обеспечили кворум. В данном своем составе с небольшими изменениями он проработал около двух лет.

На 11-м заседании УС от 25 декабря 1961 г. впервые был поднят вопрос об увеличении его численности: «Учитывая также пополнение НГУ новыми крупными учеными, имеется потребность внести изменение состава Совета НГУ в порядке увеличения его состава»[7]. Однако вопрос реально решился только через год. На 15-м заседании от 8 сентября 1962 г. УС еще составлял 23 члена (15 присутствовало)[8]. Но уже на 16-м заседании от 3 декабря 1962 г. количество членов Совета резко выросло практически вдвое и составило 42 (28 присутствовало)[9]. На том же заседании вновь поднят вопрос о необходимости дополнительного пополнения состава Ученого совета НГУ заведующими вновь организованными кафедрами. Было предложено включить в состав совета 16 новых кандидатур[10].

Так, на продолжительный срок устоявшимся стал состав Совета, впервые собравшегося на 18-м заседании от 10 мая 1963 г.: всего 57 членов (присутствовало 40), из них 9 академиков (И.Н. Векуа, П.Я. Кочина, М.А. Лаврентьев, А.И. Мальцев, Ю.Н. Работнов, В.С. Соболев, С.Л. Соболев, А.А. Трофимук, С.А. Христианович), 19 членов-корреспондентов (А.В. Бицадзе, Г.К. Боресков, А.М. Будкер, В.В. Воеводский, Н.Н. Ворожцов, Т.Ф. Горбачев, Л.В. Канторович, К.Б. Карандеев, А.А. Ковальский, Ю.А. Косыгин, Г.И. Марчук, И.И. Новиков, А.В. Николаев, А.В. Ржанов, В.Н. Сакс, Б.С. Соколов, Э.Э. Фотиади, Ф.Н. Шахов, Д.В. Ширков), ученый секретарь УС (И.И. Данилюк), доктор наук (Р.З. Сагдеев), кандидат наук (А.Г. Аганбегян), 17 профессоров, 6 доцентов, секретарь парторганизации, представители профессиональной и комсомольской организаций[11]. Спустя два года количество участников Совета незначительно выросло: на заседании от 9 марта 1964 г. – 58 (присутствовало 38)[12], на заседании от 30 июня 1964 г. – 61 член (присутствовал 41)[13]. Происшедшее за пятилетие удвоение численности УС НГУ являлось производной от значительно усложнившейся и ставшей более разросшейся факультетской структуры. В то же время практически неизменным осталось ядро – первые члены Совета в лице академиков и членов-корреспондентов фактически определяли стратегию и практики становления и развития университета, включая и важнейшую функцию – кадровый отбор через конкурсную комиссию.

---

[4] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
[5] Там же. Л. 17–18.
[6] *Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А.* Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск, 2019. С. 54.
[7] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 38. Л. 9–10.
[8] Там же. Д. 66. Л. 6–9.
[9] Там же. Л. 13–24.
[10] Там же. Л. 17–19.
[11] Там же. Л. 53–54.
[12] Там же. Д. 104. Л. 138–139.
[13] Там же. Л. 160–161.

С расширением факультетской структуры университета правомерно встал вопрос о создании Ученых советов на факультетах и передаче им части избирательной функции. В соответствии с действующим регламентом Советы факультетов были правомочны рассматривать вопросы о присуждении званий и научных степеней, а также конкурсные вопросы. С 1960 г. в НГУ на единственном пока факультете – естественных наук, проходили совещания, на которых избирались кандидаты для дальнейшего представления в Ученый совет НГУ. В начале 1961/1962 учебного года прошли первые заседания факультетских советов – физического, механико-математического и факультета естественных наук. Ректор И.Н. Векуа с периодичностью поднимал вопросы о выборных правомочиях факультетских советов, в 1962 г. были вынесены на обсуждение вопросы о предоставлении факультетским советам права выбора деканов[14], о создании советов факультетов по присуждению ученых степеней[15]. На 15-м заседании УС от 8 декабря 1962 г. И.Н. Векуа вынес на общее обсуждение вопрос «о создании при Новосибирском госуниверситете двух объединенных советов по присуждению ученых степеней по механико-математическим и физическим наукам»[16], однако такие советы созданы не были.

Выборная функция УС НГУ. Ученый совет университета «обсуждал и разрабатывал стратегию развития университета, определял специфику учебных планов и программ, а также общую направленность учебного процесса»[17]. Одна из главных функций УС – избирательная – на первом заседании в сентябре 1959 г. была процедурно реализована в ходе избрания профессорско-преподавательского состава и выполнена в следующем порядке: в УС передавались заявления претендентов на вакантные должности и рекомендации экспертной комиссии (И.Н. Векуа, М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев, С.А. Христианович, А.В. Николаев, Б.О. Солоноуц). После озвучивания данной информации состоялось тайное голосование, в результате которого были избраны заведующие кафедрами, профессора и доценты. Из 22 предложенных экспертной комиссией претендентов все были приняты преимущественно единогласно (за исключением четырех признанных недействительными бюллетеней при избрании Р.И. Солоухина и одного голоса против А.А. Зыкова). Кроме представленных кандидатур, была избрана на должность завкафедрой иностранных языков Л.М. Ковалева. Два претендента, не поддержанные экспертной комиссией, – А.И. Киселев (кафедра общей геологии) и Л.Г. Михайлов (кафедра математического анализа) избрания по конкурсу не прошли фактически единогласным голосованием «против». Подсчет производила избранная УС счетная комиссия (Н.Н. Ворожцов, Г.К. Боресков, Т.Ф. Горбачев). На кафедру матанализа были приняты: завкафедрой профессор М.А. Лаврентьев и четыре доцента; высшей математики – завкафедрой профессор А.В. Бицадзе и три доцента; общей химии – завкафедрой профессор Б.В. Птицын, профессор А.Н. Николаев и два доцента. Пять кафедр начали работу, имея в составе только заведующего, две – заведующего и доцента. Кадровое наполнение кафедр продемонстрировало первый шаг к приоритету математической дисциплины в НГУ – наиболее заполненными оказались математические кафедры.

Второе заседание УС прошло 14 января 1960 г. с участием 15 членов Совета и стало важной вехой в истории становления университета: на нем обсуждался проект Положения, который в дальнейшем с некоторыми поправками был отправлен в министерство для утверждения. В пункте о руководстве и структуре университета прописано, что УС «создается при ректоре, под его председательством, в составе проректора по учебно-научной работе, представителей партийной и профессиональной организации вуза, деканов факультетов, заведующих специальностями, заведующих кафедрами, профессоров и преподавателей Университета. Персональный состав Совета утверждается Министерством высшего образования СССР по представлению ректора»[18]. Так, при деканах планировалось организовать советы факуль-

[14] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.
[15] Там же. Д. 66. Л. 1.
[16] Там же. Л. 6.
[17] *Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А.* Новосибирский государственный университет… С. 54.
[18] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 57–58.

тетов, которые состояли из заведующих специальностями, представителя партийной организации, членов совета из числа профессоров и преподавателей.

Согласно первому положению НГУ, Ученому совету предоставлено право утверждать:

– персональный состав факультета по представлению декана;
– заведующих специальностями из числа профессоров УС и на основании рекомендаций Президиума СО АН;
– список кафедр по представлению ректора и деканов;
– заведующих кафедрами из числа руководящих научных работников соответствующих базовых институтов по рекомендации Президиума СО АН;
– факультетские кафедры после прохождения по конкурсу советами факультетов;
– общеуниверситетские кафедры[19].

В работе самого УС иногда происходили организационные сбои. Так, 20 июня 1960 г. на заседании счетной комиссии, где присутствовало 17 членов УС, был избран новый состав экспертной комиссии[20] (его покинули А.В. Николаев, Б.О. Солоноуц и в него вошли А.В. Бицадзе, Ю.А. Косыгин, Б.В. Птицын). Здесь же было проведено голосование на вакантные должности и утвержден состав кафедр иностранных языков и общественных наук[21]. Следует отметить, что на кафедре общественных наук действительно произошел конкурс – было предложено два человека на место (из восьми претендентов выбрано четыре). Выбранный состав общеуниверситетских кафедр требовал дальнейшего утверждения на третьем заседании УС, которое было назначено на 20 июля 1960 г., но не состоялось ввиду отсутствия ряда членов, находившихся в командировках[22]. На следующем, четвертом заседании, состоявшемся 2 августа 1960 г., также конкурс до конца проведен не был. В итоге состав кафедр иностранных языков и общественных наук оказался утвержден УС только на пятом заседании[23], прошедшем 19 сентября 1960 г.

В начале нового учебного 1960/1961 года на заседании УС возник вопрос процедурного и одновременно содержательного порядка при проведении конкурса. В частности, ректор И.Н. Векуа озвучил, что «в связи с организацией в 1960 г. двух факультетов (механико-математического и физического. – *В. В.*) возникает необходимость обсудить вопрос о назначении деканов и проректора по учебной части. Нужно согласовать общие правила и принципиальные установки, согласно которым следует назначать лиц на указанные должности, а также обсудить возможные кандидатуры на эти должности. Мне представляется разумным, чтобы в должности декана утверждались лица, избираемые на факультетах»[24]. Академик М.А. Лаврентьев дополнил его выступление своим замечанием, подчеркнув стратегию развития вуза как части научного центра с высоким статусом: «Для создания нашему университету веса, которым он должен обладать, нужно оговорить, что для утверждения в должности декана требуется максимум профессор, желательно член-корреспондент АН СССР или академик»[25]. Предложение М.А. Лаврентьева не являлось столь уж максималистским: по мере становления структуры НГУ деканами матфака и физфака избирались молодые профессора П.П. Белинский и Р.З. Сагдеев, тогда как деканом факультета естественных наук после отъезда в Москву Б.О. Солоноуца стал член-корреспондент, затем академик В.В. Воеводский, деканом геолого-геофизического факультета – академик В.С. Соболев, а гуманитарного – член-корреспондент В.А. Аврорин. Поскольку деканами избирались крупные ученые, активно работавшие в институтах Отделения, то было принято постановление о передаче в обязанности деканов только решения основных принципиальных факультетских вопросов, связанных с научной и учебной деятельностью. Вспомогательную и техническую работу рекомендовалось отдать на исполнение замдеканам, чтобы разгрузить занятость деканов.

[19] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.
[20] Там же. Л. 94.
[21] Там же. Л. 95–96.
[22] Там же. Л. 97.
[23] Там же. Д. 21. Л. 1–4.
[24] Там же. Д. 8. Л. 97.
[25] Там же.

В дальнейшем заседания Ученого совета, на которых решались конкурсные вопросы по избранию на те или иные должности, проходили с периодичностью примерно пять раз в год, и лейтмотивом на них звучали выступления ректора о необходимости открытой информации о проводимых выборах: «В связи с открытием новых кафедр и специальностей [следует] заново уточнить потребность в профессорско-преподавательском составе по кафедрам и объявить по этим специальностям конкурс в открытой печати»[26].

Необходимо рассмотреть вопрос о требованиях УС к кандидатам на конкурс. В процедурах конкурсного отбора, судя по документации работы конкурсных комиссий, был отлажен и устойчиво работал механизм тщательного предварительного отбора и согласования кандидатур. Если речь шла о конкурсе на должность, каждый случай рассматривался отдельно, в приоритете была научная деятельность перед педагогической. Показательным примером стал прецедент на пятом заседании УС в сентябре 1959 г. В.В. Ширяева, кандидат на должность ассистента кафедры общественных наук, имевшая стаж 8 лет вузовской практики, но не написавшая диссертацию, уступила вакансию В.А. Шустрову, за один год написавшему ряд научных работ и подготовившему диссертацию[27]. В соответствии с политикой основателей СО АН в НГУ в качестве ассистентов и преподавателей-почасовиков были представлены сотрудники всех действующих НИИ Академгородка. На момент поступления на работу в НГУ в период с 1959 по 1968 г. преподаватели комсомольского возраста указали в личном деле как основное занятие: учеба в аспирантуре – 8 %, работа лаборантом (в том числе старшим лаборантом) – 20 %, стажером-исследователем – 5 %, инженером – 5 %, младший научный сотрудник – 37 %, старший научный сотрудник – 3 %, начальники группы – 1 %. Молодые ученые начинали свою педагогическую работу в НГУ в следующем порядке: одновременно с работой в институтах СО АН – 35 %, через 1–3 года после поступления на работу в СО АН – 47 %, через 4 и более – 16 %, в обратном порядке (сначала в НГУ, через год в СО АН) – 3 %. Среди них 10 % имели опыт преподавания в других вузах до того, как поступили на работу в НГУ: 10 человек – от года до трех, 3 человека – 4 года и более; в московских вузах – 6 (МГУ, МФТИ, МИФИ, МИНХ им. Г.В. Плеханова, Московский институт иностранных языков).

Первая очередность поступления на работу в СО АН, а затем в НГУ, отразила стратегию основателей Академгородка в наполнении молодыми специалистами уже функционирующих институтов в 1957–1958 гг. и позднее, при открытии университета в 1959 г., расширение их круга деятельности за счет добавления к научной работе педагогической. В дальнейшем такая стратегия продолжала соблюдаться. «В университет, а точнее в школу микрорайона “А”, где в первые годы на 2-м и 3-м этажах размещался университет, я ходил на занятия два раза в неделю… Уже во втором семестре я попросил так составить расписание занятий, чтобы они шли один за другим и все были в один день. Было трудно вести подряд двенадцать часов – восемь на дневном отделении и четыре на вечернем, но это позволяло мне все остальные дни работать в институте не отвлекаясь»[28], – вспоминал молодой преподаватель-почасовик М.С. Качан, который в 1959 г. вел практические занятия по курсу дифференциальных уравнений.

Элемент протежирования для набора первых молодых преподавателей был обычной практикой среди именитых преподавателей, старших родственников в научной среде. Так, в Сибирь вслед за М.А. Лаврентьевым поехали выпускники МФТИ, среди которых был и Д.В. Ширков, впоследствии осветивший этот момент в своих воспоминаниях об учителе[29]. Геолог Н.Л. Добрецов, представитель династии ученых Келлей-Добрецовых, вспоминал о своем решении ехать в Академгородок по окончании Ленинградского горного института: «После моего окончания института в 1957 г. как раз было опубликовано постановление Правительства о создании Сибирского отделения АН СССР. В конце 1957 г. после моей

[26] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 38. Л. 3–4.
[27] Там же. Д. 21. Л. 1–4.
[28] *Качан М.С.* Первые шаги, 1960 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2017/01/24/556 (дата обращения: 07.12.2023).
[29] *Ширков Д.В.* Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 116.

необычной защиты дипломной работы дед предложил мне попробовать свои силы в Сибирском отделении. “Здесь, в столицах, таких как ты – как сельдей в бочке. А там, в Сибири, – простор, возможность проявить себя…”»[30]. В словах «деда» подчеркнуто видение нового научного центра в Сибири как пространства для раскрытия потенциала молодежи. «…Он написал письмо к только избранному академику В.С. Соболеву, который когда-то работал у деда на практике на Урале: “Помнишь, Володя, как ты таскал рейку и теодолит у меня на горе Магнитной? Не согласишься ли ты побеседовать с моим внуком, тезкой Николаем, на предмет возможности перехода в Сибирское отделение?”»[31]. Следует отметить еще одну принципиальную тенденцию нового университета, которая просматривается в процедуре конкурсов, – корпоративный компромисс. Так, в решения отбора математиков или физиков не вмешивались представители других дисциплин.

Что касается присвоения ученого звания доцента или профессора, то УС придерживался здесь установленного регламента: «Лицо, представленное к утверждению в ученом звании, должно проработать на соответствующей должности не менее одного года»[32]. Укажем, что на сегодняшний день критериями присвоения ученого звания профессора является «наличие стажа непрерывной работы не менее двух лет (важно, что любое прерывание этого стажа, в том числе по объективным причинам, приводит к его обнулению и стаж начинает считаться заново)»[33]. Критериями присвоения ученого звания доцента является «наличие стажа непрерывной работы не менее двух лет в указанных должностях»[34].

Тем не менее на 12-м заседании УС от 5 марта 1962 г., где выносился вопрос о присвоении звания доцента кандидату Э.В. Матизену, было решено воздержаться от его рассмотрения, перенеся на одно из последующих заседаний, когда кандидат выдержит годовой срок преподавания в должности доцента[35]. Тот факт, что кандидатура, не прошедшая по базовым условиям, была выдвинута на обсуждение, с одной стороны, может быть ошибкой в подготовительном к заседанию делопроизводстве, с другой – за этим наблюдается тенденция к ужесточению контроля над кандидатами.

Для сравнения, на первом заседании УС были утверждены на звание доцента молодые специалисты, чей педагогический опыт не соответствовал указанному условию – год работы в должности доцента. Так, Ю.Г. Решетняк, кандидатуру которого поддержали академики С.Л. Соболев и И.Н. Векуа, пусть и имел опыт преподавательской деятельности в Ленинградском государственном университете, однако на должности ассистента и совместителя. Соответственно, на одном заседании молодой ученый получил одновременно должность и звание доцента. Похожая ситуация сложилась у Р.И. Солоухина, имевшего стаж преподавания один год и четыре месяца в МФТИ в должности ассистента. Такое протежирование отчасти способствовало карьерному росту молодых ученых-преподавателей. Их коллективный портрет позволил выявить усредненную траекторию карьерного пути в СО АН и НГУ. Молодые люди получали аттестат о высшем образовании в 23 года. От окончания университета до перевода в СО АН на должность лаборанта проходил год, еще через год молодые сотрудники переходили на должность младшего научного сотрудника, что позволяло принимать их на работу в НГУ в качестве ассистента, преподавателя-почасовика. Одновременно проходило обучение в аспирантуре, но молодые ученые могли пользоваться возможностью защиты диссертации без дополнительного обучения. Защиты кандидатской диссертации проходили преимущественно в 27–29 лет, после чего к 30 годам ученые повышались в должности в институтах до старшего научного сотрудника. Как только появлялась новая вакансия доцента в НГУ в связи с открытием новых кафедр либо освобождением уже имеющихся мест, они занимали должность доцента.

[30] Из российской глубинки – в науку. Научная династия Келлей-Добрецовых. Новосибирск, 2009. С. 162.
[31] Там же.
[32] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.
[33] *Мацкевич О.В.* Особенности присуждения ученых званий в научно-образовательных организациях Следственного комитета Российской Федерации // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 553.
[34] Там же.
[35] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

Таким образом, к 31 году молодые ученые, получившие возможность работать в СО АН и НГУ, имели должности старшего научного сотрудника и доцента соответственно. Управленческие должности как в НИИ СО АН – заведующий отделом, лабораторией, сектором, группой и др., так и в НГУ – заведующий кафедрой, деканами, проректор и др., становились доступны в среднем к 35 годам, и для этого не требовалась степень доктора наук. Для защитивших докторскую диссертацию от защиты кандидатской проходило около 11 лет. Принцип профессиональной мобильности в НГУ в период становления университета работал на полную мощь. Механизм и процедуры выборности должностей и званий давали для этого широкие возможности.

Итак, ученые-преподаватели комсомольского возраста, поступая на работу в Сибирское отделение АН СССР, получали значительное преимущество при устройстве на работу в НГУ. Их научный путь в институтах СО АН и преподавательская карьера в университете были тесно связаны и преимущественно успешны. Коллективный портрет молодого специалиста Академгородка 1960-х гг. показал динамичное раскрытие научного, преподавательского либо административного потенциала. «Новая среда новосибирского Академгородка способствовала реализации новых возможностей научного сообщества»[36] и стала перспективной платформой для формирования академического сообщества в научном центре и преподавательского – в университете.

Вопрос о совместительстве неоднократно обсуждался на заседаниях УС и решался в отдельном порядке. На примере приема в НГУ ассистентов-совместителей показано начало борьбы молодого вуза с Министерством высшего и среднего специального образования за отстаивание принципов совместительства для тех, у кого основная работа протекала в институтах Отделения. В жестко отстроенной вузовской системе разрешение на совместительство для ученых из АН СССР обусловливалось наличием высокого статуса члена Академии наук, т.е. фактически через персональное разрешение министерства. Для нового университета в Новосибирске, где шла борьба за принцип не единичного, а системного обеспечения преподавания за счет привлечения к преподаванию академических ученых, данная проблема становилась приоритетной и следовало искать промежуточные варианты ее решения. Учитывая невозможность зачисления на педагогическую работу по совместительству младших научных сотрудников институтов СО АН, не имеющих ученых степеней, а также признавая необходимость проверки педагогической квалификации кандидатов на должность ассистентов соответствующих кафедр, на заседании УС было принято решение в 1959/1960 учебном году не производить заполнение должностей ассистентов по конкурсу, заменив его на зачисление молодых преподавателей на почасовую оплату с тем, чтобы иметь возможность в дальнейшем рекомендовать к зачислению по конкурсу тех, кто показал наиболее высокую педагогическую квалификацию. Отдельным пунктом было постановлено, «учитывая особые условия работы Новосибирского университета, просить Президиум АН СССР разрешить Президиуму СО АН СССР допускать педагогическую работу в университете по совместительству научных работников СО АН СССР, не имеющих степеней»[37].

На втором заседании УС А.В. Николаев выступил с предостережением: «Если совместительство сейчас отменено, то нужно, может быть, пересмотреть эту часть Устава. Мы становимся на очень опасный путь: мы знаем, что большинство являются совместителями, а потом они скажут “мы не можем”». На что И.Н. Векуа ответил: «совместительство остается, но запрещается только оплата труда <…> Самым тяжелым для нас обстоятельством будет почасовая, как она предусмотрена. Я думаю, этот вопрос отрегулируем, чтобы зарплата соответствовала истинно затраченному труду, и чтобы человек получал столько, чтобы это его в какой-то мере материально заинтересовало <…> А вот другой момент очень трудный: заведующим лабораториями, отделами, ректорам и другим това-

[36] *Куперштох Н.А., Крайнева И.А.* История Новосибирского Академгородка через призму биографий ученых-основателей институтов и научных направлений // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019: сб. ст. Иркутск, 2019. С. 294.
[37] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

рищам такой категории лиц запрещается в другом месте занимать ответственную должность. Значит, я ни одного из вас не могу зачислить заведующим кафедрой. Но это вопрос специальный, я думаю, войдем с ходатайством в правительство по такому вопросу, переговорим с товарищами и найдем какой-нибудь выход из этого положения <…> я хочу добавить – вот Борис Осипович имел переговоры с министерством, и ему сообщили, что до конца этого года сохраняется действующее положение»[38]. Принцип совместительства на высоких должностях был отвоеван таким же путем, как и ряд других, – через ежегодные переговоры в министерстве, а в итоге временные разрешения привели к требуемому результату – в НГУ сложились пропорции, при которых ныне восемь из десяти преподавателей являются совместителями и почасовиками.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что протоколы и стенограммы заседаний УС НГУ вызывают большой интерес с позиций освещения объективной картины организации избирательной практики в вузе на стадии его становления. Заседания УС проводились с определенной периодичностью, отражая проблематику каждой ступени создания разветвленной вузовской структуры. Вопросы, поднимаемые на заседаниях, соответствовали запросам каждого периода – от избрания первых профессоров и доцентов на кафедры пока единственного факультета в 1959/1960 учебном году, до пополнения профессорско-преподавательским составом пяти факультетов в 1962/1963 учебном году и развития сети факультетских советов с передачей им первого этапа электоральной функции. В документах УС показан курс от некоторых отхождений от действующего регламента к формализации.

Новый университет стремился осуществлять процедуры избрания не формальным, а демократическим образом, создавая механизмы карьерного роста и мобильности для молодого поколения. Авангард молодежи составили ученики первого профессорского состава НГУ, приехавшие в Сибирь преимущественно из Москвы и Ленинграда. Высокий процент молодых преподавателей-почасовиков, ассистентов, чья основная работа была научной в институтах СО АН, явился результатом успешного отстаивания принципа НГУ о совместительстве. Благодаря высокому статусу ученых-академиков, состоящих в Ученом совете НГУ, и некоторому послаблению партийного контроля над вузами в 1960-х гг. команда Совета успешно отстаивала как свою организационную самобытность, так и приоритеты университета в процессе взаимодействия с Минвузом.

Литература

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2019. 404 с.

Завгородний А.В. Развитие конкурсов в российских вузах: историко-правовой очерк // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2021. № 4 (303). С. 172–197.

Из российской глубинки – в науку. Научная династия Келлей-Добрецовых / ред. Н.А. Притвиц. Новосибирск: СО РАН, 2009. 242 с.

Качан М.С. Первые шаги, 1960 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2017/01/24/556 (дата обращения: 07.12.2023).

Куперштох Н.А., Крайнева И.А. История Новосибирского Академгородка через призму биографий ученых-основателей институтов и научных направлений // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019: сборник статей. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2019. С. 294.

Мацкевич О.В. Особенности присуждения ученых званий в научно-образовательных организациях Следственного комитета Российской Федерации // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 552–556.

Петрик В.В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х годов: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 53 с.

[38] ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Ширков Д.В. Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 110–118.

References

Ablazhey, N.N., Vodichev, E.G., Krasil'nikov, S.A. (2019). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: sozdanie, stanovlenie, razvitie (1959–2019)* [State University: Creation, Formation, Development (1959–2019)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 404 p.

Kachan, M.S. (1960). *Pervye shagi* [The First Steps]. Available at: URL: https://proza.ru/2017/01/24/556 (date of assess: 07.12.2023).

Kupershtokh, N.A., Krayneva, I.A. (2019). Istoriya Novosibirskogo Akademgorodka cherez prizmu biografiy uchenyh-osnovateley institutov i nauchnyh napravleniy [The History of Novosibirsk Akademgorodok through the Prism of Biographies of Scientists-Founders of Institutes and Scientific Fields]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: sbornik statey*. Irkutsk, Baikal State University. 294 p.

Maczkevich, O.V. (2023). Osobennosti prisuzhdeniya uchenykh zvaniy v nauchno-obrazovatelnyh organizatsiyakh Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii [Features of Awarding Academic Titles in Scientific and Educational Organizations of the Investigative Committee of the Russian Federation]. In *Yuridicheskaya tehnika*. No. 17, pp. 552–556.

Petrik, V.V. (2009). Razvitie vysshey shkoly Sibiri v kontse 1950-x – nachale 1990-x godov [The Development of Higher Education in Siberia in the Late 1950s – Early 1990s], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 53 p.

Pritvits, N.A. (Ed.). (2009). *Iz rossiyskoy glubinki – v nauku. Nauchnaya dinastiya Kelley-Dobretszovykh* [From the Russian Hinterland to Science. The Scientific Dynasty of the Kells-Dobretsovs]. Novosibirsk, SB RAS. 242 p.

Shirkov, D.V. (2000). On byl iz porody preobrazovateley [He was a Kind of Converter]. In *Vek Lavrenteva.* Novosibirsk, pp. 110–118.

Zavgorodniy, A.V. (2021). Razvitie konkursov v rossiyskikh vuzakh: istoriko-pravovoy ocherk [The Development of Competitions in Russian Universities: A Historical and Legal Essay]. In *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy*. *Pravovedenie*. No. 4 (303), pp. 172–197.

Д.И. Муренко*

КОМСОМОЛ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ (1958–1965 ГОДЫ)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-17
УДК 94 (47+57) (571.14)

Выходные данные для цитирования:
Муренко Д.И. Комсомол новосибирского Академгородка и социально-политические аспекты электоральных процессов в устноисторических источниках (1958–1965 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 238–250. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-17.pdf

D.I. Murenko*

KOMSOMOL OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF ELECTORAL PROCESSES IN ORAL HISTORICAL SOURCES (1958–1965)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-17

How to cite:
Murenko D.I. Komsomol of Novosibirsk Akademgorodok and Socio-Political Aspects of Electoral Processes in Oral Historical Sources (1958–1965) // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 238–250. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-17.pdf]

Abstract. The phenomenon of electoral behavior of Komsomol youth of Novosibirsk Akademgorodok during its formation is considered through the prism of oral history. Using the example of several oral historical sources, the socio-political aspects (social conflicts, ideological guidelines, political “differences of opinion”) of electoral processes at the level of Komsomol organizations of the scientific center are reproduced. Oral narratives describe the process of electoral activity within the Komsomol structures of Akademgorodok – the Soviet district committee of the Komsomol and the Komsomol committee of the Siberian Branch of the Academy of Sciences. The first two interviews make it possible to reconstruct the events of 1958–1959, when, in the difficult conditions of the construction of a scientific center, against the backdrop of social conflicts at various levels, the primary Komsomol organizations of scientific youth and the builders of Academgorodok united. The last two interviews describe how in the mid-1960s. the ideas of Komsomol reformism influenced the electoral behavior of scientific youth during district and city reporting and election conferences. It is concluded that in the conditions of the local society of a scientific center, the electoral behavior of scientific youth, in addition to ritual political practices, included elements of political activism based on corporate scientific solidarity, as well as on the conviction of the necessity, possibility and legality of changing their position in the system of intergroup relations , including through influencing the electoral process on the scale of the city and district Komsomol organization. The core of the electoral activism of Komsomol scientists was formed by group and personal connections based on professional contacts and intra-scientific interests.

Keywords: oral historical sources, narratives, Siberian branch, Akademgorodok, historical memory, historical anthropology.

* **Денис Игоревич Муренко,** кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления; Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: denismurenko@yandex.ru

Denis Igorevich Murenko, Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University of Economics and Management; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: denismurenko@yandex.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета в рамках проекта ТП-ИиП-1_24.
The article was prepared with the financial support of the Novosibirsk State Technical University.

The article has been received by the editor on 01.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Рассматривается феномен электорального поведения комсомольской молодежи новосибирского Академгородка в период его становления сквозь призму устной истории. На примере нескольких устноисторических источников воспроизведены социально-политические аспекты (социальные конфликты, мировоззренческие ориентиры, политическое «разномыслие») электоральных процессов на уровне комсомольских организаций научного центра. Устные нарративы описывают процесс электоральной активности в рамках комсомольских структур Академгородка – Советского райкома ВЛКСМ и комитета комсомола СО АН. Первые два интервью позволяют реконструировать события 1958–1959 гг., когда в непростых условиях строительства научного центра на фоне социальных конфликтов разного уровня происходило объединение первичных комсомольских организаций научной молодежи и строителей Академгородка. Последние два интервью описывают, каким образом в середине 1960-х гг. идеи комсомольского реформизма оказывали влияние на электоральное поведение научной молодежи в ходе районных и городских отчетно-выборных конференций. Сделан вывод о том, что в условиях локального социума научного центра электоральное поведение научной молодежи, помимо ритуальных политических практик, включало в себя элементы политического активизма, основанного на корпоративной научной солидарности, а также на убежденности в необходимости, возможности и законности изменения своего положения в системе межгрупповых отношений, в том числе посредством влияния на электоральный процесс в масштабах городской и районной комсомольской организации. Ядро электорального активизма комсомольцев-ученых формировали групповые и личностные связи, основанные на профессиональных контактах и внутринаучных интересах.

Ключевые слова: устноисторические источники, нарративы, Сибирское отделение, Академгородок, историческая память, историческая антропология.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023 г.

В настоящее время актуальной задачей является изучение истории новосибирского Академгородка не только как научного, но и социального феномена. Академгородок представлял собой своего рода исторический эксперимент по созданию «города будущего», существенная роль в котором отводилась научной молодежи. Социальной активности молодежи способствовала относительная свобода научного и социокультурного творчества в Академгородке, которая определялась конкретным стечением обстоятельств: авторитетом руководства СО АН СССР, территориальной удаленностью от областных партийно-государственных органов, а также значительным числом молодых сотрудников. Высокая социальная оценка труда ученых, престиж Академии наук, атмосфера всеобщего энтузиазма «оттепели» обеспечили особую атмосферу академической и интеллектуальной свободы в научных коллективах, что отразилось и на политической, в том числе электоральной активности научной молодежи.

Согласно уставу ВЛКСМ, каждый его член имел право избирать и быть избранным в комсомольские органы. Комсомольцам разрешалось свободно обсуждать всю текущую работу ВЛКСМ в ходе комсомольских собраний, съездов, конференций. Каждый комсомолец имел право вносить свои предложения, отстаивать свою позицию до принятия решения комсомольской организацией. Устав ВЛКСМ также позволял критиковать любого комсомольца, а также любой комсомольский орган.

Вместе с тем практика реализации избирательных процедур не всегда гарантировала полную реализацию заложенных демократических принципов, поскольку руководящим принципом комсомола являлся демократический централизм, что означало, помимо всего прочего, строгую комсомольскую дисциплину и подчинение меньшинства большинству, на практике представлявшее собой форму контроля и подчинения комсомола партийной бюрократии. Таким образом, в повседневной электоральной практике демократизм и выборность противостояли централизму и назначенству. Наиболее отчетливо эти тенденции проявили себя в новосибирском Академгородке в период хрущевской «оттепели».

Цель исследования – реконструировать социально-политический контекст, определявший электоральное поведение комсомольской молодежи новосибирского Академгородка в период его становления. Для достижения этой цели следует обратиться к материалам интервью, которые были записаны автором исследования с бывшими комсомольскими активистами еще в конце 2000-х гг.

Первое из приведенных ниже интервью записано с С.М. Николаевым. Станислав Михайлович Николаев – советский и российский минералог, кандидат геолого-минералогических наук. Родился в 1933 г. В 1957 г. окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института по специальности «Геология и разведка редких и радиоактивных руд». После окончания вуза получил распределение в Горно-геологический институт (ГГИ) Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР (г. Новосибирск). С 1958 г. работал в Институте геологии и минералогии СО РАН: младший научный сотрудник (1957–1974 гг.), старший научный сотрудник (с 1974 г.). С 1974 по 1981 г. являлся ученым секретарем Института геологии и геофизики (ИГиГ).

Второе интервью посвящено Ю.В. Немировскому. Юрий Владимирович Немировский – доктор физико-математических наук, профессор. Родился в 1936 г. Окончил механико-математический факультет МГУ. В 1959 г. приехал в новосибирский Академгородок, поступив на работу в отдел прочности Института гидродинамики им. М.А. Лаврентьева. С 1982 по 1983 г. заведовал отделом механики деформируемого твердого тела Красноярского вычислительного центра СО АН СССР. В 1983 г. перешел на работу в Институт теоретической и прикладной механики. В разные годы преподавал в НГУ и НГТУ.

Первые два интервью позволяют реконструировать события 1958–1959 гг., когда в непростых условиях строительства научного центра на фоне социальных конфликтов разного уровня происходило объединение первичных комсомольских организаций научной молодежи и строителей Академгородка. Прибывшие в Академгородок молодые ученые старались налаживать культурные контакты с рабочими-строителями. Однако важным фактором стало наличие и столкновение двух молодежных субкультур – научной и рабочей, обострявшихся не только трудностями бытового и психологического характера, но и значительной дистанцией в образовательных, мировоззренческих и культурных ориентирах. В представлении некоторых рабочих приехавшие выпускники столичных вузов выглядели как чуть ли не стиляги, которые выделялись своим поведением.

Поводом для конфликта явился срыв отчетно-перевыборного собрания ВЛКСМ СО АН в сентябре 1959 г. из-за низкой явки комсомольцев. Выступавший там секретарь Новосибирского горкома ВЛКСМ В.Л. Авдеев[1] негативно отозвался о комсомоле научного центра. На протяжении полутора часов велась острая дискуссия секретаря горкома и всего собрания по поводу продолжения или закрытия собрания. Комсомольцы СО АН отказали В.Л. Авдееву в повторной встрече.

[1] Валентин Лукьянович Авдеев (1929–2009) – советский хозяйственный, государственный и политический деятель. В конце 1950-х гг. – первый секретарь Новосибирского горкома ВЛКСМ, в 1964–1970 гг. – председатель райисполкома Заельцовского района г. Новосибирска, в 1970–1984 гг. – первый секретарь Заельцовского райкома КПСС, в 1984–1989 гг. – заместителя председатель Новосибирского горисполкома. В годы его работы в Заельцовском районе построены Ботанический и Кропоткинский жилмассивы, интенсивно развивалась инфраструктура района, активно внедрялись новейшие технологии на предприятиях радиоэлектронной и приборостроительной промышленности.

В итоге кто-то из рабочих нарисовал карикатуры на комсомольцев СО АН, изобразив их бездельниками. Это возмутило ученых. Тем более что эти карикатуры были выставлены на всеобщее обозрение в холле ДК «Приморский» (район ОбьГЭСа), где в конце октября 1959 г. проходила II районная комсомольская конференция, на которой должны были выбрать новый состав бюро Советского райкома ВЛКСМ. По версии, изложенной С.М. Николаевым, «гвоздем» конференции стало «неудачное и незаслуженно резкое» выступление Ю.В. Немировского в адрес строителей.

Немировский сказал следующее: «Я хочу сказать по поводу безобразной карикатуры и требую от имени делегатов, чтобы ее сняли и с этой трибуны перед нами извинились за этот безобразный факт. Эта карикатура висит сейчас в коридоре. Это произошло потому, что нашлись люди как Авдеев и другие, которые пытались поставить себя над комсомольской организацией. Мы не позволили товарищу Авдееву встать над комсомольской организацией, и он сорвал наше собрание, когда собрание потребовало, чтобы Авдеев вообще убрался. Дело в том, что в нашей комсомольской организации собрать кворум – проблема. Все наши институты разбросаны. Людям часто приходится ездить в командировки, в экспедиции. Когда проходило собрание, многие были в отпусках»[2].

Президиум конференции, в который входил не только В.Л. Авдеев, но и начальник основной строительной организации Академгородка – «почтового ящика № 111» («Сибакадемстрой») Л.Я. Губанов, жестко отреагировал на выступление Немировского, потребовав от него извинений. Однако Немировский не отказался от своих слов: «Здесь произошла одна существенная ошибка. Дело в том, что когда говорилось об извинении, не имелось в виду, чтобы извинилась конференция, а 3 человека, которые допустили такую нехорошую ошибку, я не хочу сказать, что я отрекаюсь от своего выступления, я его подтверждаю. В нашей комсомольской организации 800 человек. Эта карикатура – просто оскорбление всех 800 человек, а потому что наша организация никогда не разбегалась с собраний, как представлено в карикатуре. Здесь многие товарищи выступали и называли мое выступление барским, демагогичным и т.д. Сказать “барское” – это не только в мой адрес, но и в адрес тех делегатов, с которыми оговаривал перед выступлением. Мы далеки от тех условий, чтобы нас можно было назвать барами. Губанов отметил, что мы ни за что получили 2 млн рублей и ничего не сделали. Наши институты работают, комсомольцы работают. Всем известно, что в Новосибирске строился порт, были затрачены большие средства и стоял вопрос о том, чтобы закрыть стройку. Но среди наших комсомольцев нашлись люди, которые сумели предотвратить это. Наши комсомольцы помогают Турбогенераторному заводу, наши комсомольцы изобрели новый способ для взрывных работ. Очень даже обидно, что сложилось такое мнение, будто мы ничего делаем»[3]. Конференция вполне могла закончиться дракой, однако напряженность заметно снял секретарь райкома партии М.П. Чемоданов[4], выступив с примирительной речью.

Тем не менее под занавес конференции в ходе избрания делегатов от Советского района на областную конференцию ВЛКСМ опять образовалась конфронтация разных мнений. Комсомольцы Сибирского отделения предложили в список делегатов внести секретаря комсомольской организации Института неорганической химии В.Ф. Помыткина. Однако включение еще одной кандидатуры уже превышало установленный лимит, рассчитываемый пропорционально численности комсомольцев Советского района. В ходе голосования выяснилось, что комсомольцев-строителей в списке делегатов значительно больше, чем ученых, несмотря на то, что численность комсомольцев СО АН была выше. Однако из-за численного преобладания строителей на конференции молодые ученые были вынуждены

[2] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-308. Оп. 1. Д. 20. Л. 81–82.
[3] ГАНО. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 20. Л. 98.
[4] Марти Петрович Чемоданов (1927–2022) – доктор философских наук, профессор, историк, философ. В 1958 г., после образования Советского района Новосибирска, был избран вторым, а с 1959 г. первым секретарем райкома Советского района. Сыграл большую роль в построении Академгородка, Сибирского отделения РАН. В 1969 г. по просьбе академика М.А. Лаврентьева был назначен заместителем Председателя Сибирского отделения Академии наук.

согласиться и принять список делегатов, предложенный комсомольцами «Сибакадемстроя». Результатом голосования стало избрание нового пленума. Также был утвержден новый состав бюро Советского райкома. Первым секретарем РК стал Б.К. Дерябин – инженер «ГЭСстроя». От комитета комсомола СО АН в состав бюро был введен С.М. Николаев. Таким образом, во главе райкома встали в основном представители рабочей молодежи.

Третье и четвертое интервью записаны с Всеволодом Григорьевичем Костюком – советским и российским ученым, кандидатом философских наук, специалистом по проблемам молодежи национальных регионов Сибири. В 1961 г., после окончания Киевского политехнического института, В.Г. Костюк поступил на работу в Институт гидродинамики СО АН, где занимался изучением физики металлов. С 1964 по 1970 г. занимал должность первого секретаря Советского райкома ВЛКСМ. В 1970 г. перешел на работу в Институт истории, филологии и философии СО АН, где стал одним из тех ученых, кто стоял у истоков новосибирской школы этносоциологии.

Описываемые В.Г. Костюком сюжеты происходили на фоне изменения отношения молодежи к ВЛКСМ в 1960-е гг. Комсомол в системе ценностей молодежи выступал как пережиток революции и войн. Трансформация комсомола в нечто новое представлялась необходимостью. Считалось, что главное для комсомола – участие в инновационной деятельности не только научно-технической, но и социальной и политической. В представлении научной интеллигенции Академгородок должен был идти в авангарде обновленческих процессов.

В 1964–1965 гг. во многих институтах ННЦ прошли комсомольские собрания с повесткой «Зачем нам нужен комсомол?». В некоторых коллективах под этой формулировкой подразумевался поиск новых форм работы, в других институтах этот вопрос прямо подводил к решению о самороспуске комсомольских организаций.

Апогеем этих событий стала VI конференция ВЛКСМ Советского района, состоявшаяся 15 декабря 1965 г. в помещении ДК «Юность». Конференция прошла с небывалой активностью. Ее участники выражали недовольство состоянием комсомола, который, по их мнению, «превратился в серую безликую массу», требовали конкретных изменений. Прежде всего, они считали, что нужно предотвратить слияние комсомольских организаций Академгородка и НГУ с Советским райкомом комсомола, а также избавиться от опеки партии[5]. В результате инициаторы движения за «обновление комсомола» одержали на конференции организационную победу – избранный новый состав районного бюро райкома комсомола во главе с В.Г. Костюком был настроен по-реформаторски. Важным также было то, что первым секретарем комсомольской организации района впервые был избран не представитель строительных организаций, а научный сотрудник СО АН.

Результаты районной конференции комсомола Советского района не могли не вызвать недовольства у вышестоящего руководства. 23–25 декабря 1965 г. состоялась городская конференция ВЛКСМ, которая характеризовалась накалом общественного противостояния. В ходе городской комсомольской конференции, согласно регламенту, после отчетного доклада горкома ВЛКСМ должен был выступать первый секретарь горкома КПСС Н.К. Дыбенко, но случилась неожиданность – вне регламента, по требованию делегатов, слово было дано А.М. Казанцеву, который довел до более широкой публики те положения, которые обсуждались на районной конференции. В частности, он предложил существенно демократизировать комсомол – больше устраивать политических диспутов, которые провоцировали бы борьбу мнений. Секретарь горкома КПСС Н.К. Дыбенко, как и ожидалось, дал комсомольским новаторам резкую отповедь, сравнив их с троцкистами[6].

Но среди участников конференции у комсомольских реформаторов нашлись и горячие защитники. Одним из них был первый секретарь горкома комсомола А.Б. Слуцкий, который так был воодушевлен опытом комсомола Советского района, что стремился распространить его на весь Новосибирск. Многие факты свидетельствуют, что А.Б. Слуцкий поддерживал

[5] ГАНО. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 143. Л. 103.
[6] ГАНО. Ф. П-198. Оп. 4. Д. 2. Л. 126.

идеи обновления комсомола, которые имели хождение в среде научной молодежи ННЦ. Еще будучи зав. отделом обкома ВЛКСМ по работе со студенчеством, он часто приезжал в Академгородок, проводил социологические исследования, наладил хорошие отношения с местным райкомом комсомола. Накануне конференции А.Б. Слуцкий в защиту академгородковцев написал статью в «Комсомольскую правду» под названием: «Я против обыкновенных». Под «обыкновенными» А.Б. Слуцкий понимал тех комсомольцев, которые, в отличие от академгородковских, не проявляют самостоятельного мышления[7].

На конференции возникли жаркие прения по поводу его статьи. Автора обвинили в нетактичности, нескромности, незрелости и в заигрывании с активом. 25 декабря 1965 г. состоялся организационный пленум горкома ВЛКСМ, который не рекомендовал на должность первого секретаря горкома ВЛКСМ А.Б. Слуцкого. Присутствовавшие в зале задавали вопросы, почему не рекомендуется А.Б. Слуцкий? Официальным ответом было то, что он сам написал заявление об уходе. После пленума делегаты от Академгородка написали жалобу в ЦК ВЛКСМ.

В конце января 1966 г. в Новосибирск комиссия ЦК ВЛКСМ во главе с В.Н. Ганичевым, заведующим отделом пропаганды и агитации, выявила критическое отношение молодежи к действительности. Результаты обследования в виде письменного отчета были доложены в ЦК КПСС. Материалы такого рода окончательно определили позицию правящих кругов в отношении общественной жизни Академгородка. Правящие круги, или их наиболее консервативная часть, в целом «объявляли войну» Академгородку[8].

На основе материалов устной истории реконструирован феномен электоральных поведенческих реакций и действий внутри комсомольской организации Академгородка. В условиях локального социума научного центра электоральное поведение научной молодежи, помимо ритуальных политических практик, включало в себя элементы политического активизма, проявлявшего себя не только в форме дискуссий, но и в возможности открыто выражать свою точку зрения в процессе комсомольских выборов. Ядро электорального активизма комсомольцев-ученых формировали групповые и личностные связи, основанные на профессиональных контактах и внутринаучных интересах.

Отрывок из интервью № 1

Респондент – С.М. Николаев. Записано 19.11.2008 г. в Институте геологии и минералогии СО РАН

С.М. Николаев: В наше время комсомольская организация играла большую роль. Во-первых, 80 % всех сотрудников Сибирского отделения были комсомольцами. Можете себе представить, какой наплыв за короткое время был. Первое время комсомольская организация была при филиале [Западно-Сибирский филиал академии наук СССР]. Кроме Института гидродинамики, который здесь разместился, все остальные были там. А после этого решили создать комитет комсомола СО АН и комсомольскую организацию Советского района, а нашу организацию передать в Советский район, так как раньше она была при Центральном районе. Так образовалась комсомольская организация СО АН.

Д.И. Муренко: Кем было принято решение о создании? Сверху или снизу?

С.М. Николаев: С одной стороны, это было и снизу желание, и сверху. Почему? Были мы вначале при Центральном районе, при филиале Академии наук. Мы были рядом, но было желание быть всем вместе, потому что проблемы были общие. А потом и партийная организация вначале была при Центральном районе, а потом образовался парткомитет СО АН и парторганизация при Советском районе. Это, конечно, сверху было, потому что у нас партийные организации существовали по районам. Вся беда еще в том, что был очень быстрый рост комсомольской организации. Буквально сотнями приходили, особенно в 1958,

[7] *Слуцкий А.Б.* Я против обыкновенных // Комсомольская правда. 1965. 17 дек. С. 3.
[8] *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск, 2007. С. 31–35.

1959, 1960 годах. За короткое время от двухсот человек до четырех тысяч. Был у нас освобожденный работник. Довольно интересный принцип. Во-первых, у нас был председатель профкома СО АН – неосвобожденный, это обычно доктор наук. Был партком СО АН, там неосвобожденным работником был Мигиренко, а заместителем у него был Стародубов. Так же было и в комсомольской организации. Был я комсомольский секретарь, у меня был освобожденный комсомольский работник, потому что это было очень справедливо. Считалось, что главная работа должна быть не общественная, а производственная. Освобожденный работник будет заниматься всей работой. У нас ставили вопрос: главное – это наука, чтобы направлять всю деятельность в научное направление, не уползать ни туда, ни сюда, а именно работать в одном месте.

Д.И. Муренко: Такая специфика была характерна только для Академгородка?

С.М. Николаев: Да. Так было в СО АН в первые годы. Потом, когда стали ставить вопрос, чтобы освобожденный работник был первым лицом, а не вторым, начали выкручивать руки. Просили перейти полностью на комсомольскую работу. Я поэтому сказал, что нет, я не буду этим заниматься. Я хочу заниматься наукой, а не этой всякой бякой, и поэтому сослался на здоровье. На самом деле я спал по пять часов в день, из города туда-сюда, плюс надо и по общежитиям походить. Был просто молодой, здоровый. А потом, когда стали уламывать, я ушел. Сказал, что у меня заболевание. На самом деле оно было. А потом временно исполнял [обязанности первого секретаря комитета комсомола СО АН] Юлдашев, потом Борис Мокроусов. Тогда райком фактически не имел большой силы. Он состоял из двух «китов»: «Сибакадемстрой» и СО АН. Наше отделение даже было больше. Все решалось от того, как эти два «кита» поладят. Государство было заинтересовано, чтобы главная сила была райком. Вначале упразднили партком СО АН, потом упразднили комитет комсомола СО АН. Комсомольские организации стали напрямую подчиняться в райкому. А раньше в комитете мы гнули общую линию. Потом эти контакты укоротились. Это было глупо сделано. В государственном плане это может быть и правильно, а для нас нет. Мы раньше одним кулаком действовали. Многие проблемы удавалось решать очень быстро. Вообще к молодежи в СО АН и в «Сибакадемстрое» относились очень хорошо. Руководство понимало, что здесь молодые, с молодежью надо заигрывать, поэтому отношение было хорошее. Были проблемы между Лаврентьевым и строителями. Они медленно строили. Естественно, было много молодежи, строители были никудышные, не хватало стройматериалов. Даже такие вещи были. Объявили неделю сбора металла. Райком сказал: «Вот задача, что главное действие комсомольцев собирать металлолом». Я сказал, что мы этим заниматься не будем, наша главная задача – наука. Металлолом мы еще не успели наделать. Металлолом вы успели сделать в строительстве. Вы можете собирать, это ваша задача строить как можно быстрее, чтобы люди приступили к работе. Собственно, ради этого и создавалось, чтобы максимально быстрее отдачу сделать. И это наша главная задача. Мы будем очищать помещения после стройки, но ходить где-то искать металлолом не будем. Мне даже внесли выговор.

Д.И. Муренко: Первая конференция прошла в мае? Вы принимали участие?

С.М. Николаев: Первая конференция была в здании партшколы. Там, где улица Орджоникидзе и Красный проспект. Сейчас там магазины. Я писал, какие там проблемы. У нас плохие контакты сложились с комсомольской городской организацией. Косности в комсомоле много было. Они привыкли работать с заводами. Но у нас 70 % с высшим образованием были. Они не привыкли к такой публике. Выступали они по привычке, как перед рабочими сталелитейного цеха. Несли околесицу. Молодежь наша начинает поддевать. Вот раз одного высокого начальника ткнули, второй раз ткнули. К нам вообще боялись приходить из горкома. Туда ведь на работу шли далеко не самые умные люди. А здесь совсем другая категория. Были и житейские проблемы. Нет места, зарплата никудышная. А он начинает, что вот во имя коммунизма… Люди здесь многие были инакомыслящие, по крайней мере трезво мыслящие. Они знали свою цель, свою задачу, знали, зачем сюда приехали. Их не надо было призывать к высокому. Их задача наука, а не просто «махать

шашкой» и ни черта не делать. Народ был здесь интересный. Работать было трудно. Трудно и с амбициозностью некоторых. Некоторые говорили: мы пришли сюда «целину пахать». Это тоже не совсем правильно, так как был филиал Академии наук. Был Томский университет. Это не целина была. А вот они решили. Я сказал: «Меньше говорите о целине. Вы обижаете горожан». Первые контакты были плохие со строителями. Потом мы встречались, рассказывали, чем мы занимаемся. Организовали курсы для поступления в университет. Я узнавал, кто хочет поступать, находил им репетиторов. Аньшакова например, Дерябина Валеру, Симонова я нашел.

Д.И. Муренко: Вы писали, что объединительная конференция была зимой 1959 года? Там был конфликт?

С.М. Николаев: Да, жуткий конфликт. Немировский выступил в принципе правильно. Только не надо было так резко. Он понимал свои проблемы. Но не понял проблем строителей. Материалов не хватает, кадров не хватает, жилья у них тоже нет. Ну, он вообще эгоист. Мы драли его. Взносы не платил. Надо понимать и ту сторону. Стали понимать потом. Конференция была в конце ноября 1959 года.

Д.И. Муренко: Какая цель у конференции была?

С.М. Николаев: Создание пленума комсомола и бюро райкома. Нас было больше. Наши предлагают нашего человека, а строители своего. Дело доходило, что с этой стороны встали и с этой стороны встали, началась бы драка. Немировский кидался несколько раз. Мы его прижали к стенке. У всех у нас не было опыта общения. В институте-то общались в своем кругу. А здесь разные категории. Потом нормально было. Были и военные, и заключенные. А Марат Лящук «саблю» выхватил. Я его утихомиривал. Миша Покутний был умнее. Он инженер. Лящук техник. Бескомпромиссность на стройке может быть и нужна, а здесь нет. Люди разные. Надо где-то уступить. Следующие конференции прошли нормально.

Д.И. Муренко: Что произошло после выступления Немировского на конференции?

С.М. Николаев: Обстановка нормализовалась. Благодаря Чемоданову в значительной степени. Марти Петрович мудро выступил. Он вообще мужик хороший. Это просто мелкая деталь. Молодежь. Все пытаются что-то доказать, а смычка такая. Неслучайно комсомольское собрание было, когда Авдеев выступил весьма неудачно. Так же можно было выступать на свиноферме, но не на нашем собрании. Тут все начали выступать, показывать свои способности. В общем, подбирали такие фразы, что этому секретарю тошно стало. После этого он старался у нас не бывать. Когда меня после первого собрания со Сталиной Розовой вызвали в обком. И давай мне там. Там был такой замначальника ЗапСибВо по комсомолу, майор. Он мне говорит: «Как вы смеете первого секретаря горкома так критиковать?» и прочее. Я сказал: «Во-первых, с каких пор вы мне запрещаете критиковать? В уставе комсомола написано. Вы читали? Наверно знаете. Право критики сверху донизу. Критиковать необходимо. Вы свои армейские привычки переносите на комсомол гражданский. Это может быть у вас нельзя критиковать. А здесь нет. Все мы в одинаковом положении. Оставляйте свои правила для своей воинской части». Я думал, что я без выговора не уйду. Но я ушел без всякого выговора.

Д.И. Муренко: Зачем объединили в Советском райкоме и воинские части, и комитет комсомола СО АН, и «Сибакадемстрой»? Это было специально сделано, чтобы подорвать единство комитета комсомола СО АН?

С.М. Николаев: С одной стороны, может быть, но это была общая политика страны. Главное – это инициатива, это райком. А здесь получилось, у нас фактически были права райкома. Но мы не должны были иметь права райкома. Потому что первый секретарь получал деньги в Академии наук, а не в обкоме, но связующее звено – это райком, а когда две такие организации главенствуют, райком фактически не имел никаких полномочий[9].

[9] Николаев С.М. Интервью в Новосибирске 19.11.2008 // Личный архив Д.И. Муренко.

Отрывок из интервью № 2

Респондент – Ю.В. Немировский. Записано 03.02.2009 г. в Институте теоретической и прикладной механики СО РАН

Д.И. Муренко: Какие существовали сложности в начале вашего переезда в Академгородок?

Ю.В. Немировский: Чтобы понять подоплеку этого конфликта, я бы сказал, так называемого конфликта, потому что серьезных оснований для конфликта абсолютно не было, обратимся к событиям 1959 года. Вся соль заключалась в том, что тогдашний секретарь комсомола работал топорно.

Д.И. Муренко: Вы имеете в виду Михаила Покутнего?

Ю.В. Немировский: Да, он и секретарь горкома Авдеев в том числе. Это коллектив был довольно топорный. Они вели работу в привычном для них стиле, когда они имели дело с малограмотной публикой, и переносили этот стиль на нашу аудиторию. А у нас контингент был своеобразный. Но мы были разбросаны по городу. Мы долго находились в таком состоянии, что ни места рабочего реального не было, ни места жизни реального не было. Хотя по уставу комсомола мы должны были проводить собрания и вести работу. Мы где-то старались. При такой разбросанности мы не могли себе часто позволить. По-моему, в ДК «Приморский» нас первый раз здесь собрали. А так мы собирались в городе по вечерам. Для этого нам предоставляли клуб. Всегда это было с большим недовольством. Но суть даже не здесь.

Д.И. Муренко: Когда создавали Совет молодых ученых, тоже обком ставил палки в колеса?

Ю.В. Немировский: Совет молодых ученых создавался вопреки воле партийных и комсомольских организаций. Они сразу начинали рассматривать подобную структуру как конкурента. Поэтому проще было сразу запретить. Также один из конфликтов заключался в том, что перед нами ставился вопрос о невозможности иметь свою собственную комсомольскую организацию. Нам говорили, что мы должны влиться в общую организацию.

Д.И. Муренко: Но был же Комитет комсомола СО АН?

Ю.В. Немировский: Но опять же был создан не благодаря, а вопреки, потому что это называлось со стороны кабинетных структур – вносить отсебятину и раскол. Они нам говорили, что вы хотите выделиться. Начиналась демагогия, что в комсомоле все равны, что опять для нас было неприемлемо. Для этой уравниловки нам начинали вешать дурацкие поручения. Одно из таких поручений заключалось в том, чтобы мы должны были рыть котлован на каком-то заводе. Нам сказали, что у вас в комсомольской организации 600 человек, вот давайте их всех бросим рыть котлован. Нас не для этого посылали. Мы были заняты. Дело в том, что мы с самого начала были ориентированы на связь с закрытыми организациями. Серьезная работа на уровне московских институтов. Мы эти решения получали из Москвы. Мы отвечали за невыполнение плана. Да за это бы и СО АН дали бы по шее. Это был допотопный стиль работы, чтобы люди, имеющие высшее образование, рыли котлован и чтобы они в то же самое время были способны работать на атомную промышленность! Мы были, конечно, против. А на областных и городских партийных конференциях склоняли СО АН, что оно, дескать, самоизолировалось.

Д.И. Муренко: Почему же обком не мешал созданию Комитета комсомола СО АН? Ведь был уже создан Советский район и райком комсомола?

Ю.В. Немировский: Это как раз им стало выгодно. То он сидел там у кого-то вторым секретарем и мог сидеть годами. А тут такой шанс – стать первым секретарем района. Хотя эта публика вначале была против нас, когда не было официальных районных структур. Они были против всяких объединений нас в любые коллективы. А тут столько мест появилось, куда каждый из них может попасть. Они сразу перестроились.

Д.И. Муренко: Что произошло в ДК «Приморский» на второй районной конференции в 1959? Почему ваше выступление назвали неудачным?

Ю.В. Немировский: Ситуация такая. Мы для обеспечения безопасности создали большой оперативный отряд дружинников. Мы их тренировали. Сам я с ними занимался. Я еще в Москве получил звание оперативного работника, лейтенанта (внештатного). Это здесь узнали, поэтому мне это и поручили. Это была большая работа. А она райкому оказалась неинтересна. Ее нигде не зачитывают. Она нигде не звучит. Хотя это была одна из важнейших работ по тем временам. По крайней мере для жителей Академгородка. Никому не нужны были столкновения банд. Потом они хватаются за палки и арматуру. Это все развивается. Поначалу это все началось не по нашей вине. Мы не дрались, никого не шли бить. У нас были более важные интересы. К нам приходили. У нас был свой клуб. Они к нашим девчонкам приставали. Нам пришлось отбиваться. Мы отбились. Дальше не лезли, но количество этих людей росло – приезжали новые рабочие по набору. И количество наших тоже росло. Драки возникали. Но это быстро тушилось. Тем более что мы потом в течение полутора лет устроили регулярные дежурства по три человека вокруг Академгородка. Если что, они могли поднять весь отряд в 300 человек за полчаса.

Д.И. Муренко: Почему же Николаев не упомянул в своей статье про отряды?

Ю.В. Немировский: А это их не интересовало. С другой стороны, Николаев этим не занимался. А после так называемого конфликта он попал в такую ситуацию, когда упоминание моей фамилии сразу вызывало некое раздражение, которое на них отражалось. Проще было не упоминать. Это и была одна из причин, почему меня Истомин и Николаев уговаривали извиниться на конференции перед Чемодановым и Авдеевым, так как они сказали, что примут меры, если меня не остановят. Хотя я выступал не просто сам по себе. Я выступал по поручению нашей комсомольской организации. Я имел поручение от Института гидродинамики. Кто-то должен был выступить. Перед этим у нас была такая ситуация. Поскольку они считали нас тут – несколько тысяч здоровых ребят, к тому же мы все спортом занимались. В общем, они считали, что мы не задействованы в физическом плане. Оценивать нашу работу с позиции нашего интеллекта для них было невозможно. Они и понятия не имели. Да и многие работы были закрытые. Мы не могли ходить и всем рассказывать, чем я, например, занимаюсь. Я вот занимался вопросом воздействия ядерного взрыва на надводный флот. Мы делали то, что не могли сделать в Москве. Потому что, в отличие от московских ученых, у нас было преимущество – нам негде было тратить время на развлечения, некуда было ходить.

Д.И. Муренко: В стенограмме вашего выступления речь идет о каких-то карикатурах?

Ю.В. Немировский: Нас в очередной раз стали обвинять в бездействии. Требовали от нас каких-то дел. Но мы занимаемся делами, только не теми, за которые они могут поставить галочки. Они не могут это написать. Они хотели, чтобы наш большой коллектив участвовал в рамках общей организации. А тут, как они говорили, было много здоровых лбов, на которых они ничего повесить не могут. *(Смеется).* Была такая ситуация, когда ребята строители возмущались, что их заставляли много работать, а решение простых бытовых вопросов откладывалось. Бани нет. Все это откладывалось. Поэтому сами ребята решили создать совместные стройотряды. И чтобы мы, ученые-комсомольцы, помогли построить эти здания. Мы отказались, сказали, что это не наша работа. У нас – другое. А это они и сами могут построить. Только дайте им кирпич, цемент, и они сами для себя быстро построят. Этот разговор не понравился. Потом мы отказались, и к моменту подготовки этого сборища они решили натравить эту молодежь на нас. Они к ним ездили, говорили, что мы пытались в помощь вам организовать, а вот они, эти так называемые ученые-тунеядцы, ничего не хотят делать. Мы собираем собрание, а они даже не приходят.

Нас собрали, поговорили. Авдеев сказал, что давайте еще раз встретимся. Мы сказали, что мы заняты. У нас времени нет. И на следующее сборище просто не пришли. И они повесили карикатуры. Мы увидели их в холле. Они звучали оскорбительно вообще к людям, к молодежи и к нам. Всех это возмутило. Мы решили, что надо кому-то выступить и потребовать от организаторов извинений. Я согласился выступить. В поручении этого выступления участвовал и товарищ Истомин, и Николаев. Мы согласовали все коллективно.

А когда я выступил, эта публика оказалась непривычна к публичной критике. Как это всегда бывает, они обыграли это в другом ключе. Что вот есть незрелые комсомольцы, которые дошли в своей демагогии и требуют, чтобы комсомол перед ними извинился – это кощунственно. Они сказали, что нужно ставить вопрос о пребывании таких людей в комсомоле. Но когда стали навешивать ярлыки, позвали Истомина, Николаева. Видимо, в кулуарах их накачали и в следующий перерыв они сказали, что я переборщил, что я перешел рамки, что Авдеев считает себя оскорбленным. Хотя я его имени вообще не упомянул.

Д.И. Муренко: В стенограмме была фраза, что Авдеев «поставил себя выше комсомольского собрания».

Ю.В. Немировский: Потому что он поставил вопрос так: что некоторые наши комсомольцы ушли с собрания и поэтому они будут исключены из ВЛКСМ. На что ему было сказано, что у нас есть свое собрание. Если нужно, это наша задача, а не его, чтобы исключать. Его понесло. Но мы ссылались на Устав. Была и другая фраза сказана ему во втором выступлении. Я весь вопрос разъяснил. Сказал, что нас собираются вместо нашей работы бросить на другую работу. А люди, которые бросают, сами сидят в кабинетах и не идут делать эту работу. Я сказал: «Вы вспомните Корчагина, который если кого-нибудь призывал, то шел первым и копал, и рыл, и сражался». Я сказал – пусть товарищ Авдеев пойдет сам покажет, как это делать, а потом пусть призывает. Он же не идет. Это им не понравилось. Это не конфликт в комсомоле, это не конфликт комсомола с партией. Это был нормальный человеческий конфликт с чинушами, которые оторвались от жизни. Тот же самый Чемоданов сказал, что если Немировский сегодня начинает учить секретаря комсомола, а завтра он в партийную организацию придет. На этом собрании мы показали, что мы не позволим нами управлять. Так что мое выступление было полезно[10].

Отрывок из интервью № 3

Респондент – В.Г. Костюк. Записано 14.10.2008 у него дома в Академгородке

Д.И. Муренко: Почему Слуцкого отправили в отставку?

В.Г. Костюк: Там был целый конфликт. Как проблема возникла. ЦК комсомола и инструктор ЦК партии, которые курировали Новосибирскую область, они приняли решении Слуцкого сместить. Но сделали это хитро – не на конференции, а на пленуме, нам стало известно, что такая диверсия будет совершена. Мы подняли шум на городской конференции, почему пленум не собирается после конференции? А нам там что-то объяснили. Я не знал, кого же они на его место готовят. И поехал по городским секретарям, к коллегам, что это неправильно, недемократично. Партийное руководство есть, но кадры решают сами комсомольцы. Собрали потом пленум горкома, где у них было большинство. Наших делегатов было три человека. В результате они провели новых секретарей. Мы начали писать жалобы в ЦК, чтобы приехали, разобрались. Приехала комиссия. Собрали совещание. Выступает первый секретарь Горячев: «Мы избрали новых людей, но некоторые, типа секретаря Советского райкома, мутят воду, ведут подрывную деятельность, говорят, что тут неправильные действия». Выступает секретарь Кировского райкома партии, тоже на меня бочку катит. Говорит: «Как это так? Секретарь райкома комсомола беспартийный?» Я в партию не вступал, сказал, что я поработаю, если люди посчитают, что я справляюсь с обязанностями, пусть дают мне рекомендацию. А так я не против. Ну, этот секретарь начинает долбить меня. Юденич тоже выступает. Я сижу злой как черт. Я поднял руку, говорю – я тоже хочу сказать слово. Я сказал: «Почему обком партии грязными методами решает комсомольские проблемы?» Челюсть у всех отвалилась. Там было не принято так отвечать[11].

[10] Немировский Ю.В. Интервью в Новосибирске 03.02.2009 // Личный архив Д.И. Муренко.
[11] Интервью с Костюком В.Г. 14.10.2008 // Личный архив Д.И. Муренко.

Интервью № 4

Респондент – В.Г. Костюк. Записано у него дома в Академгородке 10.02.2009

Д.И. Муренко: Почему вы поддерживали Слуцкого? Потому что он был сторонником обновленческих идей или потому что он часто приезжал в райком? Слуцкого отправили в отставку по национальному признаку?

В.Г. Костюк: Помимо того, что я съездил, другие люди из райкома – Леня Бокуть и другие. Они тоже имели контакты с людьми, которые считали ненормальным такое решение кадрового вопроса. У нас нет претензий по прежнему составу горкома комсомола. Те говорили, что это дело горкома партии. А потом нам якобы объяснят, какие были мотивы снятия Слуцкого. Прошли эти пленумы, на которых новые кадры были утверждены большинством голосов. Мы попробовали оказать сопротивление. Особого шума не подымали.

Д.И. Муренко: Непонятно, почему проголосовали за Шибанова[12], если Слуцкий был популярен?

В.Г. Костюк: Потому что горком партии своим секретарям райкомов партии прислал такое решение, оно принято и его надо выполнять. Это способ командный.

Д.И. Муренко: Они нарушили устав комсомола?

В.Г. Костюк: Да. Это внутренняя проблема комсомола. Конечно, партия имела идеологический надзор, в том числе и кадровый, но нужны были основания. Человек должен проворовываться или антисоветские действия совершить. Или аморальные поступки. Так просто, без всяких оснований, нельзя. Секретарям райкомов партии наверняка объясняли, почему нужно поддержать. Собирали делегатов. Я не знаю, я не участвовал. У нас в районе такого не было, чтобы райком партии настраивал как голосовать. Достаточно умные были секретари райкомов. Мы не остановились. Мы начали писать в ЦК. Вот тут горком и обком рассвирепели. Прошла уже и областная конференция. Наместникова избрали. Мы написали, что несправедливость. Приезжает комиссия.

Д.И. Муренко: Комиссия Ганичева?

В.Г. Костюк: Да, был он. Они собрали в обкоме партии актив, где участвовали секретари все районных комитетов партии, члены горкома, горком партии, обком партии, первые секретари райкомов партии, первые секретари райкомов комсомола. Я тоже попал. Выходит председатель комиссии. Она встречалась с разными людьми. Горячев открывает встречу и говорит: «Прошла городская конференция областная, избрали руководящие органы, все люди работают, но некоторые вместо работы мутят воду, в том числе в Советском районе». Начались наезды, что первый секретарь и бюро пишут письма в ЦК. Мы слово комиссии дадим, но такая ситуация ненормальная. Райком продолжает закулисную деятельность. Это недопустимо. Тут выпрыгивает один из секретарей райкома партии Ленинского и говорит: «А я считаю, что Костюк он беспартийный и как он может возглавлять районную организацию». Потом ему подпевает наш секретарь Сибакадемстроя Юденич. То же самое: «Я давно говорил, что он не может руководить». Я терпел, а второй секретарь Советского парткома Рудольф Григорьевич Яновский[13] рядом сидел, меня взял за колено и говорит: «Сиди, Сева». Я ему говорю, что мы собрались по другому вопросу. Как прошли выборы, почему я изменник. Я не вытерпел – попрошу слова. Я вышел. И говорю: «Я вообще не понимаю, почему я здесь именинник на этом собрании, а не горком партии, который грязными методами решает кадровые вопросы». У них челюсть отпала. Еще что-то сказал. Сказал, что это нужно обсуждать, как у нас решаются вопросы. После руководители этой

[12] Евгений Семенович Шибанов – генерал-лейтенант таможенной службы, доктор транспорта. Был первым секретарем Новосибирского горкома ВЛКСМ. Занимал должности заведующего отделом в Новосибирском городском и областном комитетах КПСС, первого секретаря Калининского районного комитета КПСС. С 1992 по 1999 г. возглавлял Западно-Сибирское таможенное управление.

[13] Рудольф Григорьевич Яновский – советский российский ученый, член-корреспондент АН СССР/РАН. В 1960-е гг. работал в НГУ ассистентом, старшим преподавателем, ученым секретарем; преподавал философию и научный коммунизм. В 1965 г. был избран вторым секретарем Советского РК КПСС. С 1968 г. – первый секретарь.

комиссии сказали, что кадровые вопросы уже решены, нужно работать, но у нас есть вопросы обкому. Мы и поставим в известность ЦК.

Д.И. Муренко: Это Ганичев сказал?

В.Г. Костюк: Да. Он. Но после этого я уже перешел на другую работу. Ребята, которые участвовали на этом собрании, говорили, что это был первый случай, когда на таком собрании кто-то осмелился такое сказать. Когда я выступил, объявили сразу перерыв. И ко мне в коридоре подскакивают все эти прихлебатели, говорят: «Вы политический хулиган!» Я говорю – почему? Они: «Как вы смеете говорить так в отношении обкома партии, вас нужно гнать». Но наши в райкоме собрались. Говорят – Сева, нужно вопрос решать. Нужно вступать в партию. Мне кажется, что действительно Слуцкий видел некоторую глупость секретарей горкома. Была там одна тетка «дуболомная». И говорит всегда лозунгами, но когда выходит в аудиторию научную, это дико кажется. Слуцкий тут мог столкнуться и с Дыбенко. В то время даже спор мог быть расценен как какая-то интрига. Сразу находились мастера нашептывать, много было этих шакалов[14].

Литература

Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск: Клио, 2007. 332 с.

References

Kuznetsov, I.S. (2007). *Novosibirskiy Akademgorodok v 1968 godu: “pis’mo soroka shesti”. Dokumental’noe izdanie* [Novosibirsk Academgorodok in 1968: “letter of forty-six”. Documentary edition]. Novosibirsk, Klio. 332 p.

[14] Интервью с Костюком В.Г. 10.02.2009 // Личный архив Д.И. Муренко.

С.А. Красильников*

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧЛЕНОВ АН СССР – РАН ПО СИБИРСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ: ИЗБРАНИЕ КАК ПРИЗНАНИЕ (1958–2007 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-18
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Красильников С.А. Персональный состав членов АН СССР – РАН по Сибирскому отделению: избрание как признание (1958–2007 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 251–264. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-18.pdf

S.A. Krasilnikov*

PERSONAL COMPOSITION OF MEMBERS OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES – RAS IN THE SIBERIAN BRANCH: ELECTION AS RECOGNITION (1958–2007)

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-18

How to cite:
Krasilnikov S.A. Personal Composition of Members of the USSR Academy of Sciences – RAS in the Siberian Branch: Election as Recognition (1958–2007) // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 251–264. [Available online: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-18.pdf]

Abstract. The creation of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences on May 18, 1957 as the first regional branch in its composition was a revolutionary step that made it possible to implement a real decomposition in the placement of academic scientific potential. Initially, the leadership of the SB managed to achieve an important preference – a quota for election to membership in the Academy of Sciences for vacancies in the Siberian Branch. This principle made it possible, after some time, to increase the share of members of the regional branch (full members and corresponding members) among the members of the country's Academy of Sciences to 10 %. Over the half-century period of its existence, the department has gained more than 280 members. In the publication, based on the generated database, when processing the created standard biograms of these scientists, a historical and statistical analysis was carried out, which made it possible to determine the main characteristics of the mechanism for replenishing members of the Branch in 1958–2007. The identification of two phases in it ("passionary" and "evolutionary") is substantiated, during which the initially existing variety of external and internal sources of replenishment of members of the Branch was gradually replaced by sources of elite reproduction on its own personnel basis. This entailed a certain decrease in the vertical career mobility of the regional scientific elite.

Keywords: Siberian Branch of the Academy of Sciences, membership, election procedures, sources of formation, dynamics and phases of replenishment of members.

The article has been received by the editor on 01.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Создание Сибирского отделения Академии наук СССР 18 мая 1957 г. как первого регионального отделения в ее составе явилось революционным шагом, позволившим осуществить реальную декомпозицию в размещении академического научного потенциала. Изначально руководству СО АН удалось добиться важной преференции – квоты на избрание в члены Академии наук на вакансии Сибирского отделения.

* **Сергей Александрович Красильников,** доктор исторических наук, профессор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com
Sergei Alexandrovich Krasilnikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

Данный принцип позволил через некоторое время довести долю членов регионального отделения (действительных членов и членов-корреспондентов) в составе членов Академии наук страны до 10 %. За полувековой период своего существования отделение пополнилось более чем 280 членами. В публикации на основе сформированной базы данных при обработке созданных стандартных биограмм указанных ученых проделан историко-статистический анализ, позволивший определить основные характеристики механизма пополнения членов Отделения в 1958–2007 гг. В нем обосновывается выделение двух фаз («пассионарной» и «эволюционной»), в ходе которых действовавшее первоначально разнообразие внешних и внутренних источников пополнения членов Отделения постепенно заменялось источниками элитного воспроизводства на собственной кадровой основе. Это повлекло за собой определенное снижение вертикальной карьерной мобильности региональной научной элиты.

Ключевые слова: Сибирское отделение Академии наук, членство, процедуры избрания, источники формирования, динамика и фазы пополнения состава.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023г.

Академия наук советской страны обладала различными измерениями, одним из которых следует с полным основанием считать символическое признание обществом заслуг научной корпорации в значительной степени благодаря именам видных отечественных ученых, входящих в состав членов Академии (действительные члены и члены-корреспонденты). За более чем семидесятилетний период советской истории членство Академии наук (АН) предусматривало две процедуры, взаимоисключающие друг друга: включение в состав членов АН через процедуры конкурсного избрания и исключение из корпорации, распространенное в сталинскую эпоху по ангажированным политическим причинам (арест с последующим заключением или расстрелом). Причем обе процедуры (включения и исключения) имели финальными актами постановления Общего собрания Академии, с той, однако, разницей, что в первом случае избрание новых членов Академии осуществлялось через вполне соблюдаемые избирательные процедуры – выдвижение кандидатов, обсуждение их научных заслуг, конкурсный отбор через отделение по наукам с последующим утверждением путем голосования предложенных кандидатур на Общем собрании. Во втором случае процедурно исключение из числа членов Академии по политическим причинам осуществлялось в редуцированном формате, через решение Общего собрания, где обсуждение заменялось осуждением репрессированных ученых. Впрочем, реабилитационные процедуры хрущевского времени со второй половины 1950-х гг. давали основание для справедливого акта восстановления в правах членов Академии через решения Президиума АН.

В настоящей публикации предметом рассмотрения выступает именно первый из названных выше процедурных моментов – включение в состав членов АН через избрание по допущенному впервые в истории советской науки не по дисциплинарному принципу – через общий конкурс, а в виде исключения через квоту, выделенную для первого регионального отделения Академии – Сибирского. Отступление от традиционной избирательной процедуры требовало достаточно серьезного организационно-нормативного сопровождения, начиная от партийно-правительственного решения о создании Сибирского отделения (СО) 18 мая 1957 г. до проведения первых выборов на вакансии СО, состоявшихся 28 марта 1958 г. Поскольку с данной отправной точки начался процесс динамики формирования региональной сибирской части членов Академии, нами поставлена цель рассмотреть последующий полувековой цикл пополнения данной элитной группы.

Персональный состав членов Академии ранее уже становился объектом внимания историков. В частности, к 25-летнему юбилею Отделения в 1982 г. вышел в свет краткий биографический справочник действительных членов и членов-корреспондентов, избранных

на тот момент на вакансии СО АН[1], а в 1987 г. автором данной публикации на основе справочного издания была опубликована аналитическая публикация[2]. Исследование базируется на созданной базе данных[3] благодаря биографическим сведениям, опубликованным к 50-летию создания Сибирского отделения в 2007 г. в справочном издании[4], включившем в себя 283 биограммы ученых, входивших в состав Отделения за указанный период по избранию и дальнейшей работе в его институтах. Структура биограмм выстроена таким образом, что в ней отражены основные этапы жизнедеятельности ученых, позволяющие проанализировать источники и формы пополнения ученых, включая тип учебного заведения, который они окончили, место работы до избрания в члены Отделения, а также последующую научную карьеру в его институтах. Это дает возможность в ходе анализа выстроить, хотя и отчасти формализованный, вариант своего рода коллективной биографии для данной элитной категории ученых, работавших в Сибири. Рабочая гипотеза состоит в том, что созданное практически с нуля региональное Отделение благодаря сформированному в нем ядру крупных ученых в сочетании с возглавляемыми ими научными школами стало той платформой, на которой происходило затем достаточно устойчивое кадровое пополнение Отделения новыми членами Академии из числа учеников, переехавших в Сибирь со своими научными лидерами. Этому же в немалой степени способствовало и то, что созданный почти одновременно с Сибирским отделением в 1959 г. Новосибирский государственный университет, территориально расположенный в Новосибирском научном центре и органично связанный с Отделением, готовил кадровое пополнение для СО, и его выпускники стали также устойчивым источником пополнения новых членов Академии по Сибирскому отделению. В результате в Отделении сформировался механизм воспроизводства членов Академии на собственной кадровой основе, особенно отчетливо проявившийся с 1970-х гг. Остается открытым вопрос о том, какое влияние на возрастание кадрового потенциала членов Отделения оказывает трансформация механизмов пополнения его высшего звена, когда соотношение первоначального пополнения извне меняется на воспроизводство на своей основе.

Отметим некоторые важные организационные моменты, предшествовавшие первым выборам в члены Академии на вакансии СО. Прежде всего, обратимся к процедурным аспектам, связанным с Общим собранием АН 2 ноября 1957 г., на котором принимались такие решения, как утверждение первого Устава СО, его руководителей, а также первой группы директоров вновь создаваемых институтов Отделения. Прежде всего, в Уставе предусматривался порядок, при котором СО закрепляло за собой преференцию финансирования отдельной строкой, помимо общеакадемического, а также обладало правом выделения целевых вакансий для избрания в члены Академии, хотя и путем проведения этого через стандартные избирательные процедуры, существовавшие в Академии. Иначе говоря, предложенные руководством СО кандидатуры получали своего рода гарантии того, что на Общем собрании АН данные претенденты не окажутся по каким-либо причинам забаллотированными. В то же время возникали и предсказуемые трения внутри самой академической элиты, связанные с неоднозначным отношением к инициаторам создания СО. В частности, в ходе голосования при баллотировке М.А. Лаврентьева на пост вице-президента АН против него высказались далеко не единицы академиков; то же имело место и при утверждении С.А. Христиановича в должности члена Президиума АН (против них проголосовали соответственно 10 и 25 % участвовавших в голосовании академиков)[5]. На том же Общем собрании происходило избрание первых 12 директоров институтов СО, входивших в состав ее новосибирской группы. Процедурно решения в отношении директорского корпуса проводились

[1] Академия наук СССР, Сибирское отделение: Персон. состав. Действ. чл., чл.-кор., 1957–1982. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982.

[2] *Красильников С.А.* Наукометрический анализ персонального состава Сибирского отделения АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 23–31.

[3] Автор выражает признательность канд. ист. наук С.Н. Ушаковой за участие в ее формировании.

[4] Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007.

[5] Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 2. Оп. 7. Д. 115. Л. 21, 22.

путем открытого голосования, которое дало единогласные результаты[6]. В данном случае важно отметить, что такого рода решение, состоявшееся за пять месяцев до будущих выборов на вакансии СО, давало практически бесспорные возможности избранным директорам институтов Отделения в ранге докторов наук для их избрания в члены Академии на вакансии СО.

Центральным вопросом состоявшегося 28 марта 1958 г. Общего собрания АН естественно оказались первые выборы в члены Академии (на вакансии действительных членов и членов-корреспондентов АН) по территориальному СО. Известно, что они проходили в обстановке повышенного, но доброжелательного внимания к ним со стороны членов АН. Этому предшествовала процедура работы конкурсной комиссии внутри СО с участием, помимо руководства Отделения, также и академиков – секретарей профильных отделений по областям науки – всего 11 человек. Именно их решение путем голосования являлось легитимным для представления в последующем одобренных кандидатур для голосования на Общем собрании Академии. Хотя общий суммарный результат работы конкурсной комиссии известен: отбор был жестким, при котором из имевшихся вакансий (8 академиков и 32 члена-корреспондента) на Общее собрание было вынесено 35 кандидатур (8 академиков и 27 членов-корреспондентов), т.е. пять вакансий оказались незаполненными[7]. Судя по приложенному протоколу заседаний конкурсной комиссии внутри самого СО, работой которой руководил академик Н.Н. Боголюбов, опираясь на результаты баллотировки кандидатов в члены-корреспонденты, незаполненными оказались две вакансии по специальностям «химия», две вакансии по специальности «механика» и одна вакансия по специальности «электроэнергетика»[8]. Отметим, однако, что не прошедшие в ходе выборов в 1958 г. два химика М.Ф. Шостаковский и Б.В. Птицын прошли успешно выборы в члены-корреспонденты в 1960 г. Важной характеристикой выборов 1958 г. на вакансии членов АН по СО являлось то, что почти все избранные в Академию новые члены, за исключением академика В.Д. Кузнецова, членов-корреспондентов Б.И. Пийпа, В.Б. Сочавы и Г.А. Хельквиста, избирались для работы в новосибирской группе институтов Отделения. Что касается «периферии» Отделения (Красноярск, Иркутск, Якутск и другие города), то избрание ученых в члены АН из институтов, расположенных там, происходило уже в ходе последующих выборов.

Подавляющее большинство нового пополнения дали московские институты и учреждения. В то же время среди членов Отделения «первого набора» оказалась и значительная группа ученых (четверть от избранных), уже работавших на тот момент в вузах и научных учреждениях в восточных районах страны: академик В.Д. Кузнецов, члены-корреспонденты В.А. и Ю.А. Кузнецовы, Ф.Н. Шахов, В.Н. Авдеев, Н.А. Чинакал, Т.Ф. Горбачев, Б.И. Пийп, Г.А. Хельквист. Таким образом, после выборов 1958 г. члены СО насчитывали 39 чел. (к трем академикам-организаторам и члену-корреспонденту Н.П. Дубинину присоединилось 35 вновь избранных членов АН), что составило около 8 % общей численности членов Академии. К 1982 г. (25-летию Отделения) в Сибири работало 77 членов Академии (23 академика и 54 члена-корреспондента), что позволило повысить удельный вес сибирского отряда среди членов Академии до 11 %. В последующие два с половиной десятилетия этот показатель в целом держится в пределах 10 %.

Всего в ходе выборов в члены Академии наук СССР – РАН с 1958 по 2006 г. состав СО пополнился 277 учеными (с учетом четверых упомянутых выше ученых). Из этого числа за первую четверть века существования Отделения его членами стали 138 чел. и почти столько же (139) пополнили эту группу в ходе выборов 1984–2006 гг. За полвека выборы на вакансии Отделения в рамках общих выборов в АН на вакансии по отраслям наук производились 22 раза: в 1960–1970-е гг. с периодичностью раз в два года, в 1980–2000-е с периодичностью раз в три года (исключение составили 1990, 1991 и 1992 гг., когда выборы

[6] АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 115. Л. 13.
[7] Там же. Д. 118. Л. 2.
[8] Там же. Л. 93–99.

проходили ежегодно, причем в 1992 г. только на вакансии академиков). Наиболее удачными для СО стали выборы 1981 г., когда 10 ученых Отделения повысили свой ранг, став академиками, и 15 ученых стали членами-корреспондентами, а также 1987 (12 и 21 чел.) и 1997 г. (13 и 19 чел. соответственно). Наименее результативными оказались выборы 1974 (1 и 1) и 1994 г. (4 и 6 соответственно). Некоторые из членов Отделения, ставшие членами-корреспондентами на вакансии СО, в дальнейшем избирались в действительные члены после отъезда из Сибири на общеакадемические вакансии (В.Л. Макаров, И.И. Новиков, Д.В. Ширков). И, напротив, несколько ученых (Г.А. Толстиков, В.М. Бузник) вошли в состав членов СО, переехав в академическом ранге из других территориальных Отделений. Ряд ученых, будучи избранными на вакансии СО и принимая участие в его работе, не покидали мест своей работы в Москве (Н.Н. Некрасов в СОПСе и А.В. Фокин в аппарате Президиума АН).

Важной характеристикой научной элиты Отделения является признак ее распределения по группам наук. За полувековой период Отделения совокупные данные следующие (в порядке убывания): науки о земле – 64 чел. (23,1 % от общей численности), физико-технические – 61 чел. (22,0 %), химические науки – 40 чел. (14,4 %), механика и энергетика – 34 чел. (12,3 %), математика и информатика – 33 чел. (11,9 %), общественные и гуманитарные науки – 23 чел. (8,3 %), науки о жизни – 22 чел. (7,9 %). При этом представительство ученых групп наук о земле в начальный период Отделения было доминирующим: в выборах 1958–1962 гг. членами Отделения стали 18 чел. (36,7 % от числа всех избранных). Далее же почти во всех последующих выборах наибольшее представительство (либо равное с горняками и геологами) получали ученые группы физико-технических наук.

Обращение к статистическим данным, фиксирующим некоторые очевидные признаки, отражающие механизмы профессиональной мобильности, позволяет взглянуть на научную элиту Сибири в контексте процессов ее складывания и эволюции на протяжении полувека. По признаку времени окончания вуза основная часть ученых «первого призыва» (1958–1962) получила вузовское образование в период 1926–1955 гг. (57,1 %). Для следующей группы (избранные в 1964–1968 гг.) основной стала группа, вышедшая из вузов в 1936–1941 гг. (34,1 %), для избранных в 1970–1974 – 1951–1955 гг. (40 %), для избранных в 1976–1981 гг. – также в 1951–1955 (48,7 %), для избранных в 1984–1990 гг. – в 1956–1960 гг. (32,0 %), то же для избранных в 1991–1997 гг. (33,3 %), для избранных в 2000–2006 гг. – в 1971–1975 гг. (31,7 %). Среди членов Отделения двое окончили вузы до революции (В.Д. Кузнецов, Н.А. Чинакал) и семеро в годы Отечественной войны. Наибольшее число членов Отделения (99 чел., или около трети) окончили вузы в 1950-е гг. (*диаграмма 1*). По такому показателю, как временной интервал, с момента окончания вуза до избрания в члены-корреспонденты АН наблюдается следующая динамика: для избранных до создания СО этот усредненный показатель являлся самым коротким (18,4 года), для избранных в период становления СО он колебался от 22 (по выборам в 1964–1974 гг.) до 26,5 лет (для избранных в 1958–1962 гг.). Во второй фазе (эволюция) для избранных в члены Отделения в 1980–2000-е гг. фиксируется удлинение интервала (для избранных в 1984–1990 гг. показатель достиг 29,0 лет, для избранных в 2000–2006 гг. – 32,7 года). Пики представлены: минимальный у Ю.Л. Ершова – 7 лет и максимальный 49 лет – у К.В. Боголепова (кроме В.Д. Кузнецова и Н.А. Чинакала как окончивших вузы до революции).

Признак распределения членов Отделения по месту получения высшего образования дает основание считать, что за период существования Отделения основную роль играли вузы, расположенные в западных районах страны (их окончили 174 чел., или 62,8 %), в том числе московские вузы (84 чел., или 30,3 %), ленинградские (петроградские) (53 чел., или 19,1 % от общей численности членов Отделения). Среди вузов восточных районов страны преобладали учебные заведения Западной Сибири (их окончили 73 чел., или 26,4 %). В этой группе на новосибирские вузы пришлось 39 чел., на томские – 32 чел. При этом в сопоставлении двух периодов (*диаграммы 2, 3*) видно, что если в 1958–1981 гг. доля Москвы достигала 40 % и Ленинграда (Петрограда) 26 %, то затем в 1984–2006 гг. ситуация радикально изменилась: выпускники вузов Западной Сибири (Новосибирска и Томска) составили

41 % среди пополнения членов Отделения, тогда как доля московских выпускников снизилась до 21 %, Ленинграда до 11 %. Среди шести вузов, давших высшему звену Отделения более 10 выпускников, виден приоритет МГУ (46 чел.), далее идет НГУ (32 чел.), ЛГУ (24 чел.), ТГУ (17 чел.), ТПИ (15 чел.), ИрГУ (13 чел.). Здесь прослеживается всевозрастающее значение НГУ: если 1970-е гг. дали для научной элиты Отделения только одного выпускника (Ю.Л. Ершов), выборы 1980-х гг. – шестерых, 1990-х гг. – 10, то выборы 2000-х гг. дали пополнение из 15 выпускников НГУ (36,6 % от числа избранных в 2000–2006 гг.). Более половины (57 %) членов Отделения получили университетское образование, 11 % окончили политехнические институты, 16 % – другие технические вузы, 8 % – горные и геологические институты (*диаграммы 4, 5*).

Другой важной характеристикой в формировании научной элиты Сибири является территориальное размещение ученых на момент перехода на работу в Сибирское отделение (*диаграммы 6, 7*). За все годы существования Отделения 130 чел. (46,9 %) работали в НИУ и вузах западных районов страны, в том числе 80 чел. (28,9 %) в Москве, 69 чел. (24,9 %) в восточных районах, в том числе в Западной Сибири 38 чел. (13,7 %). 78 чел. (28,2 %) начали работать в СО АН – РАН сразу после окончания вузов. Примечательно распределение ученых по секторам науки (академическая, вузовская, отраслевая) на момент перехода в Отделение (*диаграммы 8, 9*). Всего за полвека Отделения основная группа ученых пришла в СО из других академических институтов (99 чел., или 35,7 % от общей численности), из вузов пришли 50 чел. (18,1 %), из отраслевых НИУ – 31 чел. (11,2 %), 19 чел. (6,9 %) – из различных сфер экономики. Остальные 78 чел. пришли в СО сразу после учебы в вузах, о чем уже говорилось выше. При этом наиболее значительной была доля институтов АН в период становления СО, достигая в 1960-х – первой половине 1970-х гг. 3/4 пополнения членов Отделения. Во второй половине 1970-х – 1980-е гг. академические НИИ и вузы имели примерно равное значение как каналы рекрутирования кадров для научной элиты Отделения. Со второй половины 1980-х гг. и в настоящее время основным каналом выступают выпускники вузов: это характерно для 70,7 % ученых, пополнивших состав членов Отделения в ходе выборов 2000–2006 гг.

Рассмотренное в срезе демографической статистики сообщество ученых – членов Отделения обнаруживает ряд характеристик, в том числе сочетание и соотношение статики и динамики, в том числе по такому признаку, как возраст избрания в члены Академии. Так же как в свое время (канун войны, война, послевоенный период) радикальные изменения в составе АН СССР дали толчок для стремительной по меркам Академии статусной карьеры (С.Л. Соболев прошел путь от члена-корреспондента до академика в возрастном диапазоне 25–31 год, а С.А. Христианович в возрасте 31–35 лет соответственно), так и Сибирское отделение на стадии своего становления (вторая половина 1960-х гг.) дало столь же впечатляющие отдельные примеры: А.Н. Скринский достиг аналогичных статусных результатов в возрастном диапазоне 32–34 года, а Р.З. Сагдеев – в возрасте 32–36 лет соответственно. Членами-корреспондентами в возрасте до 35 лет в 1960–1970-е гг. стали Д.В. Ширков, А.Г. Аганбегян, Ю.Л. Ершов, Г.А. Месяц, до 40 лет Г.И. Марчук, В.А. Коптюг, А.П. Деревянко, А.А. Боровков, А.П. Ершов, К.И. Замараев, М.И. Каргаполов, Д.Д. Рютов, В.А. Сидоров, Р.И. Солоухин, М.М. Лаврентьев, Ю.Н. Молин, Ю.Е. Нестерихин. Всего же в совокупности среди членов СО за период с 1957 по 1982 г. по возрасту избрания в члены Академии до 40 лет данная возрастная когорта составила 27 чел. (каждый пятый!). В 1980–2000-е гг. имели место только отдельные случаи пополнения состава членов Отделения в таком возрасте, в частности В.И. Молодин.

Среди членов Отделения следует назвать группу ученых – крупных организаторов отечественной науки, входивших в число руководства АН – РАН. Г.И. Марчук являлся президентом АН СССР в 1986–1991 гг. Вице-президентами Академии были М.А. Лаврентьев, Г.И. Марчук, В.А. Коптюг, Н.Л. Добрецов, А.Л. Яншин, Г.А. Месяц, членами Президиума и академиками-секретарями Отделений по наукам – С.А. Христианович, А.А. Трофимук, В.И. Молодин, А.Г. Аганбегян, Б.С. Соколов, А.Н. Скринский, А.П. Деревянко,

В.Л. Макаров, А.Г. Гранберг, Н.А. Шило. ВАК СССР – РФ в разные годы возглавляли Е.И. Шемякин и Г.А. Месяц.

Значительная группа членов Отделения была удостоена звания Героя Социалистического Труда, в том числе до работы в Сибирском отделении: А.А. Трофимук (1944), Т.Ф. Горбачев (1948), С.Л. Соболев (1951), В.Д. Кузнецов (1957), а также М.А. Лаврентьев, Г.К. Боресков, Н.А. Чинакал (1967), Л.А. Мелентьев, Л.В. Киренский, П.Я. Кочина, С.А. Христианович (1969), Г.И. Марчук (1975), В.С. Соболев, А.П. Окладников (1978), Н.Н. Яненко, А.Л. Яншин (1981), С.С. Кутателадзе, П.И. Мельников (1984), В.Е. Зуев (1985), В.А. Коптюг, М.Ф. Решетнев, Р.З. Сагдеев (1986), Г.В. Сакович (1990). Среди ученых, удостоенных высшего ордена СССР – ордена Ленина, С.Л. Соболев был удостоен данной награды семь, С.А. Христианович шесть, М.А. Лаврентьев пять раз.

В изучаемый период в постсоветское время ряд ученых Отделения удостоился высшей российской награды – ордена «За заслуги перед Отечеством»: А.Н. Скринский (II, III, IV степени), Н.Л. Добрецов (II степени), Г.В. Сакович, П.Я. Кочина, А.Л. Яншин, А.А. Трофимук (III степени), А.Г. Гранберг, А.П. Деревянко, С.Н. Багаев, А.А. Боровков, А.Э. Конторович (IV степени). Высшей научной награды АН СССР – РАН – Золотой медали им. М.В. Ломоносова были удостоены М.А. Лаврентьев (1977), С.Л. Соболев (1989, посмертно). В честь ряда выдающихся ученых – членов Отделения учреждены золотые медали и именные премии АН – РАН (М.А. Лаврентьев, Л.В. Канторович).

В контексте процессов мобильности в науке логичным следует рассматривать формирование механизма, при котором Сибирское отделение играло и играет ныне роль своеобразного «донора» для других региональных отделений и Академии в целом по подготовке научной элиты. Так, в институтах Отделения происходило становление ряда известных ученых, ставших членами АН – РАН после отъезда из Сибири (В.В. Алексеев, А.А. Галеев, Ю.И. Журавлев, В.Е. Захаров).

В постсоветский период мобильность ученых высшего ранга пополнилась еще одним видом: помимо традиционного канала «оттока» в европейскую часть страны, несколько ученых в силу ряда причин (профессиональных или семейных) переехали за рубеж (Р.З. Сагдеев, Д.Д. Рютов, Р.И. Салганик, Б.В. Войцеховский).

Выводы. В динамике формирования научной элиты Отделения за первые полвека отчетливо выделяются две фазы: «*пассионарная*», характерная для первого двадцатилетия, когда происходит пополнение СО как за счет ученых извне (из институтов АН вне Сибири и из других неакадемических секторов науки и высшей школы), так и за счет начавшегося карьерного роста ученых внутри институтов Отделения (своего рода «сибирский плавильный котел»). Следующая фаза с начала 1980-х гг. характеризуется как «*эволюционная*», в ходе которой новое пополнение Отделения происходит устойчиво на собственной кадровой основе. В то же время снижение открытости и разнообразия в действии различных источников элитного научного пополнения приводило к формированию внутрикорпоративной замкнутости как в силу воспроизводства за счет представителей тех или иных доминирующих в конкретных дисциплинах научных школ и направлений, так и вследствие общего принципа пополнения региональной элитной общности по принципу «свой – чужой». Практически единичными становились источники пополнения из среды ученых, основным местом работы которых оставались неакадемические секторы науки (вузовский и отраслевой).

Наличие двух фаз в динамике пополнения состава членов АН по СО прослеживается и через показатели интенсивности карьерного роста (высокая – средняя – низкая), измеряемые по двум показателям: возраст вхождения в элитную группу и период между окончанием вуза и временем избрания ученого в члены-корреспонденты. В «пассионарной» фазе каждый пятый избирался в члены-корреспонденты в возрасте до 40 лет, а период между окончанием вуза и временем избрания в элитную группу в среднем составлял 23 года. В «эволюционной» фазе избрание в элиту до 40 лет приняло единичный характер, а усредненный интервал от вузовского диплома до избрания в члены АН вырос до 30 и более лет.

С точки зрения признака места получения членами СО высшего образования («Запад – Восток») при сопоставлении двух выделенных выше фаз также прослеживается определенная динамика. Если в первой из них доля выпускников московских вузов (МГУ и отчасти МФТИ) доминировала, то в «эволюционной» фазе Новосибирский университет постепенно замещал в новых пополнениях ученых место МГУ.

С точки зрения соотношения внутри членов СО представителей различных групп наук применительно к двум обозначенным выше фазам трансформации в ее составе существенных изменений в сложившихся в первые два десятилетия пропорциях не произошло. Здесь представители двух групп (науки о Земле и физико-технические) составляли около половины членов АН по СО (*диаграммы 10, 11*).

Отмеченные выше характеристики действия механизмов формирования элитной региональной группы ученых за первые полвека существования СО дают основание для вывода о том, что своим созданием оно реализовало свое революционное предназначение (успешный прецедент реальной деконцентрации академического научного потенциала страны) и в то же время в последующем воспроизвело в Сибирском регионе ту же самую традиционную для отечественной науки центр-периферийную модель, где Новосибирский научный центр закрепил свою доминирующую роль по отношению к научной периферии в регионе.

* * *

Приложения

Диаграмма 1

Распределение членов АН по СО по времени окончания вуза, %

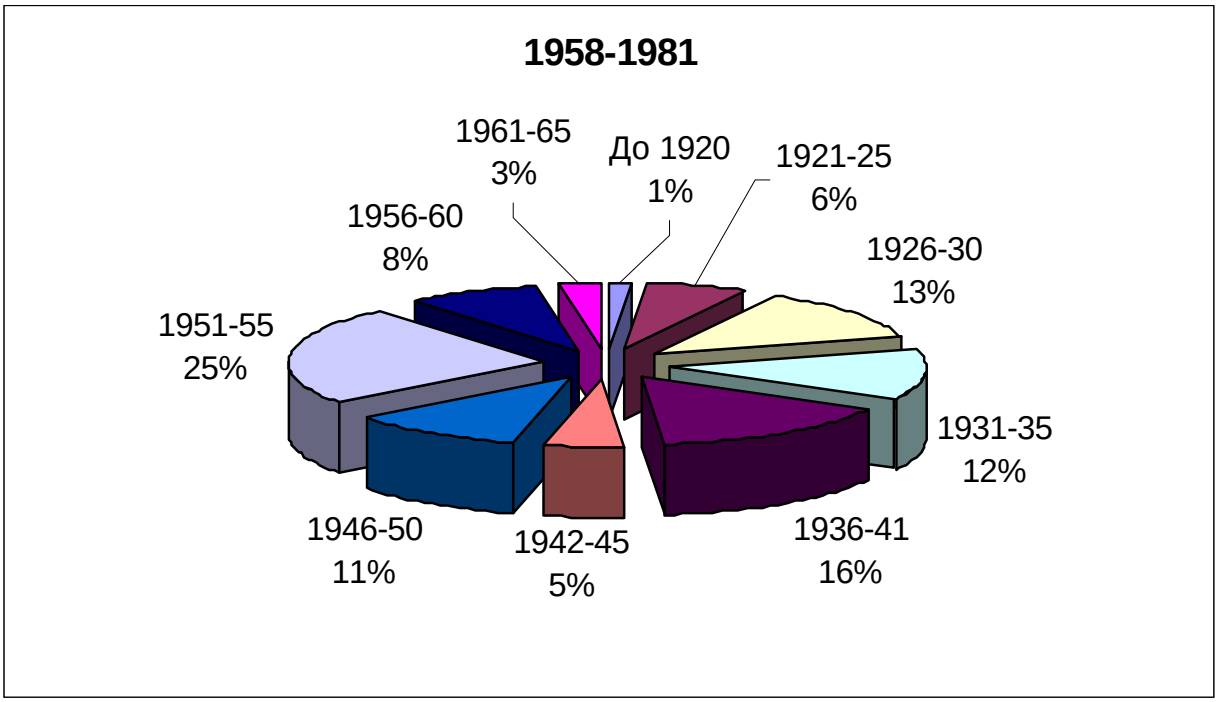


Диаграмма 2

Распределение по месту получения высшего образования (1958–1981), %

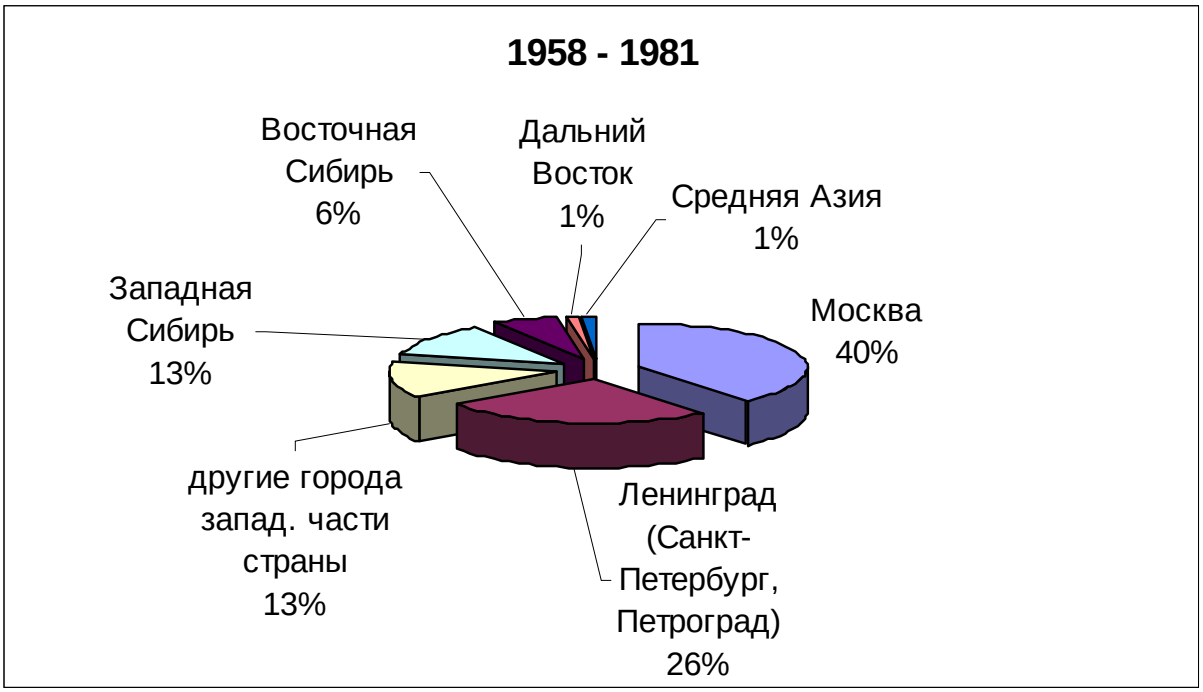


Диаграмма 3

Распределение по месту получения высшего образования (1984–2006), %

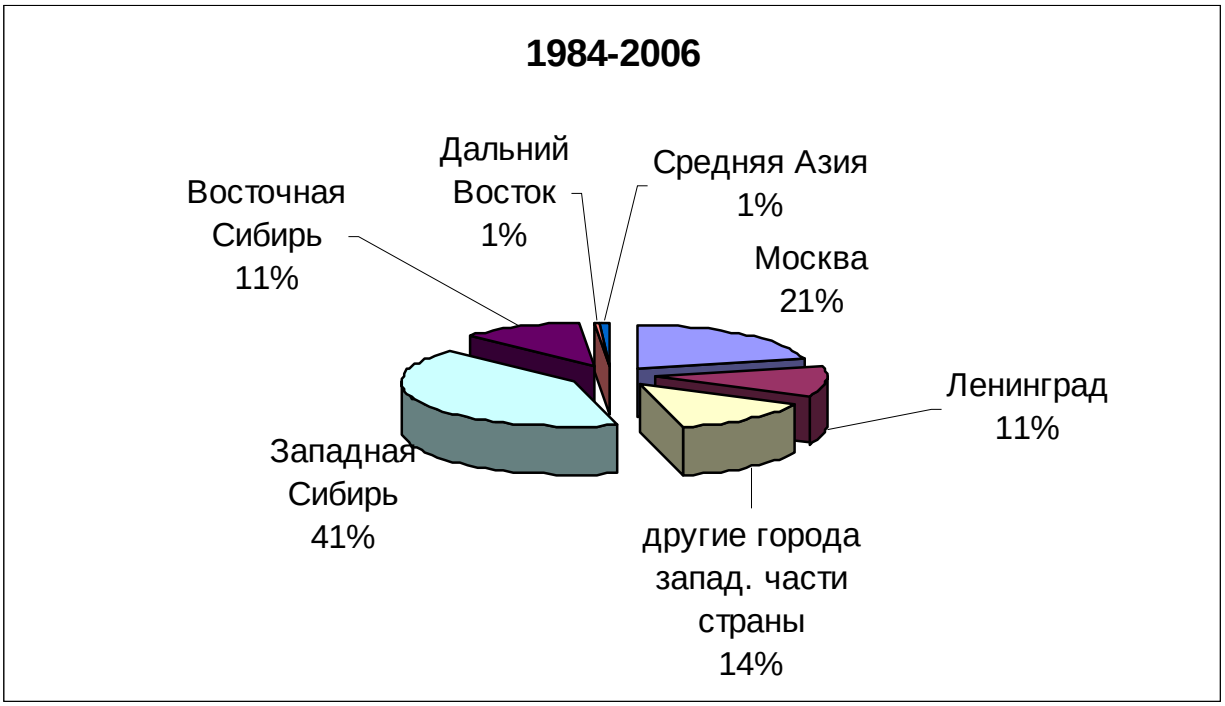


Диаграмма 4

Распределение по типам оконченных вузов (1958–1981), %

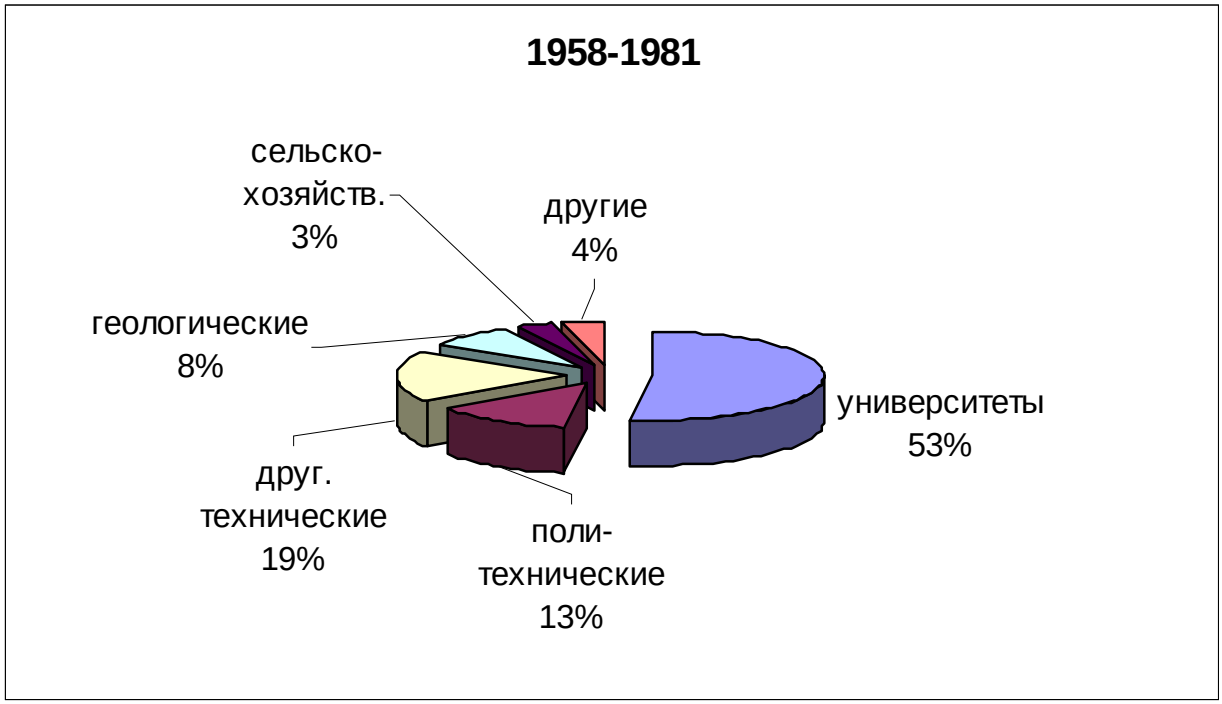


Диаграмма 5

Распределение по типам оконченных вузов (1984–2006), %

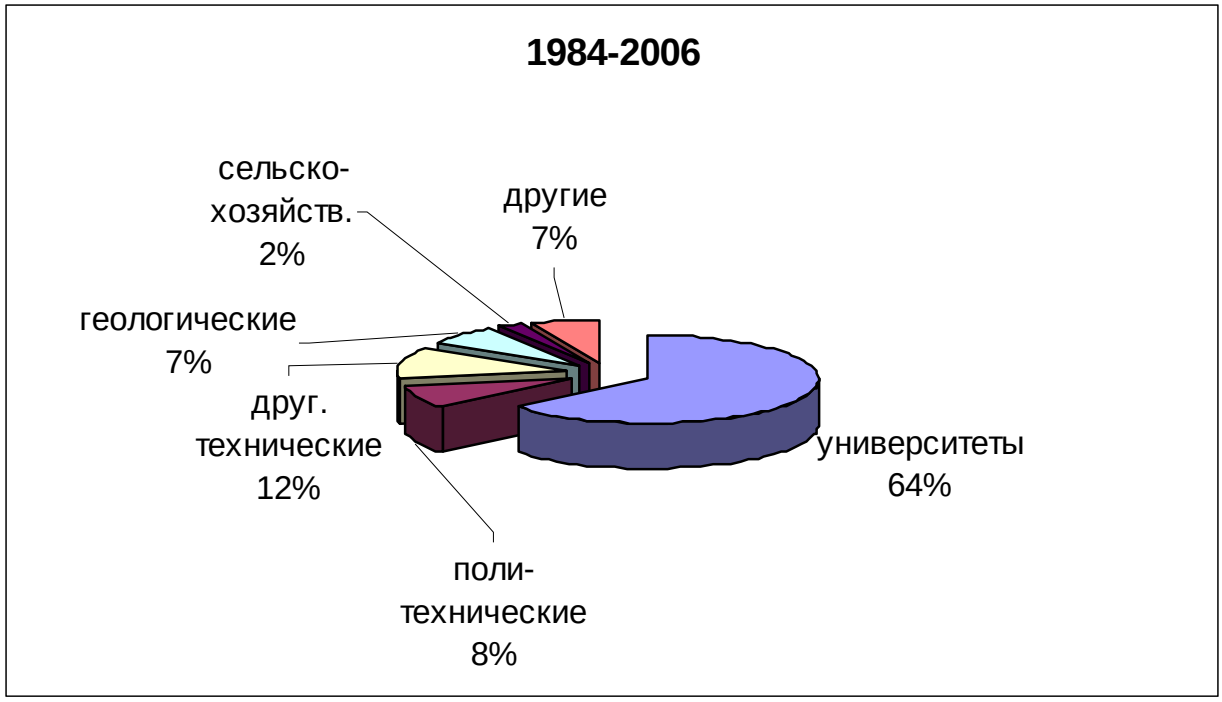


Диаграмма 6

Территориальное размещение к моменту перехода в СО (1958–1981), %

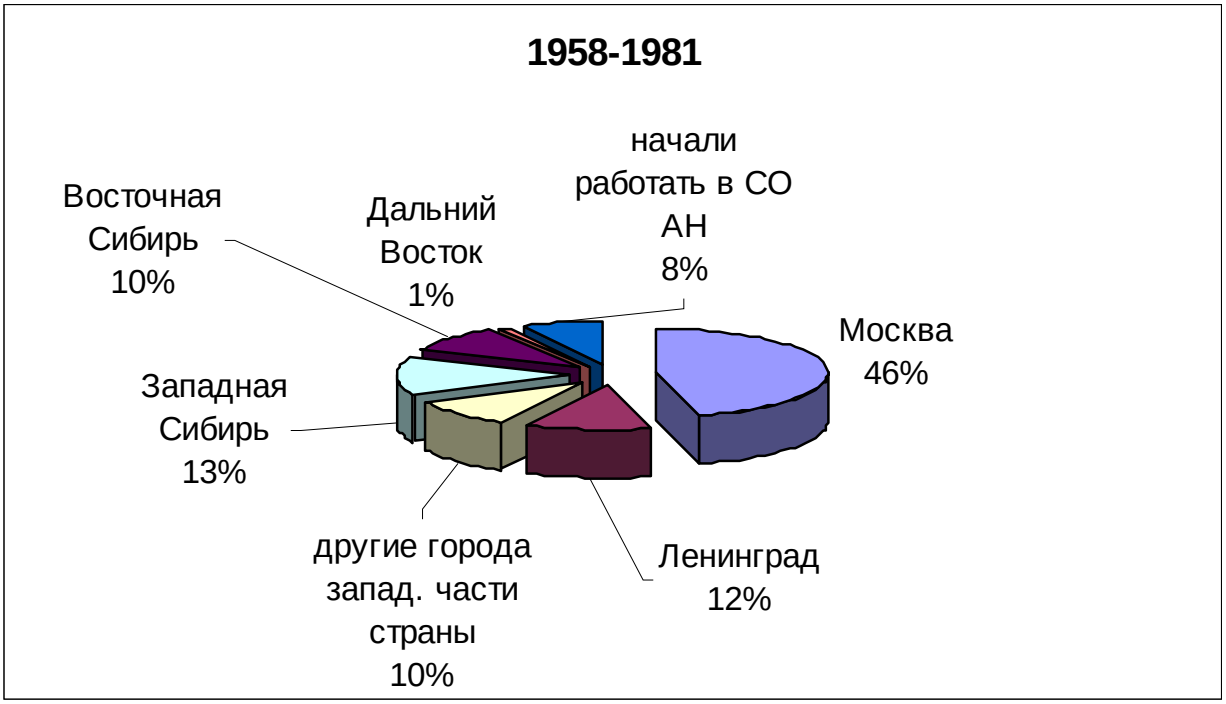


Диаграмма 7

Территориальное размещение к моменту перехода в СО (1984–2006), %

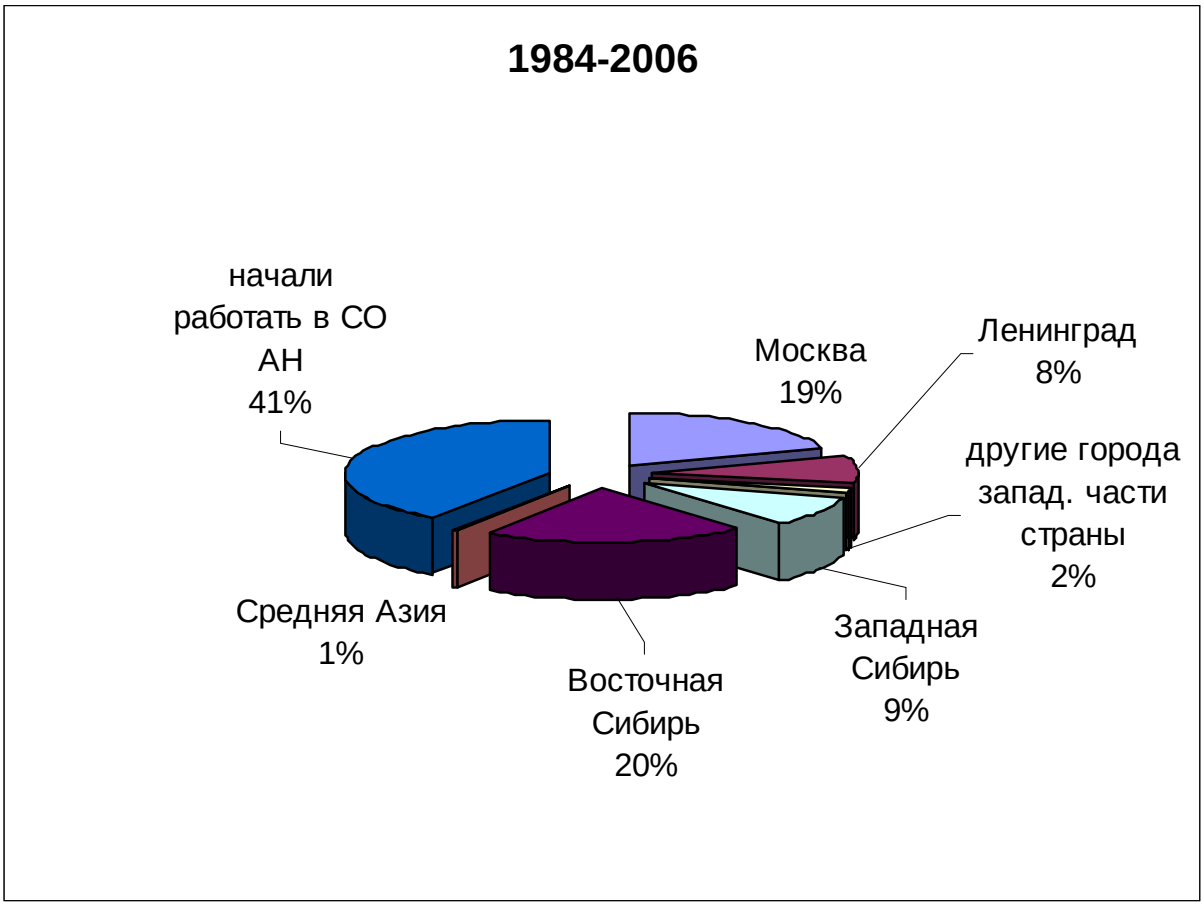


Диаграмма 8

Распределение по секторам науки, вузам и другим отраслям до работы в СО (1958–1981),%

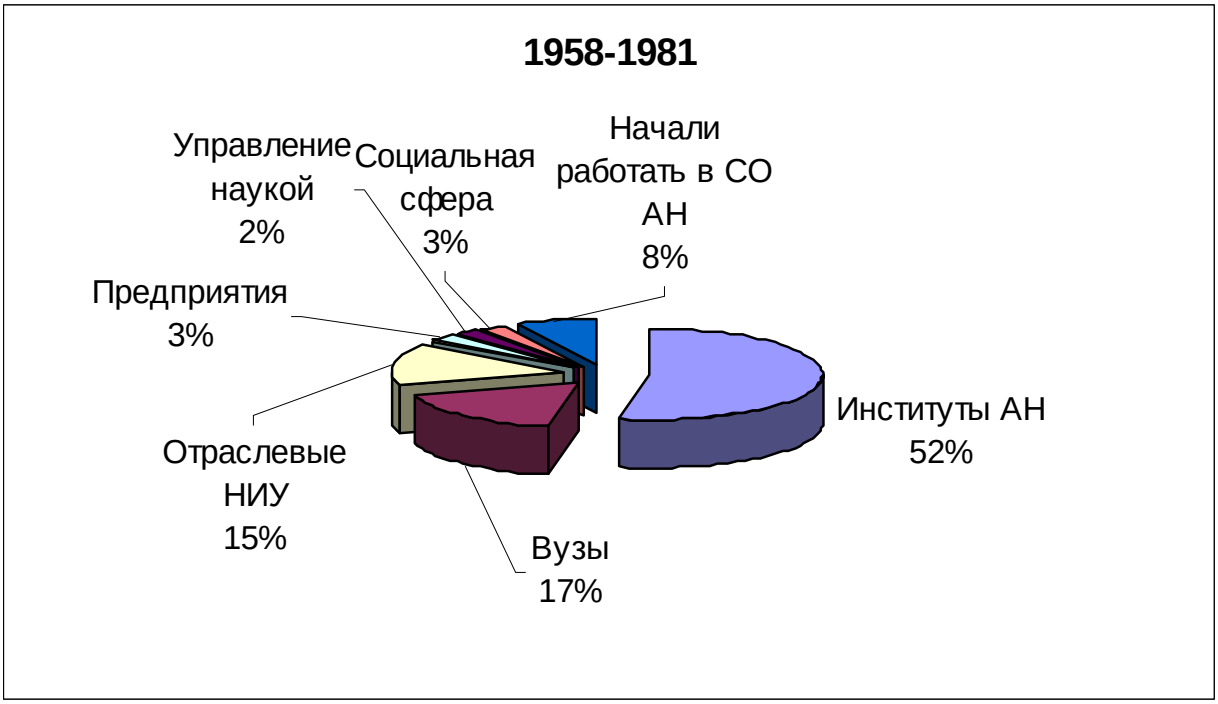


Диаграмма 9

Распределение по секторам науки, вузам и другим отраслям до работы в СО (1984–2006), %

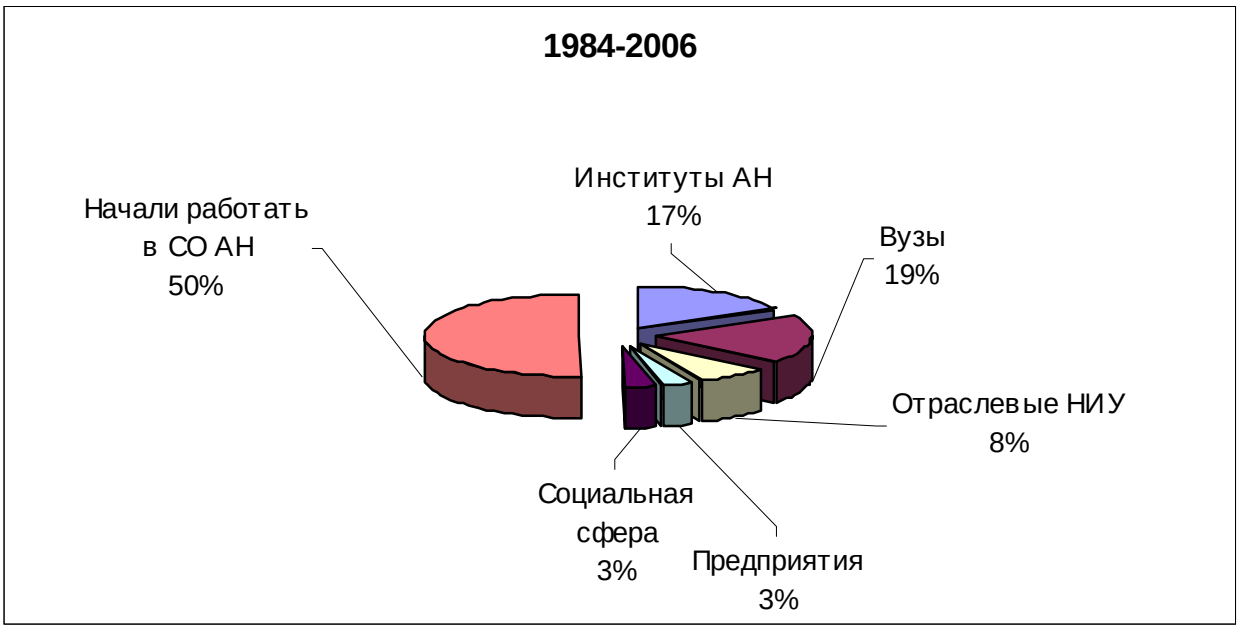


Диаграмма 10

Распределение членов СО по группам наук (1958–1981), %

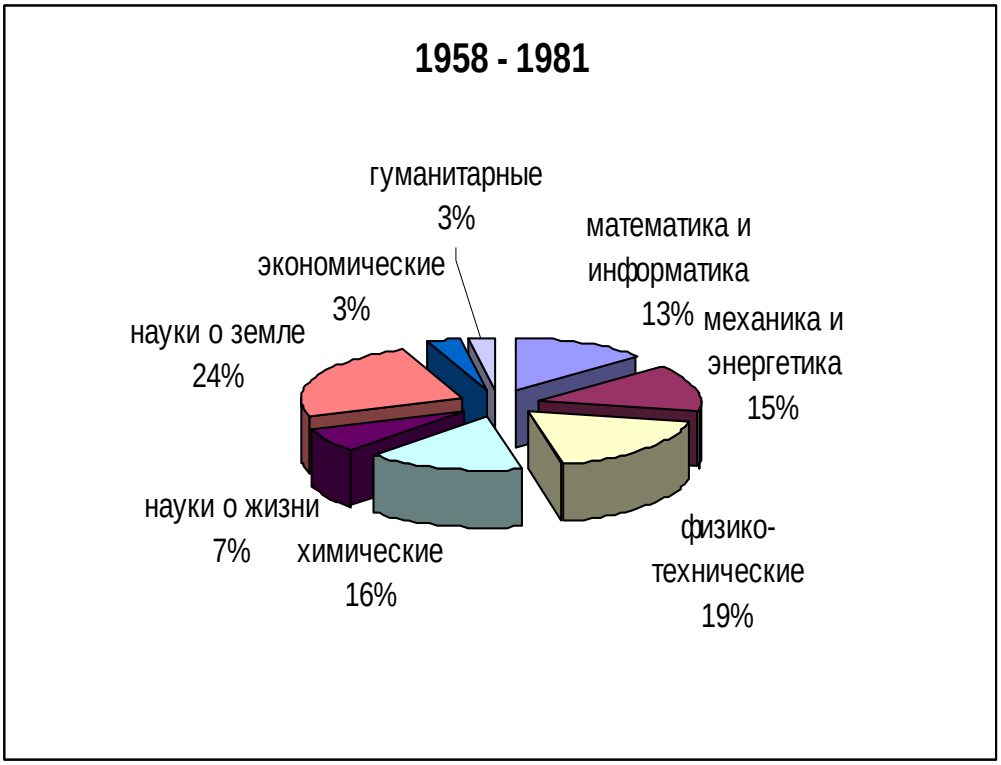
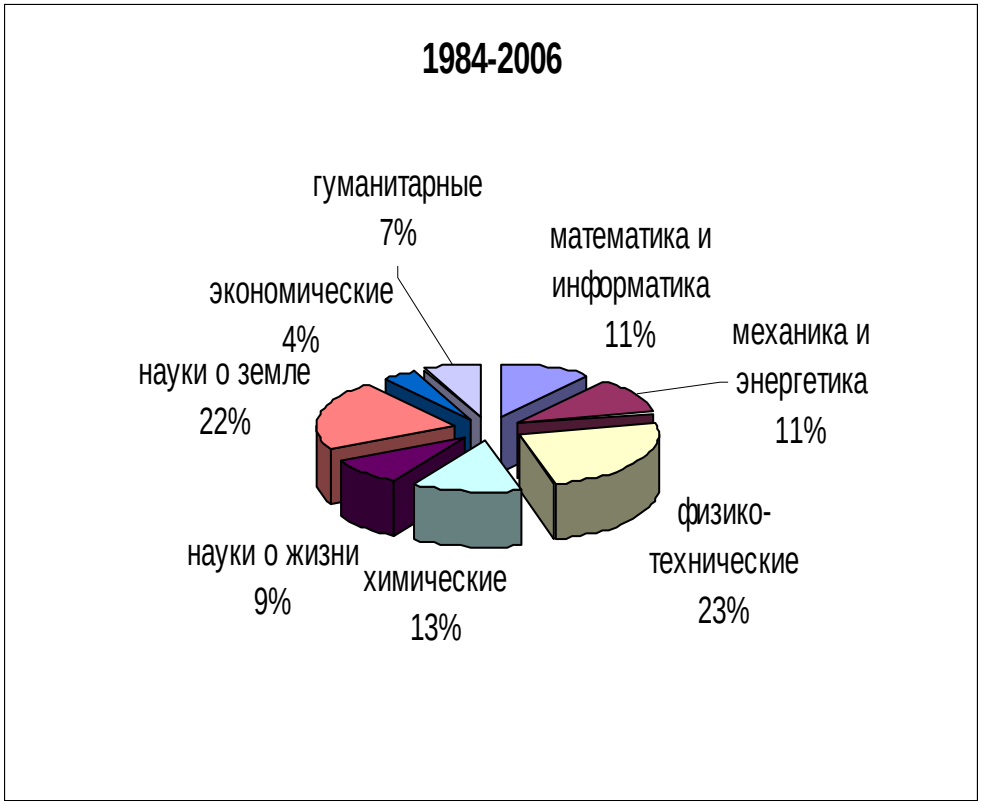


Диаграмма 11

Распределение членов СО по группам наук (1984–2006), %



Литература

Академия наук СССР, Сибирское отделение: Персон. состав. Действ. чл., чл.-кор., 1957–1982 / предисл. В.Л. Макарова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 117 с.

Красильников С.А. Наукометрический анализ персонального состава Сибирского отделения АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 23–31.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев и др. Новосибирск: Наука, 2007. 601 с.

References

Krasil’nikov, S.A. (1987). Naukometricheskiy analiz personal’nogo sostava Sibirskogo otdeleniya AN SSSR [Scientometric Analysis of the Personnel of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 3, pp. 23–31.

Makarov, V.L. (Preface). (1982). *Akademiya nauk SSSR, Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav. Deystvitel’nye chleny-korrespondenty, 1957–1982* [Academy of Sciences of the USSR, Siberian Branch: Personal Composition. Full Members, Corresponding Members, 1957–1982]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 117 p.

Vodichev, E.G. and others (Comp.). (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: personal’nyy sostav* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personnel]. Novosibirsk, Nauka. 603 p.